

Владиміръ Короленко.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

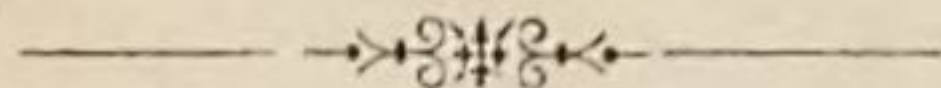
[1.]

1) Въ дурномъ обществѣ.—2) Сонъ Макара.—3) Лѣсъ шумить.—4) Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—5) Въ поделѣдственномъ отдѣленіи.—6) Старый звонарь.—7) Очерки сибирскаго туриста.—8) Соколинецъ.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, соб. домъ.

1893.

ВЪ ДУРНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній моего пріятеля.)

1*
М. П.
Владимиръ Короленко

OF THE

(continued)

ВЪ ДУРНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній моего пріятеля.)

I.

Развалины.

...Моя мать умерла, когда мнѣ было шесть лѣтъ. Отецъ, весь отдавшись своему горю, какъ будто совсѣмъ забылъ о моемъ существованіи. Порой онъ ласкалъ мою маленькую сестру и по-своему заботился о ней, потому что въ ней были черты матери. Я же росъ какъ дикое деревцо въ полѣ,—никто не окружалъ меня особенною заботливостью, но никто и не стѣснялъ моей свободы.

Мѣстечко, гдѣ мы жили, называлось Княжье-Вѣно или, проще, Княжь-Городокъ. Оно принадлежало одному захудалому, но гордому польскому роду и представляло всѣ типическія черты любого изъ мелкихъ городовъ Юго-западнаго края, гдѣ, среди тихо струящейся жизни тяжелаго труда и мелко-суетливаго еврейскаго гешефта, доживаютъ свои печальные дни жалкіе останки гордаго панскаго величія.

Если вы подъѣзжаете къ мѣстечку съ востока, вамъ

прежде всего бросается въ глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшеніе города. Самый городокъ раскинулся внизу надъ сонными, заплѣсневѣвшими прудами, и къ нему приходится спускаться по отлоному шоссе, загороженному традиціонною „заставой“. Сонный инвалидъ, порыжѣлая на солнцѣ фигура, олицетвореніе безмятежной дремоты, лѣнливо подымаетъ шлагбаумъ и — вы въ городъ, хотя быть-можетъ не замѣчаете этого сразу. Сѣрые заборы, пустыри съ кучами всякаго хлама по-пемногу перемежаются съ подслѣповатыми, ушедшими въ землю „хатками“. Далѣе широкая площадь зіяетъ въ разныхъ мѣстахъ темными воротами еврейскихъ „заѣзжихъ домовъ“; казенныя учрежденія наводятъ уныніе своими бѣлыми стѣнами и казарменно-ровными линіями. Деревянный мостъ, перекинутый черезъ узкую рѣчушку, кряхтитъ, вздрагивая подъ колесами, и шатается, точно дряхлый старикъ. За мостомъ потянулась еврейская улица съ магазинами, лавками, лавчонками, столами евреевъ-мѣнялъ, сидящихъ подъ зонтами на тротуарахъ, и съ навѣсами калачницъ. Вонь, грязь, кучи ребятъ, ползающихъ въ уличной пыли. Но вотъ еще минута и — вы уже за городомъ. Тихо шепчутся березы надъ могилами кладбища, да вѣтеръ волнуетъ хлѣба на нивахъ и звенитъ унылою, безконечною пѣсней въ проволокахъ придорожнаго телеграфа.

Рѣчка, черезъ которую перекинутъ упомянутый мостъ, вытекала изъ пруда и впадала въ другой. Такимъ образомъ, съ сѣвера и юга городокъ ограждался широкими водяными гладами и топиями. Пруды годъ отъ году ме-

лѣли, заростали зеленою, и высокіе густые камыши волновались, какъ море, на громадныхъ болотахъ. Посрединѣ одного изъ прудовъ находился островъ. На островѣ—старый, полуразрушенный зѣмокъ.

Я помню, съ какимъ страхомъ я смотрѣлъ всегда на это величавое дряхлое зданіе. О немъ ходили преданія и рассказы одинъ другого страшнѣе. Говорили, что островъ насыпанъ искусственно руками плѣнныхъ турокъ. „На костяхъ человѣческихъ стоитъ старое зѣмчище“, передавали старожилы, и мое дѣтское испуганное воображеніе рисовало подъ землей тысячи турецкихъ скелетовъ, поддерживающихъ костлявыми руками островъ съ его высокими пирамидальными тополями и старымъ зѣмкомъ. Отъ этого, понятно, зѣмокъ казался еще страшнѣе, и даже въ ясные дни, когда, бывало, ободренные свѣтомъ и громкими голосами птицъ, мы подходили къ нему поближе, онъ нерѣдко наводилъ на насъ припадки паническаго ужаса,—такъ сташно глядѣли на насъ черныя впадины давно выбитыхъ оконъ; въ пустыхъ залахъ ходилъ таинственный шорохъ: камешки и штукатурка, отрываясь, падали внизъ, будя гулкое эхо, и мы бѣжали безъ оглядки, а за нами долго еще стояли стукъ, и топотъ, и гоготанье.

А въ бурныя осеннія ночи, когда гиганты-тополи качались и гудѣли отъ налетавшаго изъ-за прудовъ вѣтра, ужасъ разливался отъ стараго зѣмка и царилъ надъ всѣмъ городомъ. „Ой вей-миръ!“—пугливо произносили евреи; богобоязненные старыя мѣщанки крестились, и даже нашъ ближайшій сосѣдъ, кузнецъ, отрицавшій са-

мое существованіе бѣсовской силы, выходя въ эти часы на свой дворикъ, творилъ крестное знаменіе и шепталъ про себя молитву объ упокоеніи усопшихъ.

Старый, сѣдобородый Янушъ, за неимѣніемъ квартиры пріютившійся въ одномъ изъ подваловъ зѣмка, рассказывалъ намъ неоднократно, что въ такія ночи онъ явственно слышалъ, какъ изъ-подъ земли неслись крики. Турки начинали возиться подъ островомъ, стучали костями и громко укоряли пановъ въ жестокости. Тогда въ залахъ стараго зѣмка и вокругъ него на островѣ бряцало оружіе, и паны громкими криками сзывали гайдуковъ. Янушъ слышалъ совершенно явственно, подъ ревъ и завываніе бури, топотъ коней, звяканье сабель, слова команды. Однажды онъ слышалъ даже, какъ покойный прадѣдъ нынѣшнихъ графовъ, прославленный на вѣчныя вѣки своими кровавыми подвигами, выѣхалъ, стуча копытами своего аргамака, на середину острова и неистово ругался: „Молчите тамъ, лайдаки, пся вяря!“

Потомки этого графа давно уже оставили жилище предковъ. Бóльшая часть дукатовъ и всякихъ сокровищъ, отъ которыхъ прежде ломились сундуки графовъ, перешла за мостъ, въ еврейскія лачуги, и послѣдніе представители славнаго рода выстроили себѣ прозаическое бѣлое зданіе на горѣ, подальше отъ города. Тамъ протекало ихъ скучное, но все же торжественное существованіе въ презрительно-величавомъ уединеніи. Изрѣдка только старый графъ, такая же мрачная развалина, какъ и зѣмокъ на островѣ, появлялся въ городѣ на своей старой англійской клячѣ. Рядомъ съ нимъ, въ черной амазонкѣ,

величавая и сухая, проѣзжала по городскимъ улицамъ его дочь, а сзади почтительно слѣдовалъ шталмейстеръ. Величественной графинѣ суждено было навсегда остаться дѣвой. Равные ей по происхожденію женихи, въ погонѣ за деньгами купеческихъ дочекъ за границей, малодушно разсѣялись по свѣту, оставивъ родовые замки или продавъ ихъ на сломъ жидамъ, а въ городишкѣ, разстилавшемся у подножія ея дворца, не было юноши, который бы осмѣлился поднять свои взоры на красавицу-графиню. Завидѣвъ этихъ трехъ всадниковъ, мы, малые ребята, какъ стая птицъ, снимались съ мягкой уличной пыли и, быстро разсѣявшись по дворамъ, испуганно-любопытными глазами слѣдили за мрачными владѣльцами страшнаго замка.

Въ западной сторонѣ, на горѣ, среди истлѣвшихъ крестовъ и провалившихся могилъ, стояла давно заброшенная уніатская часовня. Это была родная дочь разстилавашагося въ долину собственно обывательскаго города. Нѣкогда въ ней собирались, по звону колокола, горожане въ чистыхъ, хотя и не роскошныхъ „кунтушахъ“, съ палками въ рукахъ, вмѣсто сабель, которыми гремѣла мелкая „шляхта“, тоже являвшаяся на зовъ звонкаго уніатскаго колокола изъ окрестныхъ деревень и хуторовъ.

Отсюда былъ виденъ островъ и его темные громадныя тополи, но замокъ сердито и презрительно закрывался отъ часовни густою зеленью, и только въ тѣ минуты, когда юго-западный вѣтеръ вырывался изъ-за камышей и налеталъ на островъ, тополи гулко качались и

изъ-за нихъ проблескивали окна, и замокъ, казалось, кидалъ на часовню угрюмые взгляды. Теперь и онъ, и она были трупы. У него глаза потухли и въ нихъ не сверкали отблески вечерняго солнца; у нея кое-гдѣ провалилась крыша, стѣны осыпались и, вмѣсто гулкаго, съ высокимъ тономъ, мѣднаго колокола, совы заводили въ ней по ночамъ свои зловѣщія пѣсни.

Но старая, историческая рознь, раздѣлявшая нѣкогда гордый панскій замокъ и мѣщанскую униатскую часовню, продолжалась и послѣ ихъ смерти: ее поддерживали копошившіеся въ этихъ дряхлыхъ трупахъ черви, занимавшіе уцѣлѣвшіе углы подземелья, подвалы. Этими могильными червями умершихъ зданій были люди.

Было время, когда старый замокъ служилъ даровымъ убѣжищемъ всякому бѣдняку безъ малѣйшихъ ограниченій. Все, что не находило себѣ мѣста въ городѣ, всякое выскочившее изъ колеи существованіе, потерявшее, по той или другой причинѣ, возможность платить хотя бы и жалкіе гроши за кровъ и уголь на ночь и въ непогоду, — все это тянулось на островъ и тамъ, среди мрачныхъ, грозившихъ паденіемъ развалинъ, преклоняло свои побѣдныя головушки, платя за гостепріимство лишь рискомъ быть погребенными подъ грудami стараго мусора. „Живетъ въ замкѣ“ — эта фраза стала формулой для выраженія крайней степени нищеты и гражданскаго паденія. Старый замокъ радушно принималъ и покрывалъ и перекатную голь, и временно обнищавшаго писца, и сиротливыхъ старушекъ, и безродныхъ бродягъ. Всѣ эти существа терзали внутренности дряхлаго зданія, обламы-

вая потолки и полы, топили печи, что-то варили, чѣмъ-то питались,—вообще, отправляли неизвѣстнымъ образомъ свои жизненные функціи. *früher das Leben*

Однако настали дни, когда среди этого общества, ютившагося подъ кровомъ сѣдыхъ руинъ, возникло раздѣленіе, пошли раздоры. Тогда старый Янушъ, бывшій нѣкогда однимъ изъ мелкихъ графскихъ „оффиціалистовъ“, *meiner von dem das Leben f. d. Leben* выхлопоталъ себѣ нѣчто вродѣ владѣтельной хартіи и узурпировалъ бразды правленія. Онъ приступилъ къ преобразованіямъ, и нѣсколько дней на островѣ стоялъ такой шумъ, раздавались такіе вопли, что по временамъ казалось, ужь не турки ли вырвались изъ подземныхъ темницъ, чтобъ отомстить утѣснителямъ-панамъ. Это Янушъ сортировалъ населеніе развалинъ, *hell* отдѣляя овецъ отъ козлищъ. Овцы, оставшіяся по-прежнему въ замкѣ, помогали Янушу изгонять несчастныхъ козлищъ, которые упирались, *temper* выказывая отчаянное, но бесполезное сопротивленіе. Когда, наконецъ, при молчаливомъ, но, тѣмъ не менѣе, довольно существенномъ содѣйствіи будочника, порядокъ вновь водворился на островѣ, то оказалось, что переворотъ имѣлъ рѣшительно аристократическій характеръ. Янушъ оставилъ въ замкѣ только „добрыхъ христіанъ“, т.-е. католиковъ, и, притомъ, преимущественно бывшихъ слугъ или потомковъ слугъ графскаго рода. Это были все какіе-то старики въ потертыхъ сюртукахъ и „чамаркахъ“, съ громадными синими носами и суковатыми палками,—старухи крикливыя и безобразныя, но сохранившія на послѣднихъ ступеняхъ обнищанія свои капоры и салоны. *Frucht* *bestanden*

Всѣ они составили однородный, тѣсно сплоченный аристократическій кружокъ, взявшій какъ бы монополію признаннаго нищенства. Въ будни эти старики и старухи ходили, съ молитвой на устахъ, по домамъ болѣе зажиточныхъ горожанъ и средняго мѣщанства, разнося сплетни, жалуясь на судьбу, проливая слезы и кланча, а по воскресеньямъ они же составляли почетнѣйшихъ лицъ изъ той публики, что длинными рядами выстраивалась около костеловъ и величественно принимала подачки во имя „пана Іисуса“ и „панны Богоматери“.

Привлеченные шумомъ и криками, которые во время этой революціи неслись съ острова, я и нѣсколько моихъ товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, какъ Янушъ, во главѣ цѣлой арміи красноносыхъ старцевъ и безобразныхъ мегеръ, гналъ изъ зámка послѣднихъ, подлежащихъ изгнанію, жильцовъ. Наступилъ вечеръ. Туча, нависшая надъ высокими вершинами тополей, уже сыпала дождикомъ. Какія-то несчастныя темныя личности, запахиваясь изорванными до-нельзя лохмотьями, испуганныя, жалкія и сконфуженныя, совались по острову, точно кроты, выгнанные изъ норъ мальчишками, стараясь вновь незаметно шмыгнуть въ какое-нибудь изъ отверстій зámка. Но Янушъ и мегеры съ крикомъ и ругательствами гоняли ихъ отовсюду, угрожая кочергами и палками, а въ сторонѣ стоялъ молчаливый будочникъ, тоже съ увѣсистую дубиной въ рукахъ, сохранявшій вооруженный нейтралитетъ, очевидно, дружественный торжествующей партіи. И несчастныя темныя личности

по-неволѣ, понурясь, скрывались за мостомъ, навсегда оставляя островъ, и одна за другой тонули въ слякотномъ сумракѣ быстро спускавшагося вечера.

Съ этого памятнаго вечера и Янушъ, и старый замокъ, отъ котораго прежде вѣяло на меня какимъ-то смутнымъ величіемъ, потеряли въ моихъ глазахъ всю свою привлекательность. Бывало, я любилъ приходить на островъ и хотя издали любоваться его сѣрыми стѣнами и замшоною старою крышей. Когда на зарѣ изъ него выползали разнообразныя фигуры, зѣвавшія, кашлявшія и крестившіяся на солнце, я и на нихъ смотрѣлъ съ какимъ-то уваженіемъ, какъ на существа облеченныя тою же таинственностью, которою былъ окутанъ весь замокъ. Они спятъ тамъ ночью, они слышатъ все, что тамъ происходитъ, когда въ огромныя залы сквозь выбитыя окна заглядываетъ луна или когда въ бурю въ нихъ врывается вѣтеръ. Я любилъ слушать, когда, бывало, Янушъ, усѣвшись подъ тополями, съ болтливостью 70-лѣтняго старика, начиналъ рассказывать о славномъ прошломъ умершаго зданія. Передъ дѣтскимъ воображеніемъ вставали, оживая, образы прошедшаго и въ душу вѣяло величавою грустью и смутнымъ сочувствіемъ къ тому, чѣмъ жили нѣкогда понуря стѣны, и романтическія тѣни чужой старины пробѣгали въ юной душѣ, какъ пробѣгаютъ въ вѣтренный день легкія тѣни облаковъ по свѣтлой зелени чистаго поля.

Но съ того вечера и замокъ, и его бардъ явились передо мной въ новомъ свѣтѣ. Встрѣтивъ меня на дру-

гой день вблизи острова, Янушъ сталъ зазывать меня къ себѣ, увѣряя съ довольнымъ видомъ, что теперь „сынъ такихъ почтенныхъ родителей“ смѣло можетъ посѣтить замокъ, такъ какъ найдетъ въ немъ вполне порядочное общество. Онъ даже привелъ меня за руку къ самому замку, но тутъ я со слезами вырвалъ у него свою руку и пустился бѣжать. Замокъ сталъ мнѣ отвратителенъ. Окна въ верхнемъ этажѣ были заколочены, а низъ находился во владѣніи капоровъ и салоповъ. Старухи выползали оттуда въ такомъ непривлекательномъ видѣ, льстили мнѣ такъ приторно, ругались между собой такъ громко, что я искренно удивлялся, какъ это строгій покойникъ, усмиравшій турокъ въ бурныя ночи, могъ терпѣть этихъ старухъ въ своемъ сосѣдствѣ. Но главное — я не могъ забыть холодной жестокости, съ которою торжествующіе жильцы замка гнали своихъ несчастныхъ сожителей, а при воспоминаніи о темныхъ личностяхъ, оставшихся безъ крова, у меня сжималось сердце.

Какъ бы то ни было, на примѣрѣ стараго замка я узналъ впервые истину, что отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ. Великое въ замкѣ поросло плющомъ и павиликой, а смѣшное казалось мнѣ отвратительнымъ, слишкомъ рѣзало дѣтскую воспріимчивость, такъ какъ иронія этихъ контрастовъ была мнѣ еще недоступна.

II.

Проблематическія натуры.

Нѣсколько ночей послѣ описаннаго переворота на островѣ городъ провелъ очень безпокойно: лаяли собаки, скрипѣли двери домовъ, и обыватели, то и дѣло выходя на улицу, стучали палками по заборамъ, давая кому-то знать, что они бодрствуютъ. Городъ зналъ, что по его улицамъ въ ненастной тѣмѣ дождливой ночи бродятъ люди, которымъ голодно и холодно, которые дрожатъ и мокнутъ; понимая, что въ сердцахъ этихъ людей способны зародиться въ отношеніи къ нему лишь жестокія чувства, городъ насторожился и на-встрѣчу этимъ чувствамъ высылалъ лишь угрозу. А ночь, какъ нарочно, спускалась на землю среди холоднаго ливня и уходила, оставляя надъ землею низко бѣгущія тучи. И вѣтеръ бушевалъ среди ненастья, качая верхушки деревьевъ, стуча ставнями и напѣвая мнѣ въ моей постели о десяткахъ людей, лишенныхъ тепла и крова.

Но вотъ весна окончательно восторжествовала надъ послѣдними порывами зимы, солнце высушило землю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бездомные скитальцы куда-то схлынули. Собачій лай по ночамъ уgomонился, обыватели перестали стучать по заборамъ, и жизнь города, сонная и однообразная, пошла своею колеей. Горячее іюньское солнце, выкатываясь на небо, жгло пыльные улицы, загоняя подъ навѣсы юркихъ сыновъ Израиля, торговавшихъ въ городскихъ лавкахъ; „факторы“ лѣниво валялись на

солнопекѣ, зорко выглядывая проѣзжающихъ и „гешэфты“; скрипъ чиновничьихъ перьевъ слышался въ открытыя окна присутственныхъ мѣстъ; по утрамъ городскія дамы сновали съ корзинками по базару, а подъ вечеръ важно выступали подъ руку съ своими благовѣрными, подымая уличную пыль пышными шлейфами. Старики и старухи изъ зámка чинно ходили по домамъ своихъ покровителей, не нарушая общей гармоніи. Обыватель охотно призналъ ихъ право на существованіе, находя совершенно основательнымъ, чтобы кто-нибудь получалъ милостыню по субботамъ, а обитатели стараго зámка получали ее вполне respectfully.

Только несчастные изгнанники не нашли и теперь въ городѣ своей колеи. Правда, они не слонялись по улицамъ ночью; говорили, что они нашли пріютъ гдѣ-то на горѣ, около уніатской часовни, но какъ они ухитрились пристроиться тамъ, никто не могъ сказать въ точности. Всѣ видѣли только, что съ той стороны, съ горъ и овраговъ, окружавшихъ часовню, спускались въ городъ по утрамъ самыя невѣроятныя и подозрительныя фигуры, которыя въ сумерки удалялись въ томъ же направленіи. Своимъ появленіемъ онѣ возмущали тихое и дремливое теченіе городской жизни, выдѣляясь на сѣренькомъ фонѣ мрачными пятнами. Обыватели косились на нихъ съ враждебною тревогой; онѣ, въ свою очередь, окидывали обывательское существованіе безпокойно-внимательными взглядами, отъ которыхъ многимъ становилось жутко. Эти фигуры нисколько не походили на ари-

стократическихъ нищихъ изъ зámка,—городъ ихъ не признавалъ, да онѣ и не просили признанія; ихъ отношенія къ городу имѣли чисто-боевой характеръ: онѣ предпочитали ругать обывателя, чѣмъ льстить ему,—брать самимъ, чѣмъ выпрашивать. Онѣ или жестоко страдали отъ преслѣдованій, если были слабы, или заставляли страдать обывателей, если обладали нужною для этого силой. Притомъ, какъ это случается нерѣдко, среди этой оборванной и темной толпы несчастливцевъ встрѣчались лица, которыя по уму и талантамъ могли бы сдѣлать честь избраннѣйшему обществу зámка, но не ужились въ немъ и предпочли демократическое общество уніатской часовни. Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ были отмѣчены чертами глубокаго трагизма.

До сихъ поръ я помню очень живо, какъ весело грохотала улица, когда по ней проходила согнутая, унылая фигура стараго „профессора“. Это было тихое, угнетенное идиотизмомъ существо, въ старой фризовой шинели, въ шапкѣ съ огромномъ козырькомъ и почернѣвшей кокардой. Ученое званіе, какъ кажется, было присвоено ему вслѣдствіе смутнаго преданія, будто гдѣ-то и когда-то онъ былъ гувернеромъ. Трудно себѣ представить существо болѣе безобидное и смирное. Обыкновенно онъ тихо бродилъ по улицамъ, повидимому, безъ всякой опредѣленной цѣли, съ тусклымъ взглядомъ и понуренною головой. Досужіе обыватели знали за нимъ два качества, которыми пользовались въ видахъ жестокаго развлеченія. „Профессоръ“ вѣчно бормоталъ что-то про себя, но ни одинъ человѣкъ не могъ разобрать въ этихъ рѣчахъ ни

слова. Онѣ лились точно журчаніе мутнаго ручейка, и при этомъ тусклые глаза глядѣли на слушателя, какъ бы стараясь вложить въ его душу неуловимый смыслъ длинной рѣчи. Его можно было завести какъ машину; для этого любому изъ долговязыхъ „факторовъ“, дремавшихъ на улицахъ, стоило подозвать къ себѣ старика и предложить какой-либо вопросъ. Профессоръ покачивалъ головой, вдумчиво вперивъ въ слушателя свои выцвѣтшіе глаза, и начиналъ бормотать что-то до бесконечности грустное. При этомъ слушатель могъ спокойно уйти или хотя бы заснуть, и все же, проснувшись, онъ увидѣлъ бы надъ собой печальную, темную фигуру, все такъ же тихо бормочущую непонятныя рѣчи. Но, само по себѣ, это обстоятельство не составляло еще ничего особенно интереснаго. Главный эффе́ктъ уличныхъ верзилъ былъ основанъ на другой чертѣ профессорскаго характера: несчастный не могъ равнодушно слышать упоминанія о рѣжущихъ и колющихъ орудіяхъ. Поэтому, обыкновенно, въ самый разгаръ непонятной элоквенціи, слушатель, вдругъ поднявшись съ земли, вскрикивалъ рѣзкимъ голосомъ: „Ножи, ножницы, иголки, булавки!“ Тогда бѣдный старикъ, такъ внезапно пробужденный отъ своихъ мечтаній, взмахивалъ руками, точно подстрѣленная птица, испуганно озирался и хватался за грудь. О, сколько страданій остаются непонятными долговязымъ факторамъ лишь потому, что страдающій не можетъ внушить представленія о нихъ посредствомъ здороваго удара кулакомъ! А бѣдняга-профессоръ только озирался съ глубокою тоской, и невыразимая мука слы-

шлась въ его голосѣ, когда, обращая къ мучителю свои тусклые глаза, онъ говорилъ, судорожно царапая пальцами по груди:

— За сердце... за сердце крючкомъ!... за самое сердце!...

Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что этими криками у него истерзано сердце, но, повидимому, это-то именно обстоятельство и способно было нѣсколько развлечь досужаго и скучающаго обывателя. И бѣдный профессоръ торопливо удалялся, еще ниже опуская голову, точно опасаясь удара; а за нимъ гремѣли раскаты довольнаго смѣха и досужіе обыватели выскакивали на улицу, а въ воздухѣ, точно удары кнута, хлестали все тѣ же крики: „Ножи, ножницы, иголки, булавки!“

Надо отдать справедливость изгнанникамъ изъ зѣмка: они крѣпко стояли другъ за друга, и если на толпу, преслѣдовавшую профессора, налеталъ въ это время съ двумя-тремя оборванцами панъ Туркевичъ или въ особенности отставной штыкъ-юнкеръ Заусайловъ, то многихъ изъ этой толпы постигала жестокая кара. Штыкъ-юнкеръ Заусайловъ, обладавшій громаднымъ ростомъ, сизо-багровымъ носомъ и свирѣпо выкаченными глазами, давно уже объявилъ открытую войну всему живущему, не признавая ни перемирій, ни нейтралитетовъ. Всякій разъ послѣ того, какъ онъ натыкался на преслѣдуемаго профессора, долго не смолкали его бранные крики; онъ носился тогда по улицамъ подобно Тамерлану, уничтожая все, попадавшееся на пути грознаго шествія; такимъ образомъ онъ практиковалъ еврейскіе погромы, задолго до ихъ возникновенія, въ широкихъ размѣрахъ;

попадавшихся ему въ плѣнъ евреевъ онъ всячески истязалъ, а надъ еврейскими дамами совершалъ гнусности, пока, наконецъ, экспедиція браваго штыкъ-юнкера не кончалась на съѣзжей, куда онъ неизмѣнно водворялся послѣ жестокихъ схватокъ съ бутарями, причемъ обѣ стороны проявляли не мало геройства.

Другую фигуру, доставлявшую обывателямъ развлеченіе зрѣлищемъ своего несчастія и паденія, представлялъ отставной и совершенно спившійся чиновникъ Лавровскій. Обыватели помнили еще недавнее время, когда Лавровскаго величали не иначе, какъ „панъ писарь“, когда онъ ходилъ въ вицъ-мундирѣ съ мѣдными пуговицами, повязывая шею восхитительными цвѣтными платочками. Вѣроятно, это обстоятельство только придавало болѣе пикантности зрѣлищу его настоящаго положенія. Переворотъ въ жизни пана Лавровскаго совершился быстро: для этого стоило только пріѣхать въ Княжье-Вѣно блестящему драгунскому офицеру, который прожилъ въ городѣ всего двѣ недѣли, но въ это время успѣлъ побѣдить и увезти съ собою бѣлокурую панну, дочь богатаго трактирщика. Съ тѣхъ поръ обыватели ничего не слыхали о красавицѣ Аннѣ, такъ какъ она навсегда исчезла съ ихъ горизонта. А Лавровскій остался со всѣми своими цвѣтными платочками, но безъ надежды, которая скрашивала раньше жизнь мелкаго чиновника. Теперь онъ уже давно не служилъ. Гдѣ-то въ маленькомъ мѣстечкѣ осталась его семья, для которой онъ былъ нѣкогда надеждой и опорой; но теперь онъ ни о чемъ не заботился. Въ рѣдкія трезвыя минуты жизни онъ быстро проходилъ по

улицамъ, потупясь и ни на кого не глядя, какъ бы подавляемый стыдомъ собственнаго существованія, ходилъ онъ оборванный, грязный, обросшій длинными, нечесанными волосами, выдѣляясь сразу изъ толпы и привлекая всеобщее вниманіе; но самъ онъ какъ будто не замѣчалъ никого и ничего не слышалъ. Изрѣдка только онъ кидалъ безумные взгляды, въ которыхъ отражалось недоумѣніе: чего хотятъ отъ него эти чужіе и незнакомые ему люди? Что онъ имъ сдѣлалъ и почему они такъ упорно преслѣдуютъ его своими насмѣшками? Порой, въ минуты этихъ проблесковъ сознанія, когда до слуха его долетало имя панны съ бѣлокурою косой, въ сердцѣ его поднималось бурное бѣшенство; глаза Лавровскаго загорались мрачнымъ пламенемъ на блѣдномъ лицѣ, и онъ со всѣхъ ногъ кидался на-встрѣчу толпѣ, которая быстро разбѣгалась. Подобныя вспышки, хотя и очень рѣдкія, странно подзадоривали любопытство скучающаго бездѣлья; немудрено поэтому, что когда Лавровскій, потупясь, проходилъ по улицамъ, слѣдовавшая за нимъ толпа, безуспѣшно старавшаяся вывести его изъ апатіи, начинала съ досады швырять въ него грязью и камнями.

Когда же Лавровскій бывалъ пьянъ, то какъ-то упорно выбиралъ темные углы подъ заборами, никогда не просыхавшія лужи и тому подобныя экстраординарныя мѣста, гдѣ онъ могъ рассчитывать, что его не замѣтятъ. Тамъ онъ садился, вытянувъ длинныя ноги и свѣсивъ на грудь свою побѣдную головушку. Уединеніе и водка вызывали въ немъ приливъ откровенности, желаніе излить тяжелое горе, угнетающее душу, и онъ начиналъ безконеч-

ныя повѣствованія о своей молодой загубленной жизни. При этомъ онъ обращался къ сѣрымъ столбамъ стараго забора, къ березкѣ, снисходительно шептавшей что-то надъ его головой, къ сорокамъ, которыя съ бабьимъ любопытствомъ подскакивали къ этой мрачной, слегка только копошившейся фигурѣ.

Если кому-либо изъ насъ, малыхъ ребятъ, удавалось выслѣдить его въ этомъ положеніи, мы тихо окружали его и слушали съ замирапіемъ сердечнымъ длинные и ужасающіе рассказы. Волосы становились у насъ дыбомъ и мы со страхомъ смотрѣли на блѣднаго чело-вѣка, обвинявшаго себя во всевозможныхъ преступленіяхъ. Если вѣрить собственнымъ словамъ Лавровскаго, онъ убилъ родного отца, вогналъ въ могилу мать, заморилъ сестеръ и братьевъ. Мы не имѣли причинъ не вѣрить этимъ ужаснымъ признаніямъ; насъ только удивляло то обстоятельство, что у Лавровскаго было, повидимому, нѣсколько отцовъ, такъ какъ одному онъ пронзалъ мечомъ сердце, другого изводилъ медленнымъ ядомъ, третьяго топилъ въ какой-то пучинѣ. Мы слушали, объятые ужасомъ и участіемъ, пока языкъ Лавровскаго, все болѣе заплетавшійся, не отказывался, наконецъ, произносить членораздѣльные звуки и благодѣтельный сонъ прекращалъ покайныя изліянія. Взрослые смѣялись надъ нами, говоря, что все это враки, что родители Лавровскаго умерли своею смертию, отъ голода и болѣзней. Но мы, чуткими ребячьими сердцами, слышали въ его столахъ вопли искренней скорби и, принимая аллегоріи несчастнаго буквально, были, все-таки, бли-

же къ истинному пониманію этой трагически-свихнувшейся жизни.

Когда голова Лавровскаго опускалась еще ниже и изъ горла слышался храпъ, прерываемый нервными всхлипываніями,—маленькія дѣтскія головки наклонялись тогда надъ несчастнымъ. Мы внимательно вглядывались въ его лицо, слѣдили за тѣмъ, какъ тѣни преступныхъ дѣяній пробѣгали по немъ и во снѣ, какъ нервно сдвигались брови и губы сжимались въ жалостную, почти подѣтски плачущую гримасу.

— Уббью!—вскрикивалъ онъ вдругъ, чувствуя во снѣ безпредметное безпокойство отъ нашего присутствія, и тогда мы кидались врозь испуганною стаей.

Случалось, что, въ такомъ положеніи соннаго, его заливало дождемъ, засыпало пылью, а нѣсколько разъ, осенью, даже буквально заносило снѣгомъ; и если онъ не погибъ преждевременною смертію, то этимъ, безъ сомнѣнія, былъ обязанъ заботамъ о своей грустной особѣ другихъ, подобныхъ ему, несчастливцевъ, и, главнымъ образомъ, заботамъ веселаго пана Туркевича, который, сильно пошатываясь самъ, разыскивалъ его, тормошилъ, ставилъ на ноги и уводилъ съ собою.

Панъ Туркевичъ принадлежалъ къ числу людей, которые, какъ самъ онъ выражался, не даютъ себѣ плевать въ кашу, и въ то время, какъ профессоръ и Лавровскій пассивно страдали, Туркевичъ являлъ изъ себя особу веселую и благополучную во многихъ отношеніяхъ. Начать съ того, что, не справляясь ни у кого объ утвержденіи, онъ сразу произвелъ себя въ генералы и

требовалъ отъ обывателей соотвѣтствующихъ этому званію почестей. Такъ какъ никто не смѣлъ оспаривать его права на этотъ титулъ, то вскорѣ панъ Туркевичъ совершенно проникся и самъ вѣрой въ свое величіе. Выступалъ онъ всегда очень важно, грозно насупивъ брови и обнаруживая во всякое время полную готовность сокрушить кому-нибудь скулы, что, повидимому, считалъ необходимѣйшею прерогативой генеральскаго званія. Если же по временамъ его беззаботную голову посѣщали на этотъ счетъ какія-либо сомнѣнія, то, изловивъ на улицѣ перваго встрѣчнаго обывателя, онъ грозно спрашивалъ:

— Кто я по здѣшнему мѣсту, а?

— Генералъ Туркевичъ!— смиренно отвѣчалъ обыватель, чувствовавшій себя въ затруднительномъ положеніи, и тогда Туркевичъ немедленно отпускалъ его, величественно покручивая усы.

— То-то же!

А такъ какъ при этомъ онъ умѣлъ еще совершенно особеннымъ образомъ шевелить своими тараканьими усами и былъ неистощимъ въ прибауткахъ и островахъ, то неудивительно, что его постоянно окружала толпа досужихъ слушателей и ему были даже открыты двери лучшей „рестораціи“, въ которой собирались за биліардомъ пріѣзжіе помѣщики. Если сказать правду, бывали нерѣдко случаи, когда панъ Туркевичъ вылеталъ оттуда съ быстротой человека, котораго подталкиваютъ сзади не особенно церемонно; но случаи эти, объяснявшіеся неуваженіемъ помѣщиковъ къ остроумію, не ока-

зывали вліянія на общее настроеніе Туркевича; поэтому веселая самоувѣренность составляла нормальное его состояніе, также какъ и постоянное опьяненіе.

Послѣднее обстоятельство составляло второй источникъ его благополучія,—ему достаточно было одной рюмки, чтобы зарядиться на весь день. Объяснялось это огромнымъ количествомъ выпитой уже Туркевичемъ водки, которая превратила его кровь въ какое-то водочное сусло; генералу теперь достаточно было поддерживать это сусло на извѣстной степени концентраціи, чтобъ оно играло и бурлило въ немъ, окрашивая для него міръ въ радужныя краски.

За то, если, по какой-либо причинѣ, дня три генералу не перепадало ни одной рюмки, онъ испытывалъ тогда невыносимыя муки. Сначала онъ впадалъ въ меланхолію и малодушіе; всѣмъ было извѣстно, что въ такія минуты грозный генералъ становился безпомощнѣе ребенка, и тогда многіе спѣшили выместить на немъ свои обиды. Его били, оплевывали, закидывали грязью, а онъ даже не старался избѣгать поношеній; онъ только ревѣлъ во весь голосъ и слезы градомъ катились у него изъ глазъ по уныло обвисшимъ усамъ. Бѣдняга обращался ко всѣмъ съ просьбой убить его, мотивируя это желаніе тѣмъ обстоятельствомъ, что ему все равно придется помереть „собачьей смертью подъ заборомъ“. Тогда всѣ отъ него отступались,—было что-то въ голосѣ и въ лицѣ генерала, что заставляло самыхъ ярыхъ изъ его ненавистниковъ поскорѣе удалиться, чтобы не видѣть этого лица, не слышать голоса человѣка, на ко-

роткое время приходившаго къ сознанію своего ужаснаго положенія. Тогда съ генераломъ опять происходила переменѣна; онъ становился ужасенъ: глаза лихорадочно загорались, щеки вваливались, короткіе волосы подымались на головѣ; онъ впадалъ въ изступленіе: быстро поднявшись на ноги, онъ ударялъ себя въ грудь и торжественно отправлялся по улицамъ, оповѣщая всѣхъ громкимъ голосомъ:

— Иду!... Какъ Іеремія, иду обличать нечестивыхъ!

Это было сигналомъ, обѣщавшимъ интересное зрѣлище съ обличительною подкладкой. Можно сказать съ увѣренностью, что панъ Туркевичъ въ такія минуты съ большимъ успѣхомъ выполнялъ всѣ функціи невѣдомой въ нашемъ городишкѣ гласности; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если самые солидные и занятые граждане бросали обыденныя дѣла и примыкали къ толпѣ, сопровождавшей новоявленного пророка, или хотъ издали слѣдили за его похожденіями. Обыкновенно онъ прежде всего направлялся къ дому секретаря уѣзднаго суда и открывалъ передъ его окнами нѣчто вродѣ судебного засѣданія; выбравъ изъ толпы подходящихъ актеровъ, изображающихъ истцовъ и отвѣтчиковъ, онъ самъ говорилъ за нихъ рѣчи и самъ же отвѣчалъ имъ, подражая съ большимъ искусствомъ голосу и манерѣ обличаемаго. Такъ какъ при этомъ онъ всегда умѣлъ придать своему спектаклю интересъ современности, намекая на какое-нибудь всѣмъ извѣстное дѣло, и такъ какъ, кромѣ того, онъ былъ большой знатокъ судебной процедуры, то немудрено, что въ самомъ скоромъ времени изъ дома

секретаря выбѣгала кухарка, что-то совала Туркевичу въ руку и быстро скрывалась, отбиваясь отъ любезностей генеральской свиты. Генералъ, получивъ даяніе, злобно хохоталъ и, съ торжествомъ размахивая ассигнаціей, отправлялся въ ближайшій кабакъ.

Оттуда, утоливъ нѣсколько жажду, онъ велъ своихъ слушателей къ домамъ „подсудковъ“, видоизмѣняя репертуаръ соотвѣтственно обстоятельствамъ. А такъ какъ каждый разъ онъ получалъ поспектакльную плату, то натурально, что грозный тонъ постепенно смягчался, глаза изступленнаго пророка умасливались, усы закручивались кверху и представленіе отъ обличительной драмы переходило къ веселому водевилю. Кончалось оно обыкновенно передъ домомъ исправника Коца. Это былъ добродушнѣйшій изъ градоправителей, обладавшій двумя небольшими слабостями: во-первыхъ, онъ красилъ свои сѣдые волосы черною краской и, во-вторыхъ, питалъ пристрастіе къ толстымъ кухаркамъ, полагаясь во всемъ остальномъ на волю Божію и на добровольную обывательскую „благодарность“. Подойдя къ исправницкому дому, выходящему фасомъ на улицу, Туркевичъ весело подмигивалъ своимъ спутникамъ, кидалъ кверху картузъ и объявлялъ громогласно, что здѣсь живетъ не начальникъ, а родной его, Туркевича, отецъ и благодѣтель.

Затѣмъ онъ устремлялъ свои взоры на окна и ждалъ послѣдствій. Послѣдствія эти были двоякаго рода: или немедленно же изъ парадной двери выбѣгала толстая и румяная Матрена съ милостивымъ подаркомъ отъ отца и благодѣтеля, или же дверь оставалась закрытою, въ

окнѣ кабинета мелькала сердитая старческая фizioномія, обрамленная черными, какъ смоль, волосами, а Матрена тихонько, задами, прокрадывалась на сѣзжую. На сѣзжей имѣлъ постоянное мѣстожителство бутарь Микита, замѣчательно набившій руку именно въ обращеніи съ Туркевичемъ. Онъ тотчасъ же флегматически откладывалъ въ сторону сапожную колодку и подымался съ своего сидѣнья.

Между тѣмъ, Туркевичъ, не видя пользы отъ дионрамбовъ, понемногу и осторожно начиналъ переходить къ сатирѣ. Обыкновенно онъ начиналъ сожалѣніемъ о томъ, что его благодѣтель считаетъ зачѣмъ-то нужнымъ красить свои почтенныя сѣдины сапожною ваксой. Затѣмъ, огорченный полнымъ невниманіемъ къ своему краснорѣчію, онъ возвышалъ голосъ, подымалъ тонъ и начиналъ громить благодѣтеля за плачевный примѣръ, подаваемый гражданамъ незаконнымъ сожитіемъ съ Матреной. Дойдя до этого щекотливаго предмета, генераль терялъ уже всякую надежду на примиреніе съ благодѣтелемъ и потому воодушевлялся истиннымъ краснорѣчіемъ негодованія. Къ сожалѣнію, обыкновенно, на этомъ именно мѣстѣ рѣчи происходило неожиданное постороннее вмѣшательство: въ окно высовывалось желтое и сердитое лицо Коца, а сзади Туркевича подхватывалъ съ замѣчательною ловкостью подкравшійся къ нему Микита. Никто изъ слушателей не пытался даже предупредить оратора объ угрожавшей ему опасности, ибо артистическіе приемы Микиты вызывали всеобщій восторгъ. Генераль, прерванный на полусловѣ, вдругъ какъ-

то странно мелькалъ въ воздухѣ, опрокидывался спиной на спину Микиты—и черезъ нѣсколько секундъ дюжій бутарь, слегка согнувшійся подъ своею ношей, среди оглушительныхъ криковъ толпы, спокойно направлялся къ кутузкѣ. Еще минута, черная дверь съѣзжей раскрывалась, какъ мрачная пасть, и генералъ, беспомощно болтавшій ногами, торжественно скрывался во мракѣ кутузки. Неблагодарная толпа кричала Микитѣ „ура“ и медленно расходилась.

Кромѣ этихъ выдѣлявшихся изъ ряда личностей, около часовни ютилась еще темная масса жалкихъ оборванцевъ, появленіе которыхъ на базарѣ производило всегда большую тревогу среди торгововъ, спѣшившихъ прикрыть свое добро руками, подобно тому, какъ прикрываютъ насѣдки своихъ птенцовъ, когда въ небѣ покажется коршунъ. Ходили слухи, что эти жалкія личности, окончательно лишеныя всякихъ ресурсовъ со времени изгнанія изъ зámка, составили дружное сообщество и занимались, между прочимъ, мелкимъ воровствомъ въ городѣ и окрестностяхъ. Основывались эти слухи, главнымъ образомъ, на той безспорной посылкѣ, что человѣкъ не можетъ существовать безъ пищи; а такъ какъ почти всѣ эти темныя личности, такъ или иначе, отбились отъ обычныхъ способовъ ея добыванія и были оттерты счастливыми изъ зámка отъ благъ мѣстной филантропіи, то отсюда слѣдовало неизбежное заключеніе, что имъ было необходимо воровать или умереть. А такъ какъ онѣ не умерли, то... самый фактъ ихъ существованія обращался въ доказательство ихъ преступнаго образа дѣйствій.

Если только это была правда, то несомненнымъ являлось также и то, что организаторомъ и руководителемъ сообщества не могъ быть никто другой какъ панъ Тыбурцій Драбъ, самая замѣчательная личность изъ всѣхъ проблематическихъ натуръ, не ужившихся въ старомъ замкѣ.

Происхожденіе Драба было покрыто мракомъ самой таинственной неизвѣстности. Люди, одаренные сильнымъ воображеніемъ, приписывали ему аристократическое имя, которое онъ покрылъ позоромъ и потому принужденъ былъ скрыться, причемъ участвовалъ будто бы въ подвигахъ знаменитаго Кармелюка. Но, во-первыхъ, для этого онъ былъ еще не достаточно старъ, а во-вторыхъ, наружность пана Тыбурція не имѣла въ себѣ ни одной аристократической черты. Роста онъ былъ высокаго; сильная сутуловатость какъ бы говорила о бремени вынесенныхъ Тыбурціемъ несчастій; крупныя черты лица были грубо-выразительны. Короткіе, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкій лобъ, нѣсколько выдававшаяся впередъ нижняя челюсть и сильная подвижность личныа мускуловъ придавали всей фizioноміи что-то обезьянье; но глаза, сверкавшіе изъ-подъ нависшихъ бровей, смотрѣли какъ-то упорно и мрачно и въ нихъ свѣтились, вмѣстѣ съ лукавствомъ, острая проницательность, энергія и недюжинный умъ. Въ то время, какъ на его лицѣ смѣнялся цѣлый калейдоскопъ гримасъ, эти глаза сохраняли постоянно одно выраженіе, отчего мнѣ всегда бывало какъ-то безотчетно-жутко смотрѣть на гаерство этого страннаго человѣка.

Руки пана Тыбурція были грубы и покрыты мозолями,

большія ноги ступали по-мужичьи. Въ виду этого, общее мнѣніе обывателей не признавало за нимъ аристократическаго происхожденія, и самое большее, что соглашалось допустить, это—званіе двороваго человѣка какого-нибудь изъ знатныхъ пановъ. Но тогда опять встрѣчалось затрудненіе: какъ объяснить его феноменальную ученость, которую всѣ признавали единогласно? Да и трудно было не признать очевиднаго факта, такъ какъ не было кабака во всемъ городѣ, въ которомъ бы панъ Тыбурцій, въ назиданіе собиравшихся въ базарные дни хохловъ, не произносилъ, стоя на бочкѣ, цѣлыхъ рѣчей изъ Цицерона, цѣлыхъ главъ изъ Ксенофонта. Хохлы разбѣвали рты и поталкивали другъ друга локтями, а панъ Тыбурцій, возвышаясь въ своихъ лохмотьяхъ надъ всею толпой, громилъ Катилину или описывалъ подвиги Цезаря, или коварство Митридата. Хохлы, вообще надѣленные отъ природы богатою фантазіей, умѣли какъ-то влагать свой собственный смыслъ въ эти одушевленные, хотя и непонятныя рѣчи, и когда, ударяя себя въ грудь и сверкая глазами, онъ обращался къ нимъ со словами: „*Patres conscripti!*“ — они тоже хмурились и говорили другъ другу:

— Ото-жъ, вражій сынъ, якъ лается!

Когда же затѣмъ панъ Тыбурцій, поднявъ глаза къ потолку, начиналъ декламировать длиннѣйшіе латинскіе періоды,—усатые слушатели слѣдили за нимъ съ боязливымъ и жалостнымъ участіемъ. Имъ казалось тогда, что душа декламатора витаетъ гдѣ-то въ невѣдомой странѣ, гдѣ говорятъ не по-христіански, а по отчаянной жести-

куляціи оратора они заключали, что ее тамъ встрѣчаютъ какія-то горестныя приключенія. Но наибольшаго напряженія достигало это участливое вниманіе, когда панъ Тыбурцій, закативъ глаза и поводя одними бѣлками, понималъ аудиторію продолжительною скандовкой *Виргилія* или *Гомера*. Его голосъ звучалъ тогда такими глухими, загробными раскатами, что сидѣвшіе по угламъ и наиболее подверженные вліянію жидовской горилки слушатели опускали головы, свѣшивали длинныя, подстриженныя спереди „чуприны“ и начинали всхлипывать:

— О-охъ матиньки, та и жалобно-жъ, хай ему бісь!— и слезы капали у нихъ изъ глазъ и обильно стекали по длиннымъ усамъ.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что, когда ораторъ внезапно соскакивалъ съ бочки и разражался веселымъ хохотомъ, омраченныя лица хохловъ вдругъ прояснялись и руки тянулись къ карманамъ широкихъ штановъ за мѣдяками. Обрадованные благополучнымъ окончаніемъ трагическихъ экскурсій пана Тыбурція, хохлы поили его водкой, обнимались съ нимъ и надѣляли его деньгами.

Въ виду такой учености, пришлось построить новую гипотезу о происхожденіи этого чудака, которая бы болѣе соотвѣтствовала изложеннымъ фактамъ. Помирились на томъ, что панъ Тыбурцій былъ нѣкогда дворовымъ мальчишкой какого-то графа, который послалъ его, вмѣстѣ со своимъ сыномъ, въ школу отцовъ-іезуитовъ, собственно на предметъ чистки сапоговъ молодого панича. Оказалось, однако, что въ то время, какъ молодой графъ вос-

принималъ преимущественно удары трехвостной „дисциплины“ святыхъ отцовъ, его лакей перехватилъ всю мудрость, которая назначалась для головы его барина.

Вслѣдствіе окружавшей Тыбурція тайны, въ числѣ другихъ профессій ему приписывали также отличныя свѣдѣнія по части колдовского искусства. Если на поляхъ, примыкавшихъ волнующимся моремъ къ послѣднимъ лачугамъ предмѣстья, появлялись вдругъ колдовскія „закруты“, то никто не могъ вырвать ихъ съ большею безопасностью для себя и жнецовъ, какъ панъ Тыбурцій. Если зловѣщій „пугачъ“ *) прилеталъ по вечерамъ на чью-нибудь крышу и громкими криками накликалъ туда смерть, то опять приглашали Тыбурція, и онъ съ большимъ успѣхомъ прогонялъ зловѣщую птицу поученіями изъ Тита Ливія.

Никто не могъ бы также сказать, откуда у пана Тыбурція явились дѣти; а между тѣмъ фактъ, хотя и никѣмъ не объясненный, стоялъ на-лицо... даже два факта: мальчикъ лѣтъ семи, но рослый и развитой не по лѣтамъ, и маленькая трехлѣтняя дѣвочка. Мальчика панъ Тыбурцій привелъ или, вѣрнѣе, принесъ съ собой съ первыхъ дней, какъ явился самъ на горизонтѣ нашего города. Что же касается дѣвочки, то, повидимому, онъ отлучался, чтобы пріобрѣсти ее, на нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенно неизвѣстныя страны.

Мальчикъ, по имени Валекъ, высокій, тонкій, черно-волосый, угрюмо шатался иногда по городу безъ особен-

*) Филинъ.

наго дѣла, заложивъ руки въ карманы и кидая по сторонамъ взгляды, смущавшіе сердца калачницъ. Дѣвочку видѣли только одинъ или два раза на рукахъ пана Тыбурція, а затѣмъ она куда-то исчезла и гдѣ находилась, никому не было извѣстно.

Поговаривали о какихъ-то подземельяхъ на уніатской горѣ, около часовни, и такъ какъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ такъ часто проходила съ огнемъ и мечомъ татарщина, гдѣ нѣкогда бушевала панская „сваволя“ (своеволие) и правили кровавую расправу удалцы-гайдамаки, подобныя подземелья очень нерѣдки, то всѣ вѣрили этимъ слухамъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь жила же гдѣ-нибудь вся эта толпа темныхъ несчастливцевъ. А они обыкновенно подъ вечеръ исчезали именно въ направленіи къ часовнѣ. Туда своею сонною походкой ковылялъ профессоръ, шагаль рѣшительно и быстро панъ Тыбурцій; туда же Туркевичъ, пошатываясь, провожалъ свирѣпаго и безпомощнаго Лавровскаго; туда уходили подъ вечеръ, утопая въ сумеркахъ, другія темныя личности, и не было храбраго человѣка, который бы рѣшился слѣдовать за ними по глинистымъ обрывамъ. Гора, изрытая могилами, пользовалась дурною славой. На старомъ кладбищѣ, во мракѣ осеннихъ ночей, загорались синіе огни, а въ часовнѣ сычи кричали такъ пронзительно и звонко, что отъ криковъ проклятой птицы даже у безстрашнаго кузнеца сжималось сердце.

III.

Я и мой отецъ.

— Плохо, молодой человѣкъ, плохо!—говорилъ мнѣ нерѣдко старый Янушъ изъ зámка, встрѣчая меня на улицахъ города въ свитѣ пана Туркевича или среди слушателей пана Драба.

И старикъ качалъ при этомъ своею сѣдою бородой.

— Плохо, молодой человѣкъ,—вы въ дурномъ обществѣ!... Жаль, очень жаль сына почтенныхъ родителей!

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя мать, а сумрачное лицо отца стало еще мрачнѣе, меня очень рѣдко видѣли дома. Въ поздніе лѣтніе вечера я прокрадывался по саду, какъ молодой волчонокъ, избѣгая встрѣчи съ отцомъ, отворялъ посредствомъ особыхъ приспособленій свое окно, полузакрытое густою зеленью сирени, и тихо ложился въ постель. Если маленькая сестренка еще не спала въ своей качалкѣ въ сосѣдней комнатѣ, я подходилъ къ ней, и мы тихо ласкали другъ друга и играли, стараясь не потревожить сонъ ворчливой старой няньки.

А утромъ, чуть свѣтъ, когда въ домѣ всѣ еще спали, я уже прокладывалъ росистый слѣдъ въ густой, высокой травѣ сада, перелѣзалъ черезъ заборъ и шелъ къ пруду, гдѣ меня ждали съ удочками такіе же сорванцы-товарищи, или къ мельницѣ, гдѣ сонный мельникъ только-что отодвинулъ шлюзы и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась въ „лотóки“ и бодро принималась за дневную работу.

Большія мельничныя колеса, разбуженныя шумливыми толчками воды, тоже вздрагивали, какъ-то нехотя подавались, точно лѣнясь проснуться, но черезъ нѣсколько секундъ уже кружились, брызгая пѣной и купаясь въ холодныхъ струяхъ. За ними медленно и солидно трогались толстые валы, внутри мельницы начинали грохотать шестерни, шуршали жернова, и бѣлая мучная пыль тучами подымалась изъ щелей стараго-престараго мельничнаго зданія.

Тогда я шелъ далѣе. Мнѣ нравилось встрѣчать пробужденіе природы; я бывалъ радъ, когда мнѣ удавалось испугнуть заспавшагося жаворонка или выгнать изъ борозды трусливаго зайца. Капли росы падали съ верхушекъ трясунки, съ головокъ луговыхъ цвѣтовъ, когда я пробирался полями къ загородной рошѣ. Деревья встрѣчали меня шепотомъ лѣнивой дремоты. Изъ оконъ тюрьмы не глядѣли еще блѣдныя, угрюмыя лица арестантовъ и только караулъ, громко звякая ружьями, обходилъ вокругъ стѣны, смѣняя усталыхъ ночныхъ часовыхъ.

Я успѣвалъ совершить дальній обходъ, и все же въ городѣ то и дѣло встрѣчались мнѣ заспанные фігуры, отворявшія ставни домовъ. Но вотъ солнце поднялось уже надъ горой, изъ-за прудовъ слышится крикливый звонокъ, созывающій гимназистовъ, и голодъ заставляетъ меня отправиться домой къ утреннему чаю.

Вообще всѣ меня звали бродягой, негоднымъ мальчишкой, и такъ часто укоряли въ разныхъ дурныхъ наклонностяхъ, что я, наконецъ, и самъ проникся этимъ

убѣжденіемъ. Отецъ также повѣрилъ этому и дѣлалъ иногда попытки заняться моимъ воспитаніемъ, но попытки эти всегда кончались неудачей. При видѣ строгаго и угрюмаго лица, на которомъ лежала суровая печать неизлѣчимаго горя, я робѣлъ и замыкался въ себя. Я стоялъ передъ нимъ, переминаясь, теребя свои штанишки и озираясь. По временамъ что-то какъ будто подымалось у меня въ груди; мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ обнялъ меня, посадилъ къ себѣ на колѣни и приласкалъ. Тогда я прильнулъ бы къ его груди и, быть-можетъ, мы вмѣстѣ заплакали бы — ребенокъ и суровый мужчина — о нашей общей утратѣ. Но онъ смотрѣлъ на меня своими отуманенными глазами, какъ будто устремленными поверхъ моей головы, и я весь сжимался подъ этимъ непонятнымъ для меня взглядомъ.

— Ты помнишь матушку?...

Помнилъ ли я ее? О, да, я помнилъ ее! Я помнилъ, какъ, бывало, просыпаясь ночью, я искалъ въ темнотѣ ея нѣжныя руки и крѣпко прижимался къ нимъ, покрывая ихъ поцѣлуями. Я помнилъ ее, когда она сидѣла больная передъ открытымъ окномъ и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь съ нею въ послѣдній годъ своей жизни.

О, да, я помнилъ ее!... Когда она, вся покрытая цвѣтами, молодая и прекрасная, лежала съ печатью смерти на блѣдномъ лицѣ, я, какъ звѣрѣкъ, забился въ уголъ и смотрѣлъ на нее горящими глазами, передъ которыми впервые открылся весь ужасъ загадки о жизни и смерти. А потомъ, когда ее унесли въ толпѣ незнакомыхъ лю-

дей, не мои ли рыданія звучали сдавленнымъ стономъ въ сумракѣ первой ночи моего сиротства?

О, да, я ее помнилъ!... И теперь, часто, въ глухую полночь, я просыпался, полный любви, которая тѣснилась въ груди, переполняя дѣтское сердце,—просыпался съ улыбкой счастья, въ блаженномъ невѣдѣніи, навѣянномъ розовыми снами дѣтства. И опять, какъ прежде, мнѣ казалось, что она со мною, что я сейчасъ встрѣчу ее любящую, милую ласку. Но мои руки протягивались въ пустую тьму и въ душу проникало сознаніе горькаго одиночества. Тогда я сжималъ руками свое такъ больно стучавшее, сердце и слезы прожигали горячими струями мои щеки.

О, да, я помнилъ ее!... Но на вопросъ высокаго, угрюмаго человѣка, въ которомъ я желалъ, но не могъ почувствовать родную душу, я съеживался еще болѣе и тихо выдергивалъ изъ его руки свою ручонку.

И онъ отворачивался отъ меня съ досадой и болью. Онъ чувствовалъ, что не имѣетъ на меня ни малѣйшаго вліянія, что между нами стоитъ какая-то неодолимая преграда. Онъ слишкомъ любилъ ее, когда она была жива, не замѣчая меня изъ-за своего счастья. Теперь же меня закрывало отъ него тяжелое горе.

И мало-помалу пропасть, насъ раздѣлявшая, становилась все шире и глубже. Онъ все болѣе убѣждался, что я—дурной, испорченный мальчишка, съ черствымъ, эгоистическимъ сердцемъ, и сознаніе, что онъ *долженъ*, но *не можетъ* заняться мною, *долженъ* любить меня, но не находитъ для этой любви угла въ своемъ сердцѣ,

еще увеличивало его нерасположеніе. И я это чувствовалъ. Порой, спрятавшись въ кустахъ, я наблюдалъ за нимъ; я видѣлъ, какъ онъ шагаль по аллеямъ, все ускоряя походку, и глухо стоналъ отъ нестерпимой душевной муки. Тогда мое сердце сжималось жалостью и сочувствіемъ. Одинъ разъ, когда, сжавъ руками голову, онъ присѣлъ на скамейку и зарыдалъ, я не вытерпѣлъ и выбѣжалъ изъ кустовъ на дорожку, повинуюсь неопредѣленному побужденію, толкавшему меня къ этому человеку. Но онъ, пробужденный отъ мрачнаго и безнадежнаго созерцанія, сурово взглянулъ на меня и осадилъ холоднымъ вопросомъ:

— Что нужно?

Мнѣ ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобъ отецъ не прочелъ его въ моемъ смущенномъ лицѣ. Убѣжавъ въ чащу сада, я упалъ лицомъ въ траву и горько заплакалъ отъ досады и боли.

Съ шести лѣтъ я испытывалъ уже весь ужасъ одиночества.

Сестрѣ Сонѣ было четыре года. Я любилъ ее страстно и она платила мнѣ такою же любовью; но общій установившійся взглядъ на меня, какъ на отпѣтаго маленькаго разбойника, успѣлъ воздвигнуть между нами высокую преграду. Всякій разъ, когда я начиналъ играть съ нею, по-своему шумно и рѣзко, старая нянька, вѣчно сонная и вѣчно дравшая, съ закрытыми глазами, куриныя перья для подушекъ, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила къ себѣ, кидая на меня сер-

дитые взгляды; въ такихъ случаяхъ она всегда напоминала мнѣ всклокоченную насѣдку, себя я сравнивалъ съ хищнымъ коршуномъ, а Соню—съ маленькимъ цыпленкомъ. Мнѣ становилось очень горько и досадно. Немудрено поэтому, что скоро я прекратилъ всякія попытки занимать Соню моими преступными играми, а еще черезъ нѣкоторое время мнѣ стало тѣсно въ домѣ и въ садикѣ, гдѣ я не встрѣчалъ ни въ комъ привѣта и ласки. Я началъ бродяжить. Все мое существо трепетало тогда какимъ-то страннымъ предчувствіемъ, предвкушеніемъ жизни. Мнѣ все казалось, что гдѣ-то тамъ, въ этомъ большомъ и невѣдомомъ свѣтѣ, за старою оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то долженъ сдѣлать и могу что-то сдѣлать, но я только не зналъ, что именно; а между тѣмъ, на-встрѣчу этому невѣдомому и таинственному, во мнѣ изъ глубины моего сердца что-то подымалось, дразня и вызывая. Я все ждалъ разрѣшенія этихъ вопросовъ и инстинктивно бѣгалъ и отъ няньки съ ея перьями, и отъ знакомаго лѣниваго шепота яблоней въ нашемъ маленькомъ садикѣ, и отъ глупаго стука ножей, рубившихъ на кухнѣ котлеты. Съ тѣхъ поръ къ прочимъ нелестнымъ моимъ эпитетамъ прибавились названія уличнаго мальчишки и бродяги; но я не обращалъ на это вниманія, я притерпѣлся къ упрекамъ и выносилъ ихъ, какъ выносилъ внезапно раздражавшійся дождь или солнечный зной. Я хмуро выслушивалъ замѣчанія и поступалъ по-своему. Шатаясь по улицамъ, я всматривался дѣтски-любопытными глазами въ незатѣйливую жизнь городка съ его лачугами, вслушивался въ гулъ проволокъ

на шоссе, вдали отъ городского шума, стараясь уловить, какія вѣсти несутся по нимъ изъ далекихъ большихъ городовъ, или въ шелестъ колосьевъ, или въ шепотъ вѣтра на высокихъ гайдамацкихъ могилахъ. Не разъ мои глаза широко раскрывались, не разъ останавливался я съ болѣзненнымъ испугомъ передъ картинами жизненной панорамы: образъ за образомъ, впечатлѣніе за впечатлѣніемъ ложились въ душу яркими пятнами; я узналъ и увидалъ много такого, чего не видали дѣти значительно старше меня; а между тѣмъ то невѣдомое, что подымалось изъ глубины дѣтской души, по-прежнему звучало въ ней несмолкающимъ, таинственнымъ, подмывающимъ, вызывающимъ рокотомъ.

Когда мегеры стараго замка лишили его въ моихъ глазахъ уваженія и привлекательности, когда всѣ углы города стали мнѣ извѣстны до послѣднихъ грязныхъ закоулковъ, тогда я сталъ заглядываться на виднѣвшуюся вдали, на уніатской горѣ, часовню. Сначала я, какъ пугливый звѣрѣкъ, подходилъ къ ней съ разныхъ сторонъ, все не рѣшаясь взобраться на гору, пользовавшуюся дурною славой. Но по мѣрѣ того, какъ я знакомился съ мѣстностью, передо мной выступали только тихія могилы и разрушенные кресты. Нигдѣ не было видно признаковъ какого-либо жилья и человѣческаго присутствія. Все было какъ-то смиренно, тихо, заброшено, пусто. Только самая часовня глядѣла, насупившись, пустыми окнами, точно думала какую-то грустную думу. Мнѣ захотѣлось осмотрѣть ее всю, заглянуть внутрь, чтобъ убѣдиться окончательно, что и тамъ нѣтъ ничего кромѣ

пыли. Но такъ какъ одному было бы и страшно, и неудобно предпринимать подобную экскурсію, то я набравалъ на улицахъ города небольшой отрядъ изъ трехъ сорванцовъ, привлеченныхъ къ предпріятію обѣщаніемъ булокъ и яблоковъ изъ нашего сада.

IV.

Я пріобрѣтаю новое знакомство.

Мы вышли въ экскурсію послѣ обѣда и, подойдя къ горѣ, стали подыматься по глинистымъ обваламъ, изрытымъ лопатами жителей и весенними потоками. Обвалы обнажали склоны горы, и кое-гдѣ изъ глины виднѣлись высунувшіяся наружу бѣлыя, истлѣвшія кости. Въ одномъ мѣстѣ деревянный гробъ выставился истлѣвшимъ угломъ, въ другомъ—скалилъ зубы человѣческой черепъ, уставясь на насъ черными впадинами глазъ.

Наконецъ, помогая другъ другу, мы торопливо взобрались на гору изъ послѣдняго обрыва. Солнце начинало склоняться къ закату. Косвенные лучи мягко золотили зеленую мураву стараго кладбища, играли на старыхъ покосившихся крестахъ, переливались въ уцѣлѣвшихъ окнахъ часовни. Было тихо, вѣяло спокойствіемъ и глубокимъ миромъ брошеннаго кладбища. Здѣсь уже мы не видѣли ни череповъ, ни голеней, ни гробовъ. Зеленая свѣжая трава ровнымъ, слегка склонившимся къ городу пологомъ любовно скрывала въ своихъ объятіяхъ ужасъ и безобразіе смерти.

Мы были одни; только воробьи весело возились кругомъ, да ласточки безшумно влетали и вылетали въ окна старой часовни, которая стояла, какъ-то грустно понурясь, среди поросшихъ травою могилъ, скромныхъ крестовъ, полуразвалившихся каменныхъ гробницъ, на развалинахъ которыхъ стлалась густая зелень, пестрѣли разноцвѣтныя головки лютиковъ, кашки, фіалокъ.

— Нѣтъ никого,—сказалъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.

— Солнце заходитъ, — замѣтилъ другой, глядя на солнце, которое не заходило еще, но стояло надъ горою.

Дверь часовни была крѣпко заколочена, окна—высоко надъ землею; однако, при помощи товарищей, я надѣялся взобраться на нихъ и взглянуть внутрь часовни.

— Не надо!—вскрикнулъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, вдругъ потерявшій всю свою храбрость, и схватилъ меня за руку.

— Пошелъ ко всѣмъ чертямъ, баба! — прикрикнулъ на него старшій изъ нашей маленькой арміи, съ готовностью подставляя спину.

Я храбро взобрался на нее; потомъ онъ выпрямился и я сталъ ногами на его плечи. Въ такомъ положеніи я безъ труда досталъ рукой раму и, убѣдясь въ ея крѣпости, поднялся къ окну и сѣлъ на немъ.

— Ну, что же тамъ?—спрашивали меня снизу съ живѣйшимъ интересомъ.

Я молчалъ. Перегнувшись черезъ косякъ, я заглянулъ внутрь часовни и оттуда на меня пахнуло торжественною тишиной брошеннаго храма. Внутренность высокаго,

узкого зданія была лишена всякихъ украшеній. Лучи вечерняго солнца, свободно врываясь въ открытыя окна, разрисовывали яркимъ золотомъ старыя ободранныя стѣны. Я увидѣлъ внутреннюю сторону запертой двери, провалившіеся хоры, старыя, истлѣвшія колонны, какъ бы покачнувшіяся подъ непосильною тяжестью. Углы были затканы паутиной и въ нихъ ютилась та особенная тьма, которая залегаетъ всѣ углы такихъ старыхъ зданій. Отъ окна до пола казалось гораздо дальше, чѣмъ до травы снаружи. Я смотрѣлъ точно въ глубокую яму и сначала не могъ разглядѣть какихъ-то странныхъ предметовъ, маячившихъ на полу причудливыми очертаніями.

Между тѣмъ, моимъ товарищамъ надоѣло стоять внизу, ожидая отъ меня извѣстій, и потому одинъ изъ нихъ, продѣлавъ ту же процедуру, какую продѣлалъ я раньше, повисъ рядомъ со мною, держась за оконную раму.

— Престолъ, — сказалъ онъ, взглянувъ въ странный предметъ на полу.

— И паникадило.

— Столикъ для Евангелія.

— А вонъ тамъ что такое? — съ любопытствомъ указалъ онъ на темный предметъ, виднѣвшійся рядомъ съ престоломъ.

— Поповская шапка.

— Нѣтъ, ведро.

— Зачѣмъ же тутъ ведро?

— Можетъ - быть въ немъ когда-то были угли для кадила.

— Нѣтъ, это, дѣйствительно, шапка. Впрочемъ, можно

посмотрѣть. Давай привяжемъ къ рамѣ поясъ и ты по немъ спустишься.

— Да, какже, такъ и спущусь!... Полѣзай самъ, если хочешь.

— Ну, что-жь! Думаешь, не полѣзу?

— И полѣзай!

Дѣйствуя по первому побужденію, я крѣпко связалъ два ремня, задѣлъ ихъ за раму и, отдавъ одинъ конецъ товарищу, самъ повисъ на другомъ. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнулъ; но взглядъ на участливо склонившуюся ко мнѣ рожицу моего пріятеля возстановилъ мою бодрость, и я храбро ступилъ на полъ. Стукъ каблука зазвенѣлъ подъ потолкомъ, отдался въ пустотѣ часовни, въ ея темныхъ углахъ. Нѣсколько воробьевъ вспорхнули съ насиженныхъ мѣстъ на хорахъ и вылетѣли въ большую прорѣху въ крышѣ. Со стѣны, на окнахъ которой мы сидѣли, глянуло на меня вдругъ строгое лицо, съ бородой, въ терновомъ вѣнцѣ. Это склонялось изъ-подъ самага потолка гигантское распятіе.

Мнѣ было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающимъ духъ любопытствомъ и участіемъ.

— Ты подойдешь?—спросилъ онъ тихо.

— Подойду,—отвѣтилъ я такъ же, собираясь съ духомъ, но въ эту минуту случилось нѣчто до того неожиданное и ужасное, что кровь сразу застыла у меня въ жилахъ.

Сначала слышался стукъ и шумъ обвалившейся на хорахъ штукатурки. Что-то завозилось вверху, тряхнуло въ воздухѣ тучею пыли, и большая сѣрая масса, взмах-

нувъ крыльями, поднялась къ прорѣхѣ въ крышѣ. Часовня на мгновеніе какъ будто потемнѣла. Огромная старая сова, обеспокоенная нашею возней, вылетѣла изъ темнаго угла, мелькнула, распластавшись, на фонѣ голубого неба въ пролетѣ и шарахнулась вонъ.

Я почувствовалъ приливъ судорожнаго страха.

— Подымай!—крикнулъ я товарищу, схватившись за ремень.

— Не бойся, не бойся!—успокоивалъ онъ, приготовляясь поднять меня на свѣтъ дня и солнца.

Но вдругъ я увидѣлъ, что лицо его исказилось отъ ужаса; онъ вскрикнулъ и мгновенно исчезъ, спрыгнувъ съ окна. Я инстинктивно оглянулся и увидѣлъ странное явленіе, поразившее меня, впрочемъ, больше удивленіемъ, чѣмъ ужасомъ.

Темный предметъ нашего спора, шапка или ведро, оказавшійся, въ концѣ-концовъ, горшкомъ, мелькнулъ въ воздухѣ и на глазахъ моихъ скрылся подъ престоломъ. Я успѣлъ только разглядѣть смутныя очертанія небольшой, какъ будто дѣтской, руки, увлекавшей его въ это убѣжище.

Трудно передать мои ощущенія въ эту минуту. Я не страдалъ; чувство, которое я испытывалъ, нельзя даже назвать страхомъ. Я былъ на томъ свѣтѣ. Откуда-то, точно изъ другого міра, въ теченіе нѣсколькихъ секундъ доносился до меня быстрою дробью тревожный топотъ трехъ паръ дѣтскихъ ногъ. Но вскорѣ затихъ и онъ. Я былъ одинъ, точно въ мрачномъ гробу, въ виду какихъ-то странныхъ и необъяснимыхъ явленій.

Времени для меня не существовало, поэтому я не могу сказать, скоро ли я услышалъ подъ престоломъ сдержанный шепотъ:

— Почему же онъ не лѣзетъ себѣ назадъ?

— Видишь, испугался.

Первый голосъ показался мнѣ совсѣмъ дѣтскимъ; второй могъ принадлежать мальчику моего возраста. Мнѣ показалось также, что въ щели стараго престола сверкнула пара черныхъ глазъ.

— Что-жъ онъ теперь будетъ дѣлать? — слышался опять шепотъ.

— А вотъ погоди, — отвѣтилъ голосъ постарше.

Подъ престоломъ что-то сильно завожилось, онъ даже какъ будто покачнулся, и въ то же мгновеніе изъ-подъ него вынырнула фигура.

Это былъ мальчикъ лѣтъ девяти, больше меня, худощавый и тонкій, какъ тростинка. Одѣтъ онъ былъ въ грязной рубашонкѣ, руки держалъ въ карманахъ узкихъ и короткихъ штанишекъ. Темные курчавые волосы лохматились надъ черными задумчивыми глазами.

Хотя незнакомецъ, явившійся на сцену столь неожиданнымъ и страннымъ образомъ, подходилъ ко мнѣ съ тѣмъ безконечно-задорнымъ видомъ, съ какимъ всегда на нашемъ базарѣ подходили другъ къ другу мальчишки, готовившіеся вступить въ драку, но все же, увидѣвъ его, я сильно ободрился. Я ободрился еще болѣе, когда изъ-подъ того же престола или, вѣрнѣе, изъ люка въ полу часовни, который онъ покрывалъ, сзади мальчика показалось еще одно грязное личико, обрамленное бѣлоку-

рыми волосами и сверкавшее на меня дѣтски-любопытными голубыми глазами.

Я нѣсколько отодвинулся отъ стѣны и, согласно рыцарскимъ правиламъ нашего рынка, тоже положилъ руки въ карманы. Это было признакомъ, что я не боюсь противника и даже отчасти намекаю на мое къ нему презрѣніе.

Мы стали другъ противъ друга и обмѣнялись взглядами. Оглядѣвъ меня съ головы до ногъ, мальчишка спросилъ:

— Ты здѣсь зачѣмъ?

— Такъ,—отвѣтилъ я.—Тебѣ какое дѣло?

Мой противникъ повелъ плечомъ, какъ будто намѣреваясь вынуть руку изъ кармана и ударить меня.

Я не моргнулъ и глазомъ.

— Я вотъ тебѣ покажу!—погрозилъ онъ.

Я выпятился грудью впередъ.

— Ну, ударь... попробуй!...

Мгновеніе было критическое; отъ него зависѣлъ характеръ дальнѣйшихъ отношеній. Я ждалъ, но мой противникъ, окинувъ меня тѣмъ же испытующимъ взглядомъ, не шевелился.

— Я, братъ, и самъ... тоже...—сказалъ я, но уже болѣе миролюбиво.

Между тѣмъ дѣвочка, опершись маленькими ручонками въ полъ часовни, старалась тоже выкарабкаться изъ люка. Она падала, вновь приподымалась и, наконецъ, направилась нетвердыми шагами къ мальчишкѣ. Подойдя вплотъ, она крѣпко ухватила за него и, прижавшись

къ нему, устремила на меня удивленный и отчасти испуганный взглядъ.

Это рѣшило исходъ дѣла; стало совершенно ясно, что въ такомъ положеніи мальчишка не могъ драться, а я, конечно, тоже былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы воспользоваться его неудобнымъ положеніемъ.

— Какъ твое имя?—спросилъ мальчикъ, гладя рукой бѣлокурую головку дѣвочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я Валеку... Я тебя знаю: ты живешь въ саду надъ прудомъ. У васъ большія яблоки.

— Да, это правда, яблоки у насъ хорошія... не хочешь ли?

Вынувъ изъ кармана два яблока, предназначавшіяся для расплаты съ моею постыдно бѣжавшей арміей, я подалъ одно изъ нихъ Валеку, другое протянулъ дѣвочкѣ. Но она скрыла свое лицо, прижавшись къ Валеку.

— Боится, — сказалъ тотъ и самъ передалъ яблоко дѣвочкѣ.

— Зачѣмъ ты влѣзъ сюда? Развѣ я когда-нибудь лазилъ въ вашъ садъ?—спросилъ онъ затѣмъ.

— Что-жь, приходи! Я буду радъ,—отвѣтилъ я радужно. Отвѣтъ этотъ озадачилъ Валека; онъ призадумался.

— Я тебѣ не компанія,—сказалъ онъ грустно.

— Отчего же? — спросилъ я, искренно огорченный грустнымъ тономъ, какимъ были сказаны эти слова.

— Твой отецъ—панъ судья.

— Ну, такъ что же?—изумился я совершенно чисто-

сердечно.—Вѣдь ты будешь играть со мной, не съ отцомъ.

Валекъ покачалъ головой.

— Тыбурцій не пустить,—сказалъ онъ, и какъ будто это имя напомнило ему что-то, онъ вдругъ спохватился:—Послушай, ты славный хлопецъ, но, все-таки, тебѣ лучше уйти. Если Тыбурцій тебя застанетъ, плохо будетъ.

Я согласился, что мнѣ, дѣйствительно, пора уходить. Послѣдніе лучи солнца уходили уже сквозь окна часовни, а до города было не близко.

— Какъ же мнѣ отсюда выйти?

— Я тебѣ укажу дорогу. Мы выйдемъ вмѣстѣ.

— А она?—ткнулъ я пальцемъ въ нашу маленькую даму.

— Маруся?—она тоже пойдетъ съ нами.

— Какъ, въ окно?

Валекъ задумался.

— Нѣтъ, вотъ что: я тебѣ помогу взобраться на окно, а сами мы выйдемъ другимъ ходомъ.

Съ помощью моего новаго пріятеля я поднялся къ окну. Отвязавъ ремень, я обвилъ его вокругъ рамы и, держась за оба конца, повисъ въ воздухѣ. Затѣмъ, отпустивъ одинъ конецъ, я спрыгнулъ на землю и выдернулъ ремень. Валекъ и Маруся ждали меня уже подъ стѣной, снаружи.

Солнце недавно еще сѣло за гору. Городъ утонулъ въ лилово-туманной тѣни и только верхушки высокихъ тополей на островѣ рѣзко выдѣлялись червоннымъ золотомъ, разрисованныя послѣдними лучами заката. Мнѣ

казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ я явился сюда, на старое кладбище, прошло не менѣе сутокъ, что это было вчера.

— Какъ хорошо!—сказалъ я, охваченный свѣжестью наступающаго вечера и вдыхая полною грудью влажную прохладу.

— Скучно здѣсь...—съ грустью произнесъ Валекъ.

— Вы все здѣсь живете?—спросилъ я, когда мы втроемъ стали спускаться съ горы.

— Здѣсь.

— Гдѣ же вашъ домъ?

Я не могъ себѣ представить, чтобы подобныя мнѣ дѣти могли жить безъ „дома“.

Валекъ усмѣхнулся съ обычнымъ ему грустнымъ видомъ и ничего не отвѣтилъ.

Мы миновали крутые обвалы, такъ какъ Валекъ зналъ болѣе удобную дорогу. Пройдя межъ камышей по высохшему болоту и переправившись черезъ ручеекъ по тонкимъ дощечкамъ, мы очутились у подножія горы, на равнинѣ.

Тутъ надо было разстаться. Пожавъ руку моему новому знакомому, я протянулъ ее также и дѣвчкѣ. Она ласково подала мнѣ свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверхъ голубыми глазами, спросила:

— Ты придешь къ намъ опять?

— Приду,—отвѣтилъ я,—непремѣнно!...

— Что-жь,—сказалъ въ раздумьи Валекъ,—приходи, пожалуй, только въ такое время, когда наши будутъ въ городѣ,

— Кто это „ваши“?

— Да наши... всѣ: Тыбурцій, Лавровскій, Туркевичъ. Профессоръ... тотъ, пожалуй, не помѣшаетъ.

— Хорошо. Я посмотрю, когда они будутъ въ городѣ, и тогда приду. А пока прощайте!

— Эй, послушай-ка!—крикнулъ мнѣ Валекъ, когда я отошелъ нѣсколько шаговъ.—А ты болтать не будешь о томъ, что былъ у насъ?

— Никому не скажу,—отвѣтилъ я твердо.

— Ну, вотъ, это хорошо! А этимъ твоимъ дуракамъ, когда станутъ приставать, скажи, что видѣлъ чорта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай!

— Прощай.

Густыя сумерки залегли надъ Княжымъ-Вѣномъ, когда я приблизился къ забору своего сада. Надъ замкомъ зарисовался тонкій серпъ луны, загорѣлись звѣзды. Я хотѣлъ уже подняться на заборъ, какъ кто-то схватилъ меня за руку.

— Вася, другъ!—заговорилъ взволнованнымъ шепотомъ мой бѣжавшій товарищъ.—Какъ же это ты?... Голубчикъ!...

— А вотъ, какъ видишь... А вы всѣ меня бросили!...

Онъ потупился, но любопытство взяло верхъ надъ чувствомъ стыда, и онъ спросилъ опять:

— Чтò же тамъ было?

— Чтò?—отвѣтилъ я тономъ, не допускавшимъ сомнѣнїя,—разумѣется, черти... А вы—труссы.

И, отмахнувшись отъ сконфуженного товарища, я полѣзъ на заборъ.

Черезъ четверть часа я спалъ уже глубокимъ сномъ и во снѣ мнѣ видѣлись дѣйствительные черти, весело выскакивавшіе изъ чернаго люка. Валеку гонялъ ихъ ивовымъ прутикомъ, а Маруся, весело сверкая глазками, смѣялась и хлопала въ ладоши.

V.

Знакомство продолжается.

Съ этихъ поръ я весь былъ поглощенъ моимъ новымъ знакомствомъ. Вечеромъ, ложась въ постель, и утромъ, вставая, я только и думалъ о предстоящемъ визитѣ на гору. По улицамъ города я шатался теперь съ исключительною цѣлью—высмотрѣть, тутъ ли находится вся компанія, которую Янушъ характеризовалъ словами „дурное общество“; и если Лавровскій валялся въ лужѣ, если Туркевичъ и Тыбурцій разглагольствовали передъ своими слушателями, а темныя личности шныряли по базару, я тотчасъ же бѣгомъ отправлялся черезъ болото, на гору, къ часовнѣ, предварительно наполнивъ карманы яблоками, которыя я могъ рвать въ саду безъ запрету, и лакомствами, которыя я сберегалъ всегда для своихъ новыхъ друзей.

Валеку, вообще очень солидный и внушавшій мнѣ уваженіе своими манерами взрослого человѣка, принималъ эти приношенія просто и по большей части отклады-

валъ куда-нибудь, приберегая для сестры, но Маруся всякій разъ всплескивала ручонками и глаза ея загорались огонькомъ неподдѣльнаго восторга; блѣдное лицо дѣвочки вспыхивало румянцевъ, она смѣялась, и этотъ смѣхъ нашей маленькой пріятельницы отдавался въ нашихъ сердцахъ, вознаграждая за конфекты, которыя мы жертвовали въ ея пользу.

Это было блѣдное, крошечное созданіе, напоминавшее цвѣтокъ, выросшій безъ живительныхъ лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, какъ былинка; руки ея были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шеѣ, какъ головка полевого колокольчика, но глаза смотрѣли порой такъ не подѣтски грустно и улыбка такъ напоминала мнѣ мою мать въ послѣдніе дни, когда она, бывало, сидѣла противъ открытаго окна и вѣтеръ шевелилъ ея бѣлокурые волосы, что мнѣ, при взглядѣ на это дѣтское личико, становилось самому грустно и слезы подступали къ глазамъ.

Я невольно сравнивалъ ее съ моею сестрой; онѣ были въ одномъ возрастѣ, но моя Соня была кругла, какъ пышка, и упруга, какъ мячикъ. Она такъ рѣзко бѣгала, когда, бывало, разыграется, такъ звонко смѣялась, на ней всегда были такія красивыя платья и въ темныя косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая пріятельница почти никогда не бѣгала и смѣялась очень рѣдко; когда же смѣялась, то смѣхъ ея звучалъ какъ самый маленькій серебряный

колокольчикъ, котораго на десять шаговъ уже не слышно. Платье ея было грязно и старо, въ косѣ не было лентъ, но волосы у нея были гораздо больше и роскошнѣе, чѣмъ у Сони, и Валекъ, къ моему удивленію, очень искусно умѣлъ заплетать ихъ, что и исполнялъ каждое утро.

Я былъ большой сорванецъ. „У этого малаго,—говорили обо мнѣ старшіе,—руки и ноги налиты ртутью“, чему я и самъ вѣрилъ, хотя не представлялъ себѣ ясно, кто и какимъ образомъ произвелъ надо мной эту операцію. Въ первые же дни я внесъ свое оживленіе и въ общество моихъ новыхъ знакомыхъ. Едва ли эхо старой „каплицы“ повторяло когда-нибудь такіе громкіе возгласы, какъ въ это время, когда я старался расшевелить и завлечь въ свои игры Валека и Марусю. Однако это удавалось плохо. Валекъ серьезно смотрѣлъ на меня и на дѣвочку и разъ, когда я заставлялъ ее бѣгать со мной взапуски, онъ сказалъ:

— Нѣтъ, она сейчасъ заплачетъ.

Дѣйствительно, когда я растормошилъ ее и заставилъ бѣжать, Маруся, слышавъ мои шаги за собой, вдругъ повернулась ко мнѣ, подвѣсивъ ручонки надъ головой, точно для защиты, посмотрѣла на меня безпомощнымъ взглядомъ захлопнутой пташки и громко заплакала. Я совсѣмъ растерялся.

— Вотъ видишь,—сказалъ Валекъ,—она не любитъ играть.

Онъ усадилъ ее на траву, нарвалъ цвѣтовъ и кинулъ ей; она перестала плакать и тихо перебирала растенія,

что-то говорила, обращаясь къ золотистымъ лютикамъ, и подносила къ губамъ синіе колокольчики. Я тоже при-
смирѣлъ и легъ рядомъ съ Валекомъ около дѣвочки.

— Отчего она такая?—спросилъ я, наконецъ, указы-
вая глазами на Марусю.

— Не веселая?—переспросилъ Валекъ и затѣмъ ска-
залъ тономъ совершенно убѣжденнаго человѣка:—а это,
видишь ли, отъ сѣраго камня...

— Да-а,—повторила дѣвочка, точно слабое эхо,—это
отъ сѣраго камня...

— Отъ какого сѣраго камня?—переспросилъ я, не
понимая.

— Сѣрый камень высосалъ изъ нея жизнь,—пояснилъ
опять Валекъ, по-прежнему смотря на небо.—Такъ го-
ворить Тыбурцій... Тыбурцій хорошо знаетъ.

— Да-а,—опять повторила тихимъ эхо дѣвочка,—
Тыбурцій все знаетъ.

Я ничего не понималъ въ этихъ загадочныхъ словахъ,
которыя Валекъ повторялъ за Тыбурціемъ, однако
аргументъ, что Тыбурцій все знаетъ, произвелъ и на
меня свое дѣйствіе. Я приподнялся на локтѣ и взгля-
нулъ на Марусю. Она сидѣла въ томъ же положеніи,
въ какомъ усадилъ ее Валекъ, и все такъ же перебира-
ла цвѣты; движенія ея тонкихъ рукъ были медленны;
глаза выдѣлялись глубокою синевой на блѣдномъ лицѣ;
длинные рѣсницы были опущены. При взглядѣ на эту
крохотную грустную фигурку мнѣ стало ясно, что въ сло-
вахъ Тыбурція,—хотя я и не понималъ ихъ значенія,—
заключается горькая правда. Несомнѣнно, кто-то выса-

сываетъ жизнь изъ этой странной дѣвочки, которая плачетъ тогда, когда другіе на ея мѣстѣ смѣются. Но какъ же можетъ сдѣлать это сѣрый камень?

Это было для меня загадкой, страшнѣе всѣхъ призраковъ стараго зѣмка. Какъ ни ужасны были турки, томившіеся подѣ землею, какъ ни грозенъ старый графъ, усмиравшій ихъ въ бурныя ночи, но всѣ они отзывались фантастическими ужасами старой сказки. А здѣсь что-то невѣдомо-страшное было во-очію. Что-то безформенное, неумолимое, твердое и жесткое, какъ камень, склонялось надъ маленькою головкой, высасывая изъ нея румянецъ, блескъ глазъ и живость движеній. „Должно-быть это бываетъ по ночамъ“, думалъ я, и чувство щемящаго до боли сожалѣнія сжимало мнѣ сердце.

Подѣ вліяніемъ этого чувства я тоже умѣрилъ свою рѣзвость. Примѣняясь къ тихой солидности нашей дамы, оба мы съ Валекомъ, усадивъ ее гдѣ-нибудь на травѣ, собирали для нея цвѣты, разноцвѣтные камешки, ловили бабочекъ, иногда дѣлали изъ кирпичей ловушки для воробьевъ. Иногда же, растянувшись около нея на травѣ, смотрѣли въ небо, какъ плывутъ облака высоко надъ лохматою крышей старой „каплицы“, рассказывали Марусѣ сказки или бесѣдовали другъ съ другомъ.

Эти бесѣды съ каждымъ днемъ все больше закрѣпляли нашу дружбу съ Валекомъ, которая росла, несмотря на рѣзкую противоположность нашихъ характеровъ. Моей порывистой рѣзости онъ противопоставлялъ грустную солидность и внушалъ мнѣ почтеніе своею авторитетностью и независимымъ тономъ, съ какимъ отзывался о

старшихъ. Кромѣ того, онъ часто сообщалъ мнѣ много новаго, о чемъ я раньше и не думалъ. Слыша, какъ онъ отзывается о Тыбурціи, точно о товарищѣ, я спросилъ:

— Тыбурцій тебѣ отецъ?

— Должно-быть отецъ,—отвѣтилъ онъ задумчиво, какъ будто этотъ вопросъ не приходилъ ему въ голову.

— Онъ тебя любитъ?

— Да, любитъ,—сказалъ онъ уже гораздо увѣреннѣе.— Онъ постоянно обо мнѣ заботится и, знаешь, иногда онъ цѣлуетъ меня и плачетъ...

— И меня любитъ и тоже плачетъ,—прибавила Маруся съ выраженіемъ дѣтской гордости.

— А меня отецъ не любитъ,—сказалъ я грустно.— Онъ никогда не цѣловалъ меня... Онъ нехорошій.

— Неправда, неправда!—возразилъ Валекъ, — ты не понимаешь. Тыбурцій лучше знаетъ. Онъ говоритъ, что судья—самый лучшій человѣкъ въ городѣ и что городу давно бы уже надо провалиться, еслибы не твой отецъ, да еще попъ, котораго недавно посадили въ монастырь, да еврейскій раввинъ. Вотъ изъ-за нихъ троихъ...

— Что изъ-за нихъ?

— Городъ изъ-за нихъ еще не провалился,—такъ говоритъ Тыбурцій,—потому что они еще за бѣдныхъ людей заступаются... А твой отецъ, знаешь... онъ засудилъ даже одного графа...

— Да, это правда... Графъ очень сердился, я слышалъ.

— Ну, вотъ видишь! А вѣдь графа засудить не шутка.

— Почему?

— Почему?—переспросилъ Валекъ, нѣсколько озадаченный.— Потому что графъ — не простой человѣкъ... Графъ дѣлаетъ что хочетъ, и ѣздитъ въ каретѣ, и потомъ... у графа деньги; онъ далъ бы другому судѣ денегъ, и тотъ бы его не засудилъ, а засудилъ бы бѣднаго.

— Да, это правда. Я слышалъ, какъ графъ кричалъ у насъ въ квартирѣ: „я васъ всѣхъ могу купить и продать!“

— А судья что?

— А отецъ говоритъ ему: „подите отъ меня вонъ!“

— Ну, вотъ, вотъ! И Тыбурцій говоритъ, что онъ не побоится прогнать богатаго, а когда къ нему пришла старая Иваниха съ костылемъ, онъ велѣлъ принести ей стулъ. Вотъ онъ какой! Даже и Туркевичъ не дѣлаетъ никогда подъ его окнами скандаловъ.

Это была правда: Туркевичъ, во время своихъ обличительныхъ экскурсій, всегда молча проходилъ мимо нашихъ оконъ, иногда даже снимая шапку.

Все это заставило меня глубоко задуматься. Валекъ указалъ мнѣ моего отца съ такой стороны, съ какой мнѣ никогда не приходило въ голову взглянуть на него; слова Валека задѣли въ моемъ сердцѣ струну сыновней гордости; мнѣ было пріятно слушать похвалы моему отцу, высказываемыя отъ имени Тыбурція, который „все знаетъ“; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дрогнула въ моемъ сердцѣ и нота щемящей любви, смѣшанной съ горькимъ сознаніемъ, что никогда этотъ человѣкъ не любилъ и не полюбитъ меня такъ, какъ Тыбурцій любитъ своихъ дѣтей.

VI.

Среди „сѣрыхъ камней“.

Прошло еще нѣсколько дней. Члены „дурного общества“ перестали являться въ городѣ, и я напрасно шатался, скучая, по улицамъ, ожидая ихъ появленія, чтобы бѣжать на гору. Одинъ только „профессоръ“ прошелъ раза два своею сонною походкой, но ни Туркевича, ни Тыбурція не было видно. Я совсѣмъ соскучился, такъ какъ не видѣть Валека и Марусю стало уже для меня большимъ лишеніемъ. Но вотъ, когда я, однажды, шелъ съ опущенною головой по пыльной улицѣ, Валека вдругъ положилъ мнѣ на плечо руку.

— Отчего ты пересталъ къ намъ ходить?—спросилъ онъ.

— Я боялся... Вашихъ не видно въ городѣ.

— А-а... Я и не догадался сказать тебѣ: нашихъ нѣтъ, приходи... А я было думалъ совсѣмъ другое.

— А что?

— Я думалъ, что тебѣ ужъ наскучило.

— Нѣтъ, нѣтъ!... Я, братъ, сейчасъ побѣгу,—заторопился я,—даже и яблоки со мной.

При упоминаніи о яблокахъ Валека быстро повернулся ко мнѣ, какъ будто хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ничего, а только посмотрѣлъ на меня страннымъ взглядомъ.

— Ничего, ничего, — отмахнулся онъ, видя, что я смотрю на него съ ожиданіемъ.—Ступай прямо на гору,

а я тутъ зайду кое-куда, — дѣло есть. Я тебя догоню на дорогѣ.

Я пошелъ тихо и часто оглядывался, ожидая, что Валекъ меня догонитъ; однако я успѣлъ взойти на гору и подошелъ къ часовнѣ, а его все не было. Я остановился въ недоумѣніи: передо мной было только кладбище, пустынное и тихое, безъ малѣйшихъ признаковъ обитаемости, — только воробьи чирикали на свободѣ, да густые кусты черемухи, жимолости и сирени, прижимаясь къ южной стѣнѣ часовни, о чемъ-то тихо шептались густо-разросшеюся темною листвою.

Я оглянулся кругомъ. Куда же мнѣ теперь идти? Очевидно, надо дождаться Валека. А пока я сталъ ходить между могилами, присматриваясь къ нимъ отъ нечего дѣлать и стараясь разобрать стертыя надписи на обросшихъ мхомъ надгробныхъ камняхъ. Шатаясь такимъ образомъ отъ могилы къ могилѣ, я наткнулся на полуразрушенный просторный склепъ. Крыша его была сброшена или сорвана непогодой и валялась тутъ же. Дверь была заколочена. Изъ любопытства, я приставилъ къ стѣнѣ старый крестъ и, взобравшись по немъ, заглянулъ внутрь. Гробница была пуста, только въ серединѣ пола была вдѣлана оконная рама со стеклами и сквозь эти стекла зіяла темная пустота подземелья.

Пока я разсматривалъ гробницу, удивляясь странному назначенію окна, на гору вбѣжалъ запыхавшійся и усталый Валекъ. Въ рукахъ у него была большая еврейская булка, за пазухой что-то оттопырилось, по лицу стекали капли пота.

— Ага! — крикнулъ онъ, замѣтивъ меня, — ты вотъ гдѣ. Еслибы Тыбурцій тебя здѣсь увидѣлъ, то-то бы разсердился! Ну, да теперь ужъ дѣлать нечего... Я знаю, ты хлопецъ хорошій и никому не расскажешь, какъ мы живемъ. Пойдемъ къ намъ!

— Гдѣ же это, далеко?—спросилъ я.

— А вотъ увидишь. Ступай за мной.

Онъ раздвинулъ кусты жимолости и сирени и скрылся въ зелени подъ стѣной часовни; я послѣдовалъ туда за нимъ и очутился на небольшой, плотно утопанной площадкѣ, которая совершенно скрывалась въ зелени. Между стволами черемухи я увидѣлъ въ землѣ довольно большое отверстіе съ земляными ступенями, ведущими внизъ. Валекъ спустился туда, приглашая меня за собой, и черезъ нѣсколько секундъ мы оба очутились въ темнотѣ, подъ зеленью. Взявъ мою руку, Валекъ повелъ меня по какому-то узкому, сырому корридору и, круто повернувъ вправо, мы вдругъ вошли въ просторное подземелье.

Я остановился у входа, пораженный невиданнымъ зрѣлищемъ. Двѣ струи свѣта рѣзко лились сверху, выдѣляясь полосами на темномъ фонѣ подземелья; свѣтъ этотъ проходилъ въ два окна, одно изъ которыхъ я видѣлъ въ полу склепа, другое, подальше, очевидно, было пристроено такимъ же образомъ; лучи солнца проникали сюда не прямо, а прежде отражались отъ стѣнъ старыхъ гробницъ; они разливались въ сыромъ воздухѣ подземелья, падали на каменные плиты пола, отражались и наполняли все подземелье тусклыми отблесками; стѣны

тоже были сложены изъ камня; большія широкія колонны массивно вздымались снизу и, раскинувъ во всѣ стороны свои каменные дуги, крѣпко смыкались кверху сводчатымъ потолкомъ. На полу, въ освѣщенныхъ пространствахъ, сидѣли двѣ фигуры. Старый „профессоръ“, склонивъ голову и что-то бормоча про себя, ковырялъ иголкой въ своихъ лохмотьяхъ. Онъ не поднималъ даже головы, когда мы вошли въ подземелье, и еслибы не легкія движенія руки, то эту сѣрую фигуру можно было бы принять за фантастическое каменное изваяніе.

Подъ другимъ окномъ сидѣла съ кучкой цвѣтовъ, перебирая ихъ по своему обыкновенію, Маруся. Струя свѣта падала на ея бѣлокурую головку, заливала ее всю, но, несмотря на это, она какъ-то слабо выдѣлялась на фонѣ сѣраго камня страннымъ и маленькимъ туманнымъ пятнышкомъ, которое, казалось, вотъ-вотъ расплывется и исчезнетъ. Когда тамъ, вверху, надъ землей, пробѣгали тучи, затѣняя солнечный свѣтъ, стѣны подземелья тонули совсѣмъ во мракъ, какъ будто раздвигались, уходили куда-то, а потомъ опять выдѣлялись жесткими и холодными камнями, крѣпко смыкаясь нерасторжимыми объятіями надъ крохотною фигуркой дѣвочки. Я поневолѣ вспомнилъ слова Валека о „сѣромъ камнѣ“, высасывавшемъ изъ Маруси ея веселье, и чувство суевѣрнаго страха закралось въ мое сердце; мнѣ казалось, что я ощущаю на ней и на себѣ какой-то невидимый, но ужасный каменный взглядъ, пристальный и жадный. Мнѣ казалось, что это — подземелье чутко сторожитъ свою жертву...

— Валекъ! — тихо обрадовалась Маруся, увидѣвъ брата.

Когда же она замѣтила меня, въ ея глазахъ блеснула слабая искорка.

Я отдалъ ей принесенныя съ собой яблоки, а Валекъ, разломивъ булку, часть подалъ ей, а другую снесъ „профессору“. Несчастный ученый равнодушно взялъ это приношеніе и началъ жевать, не отрываясь отъ своего занятія. Я переминался и ежился, чувствуя себя какъ будто связаннымъ подъ гнетущими „взглядами“ сѣраго камня.

— Уйдемъ... уйдемъ отсюда, — дернулъ я Валека. — Уведи ее...

— Пойдемъ, Маруся, наверхъ, — позвалъ Валекъ сестру.

И мы втроемъ поднялись изъ подземелья, но и здѣсь, наверху, меня не оставляло ощущеніе какой то напряженной неловкости. Валекъ былъ грустнѣе и молчаливѣе обыкновеннаго.

— Ты въ городѣ остался затѣмъ, чтобы купить булокъ? — спросилъ я у него.

— Купить? — усмѣхнулся Валекъ. — Откуда же у меня деньги?

— Такъ какъ же?... Ты выпросилъ?

— Да, выпросишь!... Кто же мнѣ дастъ?... Нѣтъ, братъ, я стянулъ ихъ съ лотка еврейки Суры на базарѣ! Она не замѣтила.

Онъ сказалъ это обыкновеннымъ тономъ, лежа въ-рас-тяжку съ заложенными подъ голову руками. Я приподнялся на локтѣ и посмотрѣлъ на него.

— Ты, значить, укралъ?...

— Ну, да!

Я опять откинулся на траву и съ минуту мы пролежали молча.

— Воровать нехорошо, — проговорилъ я затѣмъ въ грустномъ раздумьи.

— Наши всѣ ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна.

— Да, голодна! — съ жалобнымъ простодушіемъ повторила дѣвочка.

Я не зналъ еще, что такое голодъ, но при послѣднихъ словахъ дѣвочки у меня что-то повернулось въ груди, и я посмотрѣлъ на своихъ друзей, точно увидалъ ихъ впервые. Валекъ по-прежнему лежалъ на травѣ и задумчиво слѣдилъ за парившимъ въ небѣ ястребомъ; теперь онъ не казался уже мнѣ такимъ авторитетнымъ, а при взглядѣ на Марусю, державшую обѣими руками кусокъ булки, у меня заняло сердце.

— Почему же, — спросилъ я съ усиліемъ, — почему ты не сказалъ объ этомъ мнѣ?

— Я и хотѣлъ сказать, а потомъ раздумалъ; вѣдь у тебя своихъ денегъ нѣтъ.

— Ну, такъ что же? Я взялъ бы булокъ изъ дому.

— Какъ, потихоньку?...

— Д-да.

— Значить, и ты бы тоже укралъ.

— Я... у своего отца.

— Это еще хуже! — съ увѣренностью сказалъ Валекъ. — Я никогда не ворую у своего отца.

— Ну, такъ я попросилъ бы... Мнѣ бы дали.

— Ну, можетъ-быть и дали бы одинъ разъ,—гдѣ же напастись на всѣхъ нищихъ?

— А вы развѣ... нищіе? — спросилъ я упавшимъ голосомъ.

— Нищіе!—угрюмо отрѣзалъ Валекъ.

Я замолчалъ и черезъ нѣсколько минутъ сталъ прощаться.

— Ты ужь уходишь?—спросилъ Валекъ.

— Да, ухожу.

Я уходилъ потому, что не могъ уже въ этотъ день играть съ моими друзьями по-прежнему, безмятежно. Чистая дѣтская привязанность моя какъ-то замутилась; хотя любовь моя къ Валеку и Марусѣ не стала слабѣе, но къ ней примѣшалась острая струя сожалѣнія, доходившая до жгучей сердечной боли. Дома я рано легъ въ свою постель, потому что не зналъ, куда уложить новое болѣзненное чувство, переполнявшее душу. Уткнувшись въ подушку, я горько плакалъ, пока благодѣтельный сонъ не заглушилъ своимъ вѣяніемъ моего глубокаго горя.

VII.

На сцену является панъ Тыбурцій.

— Здравствуй! А ужь я думалъ, ты не придешь болѣе,—такъ встрѣтилъ меня Валекъ, когда я на слѣдующій день опять явился на гору.

Я понялъ, почему онъ сказалъ это.

— Нѣтъ, я... я всегда буду ходить къ вамъ,—отвѣтилъ я рѣшительно, чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ.

Валекъ замѣтно повеселѣлъ при этомъ, и оба мы почувствовали себя свободнѣе.

— Ну, что? Гдѣ же ваши?—спросилъ я.—Все еще не вернулись?

— Нѣтъ еще. Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ они пропадаютъ!

И мы весело принялись за сооруженіе хитроумной ловушки для воробьевъ, для которой я принесъ съ собой нитокъ. Нитку мы дали въ руку Марусѣ, и когда неосторожный воробей, привлеченный зерномъ, безпечно заскакивалъ въ западню, Маруся дергала нитку и крышка захлопывала птичку, которую мы затѣмъ отпускали.

Между тѣмъ около полудня небо насупилось, надвинулась темная туча и подъ веселые раскаты грома зашумѣлъ ливень. Сначала мнѣ очень не хотѣлось спуститься въ подземелье, но потомъ, подумавъ, что вѣдь Валекъ и Маруся живутъ тамъ постоянно, я побѣдилъ непріятное ощущеніе и пошелъ туда вмѣстѣ съ ними. Въ подземельи было темно и тихо, по сверху слышно было, какъ перекачивался гулкій грохотъ грозы, точно кто ѣздилъ тамъ въ громадной телѣгѣ по гигантски-сложенной мостовой. Черезъ нѣсколько минутъ я освоился съ подземельемъ, и мы весело прислушивались какъ земля принимала широкіе потоки ливня; гулъ, всплески и частые раскаты настраивали наши нервы, вызывали оживленіе, требовавшее исхода.

— Давайте играть въ жмурки,—предложилъ я.

Мнѣ завязали глаза; Маруся звенѣла слабыми перебивками своего жалкаго смѣха и шлепала по каменному полу непроторными ножонками, а я дѣлалъ видъ, что не могу поймать ее, какъ вдругъ я наткнулся на чью-то мокрую фигуру и въ ту же минуту почувствовалъ, что кто то схватилъ меня за ногу. Сильная рука приподняла меня съ полу, и я повисъ въ воздухѣ внизъ головой. Повязка съ глазъ моихъ спала.

Тыбурцій, мокрый и сердитый, страшнѣе еще оттого, что я глядѣлъ на него снизу, держалъ меня за ноги и дико вращалъ зрачками.

— Это что еще, а? — строго спрашивалъ онъ, глядя на Валека. — Вы тутъ, я вижу, весело проводите время... Завели пріятную компанію.

— Пустите меня! — сказалъ я, удивляясь, что и въ такомъ необычномъ положеніи я все-таки могу говорить, но рука пана Тыбурція только еще сильнѣе сжала мою ногу.

— Responde, отвѣтствуй! — грозно обратился онъ опять къ Валеку, который въ этомъ затруднительномъ случаѣ стоялъ зажавъ въ ротъ два пальца, какъ бы въ доказательство того, что ему отвѣчать рѣшительно нечего.

Я замѣтилъ только, что онъ сочувственнымъ окомъ и съ большимъ участіемъ слѣдилъ за моею несчастною фигурой, качавшеюся, подобно маятнику, въ пространствѣ.

Панъ Тыбурцій приподнялъ меня и взглянулъ въ лицо.

— Эге-ге! Панъ судья, если меня не обманываютъ глаза... Зачѣмъ это изволили пожаловать?

— Пусти!—проговорилъ я упрямо. — Сейчасъ отпусти!—и при этомъ я сдѣлалъ инстинктивное движеніе, какъ бы собираясь топнуть ногой, но отъ этого моя фигура только забила въ воздухъ.

Тыбурцій захохоталъ.

— Ого-го! Панъ судья изволитъ сердиться... Ну, да ты меня еще не знаешь. Его—Тыбурцій *sum*. Я, вотъ, повѣшу тебя надъ огонькомъ и зажарю, какъ поросенка.

Я начиналъ думать, что дѣйствительно такова моя неизбежная участь, тѣмъ болѣе, что отчаянная фигура Валека какъ бы подтверждала мысль о возможности такого печальнаго исхода. Къ счастью, на выручку подоспѣла Маруся.

— Не бойся, Вася, не бойся!—ободрила она меня, подойдя къ самымъ ногамъ Тыбурція.—Онъ никогда не жаритъ мальчиковъ на огнѣ... Это неправда!

Тыбурцій быстрымъ движеніемъ повернулъ меня и поставилъ на ноги; при этомъ я чуть не упалъ, такъ какъ у меня закружилась голова, но онъ поддержалъ меня рукой и затѣмъ, сѣвъ на деревянный обрубокъ, поставилъ меня между колѣнъ.

— И какъ это ты сюда попалъ?—продолжалъ онъ допрашивать.—Давно ли?...—Говори ты!—обратился онъ къ Валеку, такъ какъ я ничего не отвѣтилъ.

— Давно, — отвѣтилъ тотъ.

— А какъ давно?

— Дней шесть.

Казалось, этотъ отвѣтъ доставилъ пану Тыбурцію нѣкоторое удовольствіе.

— Ого, шесть дней! — заговорилъ онъ, поворачивая меня лицомъ къ себѣ.—Шесть дней много времени. И ты до сихъ поръ никому еще не разболталъ, куда ходишь?

— Никому.

— Правда?

— Никому,—повторилъ я.

— Вепе, похвально!... Можно разсчитывать, что не разболтаешь и впередъ. Впрочемъ, я и всегда считалъ тебя порядочнымъ малымъ, встрѣчая на улицахъ. Настоящій „уличникъ“, хотъ и судья... А насъ судить будешь, скажи-ка?

Онъ говорилъ довольно добродушно, но я все-таки чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и потому отвѣтилъ довольно сердито:

— Я вовсе не судья. Я—Вася.

— Одно другому не мѣшаетъ, и Вася тоже можетъ быть судьей,—не теперь, такъ послѣ... Это ужъ, братъ, такъ ведется изстари. Вотъ видишь ли: я—Тыбурцій, а онъ—Валекъ. Я—нищій, и онъ—нищій. Я, если ужъ говорить откровенно, краду, и онъ будетъ красть. А твой отецъ меня судитъ,—ну, и ты когда-нибудь будешь судить... вотъ его!

— Не буду судить Валека,—возразилъ я угрюмо.—Неправда!

— Онъ не будетъ,—вступилась и Маруся, съ полнымъ убѣжденіемъ отстраняя отъ меня столь ужасное подозрѣніе.

Дѣвочка довѣрчиво прижалась къ ногамъ этого урода,

а онъ ласково гладилъ жилистою рукой ея бѣлокурые волосы.

— Ну, этого ты впередъ не говори,—сказалъ странный человѣкъ задумчиво, обращаясь ко мнѣ такимъ тономъ, точно онъ говорилъ со взрослымъ.—Не говори, amice!... Эта исторія ведется изстари, всякому свое, suum cuique; каждый идетъ своей дорожкой, и кто знаетъ... можетъ-быть это и хорошо, что твоя дорога пролегла черезъ нашу. Для тебя хорошо, amice, потому что имѣть въ груди кусочекъ человѣческаго сердца, вмѣсто холоднаго камня,—понимаешь?...

Я не понималъ ничего, но все же впился глазами въ лицо страннаго человѣка; глаза пана Тыбурція пристально смотрѣли въ мои, и въ нихъ смутно мерцало что то, какъ будто проникавшее въ мою душу.

— Не понимаешь, конечно, потому что ты еще малецъ... Поэтому скажу тебѣ кратко, а ты когданибудь и вспомнишь слова философа Тыбурція: если когда-нибудь придется тебѣ судить вотъ его, то вспомни, что еще въ то время, когда вы оба были дураки и играли вмѣстѣ,—что уже тогда ты шелъ по дорогѣ, по которой ходятъ въ штанахъ и съ хорошимъ запасомъ провизіи, а онъ бѣжалъ по своей оборванцемъ-безштанникомъ и съ пустымъ брюхомъ... Впрочемъ, пока еще это случится,—заговорилъ онъ, рѣзко измѣнивъ тонъ,—запомни еще хорошенько вотъ что: если ты проболтаешься своему судѣ или хотъ птицѣ, которая пролетитъ мимо тебя въ полѣ, о томъ, что ты здѣсь видѣлъ, то не будь я Тыбурцій Драбъ, если я тебя не повѣшу вотъ въ этомъ камнѣ

нѣ за ноги и не сдѣлаю изъ тебя копченago окорока. Это ты, надѣюсь, понялъ?

— Я не скажу никому... я... Можно мнѣ опять придти?

— Приходи, разрѣшаю... *sub conditionem*... Впрочемъ, ты еще глупъ и латыни не понимаешь. Я уже сказалъ тебѣ насчетъ окорока. Помни!...

Онъ отпустилъ меня и самъ растянулся съ усталымъ видомъ на длинной лавкѣ, стоявшей около стѣнки.

— Возьми вонъ тамъ, — указалъ онъ Валеку на большую корзину, которую, войдя, оставилъ у порога, — да разведи огонь. Мы будемъ сегодня варить обѣдъ.

Теперь это уже былъ не тотъ человѣкъ, что за минуту пугалъ меня, вращая зрачками, и не гаеръ, потѣшавшій публику изъ-за подачекъ. Онъ распоряжался какъ хозяинъ и глава семейства, вернувшійся съ работы и отдающій приказанія домочадцамъ.

Онъ казался сильно уставшимъ. Платье его было мокро отъ дождя, лицо тоже; волосы слиплись на лбу, во всей фигурѣ виднѣлось тяжелое утомленіе. Я въ первый разъ видѣлъ это выраженіе на лицѣ веселаго оратора городскихъ кабаковъ, и опять этотъ взглядъ за кулисы, на актера, изнеможенно отдыхавшаго послѣ тяжелой роли, которую онъ былъ вынужденъ разыгрывать на житейской сценѣ, какъ будто влилъ что-то жуткое въ мое сердце. Это было еще одно изъ тѣхъ откровеній, какими такъ щедро надѣляла меня старая уніатская „каплица“.

Мы съ Валекомъ живо принялись за работу. Валекъ зажегъ лучину и мы отправились съ нимъ въ темный

корридоръ, примыкавшій къ подземелью. Тамъ, въ углу, были свалены куски полуистлѣвшаго дерева, облоки крестовъ, старыя доски; изъ этого запаса мы взяли нѣсколько кусковъ и, поставивъ ихъ въ каминъ, развели огонекъ. Затѣмъ мнѣ пришлось отступить и Валекъ одинъ умѣлыми руками принялся за стряпню. Черезъ полчаса на каминѣ закипало уже въ горшкѣ какое-то варево, а въ ожиданіи, пока оно поспѣетъ, Валекъ поставилъ на трехногій, кое-какъ сколоченный, столикъ сковороду, на которой дымились куски жаренаго мяса.

Тыбурцій поднялся.

— Готово? — сказалъ онъ. — Ну, и отлично. Садись, малый, съ нами, — ты заработалъ свой обѣдъ... Domine! — крикнулъ онъ затѣмъ, обращаясь къ „профессору“, — брось иголку, садись къ столу.

— Сейчасъ, — сказалъ тихимъ голосомъ „профессоръ“, удививъ меня этимъ сознательнымъ отвѣтомъ.

Впрочемъ, искра сознанія, вызванная голосомъ Тыбурціи, не проявлялась ничѣмъ больше. Старикъ воткнулъ иголку въ лохмотья и равнодушно, съ тусклымъ взглядомъ, усѣлся на одномъ изъ деревянныхъ обрубковъ, замѣнявшихъ въ подземельи стулья.

Марусю Тыбурцій держалъ на рукахъ. Она и Валекъ ѣли съ жадностью, которая ясно показывала, что мясное блюдо было для нихъ невиданною роскошью; Маруся облизывала даже свои засаленные пальцы. Тыбурцій ѣлъ съ разстановкой и, повинувшись, повидимому, неодолимой потребности говорить, то и дѣло обращался къ „профессору“ съ своею бесѣдой. Бѣдный ученый проявлялъ при

этомъ удивительное вниманіе и, наклонивъ голову, выслушивалъ все съ такимъ разумнымъ видомъ, какъ будто онъ понималъ каждое слово. Иногда даже онъ выражалъ свое согласіе кивками головы и тихимъ мычаніемъ.

— Вотъ, domine, какъ немного нужно человеку,—говорилъ Тыбурцій.—Не правда ли? Вотъ мы и сыты, и теперь намъ остается только поблагодарить Бога и клеванскаго капеллана...

— Ага, ага!—поддакнулъ „профессоръ“.

— Ты это, domine, поддакиваешь, а самъ не понимаешь, при чемъ тутъ клеванскій капелланъ,—я вѣдь тебя знаю... А между тѣмъ не будь клеванскаго капеллана, у насъ не было бы жаркаго и еще кое-чего...

— Это онъ вамъ далъ?—спросилъ я.

— У этого малаго, domine, любознательный умъ,—продолжалъ Тыбурцій, по-прежнему обращаясь къ „профессору“.—Дѣйствительно, его священство далъ намъ все это, хотя мы у него и не просили и даже, быть-можетъ, не только его лѣвая рука не знала, что даетъ правая, но и обѣ руки не имѣли объ этомъ ни малѣйшаго понятія... Кушай, domine, кушай!

Изъ этой странной и запутанной рѣчи я понялъ только, что способъ пріобрѣтенія былъ не совсѣмъ обыкновенный, и не удержался, чтобъ еще разъ не вставить вопроса:

— Вы это взяли... сами?

— Малый не лишенъ проницательности,—продолжалъ опять Тыбурцій по-прежнему,—жаль только, что онъ не

видѣлъ капеллана; у капеллана брюхо какъ настоящая сороковая бочка, и стало - быть объяденіе ему очень вредно. Между тѣмъ мы всѣ, здѣсь находящіеся, страдаемъ скорѣе излишнею худобой, а потому нѣкоторое количество провизіи не можемъ считать для себя лишнимъ... Такъ ли я говорю, domine?

— Ага, ага! — задумчиво промышчалъ опять „профессоръ“.

— Ну, вотъ! На этотъ разъ вы выразили свое мнѣніе очень удачно, а то я начиналъ уже думать, что у этого малаго умъ бойчѣе, чѣмъ у нѣкоторыхъ ученыхъ... Возвращаясь, однако, къ капеллану, я думаю, что добрый урокъ стоить платы, и въ такомъ случаѣ мы можемъ сказать, что купили у него провизію: если онъ послѣ этого сдѣлаетъ въ амбарѣ двери покрѣпче, то вотъ мы и квиты... Впрочемъ, — повернулся онъ вдругъ ко мнѣ, — ты все-таки еще глупъ и многого не понимаешь. А вотъ она понимаетъ: скажи, моя Маруся, хорошо ли я сдѣлалъ, что принесъ тебѣ жаркое?

— Хорошо! — отвѣтила дѣвочка, слегка сверкнувъ бирюзовыми глазками. — Маня была голодна.

Подъ вечеръ этого дня я съ отуманенною головой задумчиво возвращался къ себѣ. Странныя рѣчи Тырбуція ни на одну минуту не поколебали во мнѣ убѣжденія, что „воровать нехорошо“. Напротивъ, болѣзненное ощущеніе, которое я испытывалъ раньше, еще усилилось. Нищіе... воры... у нихъ нѣтъ дома!... Отъ окружающихъ я давно уже зналъ, что со всѣмъ этимъ соединяется презрѣніе. Я даже чувствовалъ, какъ изъ глубины души

во мнѣ подымается вся горечь презрѣнія, но я инстинктивно защищалъ мою привязанность отъ этой горькой примѣси, не давая имъ слиться. Въ результатѣ смутнаго душевнаго процесса — сожалѣніе къ Валеку и Марусѣ усилилось и обострилось, но привязанность не исчезла. Формула „нехорошо воровать“ осталась неприкосновенною, но когда воображеніе рисовало мнѣ оживленное личико моей пріятельницы, облизывавшей свои засаленные пальцы, я радовался ея радостью и радостью Валека.

Въ темной аллеѣ сада я нечаянно наткнулся на отца. Онъ, по обыкновенію, угрюмо ходилъ взадъ и впередъ съ обычнымъ страннымъ, какъ будто отуманеннымъ взглядомъ. Когда я очутился подлѣ него, онъ взялъ меня за плечо.

— Откуда это?

— Я... гулялъ...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня, хотѣлъ что-то сказать, но потомъ взглядъ его опять затуманился и, махнувъ рукой, онъ зашагалъ по аллеѣ. Мнѣ кажется, что я и тогда понималъ смыслъ этого жеста:

— А, все равно... *Ея* уже нѣтъ!...

Я солгалъ чуть ли не первый разъ въ жизни.

Я всегда боялся отца, а теперь тѣмъ болѣе. Теперь я носилъ въ себѣ цѣлый міръ смутныхъ вопросовъ и ощущеній. Могъ ли онъ понять меня? Могъ ли я въ чемъ-либо признаться ему, не измѣняя своимъ друзьямъ? Я дрожалъ при мысли, что онъ узнаетъ когда-либо о моемъ знакомствѣ съ „дурнымъ обществомъ“, но измѣнить этому обществу, измѣнить Валеку и Марусѣ — я былъ не въ состояніи. Къ тому же, здѣсь было тоже нѣ-

что вродѣ „принципа“: еслибъ я измѣнилъ имъ, нарушивъ данное слово, то, безъ сомнѣнія, не могъ бы при встрѣчѣ поднять на нихъ глазъ отъ стыда.

VIII.

О с е н ь ю.

Близились осень. Въ полѣ шла жатва, листья на деревьяхъ начали желтѣть. Вмѣстѣ съ тѣмъ наша Маруся начала что-то прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только все худѣла; лицо ея все больше и больше блѣднѣло, глаза потемнѣли, стали больше, вѣки приподымались съ трудомъ.

Теперь я могъ приходить на гору, не стѣсняясь тѣмъ, что члены „дурного общества“ бывали дома. Я совершенно свылся съ ними и сталъ на горѣ своимъ человѣкомъ.

— Ты славный хлопецъ и когда-нибудь тоже будешь генераломъ,—говаривалъ Туркевичъ.

Темныя молодые личности дѣлали мнѣ изъ вяза луки и самострѣлы; высокій штыкъ-юнкеръ съ краснымъ носомъ вертѣлъ меня на воздухъ какъ щепку, приучая къ гимнастикѣ. Только „профессоръ“ да Лавровскій какъ будто совершенно не замѣчали моего присутствія. „Профессоръ“, по-всегдашнему, былъ погруженъ въ какія-то глубокія соображенія, а Лавровскій въ трезвомъ состояніи вообще избѣгалъ людского общества и жался по угламъ.

Всѣ эти люди помѣщались отдѣльно отъ Тыбурція,

который занималъ „съ семействомъ“ описанное выше подземелье. Остальные члены „дурного общества“ жили въ такомъ же подземельи, побольше, которое отдѣлялось отъ перваго двумя узкими корридорами. Свѣту здѣсь было меньше, больше сырости и мрака. Вдоль стѣнъ кое гдѣ стояли деревянные лавки и обрубки, замѣнявшіе стулья. Скамейки были завалены какими-то лохмотьями, замѣнявшими постели. Въ серединѣ, въ освѣщенномъ мѣстѣ, стоялъ верстакъ, на которомъ по временамъ панъ Тыбурцій или кто-либо изъ темныхъ личностей работали столярныя подѣлки; былъ среди „дурного общества“ и сапожникъ, и корзинщикъ, но, кромѣ Тыбурція, всѣ остальные ремесленники были или дилетанты, или же какіе-нибудь заморыши, или люди, у которыхъ, какъ я замѣчалъ, слишкомъ сильно тряслись руки, чтобы работа могла идти успѣшно. Полъ этого подземелья былъ закиданъ стружками и всякими обрѣзками; всюду виднѣлись грязь и беспорядокъ, хотя по временамъ Тыбурцій за это сильно ругался и заставлялъ кого-нибудь изъ жильцовъ подмести и хотя сколько-нибудь убрать это мрачное жилье. Я не часто заходилъ сюда, такъ какъ не могъ привыкнуть къ затхлому воздуху, и, кромѣ того, въ трезвыя минуты здѣсь имѣлъ пребываніе мрачный Лавровскій. Онъ обыкновенно или сидѣлъ на лавочкѣ, спрятавъ лицо въ ладони и раскидавъ свои длинные волосы, или ходилъ изъ угла въ уголъ быстрыми шагами. Отъ этой фигуры вѣяло чѣмъ-то тяжелымъ и мрачнымъ, чего не выносили мои нервы. Но остальные сожители-бѣдняги давно уже свыклись съ его стран-

ностями. „Генералъ“ Туркевичъ заставлялъ его иногда переписывать на-бѣло сочиняемыя самимъ Туркевичемъ прошенія и кляузы для обывателей или же шуточные пасквили, которые потомъ развѣшивалъ на фонарныхъ столбахъ. Лавровскій покорно садился за столикъ въ комнатѣ Тыбурція и по цѣлымъ часамъ выводилъ прекраснымъ почеркомъ ровныя строки. Раза два мнѣ довелось видѣть, какъ его, безчувственно-пьянаго, тащили сверху въ подземелье. Голова несчастнаго, свѣсившись, болталась изъ стороны въ сторону, ноги безсильно тащились и стучали по каменнымъ ступенькамъ, на лицѣ виднѣлось выраженіе страданія, по щекамъ текли слезы. Мы съ Марусей, крѣпко прижавшись другъ къ другу, смотрѣли на эту сцену изъ дальняго угла; но Валекъ совершенно свободно шнырялъ между большими, поддерживая то руку, то ногу, то голову безпомощнаго Лавровскаго.

Все, что меня забавляло и интересовало въ этихъ людяхъ, какъ балаганное представленіе, на улицахъ,—здѣсь, за кулисами, являлось въ своемъ настоящемъ неприкрашенномъ видѣ и тяжело угнетало дѣтское сердце.

Тыбурцій пользовался здѣсь непререкаемымъ авторитетомъ. Онъ открылъ эти подземелья; онъ здѣсь распоряжался, и всѣ его приказанія исполнялись. Вѣроятно, поэтому именно я не припомню ни одного случая, когда бы кто-либо изъ этихъ людей, несомнѣнно потерявшихъ чело-вѣческій обликъ, обратился ко мнѣ съ какимъ-нибудь дурнымъ предложеніемъ. Теперь, умудренный прозаическимъ опытомъ жизни, я знаю, конечно, что тамъ былъ

мелкій развратъ, грошевые пороки и гниль. Но когда эти люди и эти картины встають въ моей памяти, затянутые дымкой прошедшаго, я вижу только черты тяжелаго трагизма, глубокаго горя и бѣдствій.

Дѣтство, юность—это великіе источники идеализма!

Осень все больше вступала въ свои права. Небо все чаще заволакивалось тучами, окрестности тонули въ туманномъ сумракѣ; потоки дождя шумно лились на землю, отдаваясь однообразнымъ и грустнымъ гуломъ въ подземельяхъ.

Мнѣ стоило много труда урываться изъ дому въ такую погоду; впрочемъ, я только старался уйти незамѣченнымъ; когда же возвращался домой весь вымокшій, то самъ развѣшивалъ платье противъ камина и смиренно ложился въ постель, философски отмалчиваясь подъ цѣлымъ градомъ упрековъ, которые лились изъ устъ нянекъ и служанокъ.

Каждый разъ, придя къ своимъ друзьямъ, я замѣчалъ, что Маруся все больше хирѣетъ. Теперь она совсѣмъ уже не выходила на воздухъ, и сѣрый камень—темное, молчаливое чудовище подземелья—продолжалъ безъ перерывовъ свою ужасную работу, высасывая жизнь изъ маленькаго тѣльца. Дѣвочка теперь бѣольшую часть времени проводила въ постели, и мы съ Валекомъ истощали всѣ усилія, чтобы развлечь ее и позабавить, чтобы вызвать тихіе переливы ея слабаго смѣха.

Теперь, когда я окончательно сжился съ „дурнымъ обществомъ“, грустная улыбка Маруси стала мнѣ почти такъ же дорога, какъ улыбка сестры; но тутъ никто не

ставилъ мнѣ вѣчно на видъ мою испорченность, тутъ не было ворчливой няньки, тутъ я былъ нуженъ,—я чувствовалъ, что каждый разъ мое появленіе вызываетъ румянецъ оживленія на щекахъ дѣвочки. Валекъ обнималъ меня какъ брата, и даже Тыбурцій по временамъ смотрѣлъ на насъ троихъ какими-то странными глазами, въ которыхъ что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; съ него сбѣжали послѣднія тучи, и надъ просыхающею землею, въ послѣдній разъ передъ наступленіемъ зимы, засіяли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверхъ, и здѣсь она какъ будто оживала; дѣвочка смотрѣла вокругъ широко раскрытыми глазами, на щекахъ ея загорался румянецъ; казалось, что вѣтеръ, обдававшій ее своими свѣжими, живительными взмахами, возвращалъ ей частицы жизни, похищенные сѣрыми камнями подземелья. Но это продолжалось такъ не долго...

Между тѣмъ надъ моею головой тоже стали собираться тучи.

Однажды, когда я, по обыкновенію, утромъ проходилъ по аллеямъ сада, я увидѣлъ въ одной изъ нихъ отца, а рядомъ стараго Януша изъ замка. Старикъ подобострастно кланялся и что-то говорилъ, а отецъ стоялъ съ угрюмымъ видомъ и на лбу его рѣзко обозначалась складка нетерпѣливаго гнѣва. Наконецъ, онъ протянулъ руку, какъ бы отстраняя Януша съ своей дороги, и сказалъ:

— Уходите! Вы просто старый сплетникъ!

Старикъ какъ-то заморгалъ и, держа шапку въ рукахъ, опять забѣжалъ впередъ и загородилъ отцу дорогу.

Глаза отца сверкнули гнѣвомъ. Янушъ говорилъ тихо и словъ его мнѣ не было слышно, за то отрывистыя фразы отца доносились совершенно явственно, падая точно удары хлыста.

— Не вѣрю ни одному слову... Что вамъ надо отъ этихъ людей? Гдѣ же доказательства?... Словесныхъ доносовъ я не слушаю, а письменный вы обязаны доказать... Молчать! это ужъ мое дѣло... Не желаю и слушать.

Наконецъ, онъ такъ рѣшительно отстранилъ Януша, что тотъ не посмѣлъ болѣе надоѣдать ему; отецъ повернулъ въ боковую аллею, а я побѣжалъ къ калиткѣ.

Я сильно недолюбливалъ стараго филина изъ зѣмка и теперь сердце мое дрогнуло предчувствіемъ. Я понялъ, что подслушанный мною разговоръ относился къ моимъ друзьямъ и, быть-можетъ, также ко мнѣ.

Тыбурцій, которому я рассказалъ объ этомъ случаѣ, скорчилъ ужасную гримасу:

— У-уфъ, малый, какая это непріятная новость!... О, проклятая старая лисица!

— Отецъ его прогналъ, — замѣтилъ я, въ видѣ утѣшенія.

— Твой отецъ, малый, самый лучшій изъ всѣхъ судей, начиная съ Соломона... Однако, знаешь ли ты, что такое *curriculum vitae*? Не знаешь, конечно. Ну, а формулярный списокъ знаешь? Ну, вотъ видишь ли: *curriculum vitae* это есть формулярный списокъ человѣка, не служившаго въ уѣздномъ судѣ, и если только старый сычъ кое-что пронюхалъ и сможетъ доставить твоему отцу

мой списокъ, то... ахъ, кляпуть Богородицей, не желалъ бы я попасть къ судѣ въ лапы!...

— Развѣ онъ злой? — спросилъ я, вспомнивъ отзывы Валека.

— Нѣтъ, нѣтъ, малый! Храни тебя Богъ подумать это объ отцѣ. У твоего отца есть сердце; быть-можетъ онъ уже и теперь знаетъ все, что можетъ сказать ему Янушъ, но онъ молчитъ; онъ не считаетъ нужнымъ травить стараго беззубаго звѣря въ его послѣдней берлогѣ... Но, малый, какъ бы тебѣ объяснить это?... Твой отецъ служить господину, котораго имя—законъ. У него есть глаза и сердце только до тѣхъ поръ, пока законъ спитъ себѣ на полкахъ; когда же этотъ господинъ сойдетъ оттуда и скажетъ твоему отцу: „а ну-ка, судья, не возьмись ли намъ за Тыбурція Драба или какъ тамъ его зовутъ?—съ этого момента судья тотчасъ запираетъ свое сердце на ключъ, и тогда у судьи такія твердыя лапы, что скорѣе міръ повернется въ другую сторону, чѣмъ панъ Тыбурцій вывернется изъ его рукъ... Пони-маешь ты, малый?... И за это я и всѣ еще больше уважаемъ твоего отца, потому что онъ вѣрный слуга своего господина, а такіе люди рѣдки. Будь у закона все такіе слуги, онъ могъ бы спать себѣ спокойно на своихъ полкахъ и никогда не просыпаться... Вся бѣда моя въ томъ, что у меня съ закономъ вышла когда-то, давно уже, ссора... ахъ, малый, очень крупная ссора!

Съ этими словами Тыбурцій всталъ, взялъ на руки Марусю и, отойдя съ нею въ дальній уголъ, сталъ цѣловать ее, прижимаясь своею безобразною головой къ ея

маленькой груди. А я остался на мѣстѣ и долго стоялъ въ одномъ положеніи, подъ впечатлѣніемъ странныхъ рѣчей страннаго человѣка. Несмотря на причудливые и непонятные обороты, я отлично схватилъ сущность того, что говорилъ объ отцѣ Тыбурціи, и фигура отца въ моемъ представленіи еще выросла, облеклась ореоломъ грозной, но симпатичной силы и даже какого-то величія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось и другое, горькое чувство... „Вотъ онъ какой, — думалось мнѣ, — но все же онъ меня не любитъ“.

IX.

К у к л а.

Ясные дни миновали и Марусѣ опять стало хуже. На всѣ наши ухищренія, съ цѣлью занять ее, она смотрѣла равнодушно своими большими, потемнѣвшими и неподвижными глазами и мы давно уже не слышали ея смѣха. Я сталъ носить въ подземелье свои игрушки, но и онѣ развлекали дѣвочку только на короткое время. Тогда я рѣшился обратиться къ своей сестрѣ Сонѣ.

У Сони была большая кукла, съ ярко раскрашеннымъ лицомъ и роскошными льняными волосами, подарокъ покойной матери. На эту куклу я возлагалъ большія надежды и потому, отозвавъ сестру въ боковую аллею сада, попросилъ дать мнѣ ее на время. Я такъ убѣдительно просилъ ее объ этомъ, такъ живо описалъ ей бѣдную больную дѣвочку, у которой никогда не было

своихъ игрушекъ, что Соня, которая сначала только прижимала куклу къ себѣ, отдала мнѣ ее и общала въ теченіе двухъ-трехъ дней играть другими игрушками, ничего не упоминая о куклѣ.

Дѣйствіе этой нарядной фаянсовой барышни на нашу больную превзошло всѣ мои ожиданія. Маруся, которая увядала какъ цвѣтокъ осенью, казалось, вдругъ опять ожила. Она такъ крѣпко меня обнимала, такъ звонко смѣялась, разговаривая съ своею новою знакомой... Маленькая кукла сдѣлала почти чудо: Маруся, давно уже не сходявшая съ постели, стала ходить, водя за собой свою бѣлокурую дочку, и по временамъ бѣгала даже, по-прежнему шлепая по полу слабыми ногами.

За то мнѣ эта кукла доставила очень много тревожныхъ минутъ. Прежде всего, когда я несъ ее за пазухой, направляясь съ нею на гору, въ дорогѣ мнѣ попался старый Янушъ, который долго провожалъ меня глазами и качалъ головой. Потомъ, дня черезъ два, старушка-няня замѣтила пропажу и стала соваться по угламъ, вездѣ разыскивая куклу. Соня старалась унять ее, но своими наивными увѣреніями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернется, только вызывала недоумѣніе служанокъ и возбуждала подозрѣніе, что тутъ не простая пропажа. Отецъ ничего еще не зналъ, но къ нему опять приходилъ Янушъ и былъ прогнанъ на этотъ разъ съ еще бѣльшимъ гнѣвомъ; однако въ тотъ же день отецъ остановилъ меня на пути къ садовой калиткѣ и велѣлъ остаться дома. На слѣдующій день повторилось то же, и только черезъ четыре

дня я всталъ рано утромъ и махнулъ черезъ заборъ, пока отецъ еще спалъ.

На горѣ дѣла опять были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало еще хуже: лицо ея горѣло страннымъ румянцемъ, бѣлокुरые волосы раскидались по подушкѣ: она никого не узнавала. Рядомъ съ ней лежала злополучная кукла, съ розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщилъ Валеку свои опасенія, и мы рѣшили, что куклу необходимо унести обратно, тѣмъ болѣе, что Маруся этого и не замѣтитъ. Но мы ошиблись: какъ только я вынулъ куклу изъ рукъ лежавшей въ забытій дѣвочки, она открыла глаза, посмотрѣла передъ собой смутнымъ взглядомъ, какъ будто не видя меня, не сознавая, что съ ней происходитъ, и вдругъ заплакала тихо, тихо, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ жалобно, и въ исхудаломъ лицѣ, подъ покровомъ бреда, мелькнуло выраженіе такого глубокаго горя, что я тотчасъ же съ испугомъ положилъ куклу на прежнее мѣсто. Дѣвочка улыбнулась, прижала куклу къ себѣ и успокоилась. Я понялъ, что хотѣлъ лишить моего маленькаго друга первой и послѣдней радости ея недолгой жизни.

Валекъ робко посмотрѣлъ на меня.

— Какъ же теперь будетъ?—спросилъ онъ грустно.

Тыбурцій, сидя на лавочкѣ съ печально понуренною головой, также смотрѣлъ на меня вопросительнымъ взглядомъ. Поэтому я постарался придать себѣ видъ по возможности безпечный и сказалъ:

— Ничего! Нянька, навѣрное, ужъ забыла.

Но старуха не забыла. Когда я на этотъ разъ возвращался домой, у калитки мнѣ опять попался Янушъ; Союю я засталъ съ заплаканными глазами, а нянька кипела на меня сердитый, подавляющій взглядъ и что-то ворчала беззубымъ, шамкающимъ ртомъ.

Отецъ спросилъ у меня, куда я ходилъ, и, выслушавъ внимательно обычный отвѣтъ, ограничился тѣмъ, что повторилъ мнѣ приказъ ни подъ какимъ видомъ не отлучаться изъ дому безъ его позволенія. Приказъ былъ категориченъ и очень рѣшителенъ; послушаться его я не посмѣлъ, но не рѣшался также и обратиться къ отцу съ позволеніемъ.

Прошло четыре томительныхъ дня. Я грустно ходилъ по саду и съ тоской смотрѣлъ по направленію къ горѣ, ожидая, кромѣ того, грозы, которая собиралась надъ моею головой. Чтò будетъ, я не зналъ, но на сердцѣ у меня было тяжело. Меня въ жизнь никто еще не наказывалъ; отецъ не только не трогалъ меня пальцемъ, но я отъ него не слышалъ никогда ни одного рѣзкаго слова. Теперь меня томило тяжелое предчувствіе.

Наконецъ меня позвали къ отцу, въ его кабинетъ. Я вошелъ и робко остановился у притолки. Въ окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отецъ нѣкоторое время сидѣлъ въ своемъ креслѣ, передъ портретомъ матери, и не поворачивался ко мнѣ. Я слышалъ тревожный стукъ собственнаго сердца.

Наконецъ, онъ повернулся. Я поднялъ на него глаза и тотчасъ же ихъ опустилъ въ землю. Лицо отца показалось мнѣ страшнымъ. Прошло около полминуты и въ

теченіе этого времени я чувствовалъ на себѣ тяжелый и неподвижный, подавляющій взглядъ.

— Ты взялъ у сестры куклу?

Эти слова упали вдругъ на меня такъ отчетливо и рѣзко, что я вздрогнулъ.

— Да,—отвѣтилъ я тихо.

— А знаешь ты, что это подарокъ матери, которымъ ты долженъ бы дорожить, какъ святыней?... Ты укралъ ее?

— Нѣтъ,—сказалъ я, подымая голову.

— Какъ нѣтъ?—вскрикнулъ вдругъ отецъ, отталкивая кресло.—Ты укралъ ее и снесъ... Кому ты снесъ ее?... Говори!

Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и положилъ мнѣ на плечо тяжелую руку. Я съ усиліемъ поднялъ голову и взглянулъ вверхъ. Лицо отца было блѣдно. Складка боли, которая со смерти матери залегла у него между бровями, не разгладилась и теперь, но глаза горѣли мрачнымъ гнѣвомъ. Я весь съежился. Изъ этихъ глазъ, глазъ отца, глянуло на меня, какъ мнѣ показалось, безуміе или... ненависть.

— Ну, что-жь ты?... Говори!—и рука, державшая мое плечо, сжала его сильнѣе.

— Н-не скажу,—отвѣтилъ я тихо.

— Нѣтъ, скажешь! — отчеканилъ отецъ и въ голосѣ его зазвучала угроза.

— Не скажу,—прошепталъ я еще тише.

— Скажешь, скажешь!...

Онъ повторилъ это слово сдавленнымъ голосомъ, точно

оно вырвалось у него съ болью и усиліемъ. Я чувствовалъ, какъ дрожала его рука, и, казалось, слышалъ даже клокотавшее въ груди его бѣшенство. И я все ниже опускалъ голову, и слезы одна за одной капали изъ моихъ глазъ на полъ, но я все повторялъ едва слышно:

— Нѣтъ, не скажу... никогда, никогда не скажу...

Въ эту минуту во мнѣ сказался сынъ моего отца. Онъ не добился бы отъ меня иного отвѣта самыми страшными муками. Въ моей груди, на-встрѣчу его угрозамъ, подымалось едва созннное оскорбленное чувство покинутого ребенка и какая-то жгучая любовь къ тѣмъ, чьей выдачи онъ у меня требовалъ.

Отецъ тяжело перевелъ духъ. Я съежился еще болѣе, горькія слезы жгли мои щеки. Я ждалъ.

Изобразить чувство, которое я испытывалъ въ то время, очень трудно. Я зналъ, что въ его груди кипитъ бѣшенство, что можетъ-быть черезъ секунду мое тѣло забьется безпомощно въ его сильныхъ и изступленныхъ рукахъ. Чтò онъ со мной сдѣлаетъ?—швырнетъ... изломаетъ; но мнѣ теперь кажется, что я боялся не этого... Даже въ эту страшную минуту я любилъ этого человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ инстинктивно чувствовалъ, что вотъ сейчасъ онъ бѣшенымъ насиліемъ разобьетъ мою любовь въ дребезги, что затѣмъ, пока я буду жить, въ его рукахъ и послѣ, навсегда, навсегда въ моемъ сердцѣ вспыхнетъ та же пламенная ненависть, которая мелькнула для меня въ его мрачныхъ глазахъ.

Теперь я совсѣмъ пересталъ бояться; въ моей груди

защекотало что-то вродѣ задорнаго, дерзкаго вызова... Кажется, я ждалъ и желалъ, чтобы катастрофа, наконецъ, разразилась. Если такъ... пусть... тѣмъ лучше,— да, тѣмъ лучше... тѣмъ лучше...

Отецъ опять тяжело вздохнулъ. Я уже не смотрѣлъ на него, только слышалъ этотъ вздохъ,—тяжелый, прерывистый, долгій... Справился ли онъ самъ съ овладѣвшимъ имъ изступленіемъ, или это чувство не получило исхода благодаря послѣдующему неожиданному обстоятельству, я и до сихъ поръ не знаю. Знаю только, что въ эту критическую минуту раздался вдругъ за открытымъ окномъ рѣзкій голосъ Тыбурція:

— Эге-ге!... Мой бѣдный маленькій другъ...

„Тыбурцій пришелъ!“—промелькнуло у меня въ головѣ, но этотъ приходъ не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія. Я весь превратился въ ожиданіе, и даже чувствуя, какъ дрогнула рука отца, лежавшая на моемъ плечѣ, я не представлялъ себѣ, чтобы появленіе Тыбурція или какое бы то ни было другое внѣшнее обстоятельство могло стать между мною и отцомъ, могло отклонить то, что я считалъ неизбѣжнымъ и чего ждалъ съ приливомъ задорнаго и отвѣтнаго гнѣва.

Между тѣмъ Тыбурцій быстро отперъ входную дверь и, остановившись на порогѣ, въ одну секунду оглядѣлъ насъ обоихъ своими острыми, рысьими глазами. Я до сихъ поръ помню малѣйшую черту этой сцены. На мгновеніе въ зеленоватыхъ глазахъ, въ широкомъ некрасивомъ лицѣ уличнаго оратора мелькнула холодная и злорадная насмѣшка, но это было только на мгновеніе. За-

тѣмъ онъ покачалъ головой, и въ его голосѣ зазвучала скорѣе грусть, чѣмъ обычная иронія.

— Эге-ге!... Я вижу моего молодого друга въ затруднительномъ положеніи...

Отецъ встрѣтилъ его мрачнымъ, угрожающимъ взглядомъ, но Тыбурцій выдержалъ этотъ взглядъ спокойно. Теперь онъ былъ серьезенъ, не кривлялся и глаза его глядѣли какъ то особенно грустно.

— Панъ судья!—заговорилъ онъ мягко,— вы человекъ справедливый... отпустите ребенка. Малый былъ въ „дурномъ обществѣ“, но, видитъ Богъ, онъ не сдѣлалъ дурного дѣла, и если его сердце лежитъ къ моимъ оборваннымъ бѣднягамъ, то, клянусь Богородицей, лучше велите меня повѣсить, но я не допущу, чтобы мальчикъ пострадалъ изъ-за этого. Вотъ твоя кукла, малый!...

Онъ развязалъ узелокъ и вынулъ оттуда куклу.

Рука отца, державшая мое плечо, разжалась. Въ лицѣ виднѣлось изумленіе.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Отпустите мальчика,—повторилъ Тыбурцій, и его широкая ладонь любовно погладила мою опущенную голову.—Вы ничего не добьетесь отъ него угрозами, а между тѣмъ я охотно расскажу вамъ все, что вы желаете знать... Выйдемъ, панъ судья, въ другую комнату.

Отецъ, все время смотрѣвшій на Тыбурція удивленными глазами, повиновался. Оба они вышли, а я остался на мѣстѣ, подавленный ощущеніями, переполнившими мое сердце. Въ эту минуту я ни въ чемъ не отдавалъ себѣ отчета, и если теперь я помню всѣ детали этой

сцены, если я помню даже, какъ за окномъ возились воробьи, а съ рѣчки доносился мѣрный плескъ весель, — то это просто механическое дѣйствіе памяти. Ничего этого тогда для меня не существовало; былъ только маленький мальчикъ, въ сердцѣ котораго встряхнули два разнородныя чувства: гнѣвъ и любовь, — такъ сильно, что это сердце замутилось, какъ мутятся отъ толчка въ стаканѣ двѣ отстоявшіяся разнородныя жидкости. Былъ такой мальчикъ, и этотъ мальчикъ былъ я, и мнѣ самому себя было какъ будто жалко. Да еще были два голоса, смутнымъ, хотя и оживленнымъ говоромъ звучавшіе за дверью...

Я все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, какъ дверь кабинета отворилась и оба собесѣдника вошли. Я опять почувствовалъ на своей головѣ чью-то руку и вздрогнулъ. То была рука отца, нѣжно гладившая мои волосы.

Тыбурцій взялъ меня на руки и посадилъ, въ присутствіи отца, къ себѣ на колѣни.

— Приходи къ намъ, — сказалъ онъ, — отецъ тебя отпуститъ попрощаться съ моей дѣвочкой. Она... она умерла.

Голосъ Тыбурція дрогнулъ, онъ странно заморгалъ глазами, но тотчасъ всталъ, поставилъ меня на полъ, выпрямился и быстро ушелъ изъ комнаты.

Я вопросительно поднялъ глаза на отца. Теперь передо мной стоялъ другой человѣкъ, но въ этомъ именно человѣкѣ я нашелъ что-то родное, чего тщетно искалъ въ немъ прежде. Онъ смотрѣлъ на меня обычнымъ сво-

имъ задумчивымъ взглядомъ, но теперь въ этомъ взглядѣ виднѣлся оттѣнокъ удивленія и какъ будто вопросъ. Казалось, буря, которая только-что пронеслась надъ нами обоими, разсѣяла тяжелый туманъ, нависшій надъ душой отца, застилавшій его добрый и любящій взглядъ... и отецъ только теперь сталъ узнавать во мнѣ знакомыя черты своего родного сына.

Я доверчиво взялъ руку и сказалъ:

— Я вѣдь не укралъ... Соня сама дала мнѣ, на время...

— Д-да,—отвѣтилъ онъ задумчиво,—я знаю... Я виновать передъ тобою, мальчикъ, и ты постарайся когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я съ живостью схватилъ его руку и сталъ ее цѣловать. Я зналъ, что теперь никогда уже онъ не будетъ смотрѣть на меня тѣми страшными глазами, какими смотрѣлъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, и долго сдерживаемая любовь невозбранно хлынула цѣлымъ потокомъ. Теперь я уже его не боялся.

— Ты отпустишь меня теперь на гору?—спросилъ я, вспомнивъ вдругъ приглашеніе Тыбурція.

— Д-да... Ступай, ступай, мальчикъ, попрощайся...—ласково проговорилъ онъ все еще съ тѣмъ же оттѣнкомъ недоумѣнія въ голосѣ.—Да, впрочемъ, постой... пожалуйста, мальчикъ, погоди немного.

Онъ ушелъ въ свою спальню и, черезъ минуту выйдя оттуда, сунулъ мнѣ въ руку нѣсколько бумажекъ.

— Передай это... Тыбурцію... Скажи, что я покорнѣйше прошу его,—понимаешь?... покорнѣйше прошу—

взять эти деньги... отъ тебя... Ты понялъ?... Да еще скажи, — добавилъ отецъ, какъ будто колеблясь, — скажи, что если онъ знаетъ одного тутъ... Федоровича, то пусть скажетъ, что этому Федоровичу лучше уйти изъ нашего города... Теперь ступай, мальчикъ, ступай скорѣе.

Я догналъ Тыбурція уже на горѣ и, запыхавшись, нескладно исполнилъ порученіе отца.

— Покорнѣйше просить... отецъ... — и я сталъ совать ему въ руку данныя отцомъ деньги.

Я не глядѣлъ ему въ лицо. Деньги онъ взялъ и мрачно выслушалъ дальнѣйшее порученіе относительно Федоровича.

Въ подземельи, въ темномъ углу, на лавочкѣ, лежала Маруся. Слово смерть не имѣетъ еще полного значенія для дѣтскаго слуха, и горькія слезы только теперь, при видѣ этого безжизненнаго тѣла, сдавили мнѣ горло. Моя маленькая пріятельница лежала серьезная и грустная, съ печально вытянутымъ личикомъ. Закрытыя глаза слегка ввалились и еще рѣзче оттѣнились синевой. Ротикъ немного раскрылся, съ выраженіемъ дѣтской печали. Маруся какъ будто отвѣчала этою гримаской на наши слезы.

„Профессоръ“ стоялъ у изголовья и безучастно качалъ головой. Штыкъ-юнкеръ стучалъ въ углу топоромъ, готовя, съ помощью нѣсколькихъ темныхъ личностей, гробикъ изъ старыхъ досокъ, сорванныхъ съ крыши часовни. Лавровскій, трезвый и съ выраженіемъ полного сознанія, убиралъ Марусю собранными имъ самимъ осен-

ними цвѣтами. Валекъ спалъ въ углу, вздрагивая сквозь сонъ всѣмъ тѣломъ, и по временамъ перво всхлипывалъ.

З а к л ю ч е н і е.

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій члены „дурного общества“ разсѣялись въ разныя стороны. Остались только „профессоръ“, по-прежнему, до самой смерти слонявшійся по улицамъ города, да Туркевичъ, которому отецъ давалъ по временамъ кое-какую письменную работу. Я, съ своей стороны, пролилъ не мало крови въ битвахъ съ еврейскими мальчишками, терзавшими „профессора“ напоминаніемъ о рѣжущихъ и колющихъ орудіяхъ.

Штыкъ-юнкеръ и темныя личности отправились куда-то искать счастья. Тыбурцій и Валекъ совершенно неожиданно исчезли и никто не могъ сказать, куда они направились теперь, какъ никто не зналъ, откуда они пришли въ нашъ городъ.

Старая часовня сильно пострадала отъ времени. Сначала у нея провалилась крыша, продавивъ потолокъ подземелья. Потомъ вокругъ часовни стали образовываться обвалы, и она стала еще мрачнѣе; еще громче завываютъ въ ней филины, а огни на могилахъ темными осенними ночами вспыхиваютъ синимъ, зловѣщимъ свѣтомъ.

Только одна могила, огороженная частоколомъ, каждую весну зеленѣла свѣжимъ дерномъ, пестрѣла цвѣтами.

Мы съ Соней, а иногда даже съ отцомъ, посѣщали эту могилу; мы любили сидѣть на ней въ тѣни смутно лепечущей березы, въ виду тихо сверкавшаго въ туманѣ города. Тутъ мы съ сестрой вмѣстѣ читали, думали, дѣлились своими первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и намъ оставить тихій родной городъ, здѣсь же, въ послѣдній день, мы оба, полные жизни и надежды, произносили надъ маленькою могилкой свои обѣты.

1885 г.

СОНЪ МАКАРА.

(СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ).

СОДЪРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ СВЕДЕНИЕ

СОНЪ МАКАРА.

(Святочный рассказъ).

Этотъ сонъ видѣлъ бѣдный Макаръ, который загналъ своихъ телятъ въ далекія, угрюмыя страны, — тотъ самый Макаръ, на котораго, какъ извѣстно, валятся всѣ шишки.

Его родина — глухая слободка Чалганъ — затерялась въ далекой якутской тайгѣ. Отцы и дѣды Макара отвоевали у тайги кусокъ промерзшей землицы, и хотя угрюмая чаща все еще стояла вокругъ враждебною стѣной, они не унывали. По расчищенному мѣсту побѣжали изгороди, стали скирды и стога, разрастались маленькія дымныя юртѣнки; наконецъ, точно побѣдное знамя, на холмикѣ изъ середины поселка выстрѣлила къ небу колокольная. Сталъ Чалганъ большою слободой.

Но пока отцы и дѣды Макара воевали съ тайгой, жгли ее огнемъ, рубили желѣзомъ, сами они незамѣтно дичали. Женись на якуткахъ, они перенимали якутскій языкъ и якутскіе нравы. Характеристическія черты великаго русскаго племени стирались и исчезали.

Какъ бы то ни было, все же мой Макаръ твердо помнилъ, что онъ коренной чалганскій крестьянинъ. Онъ здѣсь родился, здѣсь жилъ, здѣсь же предполагалъ умереть. Онъ очень гордился своимъ званіемъ и иногда ругалъ другихъ „погаными якутами“, хотя, правду сказать, самъ не отличался отъ якутовъ ни привычками, ни образомъ жизни. По-русски онъ говорилъ мало и довольно плохо, одѣвался въ звѣриныя шкуры, носилъ на ногахъ „торбасà“, питался въ обычное время одною лепешкой съ настоемъ кирпичнаго чая, а въ праздники и въ другихъ экстренныхъ случаяхъ съѣдалъ топленнаго масла именно столько, сколько стояло передъ нимъ на столѣ. Онъ ѣздилъ очень искусно верхомъ на быкахъ, а въ случаѣ болѣзни призывалъ шамана, который, бѣснуясь, со скрежетомъ кидался на него, стараясь испугать и выгнать изъ Макара засѣвшую хворь.

Работалъ онъ страшно, жилъ бѣдно, терпѣлъ голодъ и холодъ. Были ли у него какія-нибудь мысли, кромѣ непрестанныхъ заботъ о лепешкѣ и чаѣ?—Да, были.

Когда онъ бывалъ пьянъ, онъ плакалъ. „Какая наша жизнь, — говорилъ онъ, — Господи Боже!“ Кромѣ того, онъ говорилъ иногда, что желалъ бы все бросить и уйти на „гору“. Тамъ онъ не будетъ ни пахать, ни сѣять, не будетъ рубить и возить дрова, не будетъ даже молоть зерно на ручномъ жерновѣ. Онъ будетъ только спасаться. Какая это гора, гдѣ она, онъ точно не зналъ; зналъ только, что гора эта есть, во-первыхъ, а во-вторыхъ, что она гдѣ-то далеко, — такъ далеко, что оттуда его нельзя будетъ добыть самому тайону исправ-

нику... Податей платить, понятно, онъ также не будетъ...

Трезвый онъ оставлялъ эти мысли, быть-можетъ сознавая невозможность найти такую чудную гору; но пьяный становился отважнѣе. Онъ допускалъ, что можетъ не найти настоящую гору и попасть на другую. „Тогда пропадать буду“, говорилъ онъ, но все-таки собирался; если же не приводилъ этого намѣренія въ исполненіе, то, вѣроятно, потому, что поселенцы-татары продавали ему всегда скверную водку, настоящую, для крѣпости, на махоркѣ, отъ которой онъ вскорѣ впадалъ въ безсиліе и становился боленъ.

Дѣло было въ канунъ Рождества и Макару было извѣстно, что завтра большой праздникъ. По этому случаю его томило желаніе выпить, но выпить было не на что: хлѣбъ былъ въ исходѣ; Макаръ уже задолжалъ у мѣстныхъ купцовъ и у татаръ. Между тѣмъ завтра большой праздникъ, работать нельзя, — что же онъ будетъ дѣлать, если не напьется? Эта мысль дѣлала его несчастнымъ. Какая его жизнь! Даже въ большой зимній праздникъ онъ не выпьетъ одну бутылку водки!

Ему пришла въ голову счастливая мысль. Онъ всталъ и надѣлъ свою рваную *сону* (шубу). Его жена, крѣпкая, жилистая, замѣчательно сильная и столь же замѣчательно безобразная женщина, знавшая насквозь всѣ его нехитрыя помышленія, угадала и на этотъ разъ его намѣреніе.

— Куда, дьяволъ? Опять одинъ водку кушать хочешь?

— Молчи! Куплю одну бутылку. Завтра вмѣстѣ выпьемъ.

Онъ хлопнулъ ее по плечу такъ сильно, что она покачнулась, и лукаво подмигнулъ. Такого женское сердце! Она знала, что Макаръ непременно ее надуетъ, но поддалась обаянію супружеской ласки.

Онъ вышелъ, поймалъ въ *аластъ* стараго лысанку, привелъ его за гриву къ санямъ и сталъ запрягать. Вскорѣ лысанка вынесъ своего хозяина за ворота. Тутъ онъ остановился и, повернувъ голову, вопросительно поглядѣлъ на погруженнаго въ задумчивость Макара. Тогда Макаръ дернулъ лѣвою вожжей и направилъ коня на край слободы.

На самомъ краю слободы стояла небольшая юртѣнка. Изъ нея, какъ и изъ другихъ юртъ, поднимался высоко-высоко дымъ камелька, застилая бѣлою, волнующеюся массой холодныя звѣзды и яркій мѣсяцъ. Огонь весело переливался, отсвѣчивая сквозь матовыя льдины. На дворѣ было тихо.

Здѣсь жили чужіе, дальніе люди. Какъ попали они сюда, какая невзгода кинула ихъ въ далекія дебри, Макаръ не зналъ и не интересовался, но онъ любилъ вести съ ними дѣла, такъ какъ они его не прижимали и не очень стояли за плату.

Войдя въ юрту, Макаръ тотчасъ же подошелъ къ камельку и протянулъ къ огню свои иззябшія руки.

— Ча!—сказалъ онъ, выражая тѣмъ ощущеніе холода.

Чужіе люди были дома. На столѣ горѣла свѣча, хотя они ничего не работали. Одинъ лежалъ на постели и,

пускающая кольца дыма, задумчиво слѣдилъ за его завитками, видимо связывая съ ними длинныя нити собственныхъ думъ. Другой сидѣлъ противъ камелька и тоже вдумчиво слѣдилъ, какъ перебѣгали огни по нагорѣвшему дереву.

— Здорово,—сказалъ Макаръ, чтобы прервать тяготившее его молчаніе.

Конечно, онъ не зналъ, какое горе лежало на сердцѣ чужихъ людей, какія воспоминанія тѣснились въ ихъ головахъ въ этотъ вечеръ, какіе образы чудились имъ въ фантастическихъ переливахъ огня и дыма. Къ тому же у него была своя забота.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій у камелька, поднялъ голову и посмотрѣлъ на Макара смутнымъ взглядомъ, какъ будто не узнавая его. Потомъ онъ тряхнулъ головой и быстро поднялся со стула.

— А, здорово, здорово, Макаръ! Вотъ и отлично. Напьешься съ нами чаю?

Макару предложеніе понравилось.

— Чаю? — переспросилъ онъ. — Это хорошо!... Вотъ, братъ, хорошо, отлично!

Онъ сталъ живо разоблачаться. Снявъ шубу и шапку, онъ почувствовалъ себя развязнѣе, а увидавъ, что въ самоварѣ запылали уже горячіе угли, обратился къ молодому человѣку съ изліяніемъ:

— Я васъ люблю, вѣрно!... Такъ люблю, такъ люблю! Ночи не сплю...

Чужой человѣкъ повернулся и на лицѣ его появилась горькая улыбка.

— А, любишь? — сказалъ онъ. — Что же тебѣ надо? Макарь замялся.

— Есть дѣло, — отвѣтилъ онъ. — Да ты почему узналъ? Ладно. Ужò, чай выпью, скажу.

Такъ какъ чай былъ предложенъ Макару самими хозяевами, то онъ счелъ умѣстнымъ пойти далѣе.

— Нѣтъ ли жаренаго? Я люблю, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, ничего, — сказалъ Макарь успокоительнымъ тономъ, — сѣмъ въ другой разъ... Вѣрно? — переспросилъ онъ, — въ другой разъ?

— Ладно.

Теперь Макарь считалъ за чужими людьми въ долгу кусокъ жаренаго мяса, а у него подобные долги никогда не пропадали.

Черезъ часъ онъ опять сѣлъ въ свои дровни. Онъ добылъ цѣлый рубль, продавъ впередъ пять возовъ дровъ на сходныхъ сравнительно условіяхъ. Правда, онъ клялся и божился, что не пропьетъ этихъ денегъ сегодня, а самъ намѣревался сдѣлать это немедленно. Но что за дѣло? Предстоящее удовольствіе заглушало укоры совѣсти. Онъ не думалъ даже о томъ, что пьяному ему предстоитъ жестокая трепка отъ обманутой вѣрной супруги.

— Куда же ты, Макарь, — крикнулъ, смѣясь, чужой человѣкъ, видя, что лошадь Макара, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо, свернула влѣво, по направленію къ татарамъ.

— Тпру-у!... Тпру-у!... Видишь, конь проклятый ка-

кой... куда ѣдетъ! — оправдывался Макаръ, все-таки крѣпко натягивая лѣвую вожжу и незамѣтно подхлестывая лысанку правой.

Умный конекъ, помахивая укоризненно хвостомъ, тихо поковылялъ въ требуемомъ направленіи, и вскорѣ скрипъ полозьевъ затихъ у татарскихъ воротъ.

У татарскихъ воротъ стояли на привязи нѣсколько коней съ высокими якутскими сѣдлами.

Въ тѣсной избѣ было душно. Рѣзкій дымъ махорки стоялъ цѣлою тучей, медленно втягиваемой камелькомъ. За столами и на скамейкахъ сидѣли пріѣзжіе якуты; на столахъ стояли чашки съ водкой; кое-гдѣ помѣщались кучки играющихъ въ карты. Лица были потны и красны. Глаза игроковъ дико слѣдили за картами. Деньги вынимались и тотчасъ же прятались по карманамъ. Въ углу, на соломѣ, пьяный якутъ покачивался, сидя, и тянулъ безконечную пѣсню. Онъ выводилъ горломъ дикіе, скрипучіе звуки, повторяя на разные лады, что завтра большой праздникъ, а сегодня онъ пьянъ.

Макаръ отдалъ деньги и ему дали бутылку. Онъ сунулъ ее за пазуху и незамѣтно для другихъ отошелъ въ темный уголъ. Тамъ онъ наливалъ чашку за чашкой и тянулъ ихъ одна за другою. Водка была горькая, разведенная, по случаю праздника, водой болѣе чѣмъ на три четверти. За то махорки, видимо, не жалѣли. У Макара каждый разъ захватывало на минуту дыханіе и въ глазахъ ходили какіе-то багровые круги.

Вскорѣ онъ опьянѣлъ. Онъ тоже опустился на солому и, обхвативъ руками колѣни, положилъ на нихъ отяжелѣвшую голову. Изъ его горла сами собой полились тѣ же нелѣпыя скрипучіе звуки. Онъ пѣлъ, что завтра праздникъ и что онъ выпилъ пять возовъ дровъ.

Между тѣмъ въ избѣ становилось все тѣснѣе и тѣснѣе. Входили новыя посѣтителы якуты, пріѣхавшіе молиться и пить татарскую водку. Хозяинъ увидѣлъ, что скоро не хватитъ всѣмъ мѣста. Онъ всталъ изъ-за стола и окинулъ взглядомъ собраніе. Взглядъ этотъ проникъ въ темный уголъ и увидѣлъ тамъ якута и Макара.

Онъ подошелъ къ якуту и, взявъ его за шиворотъ, вышвырнулъ вонъ изъ избы. Потомъ подошелъ къ Макару. Ему, какъ мѣстному жителю, татаринъ оказалъ больше почета. Широко отворивъ двери, онъ поддалъ бѣднягѣ сзади ногою такого леща, что Макаръ вылетѣлъ изъ избы и ткнулся носомъ прямо въ сугробъ снѣга.

Трудно сказать, былъ ли онъ оскорбленъ подобнымъ обращеніемъ. Онъ чувствовалъ, что въ рукавахъ у него снѣгъ, снѣгъ на лицѣ. Кое-какъ выбравшись изъ сугроба, онъ поплелся къ своему лысанкѣ.

Луна поднялась уже высоко. Большая Медвѣдица стала опускать хвостъ книзу. Морозъ крѣпчалъ. По временамъ, на сѣверѣ, изъ-за темнаго полукруглаго облака, вставали, слабо играя, огненные столбы начинавшагося сѣвернаго сіянія.

Лысанка, видимо понимавшій положеніе хозяина, осторожно и разумно поплелся къ дому. Макаръ си-

дѣлъ на дровняхъ, покачиваясь, и продолжалъ свою пѣсню. Онъ пѣлъ, что выпилъ пять возовъ дровъ и что старуха будетъ его колотить. Звуки, вырывавшіеся изъ его горла, скрипѣли и стонали въ вечернемъ воздухѣ такъ уныло и жалобно, что у чужого человѣка, который въ это время взобрался на юрту, чтобы закрыть трубу камелька, стало отъ Макаровой пѣсни еще тяжелѣе на сердцѣ. Между тѣмъ лысанка вынесъ дровни на холмикъ, откуда видны были окрестности. Снѣга ярко блестѣли, облитые луннымъ сіяніемъ. Временами свѣтъ луны какъ будто таялъ, снѣга темнѣли и тотчасъ же на нихъ переливался отблескъ сѣвернаго сіянія. Тогда казалось, что снѣжные холмы и тайга на нихъ то приближались, то опять удалялись. Макару ясно виднѣлась подъ самою тайгой снѣжная плѣшь Ямалахскаго холмика, за которымъ въ тайгѣ у него поставлены были ловушки для всякаго лѣснаго звѣря и птицы.

Это измѣнило ходъ его мыслей. Онъ запѣлъ, что въ ловушку его попала лисица. Онъ продастъ завтра шкуру и старуха не станетъ его колотить.

Въ морозномъ воздухѣ раздался первый ударъ колокола, когда Макаръ вошелъ въ избу. Онъ первымъ словомъ сообщилъ старухѣ, что у нихъ въ плашку попала лисица. Онъ совсѣмъ забылъ, что старуха не пила вмѣстѣ съ нимъ водки, былъ сильно удивленъ, когда, невзирая на радостное извѣстіе, она немедленно нанесла ему ногою жестокій ударъ. Затѣмъ, пока онъ повалился на постель, она еще успѣла толкнуть его кулакомъ въ спину.

Надъ Чалганомъ, между тѣмъ, неся, разливаясь далеко, далеко, торжественный праздничный звонъ...

Онъ лежалъ на постели. Голова у него горѣла. Внутри жгло точно огнемъ. По жиламъ разливалась крѣпкая смѣсь водки и табачнаго настоя. По лицу текли холодныя струйки талаго снѣга; такія же струйки стекали и по спинѣ.

Старуха думала, что онъ спитъ. Но онъ не спалъ. Изъ головы у него не шла лисица. Онъ успѣлъ вполне убѣдиться, что она попала въ ловушку; онъ даже зналъ, въ которую именно. Онъ ее видѣлъ, — видѣлъ, какъ она, прищемленная тяжелою плахой, роетъ снѣгъ когтями и старается вырваться. Лучи луны, продираясь сквозь чащу, играли на золотистой шерсти. Глаза звѣря сверкали ему на-встрѣчу.

Онъ не выдержалъ и, вставъ съ постели, направился къ своему вѣрному лысанкѣ, чтобы ѣхать въ тайгу.

Что это? Неужели сильныя руки старухи схватили за воротникъ его *соны* и онъ опять брошенъ въ постель?

Нѣтъ, вотъ онъ уже за слободою. Полозья ровно поскрипываютъ по крѣпкому снѣгу. Чалганъ остался сзади. Сзади несется торжественный гулъ церковнаго колокола, а надъ темною чертой горизонта, на свѣтломъ небѣ мелькаютъ цѣлыя вереницы черныхъ силуэтовъ якутскихъ всадниковъ, въ высокихъ остроконечныхъ шапкахъ. Якуты спѣшатъ въ церковь.

Между тѣмъ луна опустилась, а вверху, въ самомъ зе-

нитѣ, стало бѣлесоватое облачко и засіяло переливчатымъ фосфорическимъ блескомъ. Потомъ оно какъ будто разорвалось, растянулось, прыснуло и отъ него быстро потянулись въ разныя стороны полосы разноцвѣтныхъ огней, между тѣмъ какъ полукруглое темное облачко на сѣверѣ еще болѣе потемнѣло. Оно стало черно, чернѣе тайги, къ которой приближался Макаръ.

Дорога вилась между мелкою, частою порослью. Направо подымались холмы, налево также. Чѣмъ далѣе, тѣмъ выше становились деревья. Тайга густѣла. Она стояла безмолвная и полная тайны. Голыя вѣтви лиственницъ были опушены серебрянымъ инеемъ. Мягкій свѣтъ сполоха, продираясь сквозь ихъ вершины, ходилъ по ней, кое-гдѣ открывая то снѣжную полянку, то лежащія трупы разбитыхъ лѣсныхъ гигантовъ, запущенныхъ снѣгомъ... Мгновеніе—и все опять тонуло во мракѣ полномъ молчанія и тайны.

Макаръ остановился. Въ этомъ мѣстѣ, почти на самую дорогу, выдвигалось начало цѣлой системы ловушекъ. При фосфорическомъ свѣтѣ ему была явственно видна невысокая городьба изъ валежника; онъ видѣлъ даже первую плаху—три тяжелыя длинныя бревна, упертыя на отвѣсномъ колу и поддерживаемыя довольно хитрою системой рычагомъ съ волосяными веревочками.

Правда, это были чужія ловушки; но вѣдь лисица могла попасть и въ чужія. Макаръ торопливо сошелъ съ дровней, оставилъ умнаго лысанку на дорогѣ и чутко прислушался,

Въ тайгѣ ни звука. Только изъ далекой, невидной теперь слободы неся по-прежнему торжественный звонъ.

Можно было не опасаться. Владѣлецъ ловушекъ, Алешка чалганецъ, сосѣдъ и кровный врагъ Макара, навѣрное, былъ теперь въ церкви. Не было видно ни одного слѣда на ровной поверхности недавно выпавшаго снѣга.

Онъ пустился въ чащу,—ничего. Подъ ногами хруститъ снѣгъ. Плахи стоятъ рядами, точно ряды пушекъ съ открытыми жерлами, въ безмолвномъ ожиданіи.

Онъ прошелъ взадъ и впередъ, — напрасно. Онъ направился опять на дорогу.

Но, чу!... Легкій шорохъ... Въ тайгѣ мелькнула красноватая шерсть, на этотъ разъ въ освѣщенномъ мѣстѣ, такъ близко. Макаръ ясно видѣлъ острия уши лисицы; ея пушистый хвостъ вилялъ изъ стороны въ сторону, какъ будто заманивая Макара въ чащу. Она исчезла между стволами, въ направленіи Макаровыхъ ловушекъ, и вскорѣ по лѣсу пронесся глухой, но сильный ударъ. Онъ прозвучалъ сначала отрывисто, глухо, потомъ какъ будто отдался подъ навѣсомъ тайги и тихо замеръ въ далекомъ оврагѣ.

Сердце Макара забилося. Это упала плаха.

Онъ бросился, пробираясь сквозь чащу. Холодные вѣтви били его по глазамъ, сыпали въ лицо снѣгомъ. Онъ спотыкался; у него захватывало дыханіе.

Вотъ онъ выбѣжалъ на просѣку, которую нѣкогда

самъ прорубилъ. Деревья, бѣлыя отъ инея, стояли по обѣимъ сторонамъ, а внизу, суживаясь, маячила дорожка и въ концѣ ея насторожилось жерло большой плахи... Недалеко...

Но вотъ, на дорожкѣ около плахи, мелькнула фигура, — мелькнула и скрылась. Макаръ узналъ Алешку чалганца: ему ясно была видна его небольшая, коренастая фигура, согнутая впередъ, съ походкой медвѣдя. Макару казалось, что темное лицо Алешки стало еще темнѣе, а большіе зубы оскалились еще болѣе, чѣмъ обыкновенно.

Макаръ чувствовалъ искреннее негодованіе. „Вотъ подлецъ!... Онъ ходитъ по моимъ ловушкамъ“. Правда, Макаръ и самъ сейчасъ только прошелъ по плахамъ Алешки, но тутъ была разница... Разница состояла именно въ томъ, что когда онъ самъ ходилъ по чужимъ ловушкамъ, онъ чувствовалъ страхъ быть застигнутымъ; когда же по его плахамъ ходили другіе, онъ чувствовалъ негодованіе и желаніе самому настигнуть нарушителя его правъ.

Онъ бросился наперерѣзъ къ упавшей плахѣ. Тамъ была лисица. Алешка своею развалистою, медвѣжьей походкой направлялся туда же. Надо было поспѣвать ранѣе.

Вотъ и лежащая плаха. Подъ нею краснѣетъ шерсть прихлопнутаго звѣря. Лисица рылась въ снѣгу когтями именно такъ, какъ она ему видѣлась прежде, и такъ же смотрѣла ему на-встрѣчу своими острыми, горящими глазами.

— *Тытымà* (не тронь)!... Это мое!—крикнулъ Макаръ Алешкѣ.

— *Тытымà!*—отдался, точно эхо, голосъ Алешки.--
Мое!

Они оба побѣжали въ одно время и торопливо, наперебой, стали подымать плаху, освобождая изъ-подъ нея звѣря. Когда плаха была приподнята, лисица поднялась также. Она сдѣлала прыжокъ, потомъ остановилась, посмотрѣла на обоихъ чалганцевъ какимъ-то насмѣшливымъ взглядомъ, потомъ, загнувъ морду, лизнула прищемленное бревномъ мѣсто и весело побѣжала впередъ, привѣтливо виляя хвостомъ.

Алешка бросился было за нею, но Макаръ схватилъ его сзади за полу *соны*.

— *Тытымà!*—крикнулъ онъ.—Это мое!—И самъ побѣжалъ вслѣдъ за лисицей.

— *Тытымà!*—опять эхомъ отдался голосъ Алешки, и Макаръ почувствовалъ, что тотъ схватилъ его, въ свою очередь, за *сону* и въ одну секунду выбѣжалъ вновь впередъ.

Макаръ обозлился. Онъ забылъ про лисицу и стремился за Алешкой, который обратился въ бѣгство.

Они бѣжали все быстрѣе. Вѣтка лиственницы сдернула шапку съ головы Алешки, но тому некогда было подымать ее: Макаръ уже настигалъ его съ яростнымъ воплемъ. Но Алешка всегда былъ хитрѣе бѣднаго Макара. Онъ вдругъ остановился, повернулся и нагнулъ голову. Макаръ ударился въ нее животомъ и кувыркнулся въ снѣгъ. Пока онъ падалъ, проклятый Алешка

схватилъ съ головы Макара шапку и скрылся въ тайгѣ.

Макаръ медленно поднялся. Онъ чувствовалъ себя окончательно побитымъ и несчастнымъ. Нравственное состояніе было отвратительно. Лисица была въ рукахъ, а теперь... Ему казалось, что въ потемнѣвшей чащѣ она насмѣшливо вильнула еще разъ хвостомъ и окончательно скрылась.

Потемнѣло. Бѣлесоватое облачко чуть-чуть виднѣлось въ зенитѣ. Оно какъ будто тихо таяло и отъ него, какъ-то устало и томно, лились еще замиравшіе лучи сіянія.

По разгоряченному тѣлу Макара бѣжали цѣлые потоки острыхъ струекъ талаго снѣга. Снѣгъ попалъ ему въ рукава, за воротникъ *соны*, стекалъ по спинѣ, лился за торбаса. Проклятый Алешка унесъ съ собой его шапку. Рукавицы онъ потерялъ гдѣ-то на-бѣгу. Дѣло было плохо. Макаръ зналъ, что лютый морозъ не шутитъ съ людьми, которые уходятъ въ тайгу безъ рукавицъ и безъ шапки.

Онъ шелъ уже долго. По его расчетамъ, онъ давно долженъ бы уже выйти изъ Ямалаха и увидѣть колокольню, но онъ все не выходилъ изъ тайги. Чаща, точно заколдованная, держала его въ своихъ объятіяхъ. Издали доносился все тотъ же торжественный звонъ. Макару казалось, что онъ идетъ на него, но звонъ все удалялся и, по мѣрѣ того, какъ его переливы доносились все тише и тише, въ сердце Макара вступало тупое отчаяніе.

Онъ усталъ. Онъ былъ подавленъ. Ноги подкашивались. Его избитое тѣло ныло тупою болью. Дыханіе въ груди захватывало. Руки и ноги коченѣли. Обнаженную голову стягивало точно раскаленными обручами.

„Пропадать буду, однако!“ — все чаще и чаще мелькало у него въ головѣ. Но онъ все шелъ.

Тайга молчала. Она только смыкалась за нимъ съ какимъ-то враждебнымъ упорствомъ и нигдѣ не давала ни просвѣта, ни надежды.

„Пропадать буду, однако!“ — все думалъ Макаръ.

Онъ совсѣмъ ослабъ. Теперь молодая деревья прямо, безъ всякихъ стѣсненій, били его по лицу, издѣваясь надъ его безпомощнымъ положеніемъ. Въ одномъ мѣстѣ на прогалину выбѣжалъ бѣлый ушканъ (заяцъ), сѣлъ на заднія лапки, повелъ длинными ушами съ черными отмѣтинками на концахъ и сталъ умываться, дѣлая Макару самая дерзкія рожи. Онъ давалъ ему понять, что онъ отлично знаетъ его, Макара, — знаетъ, что онъ и есть тотъ самый Макаръ, который настроилъ въ тайгѣ хитрыя машины для его, зайца, гибели. Но теперь онъ надъ нимъ издѣвался.

Макару стало горько. Между тѣмъ тайга все оживлялась, но оживлялась враждебно. Теперь даже дальнія деревья протягивали длинныя вѣтви на его дорожку и хватали его за волосы, били по глазамъ, по лицу. Тетерева выходили изъ тайныхъ логовищъ и уставлялись въ него любопытными круглыми глазами, а косачи бѣгали между ними, съ распущенными хвостами и сердито оттопыренными крыльями, и громко рассказывали

самкамъ про него, Макара, и про его козни. Наконецъ въ дальнихъ чащахъ замелькали тысячи лисьихъ мордъ. Онѣ тянули воздухъ и насмѣшливо смотрѣли на Макара, поводя острыми ушами. А зайцы становились передъ ними на заднія лапки и хохотали, докладывая о Макаровыхъ зловключеніяхъ.

Это было уже слишкомъ.

„Пропадать буду!“ — подумалъ Макаръ и рѣшилъ сдѣлать это немедленно.

Онъ легъ въ снѣгъ.

Морозъ крѣпчалъ. Послѣдніе переливы сіянія слабо мерцали и тянулись по небу, заглядывая къ Макару сквозь вершины тайги. Послѣдніе отголоски колокола доносились съ далекаго Чалгана.

Сіяніе полыхнуло и погасло. Звонъ стихъ.

И Макаръ умеръ...

Какъ это случилось, онъ не замѣтилъ. Онъ зналъ, что изъ него должно что-то выйти, и ждалъ, что вотъ-вотъ оно выйдетъ... Но ничего не выходило.

Между тѣмъ онъ сознавалъ, что уже умеръ, и потому лежалъ смирно, безъ движенія. Лежалъ онъ долго, — такъ долго, что ему надоѣло.

Было совершенно темно, когда Макаръ почувствовалъ, что его кто-то толкнулъ ногою. Онъ повернулъ голову и открылъ сомкнутые глаза.

Теперь лиственницы стояли надъ нимъ смиренныя, тихія, точно стыдась прежнихъ проказъ. Мохнатыя ели

вытягивали свои широкія, снѣгомъ покрытыя, лапы и тихо, тихо качались. Въ воздухѣ такъ же тихо садились лучистыя снѣжинки.

Яркія добрыя звѣзды заглядывали съ синяго неба сквозь частыя вѣтви и какъ будто говорили: „вотъ, видите, бѣдный человѣкъ умеръ“.

Надъ самымъ тѣломъ Макара, толкая его ногою, стоялъ старый попикъ Иванъ. Его длинная ряса была покрыта снѣгомъ; снѣгъ виднѣлся на мѣховомъ *бергестѣ* (шапкѣ), на плечахъ, въ длинной бородѣ попа Ивана. Всего удивительнѣе было то обстоятельство, что это былъ тотъ самый попикъ Иванъ, который умеръ назадъ тому четыре года.

Это былъ добрый попикъ. Онъ никогда не притѣснялъ Макара насчетъ руги, никогда не требовалъ даже денегъ за требы. Макаръ самъ назначалъ ему плату за крестины и за молебны и теперь со стыдомъ вспомнилъ, что иногда платилъ маловато, а порой не платилъ вовсе. Попъ Иванъ не обижался; ему требовалось одно: всякій разъ надо было поставить бутылку водки. Если у Макара не было денегъ, попъ Иванъ самъ посылалъ за бутылкой, и они пили вмѣстѣ. Попикъ напивался непременно до положенія ризъ, но при этомъ дрался очень рѣдко и не сильно. Макаръ доставлялъ его, безпомощнаго и беззащитнаго, домой на попеченіе матушки-попадъи.

Да, это былъ добрый попикъ, но умеръ онъ нехорошею смертию. Однажды, когда всѣ вышли изъ дому и пьяный попикъ остался одинъ лежать на постели, ему

вздумалось покурить. Онъ всталъ и, шатаясь, подошелъ къ огромному, жарко натопленному камельку, чтобы закурить у огня трубку. Онъ былъ слишкомъ ужъ пьянъ, покачнулся и упалъ въ огонь. Когда пришли домочадцы, отъ попа оставались лишь ноги.

Всѣ жалѣли добраго попа Ивана; но такъ какъ отъ него остались однѣ только ноги, то вылѣчить его не могъ уже ни одинъ докторъ въ мірѣ. Ноги похоронили, а на мѣсто попа Ивана назначили другого.

Теперь этотъ попикъ, въ цѣломъ видѣ, стоялъ надъ Макаромъ и поталкивалъ его ногою.

— Вставай, Макарушко, — говорилъ онъ. — Пойдемъ-ка.

— Куда я пойду? — спросилъ Макаръ съ неудовольствіемъ.

Онъ полагалъ, что разъ онъ „пропалъ“, его обязанность — лежать спокойно и ему нѣтъ надобности идти опять по тайгѣ, бродя безъ дороги. Иначе зачѣмъ было ему пропадать?

— Пойдемъ къ большому Тойну *).

— Зачѣмъ я пойду къ нему? — спросилъ Макаръ.

— Онъ будетъ тебя судить, — сказалъ попикъ скорбнымъ и нѣсколько умиленнымъ голосомъ.

Макаръ вспомнилъ, что дѣйствительно послѣ смерти надо предстать куда-то на судъ. Онъ это слышалъ когда-то въ церкви. Значитъ, попикъ былъ правъ. Приходилось подняться.

*) Тойонъ — господинъ, хозяинъ, начальникъ.

И Макаръ поднялся, ворча про себя, что даже послѣ смерти не даютъ человѣку покоя.

Попикъ шелъ впереди, Макаръ за нимъ. Шли они все прямо. Лиственицы смиренно сторонились, давая дорогу. Шли на востокъ.

Макаръ съ удивленіемъ замѣтилъ, что послѣ попа Ивана не остается слѣдовъ на снѣгу. Взглянувъ себѣ подъ ноги, онъ также не увидѣлъ слѣдовъ: снѣгъ былъ чистъ и гладокъ, какъ скатерть.

Онъ подумалъ, что теперь ему очень удобно ходить по чужимъ ловушкамъ, такъ какъ никто объ этомъ не можетъ узнать; но попикъ, угадавшій, очевидно, его сокровенную мысль, повернулся къ нему и сказалъ:

— *Кабысь* (брось, оставь)! Ты не знаешь, что тебѣ достанется за каждую подобную мысль.

— Ну, ну!—отвѣтилъ недовольно Макаръ.—Ужь нельзя и подумать! Что ты нынче такой сталъ строгій? Молчи ужѣ!...

Попикъ покачалъ головой и пошелъ дальше.

— Далеко ли идти?—спросилъ Макаръ.

— Далеко,—отвѣтилъ попикъ сокрушенно.

— А чего будемъ ѣсть?—спросилъ опять Макаръ съ безпокойствомъ.

— Ты забылъ, — отвѣтилъ попикъ, повернувшись къ нему,—что ты умеръ и что теперь тебѣ не надо ни ѣсть, ни пить.

Макару это не очень понравилось. Конечно, это хорошо въ томъ случаѣ, когда нечего ѣсть, но тогда ужь надо бы лежать такъ, какъ онъ лежалъ тотчасъ

послѣ своей смерти. А идти, да еще идти далеко, и не ѣсть ничего, это казалось ему ни съ чѣмъ не сообразнымъ. Онъ опять заворчалъ.

— Не ропщи!—сказалъ попикъ.

— Ладно!—отвѣтилъ онъ обиженнымъ тономъ, но самъ продолжалъ жаловаться про себя и ворчать на дурные порядки: „Человѣка заставляютъ ходить, а ѣсть ему не надо! Гдѣ это слыхано?“

Онъ былъ весьма недоволенъ все время, слѣдуя за попомъ. А шли они, повидимому, долго. Правда, Макаръ не видѣлъ еще разсвѣта, но, судя по пространству, ему казалось, что они шли уже цѣлую недѣлю: такъ много они оставили за собой падей и сопокъ*), рѣкъ и озеръ, такъ много прошли они лѣсовъ и равнинъ. Когда Макаръ оглядывался, ему казалось, что темная тайга сама убѣгаетъ отъ нихъ назадъ, а высокія снѣжныя горы точно таяли въ сумракѣ ночи и быстро скрывались за горизонтомъ.

Они какъ будто подымались все выше. Звѣзды становились все больше и ярче. Потомъ изъ-за гребня возвышенности, на которую они поднялись, показался краешекъ закатившейся луны. Она какъ будто торопилась уйти, но Макаръ съ попикомъ ее нагоняли. Наконецъ, она вновь стала подыматься надъ горизонтомъ. Они пошли по ровному, сильно приподнятому мѣсту.

Теперь стало свѣтло,—гораздо свѣтлѣе, чѣмъ при началѣ ночи. Это происходило, конечно, отъ того, что они

*) *Падь*—ущелье, оврагъ между горами; *сопка*—остроконечная гора.

были гораздо ближе къ звѣздамъ. Звѣзды, величиною каждая съ яблоко, такъ и сверкали, а луна, точно дно большой золотой бочки, сіяла какъ солнце, освѣщая равнину отъ края и до края.

На равнинѣ совершенно явственно виднѣлась каждая снѣжинка. По ней пролегало множество дорогъ и всѣ онѣ сходились къ одному мѣсту на востокѣ. По дорогамъ шли и ѣхали люди въ разныхъ одѣянiяхъ и разнаго вида.

Вдругъ Макаръ, внимательно всматривавшійся въ одного всадника, свернулъ съ дороги и побѣжалъ за нимъ.

— Пстой, пстой!—кричалъ попикъ, но Макаръ даже не слышалъ. Онъ узналъ знакомаго татарина, который шесть лѣтъ назадъ увелъ у него пѣгаго коня, а пять лѣтъ назадъ скончался. Теперь татаринъ ѣхалъ на томъ же пѣгомъ конѣ. Конь такъ и взвивался. Изъ-подъ копытъ его летѣли цѣлыя тучи снѣжной пыли, сверкавшей разноцвѣтными переливами звѣздныхъ лучей. Макаръ удивлялся, при видѣ этой бѣшеной скачки, какъ могъ онъ, пѣшій, такъ легко догнать татарина. Впрочемъ, завидѣвъ Макара въ нѣсколькихъ шагахъ, татаринъ съ большою готовностью остановился. Макаръ запальчиво напалъ на него.

— Пойдемъ къ старостѣ!—кричалъ онъ.—Это мой конь! Правое ухо у него разрѣзано... Смотри, какой ловкій!... Ёдетъ на чужомъ конѣ, а хозяинъ идетъ пѣшкомъ, точно нищій!

— Пстой!—сказалъ на это татаринъ.—Не надо къ старостѣ. Твой конь, говоришь?... Ну, и бери его! Про-

клятая животи́на! Пяты́й годъ ѣду на ней, и все какъ будто ни съ мѣста... Пѣшіе люди то и дѣло обгоняютъ меня; хорошему татарину даже стыдно.

И онъ занесъ ногу, чтобы сойти съ сѣдла, но въ это время запыхавшійся попикъ подбѣжалъ къ нему и схватилъ Макара за руку.

— Несчастный!—вскрикнулъ онъ,—что ты дѣлаешь? Развѣ не видишь, что татаринъ хочетъ тебя обмануть?

— Конечно, обманываетъ,—кричалъ Макаръ, размахивая руками:—конь былъ хорошій, настоящая хозяйская лошадь... Мнѣ давали за нее сорокъ рублей еще по третьей травѣ... Нѣ-ѣтъ, братъ! Если ты испортилъ коня, я его зарѣжу на мясо, а ты заплатишь мнѣ чистыми деньгами. Думаешь, что татаринъ, такъ и нѣтъ на тебя управы?

Макаръ горячился и кричалъ нарочно, чтобы собрать вокругъ себя побольше народу, такъ какъ онъ привыкъ бояться татаръ. Но попикъ остановилъ его порывы.

— Тише, тише, Макаръ! Ты все забываешь, что ты уже умеръ... Зачѣмъ тебѣ конь? Да, притомъ, развѣ ты не видишь, что пѣшкомъ ты подвигаешься гораздо быстрее татарина? Хочешь, чтобы тебѣ пришлось ѣхать цѣлыхъ тысячу лѣтъ?

Макаръ смекнулъ, почему татаринъ такъ охотно уступалъ ему лошадь.

„Хитрый народъ!“—подумалъ онъ и обратился къ татарину.

— Ладно ужò! Поѣзжай на конѣ, а я, братъ, сдѣлаю на тебя прошеніе.

Татаринъ сердито нахлобучилъ шапку и хлеснулъ коня. Конь взвился, клубы снѣга посыпались изъ-подъ копытъ, но пока Макаръ съ попомъ не тронулись, татаринъ не уѣхалъ отъ нихъ и пяди.

Онъ сердито плюнулъ и обратился къ Макару:

— Послушай, *dogòrʒ* (пріятель), нѣтъ ли у тебя листочка махорки? Страшно хочется курить, а свой табакъ я выкурилъ уже четыре года назадъ.

— Собака тебѣ пріятель, а не я!—сердито отвѣтилъ Макаръ.—Видишь ты: укралъ коня и просить табаку! Пропадай ты совсѣмъ, мнѣ и то не будетъ жалко.

И съ этими словами Макаръ тронулся далѣе.

— А вѣдь напрасно ты не далъ ему листокъ махорки,—сказалъ ему попъ Иванъ.—За это на судѣ Тойонъ простилъ бы тебѣ не менѣе сотни грѣховъ.

— Такъ что-жъ ты не сказалъ мнѣ этого ранѣе?—огрызнулся Макаръ.

— Да ужъ теперь поздно учить тебя. Ты долженъ былъ узнать объ этомъ отъ своихъ поповъ при жизни.

Макаръ осердился. Отъ поповъ онъ не видалъ никакого толку: получаютъ рѹгу, а не научили даже когда надо дать татарину листокъ табаку, чтобы получить отпущеніе грѣховъ. Шутка ли: сто грѣховъ... и всего за одинъ листочекъ!... Это вѣдь чего-нибудь стоить!

— Пстой, — сказалъ онъ. — Будетъ съ насъ одного листочка, а остальные четыре я отдамъ сейчасъ татарину. Это будетъ четыре сотни грѣховъ.

— Оглянись,—сказалъ попикъ.

Макаръ оглянулся. Сзади разстилалась только бѣлая

пустынная равнина. Татаринъ мелькнулъ на одну секунду далекою точкой. Макару казалось, что онъ увидѣлъ, какъ бѣлая пыль летитъ изъ-подъ копытъ его пѣгашки, но черезъ секунду и эта точка исчезла.

— Ну, ну! — сказалъ Макаръ. — Будетъ татарину и безъ табаку ладно. Вишь ты: испортилъ коня, проклятый!

— Нѣтъ, — сказалъ попикъ, — онъ не испортилъ твоего коня, но конь этотъ краденый. Развѣ ты не слышалъ отъ стариковъ, что на краденomъ конѣ далеко не уѣдешь?

Макаръ дѣйствительно слышалъ это отъ стариковъ, но такъ какъ во время своей жизни видѣлъ нерѣдко, что татары уѣзжали на краденыхъ коняхъ до самаго города, то, понятно, онъ старикамъ не давалъ вѣры. Теперь же онъ пришелъ къ убѣжденію, что и старики говорятъ иногда правду.

И онъ сталъ обгонять на равнинѣ множество всадниковъ. Всѣ они мчались такъ же быстро, какъ и первый. Кони летѣли какъ птицы, всадники были въ поту, а между тѣмъ Макаръ то и дѣло обгонялъ ихъ и оставлялъ за собою.

Большею частью это были татары, но попадались и коренные чалганцы; нѣкоторые изъ послѣднихъ сидѣли на краденыхъ быкахъ и подгоняли ихъ талинками.

Макаръ смотрѣлъ на татаръ враждебно и каждый разъ ворчалъ, что этого имъ еще мало. Когда же онъ встрѣчался съ чалганцами, то останавливался и благодушно бесѣдовалъ съ ними: все-таки это были пріатели,

хоть и воры. Порой онъ даже выражалъ свое участіе тѣмъ, что, поднявъ на дорогѣ талинку, усердно подгонялъ сзади быковъ и коней; но лишь только самъ онъ дѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ уже всадники оставались сзади чуть замѣтными точками.

Равнина казалась безконечною. Они то и дѣло обгоняли всадниковъ и пѣшихъ людей, а между тѣмъ вокругъ все казалось пусто. Между каждыми двумя путниками лежали какъ будто цѣлыя сотни или даже тысячи верстъ.

Между другими фигурами Макару попался незнакомый старикъ; онъ былъ, очевидно, чалганецъ; это было видно по лицу, по одеждѣ, даже по походкѣ, но Макаръ не могъ припомнить, чтобъ онъ когда-либо прежде его видѣлъ. На старикѣ была рваная *сона*, большой ухасть *бересъ*, тоже рваный, кожаные старые штаны и рваные телячьи торбасъ. Но что хуже всего,—несмотря на свою старость,—онъ тащилъ на плечахъ еще болѣе древнюю старуху, ноги которой волочились по землѣ. Старикъ трудно дышалъ, заплетался и тяжело налегалъ на палку. Макару стало его жалко. Онъ остановился. Старикъ остановился тоже.

— *Kapcé* (говори)!—сказалъ Макаръ привѣтливо.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ старикъ.

— Что слышалъ?

— Ничего не слыхалъ.

— Что видѣлъ?

— Ничего не видалъ.

Макаръ помолчалъ немного и тогда уже счелъ воз-

можнымъ распросить старика, кто онъ и откуда плетется.

Старикъ назвался. Давно уже,—самъ онъ не знаетъ сколько лѣтъ назадъ,—онъ оставилъ Чалганъ и ушелъ на „гору“ спасаться. Тамъ онъ ничего не дѣлалъ, ѣлъ только морошку и корни, не пахалъ, не сѣялъ, не молотъ на жерновѣ хлѣба и не платилъ податей. Когда онъ умеръ, то пришелъ къ Тойону на судъ. Тойонъ спросилъ, кто онъ и что дѣлалъ. Онъ разсказалъ, что ушелъ на „гору“ и спасался. „Хорошо, — сказалъ Тойонъ,—а гдѣ же твоя старуха? Поди, приведи сюда твою старуху“. И онъ пошелъ за старухой, а старуха передъ смертью побиралась, и ее некому было кормить, и у нея не было ни дома, ни коровы, ни хлѣба. Она ослабѣла и не можетъ волочить ногъ. И онъ теперь долженъ тащить къ Тойону старуху на себѣ.

Старикъ заплакалъ, а старуха ударила его ногою, точно быка, и сказала слабымъ, но сердитымъ голосомъ:

— Неси!

Макару стало еще болѣе жаль старика и онъ порадовался отъ души, что ему не удалось уйти на „гору“. Его старуха была громадная, рослая старуха, и ему нести ее было бы еще труднѣе. А еслибы, вдобавокъ, она стала пинать его ногою, какъ быка, то, навѣрное, скоро заѣздила бы до второй смерти.

Изъ сожалѣнія, онъ взялъ было старуху за ноги, чтобы помочь догору, но едва сдѣлалъ два-три шага, какъ долженъ былъ быстро выпустить старухины ноги, чтобъ

онѣ не остались у него въ рукахъ. Въ одну минуту старикъ съ своею ношей исчезли изъ виду.

Въ дальнѣйшемъ пути не встрѣчалось болѣе лицъ, которыхъ Макаръ удостоилъ бы своимъ особеннымъ вниманіемъ. Тутъ были воры, нагруженные, какъ выючная скотина, краденымъ добромъ и подвигавшіеся шагъ за шагомъ; толстые якутскіе тойоны тряслись, сидя на высокихъ сѣдлахъ, точно башни, задѣвая за облака высокими шапками. Тутъ же, рядомъ, въ припрыжку бѣжали бѣдные *комночиты* (работники), поджарые и легкіе, какъ зайцы. Шелъ мрачный убійца, весь въ крови, съ дико-блуждающимъ взоромъ. Напрасно кидался онъ въ чистый снѣгъ, чтобы смыть кровавые пятна. Снѣгъ мгновенно обогрѣлся кругомъ, какъ кипень, а пятна на убійцѣ выступали яснѣе, и въ его взорѣ виднѣлись дикое отчаяніе и ужасъ. И онъ все шелъ, избѣгая чужихъ, испуганныхъ взоровъ.

А маленькія дѣтскія души то и дѣло мелькали въ воздухѣ, точно птички. Онѣ летали большими стаями, и Макара это не удивляло. Дурная, грубая пища, грязь, огонь камельковъ и холодные сквозняки юртъ выживали ихъ изъ одного Чалгана чуть не сотнями. Поровнявшись съ убійцей, онѣ испуганною стаей кидались далеко въ сторону, и долго еще послѣ того слышался въ воздухѣ быстрый, тревожный звонъ ихъ маленькихъ крыльевъ.

Макаръ не могъ не замѣтить, что онъ подвигается сравнительно съ другими довольно быстро, и поспѣшилъ приписать это своей добродѣтели.

— Слушай, *агабытз* (отецъ), — сказалъ онъ, — какъ ты думаешь? Я хоть и любилъ при жизни выпить, а чело-вѣкъ былъ хорошій. Богъ меня любить...

Онъ пытливо взглянулъ на попа Ивана. У него была задняя мысль: вывѣдать кое-что отъ стараго попка. Но тотъ сказалъ кратко:

— Не гордись! Уже близко. Скоро узнаешь самъ.

Макаръ и не замѣтилъ раньше, что на равнинѣ какъ будто стало свѣтать. Прежде всего, точно первые удары могучаго оркестра, изъ-за горизонта выбѣжали нѣсколь-ко свѣтлыхъ лучей. Они быстро пробѣжали по небу и потушили яркія звѣзды. И звѣзды погасли, а луна за-катилась. И снѣжная равнина потемнѣла.

Тогда надъ нею поднялись туманы и стали кругомъ равнины, какъ почетная стража.

И въ одномъ мѣстѣ, на востокѣ, туманы стали свѣт-лѣе, точно воины, одѣтые въ золото.

И потомъ туманы заколыхались, и золотые воины на-клонились долу.

И изъ-за нихъ вышло солнце и стало на ихъ золо-тистыхъ хребтахъ и оглянуло равнину.

И равнина вся засіяла невиданнымъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ.

И туманы торжественно поднялись огромнымъ хоро-водомъ, разорвались на западѣ и, колеблясь, понеслись кверху.

И Макару казалось, что онъ слышитъ чудную пѣсню. Это была какъ будто та самая, давно знакомая пѣсня, которою земля каждый разъ привѣтствуетъ солнце. Но

Макаръ никогда еще не обращалъ на нее должнаго вниманія и только въ первый разъ понялъ, какая это чудная пѣсня.

Онъ стоялъ и слушалъ и не хотѣлъ идти далѣе, а хотѣлъ вѣчно стоять здѣсь и слушать

Но попъ Иванъ тронулъ его за рукавъ.

— Войдемъ,—сказалъ онъ.—Мы пришли.

Тогда Макаръ увидѣлъ, что они стоятъ у большой двери, которую раньше скрывали туманы.

Ему очень не хотѣлось идти, но, тѣмъ не менѣе, онъ повиновался.

Они вошли въ хорошую, просторную избу, и, только войдя сюда, Макаръ замѣтилъ, что на дворѣ былъ сильный морозъ. Посрединѣ избы стоялъ камелекъ чудной рѣзной работы, изъ чистаго серебра, и въ немъ пылали золотыя полѣнья, давая ровное тепло, сразу проникавшее все тѣло. Огонь этого чуднаго камелька не рѣзалъ глазъ, не жегъ, а только грѣлъ, и Макару опять захотѣлось вѣчно стоять здѣсь и грѣться. Попъ Иванъ также подошелъ къ камельку и протянулъ къ нему иззябшія руки.

Въ избѣ было четверо дверей, изъ которыхъ только одна вела наружу, а въ другія то и дѣло входили и выходили какіе-то молодые люди въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ. Макаръ подумалъ, что это должно-быть работники здѣшняго Тойона. Ему казалось, что онъ гдѣ-

то ихъ уже видѣлъ, но не могъ вспомнить, гдѣ именно. Не мало удивляло его то обстоятельство, что у каждаго работника на спинѣ болтались большія бѣлыя крылья, и онъ подумалъ, что, вѣроятно, у Тойона есть еще другіе работники, такъ какъ эти, навѣрное, не могли бы съ своими крыльями пробираться сквозь чащу тайги для рубки дровъ или жердей.

Одинъ изъ работниковъ подошелъ тоже къ камельку и, повернувшись къ нему спиною, заговорилъ съ попомъ Иваномъ:

— Говори!

— Нечего, — отвѣчалъ попикъ.

— Что ты слышалъ на свѣтѣ?

— Ничего не слыхалъ.

— Что видѣлъ?

— Ничего не видалъ.

Оба помолчали, и тогда попъ сказалъ:

— Привелъ, вотъ, одного.

— Это чалгачецъ? — спросилъ работникъ.

— Да, чалганецъ.

— Ну, значитъ, надо приготовить большіе вѣсы.

И онъ ушелъ въ одну изъ дверей, чтобы распорядиться, а Макарь спросилъ у попа, зачѣмъ нужны вѣсы и почему именно большіе?

— Видишь, — отвѣтилъ попъ нѣсколько смущенно, — вѣсы нужны, чтобы взвѣсить добро и зло, какое ты сдѣлалъ при жизни. У всѣхъ остальныхъ людей зло и добро приблизительно уравниваютъ чашки; у однихъ чалганцевъ грѣховъ такъ много, что для нихъ Тойонъ ве-

лѣлъ сдѣлать особыя вѣсы съ громадною чашкой грѣховъ.

Отъ этихъ словъ у Макара какъ будто скребнуло по сердцу. Онъ ощутилъ робость.

Работники внесли и поставили большіе вѣсы. Одна чашка была золотая и маленькая, другая — деревянная, громадныхъ размѣровъ. Подъ послѣдней вдругъ открылось глубокое черное отверстіе.

Макаръ подошелъ и тщательно осмотрѣлъ вѣсы, чтобы не было фальши. Но фальши не было. Чашки стояли ровно, не колеблясь.

Впрочемъ, онъ не вполне понималъ ихъ устройство и предпочелъ бы имѣть дѣло съ безмѣномъ, на которомъ въ теченіе долгой жизни онъ отлично выучился и продавать, и покупать съ большою выгодой для себя.

— Тойонъ идетъ, — сказалъ вдругъ попъ Иванъ и сталъ быстро обдергивать свою рясу.

Средняя дверь отворилась и вошелъ старый-престарый Тойонъ, съ большою серебристою бородой, спускавшеюся ниже пояса. Онъ былъ одѣтъ въ богатые, неизвѣстные Макару мѣха и ткани, а на ногахъ у него были теплые сапоги, обшитые плисомъ, какіе Макаръ видѣлъ на старомъ иконописцѣ.

И при первомъ же взглядѣ на стараго Тойона Макаръ узналъ, что это тотъ самый старикъ, котораго онъ видѣлъ нарисованнымъ въ церкви. Только тутъ съ нимъ не было сына; Макаръ подумалъ, что, вѣроятно, послѣдній ушелъ по дѣламъ. За то голубъ влетѣлъ въ комнату и, покружившись у старика надъ головой, сѣлъ къ нему

на колѣни. И старый Тойонъ гладилъ голубя рукою, сидя на особо приготовленномъ для него стулѣ.

Лицо стараго Тойона было доброе, и когда у Макара становилось слишкомъ ужъ тяжело на сердцѣ, онъ смотрѣлъ на это лицо и ему становилось легче.

А на сердцѣ у него становилось тяжело потому, что онъ вспомнилъ вдругъ всю свою жизнь до послѣднихъ подробностей, вспомнилъ каждый свой шагъ и каждый ударъ топора, и каждое срубленное дерево, и каждый обманъ, и каждую рюмку выпитой водки.

И ему стало стыдно и страшно. Но, взглянувъ въ лицо стараго Тойона, онъ ободрился.

А ободрившись, подумалъ, что, быть-можетъ, кое-что удастся и скрыть.

Старый Тойонъ посмотрѣлъ на него и спросилъ, кто онъ и откуда, и какъ зовутъ, и сколько ему лѣтъ отъ роду.

Когда Макаръ отвѣтилъ, старый Тойонъ спросилъ:

— Что сдѣлалъ ты въ своей жизни?

— Самъ знаешь, — отвѣтилъ Макаръ. — У тебя должно-быть записано.

Макаръ испытывалъ стараго Тойона, желая узнать, дѣйствительно ли у него записано все.

— Говори самъ, — сказалъ старый Тойонъ.

И Макаръ ободрился.

Онъ сталъ перечислять свои работы, и хотя онъ помнилъ каждый ударъ топора и каждую срубленную жердь, и каждую борозду, проведенную сохою, но онъ прибавлялъ цѣлыя тысячи жердей, и сотни возовъ дровъ, и сотни бревенъ, и сотни пудовъ посѣва.

Когда онъ все перечислилъ, старый Тойонъ обратился къ попу Ивану:

— Принеси-ка сюда книгу.

Тогда Макаръ увидѣлъ, что попъ Иванъ служитъ у Тойона *суруксутомъ* (писаремъ), и очень осердился, что тотъ по-пріятельски не сказалъ ему объ этомъ раньше.

Попъ Иванъ принесъ большую книгу, развернулъ ее и сталъ читать.

— Загляни-ка, — сказалъ старый Тойонъ, — сколько жердей?

Попъ Иванъ посмотрѣлъ и сказалъ съ горестью:

— Онъ прибавилъ цѣлыхъ три тысячи.

— Вретъ онъ! — крикнулъ Макаръ запальчиво. — Онъ, вѣрно, ошибся, потому что онъ пьяница и умеръ нехорошею смертью!

— Замолчи ты! — сказалъ старый Тойонъ. — Бралъ ли онъ съ тебя лишнее за крестины или за свадьбы? Вымогалъ ли онъ ругу?

— Что говорить напрасно! — отвѣтилъ Макаръ.

— Вотъ видишь, — сказалъ Тойонъ, — я знаю и самъ что онъ любилъ выпить...

И старый Тойонъ осердился.

— Читай теперь его прегрѣшенія по книгѣ, потому что онъ обманщикъ и я ему не вѣрю, — сказалъ онъ попу Ивану.

А между тѣмъ работники кинули на золотую чашку и Макаровы жерди, и его дрова, и его пахоту, и всю его работу. И всего оказалось такъ много, что золотая

чашка вѣсовъ опустилась, а деревянная поднялась высоко, высоко, и ее нельзя было достать руками, и молодые божьи работники взлетѣли на своихъ крыльяхъ, и цѣлая сотня тянула ее веревками внизъ.

Тяжела была работа чалганца!

А попъ Иванъ сталъ вычитывать обманы, и оказалось, что обмановъ было—двадцать одна тысяча девятьсотъ тридцать три обмана; и попъ сталъ вычитывать, сколько Макаръ выпилъ бутылокъ водки, и оказалось четыреста бутылокъ,—и попъ читалъ далѣе, а Макаръ видѣлъ, что деревянная чашка вѣсовъ перетягиваетъ золотую и что она опускается уже въ яму, и пока попъ читалъ, она все опускалась.

Тогда Макаръ подумалъ про себя, что его дѣло плохо, и, подойдя къ вѣсамъ, попытался незамѣтно поддержать чашку ногою. Но одинъ изъ работниковъ увидѣлъ это, и у нихъ вышелъ шумъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ старый Тойонъ.

— Да вотъ онъ хотѣлъ поддержать вѣсы ногою,—отвѣтилъ работникъ.

Тогда Тойонъ гнѣвно обратился къ Макару и сказалъ:

— Вижу, что ты обманщикъ, лѣнivecъ и пьяница!... И за тобой осталась недоимка, и попъ за тобой считаетъ ругу, и исправникъ грѣшитъ изъ-за тебя, ругая тебя каждый разъ скверными словами!...

И, обратясь къ попу Ивану, старый Тойонъ спросилъ:

— Кто въ Чалганѣ кладетъ на лошадей болѣе всѣхъ клади и кто гоняетъ ихъ всѣхъ больше?

Попъ Иванъ отвѣтилъ:

— Церковный трапезникъ. Опъ гоняетъ почту и возить исправника.

Тогда старый Тойонъ сказалъ:

— Отдать этого лѣнивца трапезнику въ мерины, и пусть онъ возить на немъ исправника, пока не заѣздитъ... А тамъ мы посмотримъ...

И только-что старый Тойонъ сказалъ это слово, какъ дверь отворилась и въ избу вошелъ сынъ стараго Тойона и сѣлъ отъ него по правую руку.

И сынъ сказалъ:

— Я слышалъ твой приговоръ... Я долго жилъ на свѣтѣ и знаю тамошнія дѣла: тяжело будетъ бѣдному человѣку возить исправника! Но... да будетъ!.. Только, можетъ-быть, онъ еще что-нибудь скажетъ. Говори, *барахсанъ* (бѣдняга)!

Тогда случилось что-то странное. Макаръ, тотъ самый Макаръ, который никогда въ жизни не произносилъ болѣе десяти словъ кряду, вдругъ ощутилъ въ себѣ даръ слова. Онъ заговорилъ и самъ изумился. Стало какъ бы два Макара: одинъ говорилъ, другой слушалъ и удивлялся. Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Рѣчь у него лилась плавно и страстно, слова гнались одно за другимъ въ-перегонку и потомъ становились длинными, стройными рядами. Онъ не робѣлъ. Если ему и случалось запнуться, то тотчасъ же онъ оправлялся и кричалъ вдвое громче. А главное — онъ чувствовалъ самъ, что говорилъ убѣдительно.

Старый Тойонъ, немного осердившійся сначала за его дерзость, сталъ потомъ слушать съ большимъ вниманіемъ.

емъ, какъ бы убѣдившись, что Макаръ не такой ужь дуракъ, какимъ казался сначала. Попъ Иванъ въ первую минуту даже испугался и сталъ дергать Макара за полу *соны*, но Макаръ отмахнулся и продолжалъ по-прежнему. Потомъ и попикъ пересталъ пугаться и даже разцвѣлъ улыбкой, видя, что его прихожанинъ рѣжетъ правду и что эта правда приходится по сердцу старому Тойону. Даже молодые люди въ длинныхъ рубахахъ и съ бѣлыми крыльями, жившіе у стараго Тойона въ работникахъ, приходили изъ своей половины къ дверямъ и съ удивленіемъ слушали рѣчь Макара, поталкивая другъ друга локтями.

Онъ началъ съ того, что не желаетъ идти къ трапезнику въ мерины. И не потому не желаетъ, что боится тяжелой работы, а потому, что это рѣшеніе неправильно. А такъ какъ это рѣшеніе неправильно, то онъ ему не подчинится и не поведетъ даже ухомъ, не двинетъ погою. Пусть съ нимъ дѣлаютъ что хотятъ! Пусть даже отдадутъ чертямъ въ вѣчные *комночиты*,—онъ не будетъ возить исправника, потому что это неправильно. И пусть не думаютъ, что ему страшно положеніе мерина: трапезникъ гоняетъ мерина, но кормить его овсомъ, а его гоняли всю жизнь, но овсомъ никогда не кормили.

— Кто тебя гонялъ? — спросилъ старый Тойонъ съ сердцемъ.

Да, его гоняли всю жизнь! Гоняли старосты и старшины, засѣдатели и исправники, требуя подати; гоняли попы, требуя ругу; гоняли нужда и голодъ; гоняли морозы и

жары, дожди и засухи; гоняла промерзшая земля и злая тайга!... Скотина идетъ впередъ и смотритъ въ землю, не зная куда ее гонять... И онъ также... Развѣ онъ зналъ, что попъ читаетъ въ церкви и за что идетъ ему рѹга? Развѣ онъ зналъ, зачѣмъ и куда увели его старшаго сына, котораго взяли въ солдаты, и гдѣ онъ умеръ, и гдѣ теперь лежатъ его бѣдныя кости?

Говорятъ, онъ пилъ много водки? Конечно, это правда: его сердце просило водки...

— Сколько, говоришь ты, бутылокъ?

— Четыреста, — отвѣтилъ попъ Иванъ, заглянувъ въ книгу.

Хорошо! Но развѣ это была водка? Три четвери было воды и только одна четверть настоящей водки, да еще настой табаку. Стало-быть триста бутылокъ надо скинуть со счета.

— Правду ли онъ говорить все это? — спросилъ старый Тойонъ у попа Ивана, и видно было, что онъ еще сердится.

— Чистую правду, — торопливо отвѣтилъ попъ, а Макарь продолжалъ.

Онъ прибавилъ три тысячи жердей? Пусть такъ! Пусть онъ нарубилъ только шестнадцать тысячъ! А развѣ этого мало? И, притомъ, двѣ тысячи онъ рубилъ, когда у него была больна первая его жена... И у него было тяжело на сердцѣ, и онъ хотѣлъ сидѣть у своей старухи, а нужда гнала его въ тайгу... И въ тайгѣ онъ плакалъ, и слезы мерзли у него на рѣсницахъ, и отъ горя холодъ проникалъ до самаго сердца... А онъ рубилъ!

А послѣ старуха умерла. Ее надо было хоронить, а у него не было денегъ. И онъ нанялся рубить дрова, чтобы заплатить за старухинъ домъ на томъ свѣтѣ... А купецъ увидѣлъ, что ему нужда, и далъ только по десяти копѣекъ... И старуха лежала одна въ нетопленной мерзлой избѣ, а онъ опять рубилъ и плакалъ. Онъ полагаетъ, что эти возы надо считать впятеро и даже болѣе.

У стараго Тойона показались на глазахъ слезы, и Макаръ увидѣлъ, что чашки вѣсовъ колыхнулись, и деревянная приподнялась, а золотая опустилась.

А Макаръ продолжалъ: у нихъ все записано въ книгѣ... Пусть же они поищутъ: когда онъ испыталъ отъ кого-нибудь ласку, привѣтъ или радость? Гдѣ его дѣти? Когда они умирали, ему было горько и тяжело, а когда выросли, то уходили отъ него, чтобы въ-одиночку биться съ тяжелою нуждой. И онъ состарился одинъ со своей второю старухой и видѣлъ, какъ его оставляютъ силы и подходить злая, безпріютная дряхлость. Они стояли одинокіе, какъ стоятъ въ степи двѣ сиротливыя елки, которыхъ бьютъ отовсюду жестокія метели.

— Правда ли?—спросилъ опять старый Тойонъ.

И поцъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Чистая правда!

И тогда вѣсы опять дрогнули... Но старый Тойонъ задумался.

— Что же это?—сказалъ онъ:—вѣдь есть же у меня на землѣ настоящіе праведники... Глаза ихъ ясны, и лица свѣтлы, и ризы безъ пятенъ... Сердца ихъ мягки, какъ

добрая почва; принимаютъ доброе сѣмя и возвращаютъ кринъ сельный и благовонные всходы, запахъ которыхъ угоденъ передо мною. А ты посмотри на себя...

И всѣ взгляды устремились на Макара, и онъ устыдился. Онъ почувствовалъ, что глаза его мутны и лицо темно, волосы и борода всклокочены, одежда изорвана. И хотя задолго до смерти онъ все собирался купить сапоги, чтобы предстать на судъ, какъ подобаетъ настоящему крестьянину, но все пропивалъ деньги, и теперь стоялъ передъ Тойономъ, какъ послѣдній якутъ, въ дрянныхъ торбасишкахъ... И онъ пожелалъ провалиться сквозь землю.

— Лицо твое темно,—продолжалъ старый Тойонъ, — глаза мутны и одежда изорвана. А сердце твое поросло бурьяномъ и терніемъ, и горькою полыною. Вотъ почему я люблю моихъ праведныхъ и отвращаю лицо отъ подобныхъ тебѣ нечестивцевъ...

Сердце Макара сжалось. Онъ чувствовалъ стыдъ собственнаго существованія. Онъ было понурилъ голову, но вдругъ поднялъ ее и заговорилъ опять:

О какихъ это праведникахъ говоритъ Тойонъ? Если о тѣхъ, что жили на землѣ въ одно время съ Макаромъ въ богатыхъ хоромахъ, то Макаръ ихъ знаетъ... Глаза ихъ ясны, потому что не проливали слезъ столько, сколько ихъ пролилъ Макаръ, и лица ихъ свѣтлы, потому что обмыты духами, а чистыя ризы сотканы чужими руками.

Макаръ опять понурилъ голову, но тотчасъ же опять поднялъ ее.

А между тѣмъ развѣ онъ не видитъ, что и онъ родился какъ другіе, — съ ясными, открытыми очами, въ которыхъ отражались земля и небо, и съ чистымъ сердцемъ, готовымъ раскрыться на все прекрасное въ мірѣ? И если теперь онъ желаетъ скрыть подъ землею свою мрачную и позорную фигуру, то въ этомъ вина не его... А чья же? — Этого онъ не знаетъ... Но онъ знаетъ одно, что въ сердцѣ его истощилось терпѣніе.

Конечно, еслибы Макаръ могъ видѣть, какое дѣйствіе производила его рѣчь на стараго Тойона, еслибы онъ видѣлъ, что каждое его гнѣвное слово падало на золотую чашку какъ свинцовая гиря, онъ усмирилъ бы свое сердце. Но онъ всего этого не видѣлъ, потому что въ его сердце вливалось слѣпое отчаяніе.

Вотъ онъ оглядѣлъ всю свою горькую жизнь. Какъ могъ онъ до сихъ поръ выносить это ужасное бремя? Онъ несъ его потому, что впереди все еще маячила — звѣздочкой въ туманѣ — надежда. Онъ живъ, стало-быть можетъ, долженъ еще испытать лучшую долю... Теперь онъ стоялъ у конца, и надежда угасла...

Тогда въ его душѣ стало темно, и въ ней забушевала ярость, какъ буря въ пустой степи глухою ночью. Онъ забылъ, гдѣ онъ, предъ чьимъ лицомъ предстоить, — забылъ все, кромѣ своего гнѣва...

Но старый Тойонъ сказалъ ему:

— Погоди, *барахсанъ*! Ты не на землѣ... Здѣсь и для тебя найдется правда...

И Макаръ дрогнулъ. На сердце его пало сознаніе, что его жалѣютъ, и оно смягчилось; а такъ какъ передъ его глазами все стояла его бѣдная жизнь, отъ перваго дня до послѣдняго, то и ему стало самого себя невыносимо жалко. И онъ заплакалъ...

И старый Гойонъ тоже плакалъ... И плакалъ старый попикъ Иванъ, и молодые божьи работники лили слезы, утирая ихъ широкими бѣлыми рукавами.

А вѣсы все колыхались и деревянная чашка подымалась все выше и выше!

.

1883 г.

„ЛѢСЪ ШУМИТЪ“.

(ПОЛЪССКАЯ ЛЕГЕНДА.)

REPORT OF THE
COMMISSIONER OF THE
LAND OFFICE
FOR THE YEAR 1881

(CONTAINING THE
ANNUAL REPORT OF THE
COMMISSIONER OF THE
LAND OFFICE)

„ЛѢСЪ ШУМИТЪ“.

(Полѣсская легенда.)

Было и быльемъ поросло.

I.

Лѣсъ шумѣлъ...

Въ этомъ лѣсу всегда стоялъ шумъ—ровный, протяжный, какъ отголосокъ дальняго звона, спокойный и смутный, какъ тихая пѣсня безъ словъ, какъ неясное воспоминаніе о прошедшемъ. Въ немъ всегда стоялъ шумъ, потому что это былъ старый, дремучій боръ, котораго не касались еще пила и топоръ лѣсного ба-рышника. Высокія столѣтнія сосны съ красными могучими стволами стояли хмурою ратью, плотно сомкнувшись вверху зелеными вершинами. Внизу было тихо; пахло смолой; сквозь пологъ сосновыхъ иголъ, которыми была усыпана почва, пробились яркіе папоротники, пышно раскинувшіеся причудливою бахромой и стоявшіе недвижимо, не шелохнувъ листомъ. Въ сырыхъ уголкахъ тянулись высокими стеблями зеленая трава; бѣлая кашка склонялась отяжелѣвшими головками, какъ будто въ тихой

истомѣ. А вверху, безъ конца и перерыва, тянулъ лѣсной шумъ, точно смутные вздохи стараго бора.

Но теперь эти вздохи становились все глубже, сильнѣе. Я ѣхалъ лѣсною тропой, и хотя неба мнѣ не было видно, но по тому, какъ хмурился лѣсъ, я чувствовалъ, что надъ нимъ тихо подымается тяжелая туча. Время было не раннее. Между стволовъ кое-гдѣ пробивался еще косой лучъ заката, но въ чащахъ расползались уже мгlistыя сумерки. Къ вечеру собиралась гроза.

На сегодня нужно было уже отложить всякую мысль объ охотѣ; въ пору было только добраться передъ грозой до ночлега. Мой конь постукивалъ копытомъ въ обнажившіеся корни, храпѣлъ и настораживалъ уши, прислушиваясь къ гулко щелкающему лѣсному эхо. Онъ самъ прибавлялъ шагъ къ знакомой лѣсной сторожкѣ.

Залаяла собака. Между порѣдѣвшими стволами мелькаютъ мазаныя стѣны. Синяя струйка дыма вьется подъ нависшею зеленою; покосившаяся изба съ лохматою крышей пріютилась подъ стѣной красныхъ стволовъ; она какъ будто вростаетъ въ землю, между тѣмъ какъ стройныя и гордыя сосны высоко покачиваются надъ ней своими головами. Посрединѣ поляны, плотно примкнувшись другъ къ другу, стоитъ кучка молодыхъ дубовъ.

Здѣсь живутъ обыкновенно спутники моихъ охотничьихъ экскурсій—лѣсники Захаръ и Максимъ. Но теперь, повидимому, обоихъ нѣтъ дома, такъ какъ никто не выходитъ на лай громадной овчарки. Только старый дѣдъ, съ лысою головой и сѣдыми усами, сидитъ на заваленкѣ и ковыряетъ лапоть. Усы у дѣда болтаются

чуть не до пояса, глаза глядятъ тускло, точно дѣдъ все вспоминаетъ что-то и не можетъ припомнить.

— Здравствуй дѣдъ! Есть кто-нибудь дома?

— Эге!—мотаетъ дѣдъ головой. —Нѣтъ ни Захара, ни Максима, да и Мотря побрела въ лѣсъ за коровой... Коровы куда-то ушла,—пожалуй, медвѣди задрали... Вотъ оно какъ... нѣтъ никого!

— Ну, ничего. Я съ тобой посижу, обожду.

— Обожди, обожди,—киваетъ дѣдъ, и пока я подвязываю лошадь къ вѣтви дуба, онъ всматривается въ меня слабыми и мутными глазами. Плохъ ужъ старый дѣдъ: глаза не видятъ и руки трясутся.

— А кто-жъ ты такой, хлопче?—спрашиваетъ онъ, когда я подсаживаюсь на заваленкѣ.

Этотъ вопросъ я слышу въ каждое свое посѣщеніе.

— Эге, знаю теперь, знаю,—говоритъ старикъ, принимаясь опять за лапотъ.—Вотъ старая голова, какъ рѣшето, ничего не держитъ! Тѣхъ, что давно умерли, помню,—ой, хорошо помню! А новыхъ людей все забываю... Зажился на свѣтѣ.

— А давно ли ты, дѣдъ, живешь въ этомъ лѣсу?

— Эге, давненько! Французъ приходилъ въ царскую землю, я уже былъ.

— Много же ты на своемъ вѣку видѣлъ. Чай, есть чего рассказать.

Дѣдъ смотритъ на меня съ удивленіемъ.

— А что же мнѣ видѣть, хлопче? Лѣсъ видѣлъ... Шумитъ лѣсъ, шумитъ и днемъ и ночью, зимою шумитъ и лѣтомъ... И я, какъ та деревина, вѣкъ прожилъ

въ лѣсу и не замѣтилъ... Вотъ и въ могилу пора, а надумаю иной разъ, хлопче, то и самъ смекнуть не могу: жилъ я на свѣтѣ или нѣтъ... Эге, вотъ какъ! Можетъ, и вовсе не жилъ...

Край темной тучи выдвинулся изъ-за густыхъ вершинъ надъ лѣспою поляной; вѣтви замыкавшихъ поляну сосенъ закачались подъ дуновеніемъ вѣтра, и лѣсной шумъ пронесся глубокимъ, усилившимся аккордомъ. Дѣдъ поднялъ голову и прислушался.

— Буря идетъ,—сказалъ онъ черезъ минуту.—Это вотъ я знаю. Ой-ой, зареветъ ночью буря, сосны будетъ ломать, съ корнемъ выворачивать станетъ!... Заиграетъ лѣсной хозяинъ...—добавилъ онъ тише.

— Почему же ты знаешь, дѣду?

— Эге, это я знаю! Хорошо знаю, какъ дерево говоритъ... Дерево, хлопче, тоже боится... Вотъ осина, проклятое дерево, все что-то лопочетъ,—и вѣтру нѣтъ, а она трясется. Сосна на бору въ ясный день играетъ-звенитъ, а чуть подыметъ вѣтеръ, она загудитъ и застонетъ. Это еще ничего... А ты вотъ слушай теперь... Я хоть глазами плохо вижу, а ухомъ слышу: дубъ зашумѣлъ, дуба уже трогаетъ на полянѣ... Это къ бурѣ.

Дѣйствительно, кучка невысокихъ коряжистыхъ дубовъ, стоявшихъ посрединѣ поляны и защищенныхъ высокою стѣной бора, помахивала крѣпкими вѣтвями, и отъ нихъ несся глухой шумъ, легко отличаемый отъ гулкого звука сосенъ.

— Эге! слышишь ли, хлопче?—говоритъ дѣдъ съ дѣтски-лукавою улыбкой.—Я уже знаю: тронуло этакъ вотъ

дуба, значить *хозяинъ* ночью пойдетъ, ломать будетъ... Да иѣтъ, не сломаетъ! Дубъ—дерево крѣпкое, не подъ силу даже хозяину... вотъ какъ!

— Какой же хозяинъ, дѣду? Самъ же ты говоришь: буря ломаетъ.

Дѣдъ закивалъ головой съ лукавымъ видомъ.

— Эге, я-жъ это знаю!... Нынче, говорятъ, такіе люди пошли, что уже ничему и не вѣрятъ. Вотъ оно какъ! А я же его видѣлъ, вотъ какъ тебя теперь, а то еще лучше, потому что теперь у меня глаза старые, а тогда были молодые. Ой-ой, какъ еще видѣли мои глаза молодцу!...

— Какъ же ты его видѣлъ, дѣду, скажи-ка?

— А вотъ, все равно, какъ и теперь: сначала сосна застонетъ на бору... То звенить, а то стонать начнетъ: о-охъ-хо-о... о-хо о! — и затихнетъ, а потомъ опять, потомъ опять, да чаще, да жалостнѣе. Эге, потому что много ея повалить хозяинъ ночью. А потомъ дубъ заговорить. А къ вечеру все больше, а ночью и пойдетъ крутить: бѣгаетъ по лѣсу, смѣется и плачетъ, вертится, пляшетъ и все на дуба палетаешь, все хочется вырвать... А я разъ осенью и посмотрѣлъ въ оконце; вотъ *ему* это и не по сердцу: подбѣжалъ къ окну, тар-рахъ въ него сосновою корягой; чуть мнѣ все лицо не искалѣчилъ, чтобъ ему было пусто; да я не дуракъ—отскочилъ. Эге, хлопче, вотъ онъ какой сердитый!...

— А каковъ же онъ съ виду?

— А съ виду онъ все равно какъ старая верба, что стоитъ на болотѣ. Очень похожъ!... И волосы—какъ су-

хая омелà, что́ вырастаетъ на деревьяхъ, и борода тоже, а носъ—какъ здоровенный сукъ, и морда корявая, точно поросла лишаями... Тьфу, какой некрасивый! Не дай же Богъ ни одному крещёному на него походить... Ей-Богу! Я-таки въ другой разъ на болотѣ его видѣлъ, близко... А хочешь, приходи зимой, такъ и самъ увидишь *его*. Взойди туда, на гору,—лѣсомъ та гора поросла,—и полѣзай на самое высокое дерево, на верхушку. Вотъ оттуда иной день и можно его увидеть: идетъ онъ бѣлымъ столбомъ поверхъ лѣсу, такъ и вертится самъ, съ горы въ долину спускается... Побѣжитъ, побѣжитъ, а потомъ въ лѣсу и пропадетъ. Эге!... А гдѣ пройдетъ, тамъ слѣдъ бѣлымъ снѣгомъ устилагетъ... Не вѣришь старому человѣку, такъ когда-нибудь самъ посмотри.

Разболтался старикъ. Казалось, оживленный и тревожный говоръ лѣса и нависшая въ воздухѣ гроза возбуждали старую кровь. Дѣдъ кивалъ головой, усмѣхался, моргалъ выцвѣтшими глазами.

Но вдругъ будто какая-то тѣнь пробѣжала по высокому, изборожденному морщинами лбу. Онъ толкнулъ меня локтемъ и сказалъ съ таинственнымъ видомъ:

— А знаешь, хлопче, что́ я тебѣ скажу?... Оно, конечно, лѣсной хозяинъ—мерзепная тварюка, это правда. Крещёному человѣку обидно увидеть такую некрасивую харю... Ну, только надо о немъ правду сказать: онъ зла не дѣлаетъ... Пошутить съ человѣкомъ—пошутить, а чтобъ лихо дѣлать, этого не бываетъ.

— Да какъ же, дѣдъ, ты самъ говорилъ, что онъ тебя хотѣлъ ударить корягой?

— Эге, хотѣлъ-таки! Такъ то-жъ онъ разсердился, зачѣмъ я въ окно на него смотрю, вотъ оно что! А если въ его дѣла поса не совать, такъ и онъ тому человѣку никакой пакости не сдѣлаетъ. Вотъ онъ какой, лѣсовикъ!... А знаешь, въ лѣсу отъ людей страшнѣе дѣла бывали... Эге, ей-Богу!

Дѣдъ наклонилъ голову и съ минуту сидѣлъ въ молчаніи. Потомъ, когда онъ посмотрѣлъ на меня, въ его глазахъ, сквозь застлавшую ихъ тусклую оболочку, блеснула какъ будто искорка проснувшейся памяти.

— Вотъ я тебѣ расскажу, хлопче, лѣсную нашу быватьщину... Было тутъ разъ, на самомъ этомъ мѣстѣ, давно... Помню я... ровно сонъ, а какъ зашумитъ лѣсъ погромче, то и все вспоминаю... Хочешь, расскажу тебѣ, а?

— Хочу, хочу, дѣду! Рассказывай!

— Такъ и расскажу же, эге! Слушай вотъ!

II.

У меня, знаешь, батько съ матерью давно померли, я еще малымъ хлопчикомъ былъ... Покинули они меня на свѣтѣ одного. Вотъ оно какъ со мною было, эге! Вотъ громада и думаетъ: „что же намъ теперь съ этимъ хлопчикомъ дѣлать?“ Ну, и панъ тоже себѣ думаетъ... И пришелъ на тотъ разъ изъ лѣсу лѣсникъ Романъ, да и говоритъ громадѣ: „Дайте мнѣ этого хлопца въ сторожку, я его буду кормить... Мнѣ въ лѣсу веселѣе, и ему хлѣбъ“... Вотъ онъ какъ говоритъ, а громада ему отвѣ-

чаетъ: „бери!“ Онъ и взялъ. Такъ я съ тѣхъ самыхъ поръ въ лѣсу и остался.

Тутъ меня Романъ и выкормилъ. Ото-жь человѣкъ былъ какой страшный, не дай Господи!... Росту большого, глаза черные, и волосы черные, и душа у него темная изъ глазъ глядѣла, потому что всю жизнь этотъ человѣкъ въ лѣсу одинъ жилъ: медвѣдь ему, люди говорили, все равно что братъ, а волкъ—племянникъ. Всякаго звѣря онъ зналъ и не боялся, а отъ людей сторонился и не глядѣлъ даже на нихъ... Вотъ онъ какой былъ,—ей-Богу, правда! Бывало, какъ онъ на меня глянетъ, такъ у меня по спинѣ будто кошка хвостомъ поведетъ... Ну, а человѣкъ былъ, все-таки, добрый, кормилъ меня, нечего сказать, хорошо: каша, бывало, гречневая всегда у него съ саломъ, а когда утку убьетъ, такъ и утка. Чтò правда, то ужь правда, кормилъ-таки...

Такъ мы и жили вдвоемъ. Романъ въ лѣсѣ уйдетъ, а меня въ сторожкѣ запретъ, чтобы звѣрюка не съѣла. А послѣ дали ему „жинку“ Оксану.

Панъ ему жинку далъ. Призвалъ его на село, да и говоритъ: „Вотъ что, говоритъ, Ромасю, жепись!“ Говорилъ пану Романъ сначала: „А на какого же мнѣ біса жинка? Что мнѣ въ лѣсу дѣлать съ бабой, когда у меня ужь и безъ того хлопецъ есть? Не хочу я, говоритъ, жениться!“ Не привыкъ онъ съ дѣвками возиться, вотъ что! Ну, да и панъ тоже хитрый былъ... Какъ вспомню про этого пана, хлопче, то и подумаю себѣ, что теперь ужь такихъ нѣту,—нѣту такихъ пановъ боль-

ше, —вывелись... Вотъ хоть бы и тебя взять: тоже, говорятъ, и ты панскóго роду... Можетъ оно и правда, а таки нѣтъ въ тебѣ этого... настоящаго... Такъ себѣ, мизерный хлопчина, больше ничего.

Ну, а тотъ настоящій былъ, изъ прежнихъ... Вотъ, скажу тебѣ, такое на свѣтѣ водится, что сотни людей одного человѣка боятся, да еще какъ!... Посмотри ты, хлопче, на ястреба и на цыпленка: оба изъ яйца вылупились, да ястребъ сейчасъ вверхъ паровить, эге! Какъ крикнетъ въ небѣ, такъ сейчасъ не то что цыплята—и старые пѣтухи забѣгаютъ... Вотъ же ястребъ—панскáя птица, а курица—простая мужичка...

Вотъ, помню, я малымъ хлопчикомъ былъ: везутъ мужики изъ лѣсу толстыя бревна, человѣкъ можетъ-быть тридцать. А панъ одинъ на своемъ коникѣ ѣдетъ, да усы крутитъ. Конекъ подъ нимъ играетъ, а онъ кругомъ смотритъ. Ой-ой! завидятъ мужики пана, то-то забѣгаютъ, лошадей въ снѣгъ сворачиваютъ, сами шапки снимаютъ. Послѣ сколько бьются, изъ снѣга бревна вывозятъ, а панъ себѣ скачетъ,—вотъ ему, видишь ты, и одному на дорогѣ тѣсно! Поведетъ панъ бровью—уже мужики боятся, засмѣется—и всѣмъ весело, а нахмурится—всѣ запечалются. А чтобы кто пану могъ перечить, того, почитай, и не бывало.

Ну, а Романъ, извѣстно, въ лѣсу выросъ, обращенія не зналъ и панъ на него не очень сердился.

— Хочу,—говоритъ панъ,—чтобъ ты женился, а зачѣмъ, про то я самъ знаю. Бери Оксану.

— Не хочу я,—отвѣчалъ Романъ,—не надо мнѣ еѣ.

хотя бы и Оксану! Пускай на ней чортъ женится, а не я... Вотъ какъ!

Велѣлъ панъ принести каньчуки, растянули Романа, панъ его опять спрашиваетъ:

— Будешь, Романъ, жениться?

— Нѣтъ,—говоритъ,—не буду.

— Сыпьте-жь ему,—говоритъ панъ,—въ мотню *), сколько влѣзетъ.

Засыпали ему-таки не мало; Романъ на что ужъ здоровъ былъ, а все-жь и ему надоѣло:

— Бросьте ужъ,—говоритъ,—будетъ-таки! Пускай же ее лучше всѣ черти возьмутъ, чѣмъ мнѣ за бабу столько муки принимать. Давайте ее сюда, буду жепиться!

Жилъ на дворѣ у пана доѣзжачій Опанасъ Швідкій. Пріѣхалъ онъ на ту пору съ поля, какъ Романа къ жепитьбѣ заохочивали. Услышалъ онъ про Романову бѣду—бухъ пану въ ноги. Таки упалъ въ ноги, цѣлуетъ...

— Чѣмъ,—говоритъ,—вамъ, милостивый панъ, чело-вѣка мордовать, лучше я на Оксанѣ охотой женюсь, слова не скажу...

Эге, самъ-таки захотѣлъ жениться на ней. Вотъ какой чело-вѣкъ былъ, ей-Богу!

Вотъ Романъ было обрадовался, повеселѣлъ. Всталъ на ноги, завязалъ мотню и говоритъ:

— Вотъ,—говоритъ,—хорошо. Только что бы тебѣ, чело-вѣче, пораньше немного пріѣхать? Да и панъ то-

*) Хохлы носятъ холщевые штапы, вродѣ мѣшка, раздвоеннаго только внизу. Этотъ-то мѣшокъ и называется „мотнею“.

же—всегда вотъ такъ!... Не распросить же было толкомъ, можетъ, кто охотой женится. Сейчасъ схватили человѣка и давай ему сыпать! Развѣ, говорить, это похристіански такъ дѣлать? Тьфу!...

Эге, онъ порой и пану спуску не давалъ. Вотъ какой былъ Романъ! Когда ужъ осердится, то къ нему, бывало, не подступайся, хотя бы и панъ. Ну, а панъ былъ хитрый! У него, видишь, другое на умѣ было. Велѣлъ опять Романа растянуть на травѣ.

— Я,—говорить,—тебѣ, дураку, счастья хочу, а ты пось воротишь. Теперь ты одинъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, и заѣхать къ тебѣ не весело.. Сыпьте-жь ему, дураку, пока не скажетъ: довольно!... А ты, Опанасъ, ступай себѣ къ чортовой матери. Тебя, говорить, къ обѣду не звали, такъ самъ за столъ не садись, а то видишь, какое Роману угощенье? Тебѣ какъ бы того же не было.

А Романъ ужъ и не на шутку осердился, эге! Его дуютъ-таки хорошо, потому что прежніе люди, знаешь, умѣли славно каньчукáми шкуру спускать, а онъ лежитъ себѣ и не говорить: довольно! Долго терпѣлъ, а все-таки послѣ плюнулъ:

— Не дождетъ ея батъко, чтобъ изъ-за бабы христіянину вотъ такъ сыпали, да еще и не считали. Довольно! Чтобъ вамъ руки поотсыхали, бісова дворня! Научилъ же васъ чортъ каньчукáми работать! Да я-жь вамъ не снопъ на току, чтобъ меня вотъ такъ молотили. Коли такъ, такъ вотъ же и женюсь!...

А панъ себѣ смѣется.

— Вотъ, — говоритъ, — и хорошо! Теперь на свадьбѣ хоть сидѣть тебѣ и нельзя, за то плясать будешь больше...

Веселый былъ панъ, ей-Богу, веселый, эге! Да только послѣ скверное съ нимъ случилось, не дай Богъ ни одному крещеному. Право, никому такого не пожелаю. Пожалуй, даже и жиду не слѣдуетъ такого желать. Вотъ я что думаю...

Вотъ такъ-то Романа и женили. Привезъ онъ молодую жинку въ сторожку; сначала все ругалъ, да попрекалъ своими каньчуками.

— И сама ты, — говоритъ, — того не стоишь, сколько изъ-за тебя человѣка мордовали.

Придетъ, бывало, изъ лѣсу и сейчасъ станетъ ее изъ избы гнать:

— Ступай себѣ! Не надо мнѣ бабы въ сторожкѣ! Чтобъ и духу твоего не было! Не люблю, — говоритъ, — когда у меня баба въ избѣ спитъ. Духъ, — говоритъ, — нехорошій.

Эге!

Ну, а послѣ ничего, притерпѣлся. Оксана, бывало, избу вымететъ и вымажетъ чистенько, посуду разставить; блеститъ все, даже сердцу весело. Романъ видитъ: хорошая баба, — помаленьку и привыкъ. Да и не только привыкъ, хлопче, а сталъ ее любить, ей-Богу, не лгу! Вотъ какое дѣло съ Романомъ вышло. Какъ приглядѣлся хорошо къ бабѣ, потомъ и говоритъ:

— Вотъ спасибо пану, добру меня научилъ. Да и я-жъ таки не умный былъ человѣкъ: сколько капьчуковъ при-

нялъ, а оно, какъ теперь вижу, ничего и дурного нѣтъ. Еще даже хорошо. Вотъ оно что!

Вотъ прошло сколько-то времени, я и не знаю сколько. Слегла Оксана на лавку, стала стонать. Къ вечеру занедужила, а на утро проснулся я, слышу: кто-то тонкимъ голосомъ „квилѣтъ“ *). Эге! — думаю я себѣ, — это-жъ, видно, „дитѣна“ родилась. А оно вправду такъ и было.

Не долго прожила дитѣна на бѣломъ свѣтѣ. Только и жила, что отъ утра до вечера. Вечеромъ и пищать перестала... Заплакала Оксана, а Романъ и говоритъ:

— Вотъ и нѣту дитѣны, а когда ея нѣту, то не зачѣмъ теперь и поа звать. Похоронимъ подъ сосною.

Вотъ какъ говоритъ Романъ, да не то что говоритъ, а такъ какъ разъ и сдѣлалъ: вырылъ могилку и похоронилъ. Вонъ тамъ старый пенъ стоитъ, громомъ его спалило... Такъ то-жъ и есть та самая сосна, гдѣ Романъ дитѣну зарылъ. Знаешь, хлопче, вотъ же я тебѣ скажу: и до сихъ поръ, какъ солнце сядетъ и звѣзда-зорька надъ лѣсомъ станетъ, летаетъ какая-то пташка, да и кричитъ. Охъ, и жалобно квилѣтъ пташѣна, ажъ сердцу больно! Такъ это и есть некрещѣная душа, — креста себѣ просить. Кто знающій человѣкъ, по книгамъ учился, то, говорятъ, можетъ ей крестъ дать и не станетъ она больше летать... Да мы вотъ тутъ въ лѣсу живемъ, ничего не знаемъ. Она летаетъ, она просить, а мы только и говоримъ: „геть-геть, бѣдная душа, ничего мы не можемъ сдѣлать!“ Вотъ заплачетъ и улетитъ,

*) Квилѣтъ — плачетъ, жалобно пищить.

а потомъ и опять прилетаетъ. Эхъ, хлопче, жалко бѣдную душу!

Вотъ выздоровѣла Оксана, все на могилку ходила. Сядетъ на могилкѣ и плачетъ, да такъ громко, что по всему лѣсу, бывало, голосъ ея ходить. Эго она такъ свою дитѣну жалѣла, а Романъ не жалѣлъ дитѣну, а Оксану жалѣлъ. Придетъ, бывало, изъ лѣсу, станетъ около Оксаны и говорить:

— Молчи ужь, глупая ты баба! Вотъ было бы о чемъ плакать! Померла одна дитѣна, то, можетъ, другая будетъ. Да еще, пожалуй, и лучшая, эге! Потому что та еще, можетъ, и не моя была, я же таки и не знаю. А эта будетъ моя.

Вотъ уже Оксана и не любила, когда онъ такъ говорилъ. Перестанетъ, бывало, плакать и начнетъ его нехорошими словами „лаять“. Ну, Романъ на нее не сердился.

— Да и что же ты,—спрашиваетъ,—лаешься? Я же ничего такого не сказалъ, а только сказалъ, что не знаю. Потому и не знаю, что прежде ты не моя была и жила не въ лѣсу, а на свѣтѣ, промежду людей. Такъ какъ же мнѣ знать? Теперъ вотъ ты въ лѣсу живешь, вотъ и хорошо. А таки говорила мнѣ баба Федосья, когда я за нею на село ходилъ: „Что-то у тебя, Романъ, скоро дитѣна поспѣла!“ А я говорю бабѣ: „Какъ же мнѣ-таки знать, скоро ли, или не скоро?“... Ну, а ты все же брось голосить, а то я осержусь, то еще, пожалуй, какъ бы тебя и не побилъ.

Вотъ Оксана полагаетъ, полагаетъ его, да и перестанетъ.

Она его, бывало, и поругаетъ, и по спинѣ ударить, а какъ станетъ Романъ самъ сердиться, она и притихнетъ,— боялась. Приласкаетъ его, обойметъ, поцѣлуетъ и въ очи заглянетъ... Вотъ мой Романъ и угомонится. Потому... видишь ли, хлопче... Ты, должно-быть, не знаешь, а я, старикъ, хотя самъ не женивался, а все-таки видалъ на своемъ вѣку: молодая баба дюже сладко цѣлуется, какого хочешь сердитаго мужика можетъ она обойти. Ой-ой!... Я же-таки знаю, каковы эти бабы. А Оксана была гладкая такая молодица, что теперь я уже что-то такихъ больше и не вижу. Теперь, хлопче, скажу тебѣ, и бабы не такія, какъ прежде.

Вотъ разъ въ лѣсу рожокъ затрубилъ: тра-та, таратара-та-та-та!... Такъ и разливается по лѣсу, весело да звонко. Я тогда малый хлопчикъ былъ и не зналъ, что это такое; вижу: птицы съ гнѣздъ поднимаются, крыломъ машутъ, кричатъ, а гдѣ и заяцъ пригнулъ уши на спину и бѣжитъ, что есть духу. Вотъ я и думаю: можетъ, это звѣрь какой невиданный такъ хорошо кричить. А то же не звѣрь, а панъ себѣ на коникѣ лѣсомъ ѣдетъ, да въ рожокъ трубитъ; за паномъ доѣзжачіе верхомъ и собакъ на сворахъ ведутъ. А всѣхъ доѣзжачихъ красивѣе Опанасъ Швидкій, за паномъ въ синемъ козакинѣ гарцуетъ; шапка на Опанасѣ съ золотнымъ верхомъ, конь подъ нимъ играетъ, рушніца за плечами блеститъ и бандура на ремнѣ черезъ плечо повѣшена. Любилъ панъ Опанаса, потому что Опанасъ хорошо на бандурѣ игралъ и пѣсни былъ мастеръ пѣть. Ухъ, и красивый же былъ парубокъ этотъ Опанасъ, страхъ красивый! Куда

было пану съ Опапасомъ равняться: панъ уже и лысый былъ, и носъ у пана красный, и глаза хоть веселые, а все не такіе, какъ у Опанаса. Опанасъ, бывало, какъ гляпетъ на меня,—мнѣ, малому хлопчику, и то смѣяться хочется, а я же не дѣвка. Говорили, что у Опанаса отцы и дѣды запорожскіе козаки были, въ Сѣчи козаковали, а тамъ народъ былъ все гладкій, да красивый, да проворный. Да ты и самъ, хлопче, подумай: на конѣ ли со „списой“ *) по полю птицей летать, или топоромъ дерево рубить, это-жъ не одно дѣло...

Вотъ я выбѣжалъ изъ хаты, смотрю: подѣхалъ панъ, остановился и доѣзжачіе стали; Романъ изъ избы вышелъ, подержалъ пану стремя; ступилъ панъ на землю. Романъ ему поклонился.

— Здорѣво!—говоритъ панъ Роману.

— Эге!—отвѣчаетъ Романъ,—да я-жъ, спасибо, здоровъ, чего мнѣ дѣлается? А вы какъ?

Не умѣлъ, видишь ты, Романъ пану какъ слѣдуетъ отвѣтить. Дворня вся отъ его словъ засмѣялась и панъ тоже.

— Ну, и слава Богу, что ты здоровъ, — говоритъ панъ.—А гдѣ-жъ твоя жинка?

— Да гдѣ-жъ жинкѣ быть? Жинка, извѣстно, въ хатѣ...

— Ну, и мы въ хату войдемъ, — говоритъ панъ, — а вы, хлопцы, пока на травѣ коверъ постелите, да приготовьте намъ все, чтобы было чѣмъ молодыхъ на первый разъ поздравить.

*) „Списа“ — копьё.

Вотъ и пошли они въ хату: панъ и Опанасъ, и Романъ безъ шапки за ними, да еще Богданъ—старшій доѣзжачій, вѣрный панскій слуга. Вотъ ужъ и слугъ такихъ теперь тоже на свѣтѣ нѣту: старый былъ человекъ, съ дворней строгій, а передъ паномъ какъ та собака. Никого у Богдана на свѣтѣ не было, кромѣ пана. Говорятъ, какъ померли у Богдана батько съ матерью, попросился онъ у стараго папа на тягло и захотѣлъ жениться. А старый папъ не позволилъ, приставилъ его къ своему паничу: тутъ тебѣ, говоритъ, и батько, и мать, и жинка. Вотъ и вѣносилъ Богданъ панича и выходилъ, и на коня выучилъ садиться, и изъ ружья стрѣлять. А выросъ паничъ, самъ сталъ пановать, старый Богданъ все за нимъ слѣдомъ ходилъ, какъ собака. Охъ, скажу тебѣ правду: много того Богдана люди проклинали, много на него людскихъ слезъ пало... все изъ-за пана. По одному панскому слову этотъ Богданъ могъ бы, пожалуй, родного отца въ клочки разорвать.

А я, малый хлопчикъ, тоже за ними въ избу побѣжалъ: извѣстное дѣло, любопытно. Куда панъ повернется, туда и я за нимъ.

Гляжу, стоитъ панъ посередь избы, усы гладить, смѣется. Романъ тутъ же топчется, шапку въ рукахъ мнетъ, а Опанасъ плечомъ объ стѣнку уперся, стоитъ себѣ, бѣдняга, какъ тотъ молодой дубокъ въ непогоду. Нахмурился, невеселъ...

И вотъ они трое повернулись къ Оксанѣ. Одинъ старый Богданъ сѣлъ въ углу на лавкѣ, свѣсилъ чуприну, сидитъ, пока панъ чѣго не прикажетъ. А Оксана въ

углу у печки стала, глаза опустила, сама раскраснѣлась вся, какъ тотъ макъ середь ячменю. Охъ, видно, чуяла небѣга, что изъ-за нея лихо будетъ. Вотъ тоже скажу тебѣ, хлопче: если ужъ три человѣка на одну бабу смотреть, то отъ этого никогда добра не бываетъ,—непремѣнно до чуба дѣло дойдетъ, коли не хуже. Я-жъ это знаю, потому что самъ видѣлъ.

— Ну, что, Ромасю,—смѣется панъ,—хорошую ли я тебѣ жинку высваталъ?

— А что-жъ?—Романъ отвѣчаетъ.—Баба какъ баба, ничего!

Повелъ тутъ плечомъ Опанасъ, поднялъ глаза на Оксану и говорить про себя:

— Да,—говорить,—баба! Хоть бы и не такому дурню досталась.

Романъ услыхалъ это слово, повернулся къ Опанасу и говорить ему:

— А чѣмъ бы это я, панъ Опанасъ, вамъ за дурня показался? Эге, скажите-ка!

— А тѣмъ,—говорить Опанасъ,—что не съумѣешь жинку свою уберечь, тѣмъ и дурень...

Вотъ какое слово сказалъ ему Опанасъ! Панъ даже ногою топнулъ, Богданъ покачалъ головой, а Романъ подумалъ съ минутою, потомъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на пана.

— А что-жъ мнѣ ее беречь?—говорить Опанасу, а самъ все на пана смотреть.—Здѣсь, кромѣ звѣря, никакого чорта и нѣту, вотъ развѣ милостивый панъ когда завернетъ. Отъ кого же мнѣ жинку беречь? Смотри ты,

вѣражій козаче, ты меня не дразни, а то я, пожалуй, и за чуприну схвачу.

Пожалуй-таки и дошло бы у нихъ дѣло до потасовки, да панъ вмѣшался: топнулъ ногой,—они и замолчали.

— Тише вы,—говорить,—бѣсовы дѣти! Мы же сюда не для драки прѣехали. Надо молодыхъ поздравить, а потомъ, къ вечеру, на болото охотиться. Айда за мной!

Повернулся панъ и пошелъ изъ избы; а подъ деревомъ доѣзжачіе ужъ и закуску сготовили. Пошелъ за паномъ Богданъ, а Опанасъ остановилъ Романа въ сѣняхъ.

— Не сердись ты на меня, бѣратіку, — говоритъ козакъ.—Послушай, что тебѣ Опанасъ скажетъ: видѣлъ ты, какъ я у пана въ ногахъ валялся, сапоги у него цѣловалъ, чтобъ онъ Оксану за меня отдалъ? Ну, Богъ съ тобой, человѣче... Тебя попъ окрутилъ, такая, видно, судьба! Такъ не стерпитъ же мое сердце, чтобъ лютый вѣрогъ опять теперь и надъ ней, и надъ тобой потѣшался. Гей-гей! никто того не знаетъ, что у меня на душѣ... Лучше же я и его, и ее изъ рушніцы вмѣсто постели уложу въ сырую землю...

Посмотрѣлъ Романъ на козака и спрашиваетъ:

— А ты, козаче, часомъ „съ глѣзду не съѣхалъ“*)?

Не слыхалъ я, что Опанасъ на это сталъ Роману тихо въ сѣняхъ говорить, только слышалъ, какъ Романъ его по плечу хлопнулъ.

*) „Съ глѣзду съѣхать“—сойти съ ума.

— Охъ, Опанась, Опанась! Вотъ какой на свѣтѣ народъ злой да хитрый! А я же ничего того, живучи въ лѣсу, и не зналъ. Эге, пане, пане, лихо ты на свою голову затѣялъ!...

— Ну,—говорить ему Опанась,—ступай теперь и не показывай виду, пуще всего передъ Богданомъ. Не умный ты человекъ, а эта панская собака хитра. Смотри же: панской горѣлки много не пей, а если отправить тебя съ доѣзжачими на болото, а самъ захочетъ остаться, веди доѣзжачихъ до стараго дуба и покажи имъ объѣздную дорогу, а самъ, скажи, прямокомъ пойдешь по лѣсу... Да поскорѣе сюда возвращайся.

— Добре,—говорить Романъ.—Соберусь на охоту, а рушницу не дробью заряжу и не „лѣткой“ на птицу, а доброю пулей на медвѣдя...

Вотъ и они вышли. А уже панъ сидитъ на коврѣ, велѣлъ подать фляжку и чарку, наливаетъ въ чарку горѣлку и подчиваетъ Романа. Эге, хороша была у пана и фляжка, и чарка, а горѣлка еще лучше! Чарочку выпьешь—душа радуется, другую выпьешь—сердце скачетъ въ груди, а если человекъ непривычный, то съ третьей чарки и подъ лавкой валяется, коли баба на лавку не уложить.

Эге, говорю тебѣ, хитрый былъ панъ! Хотѣлъ Романа напоить своею горѣлкой до-пьяна, а еще такой и горѣлки не бывало, чтобы Романа свалила. Пьетъ онъ изъ панскихъ рукъ чарку, пьетъ и другую, и третью выпилъ, а у самого только глаза, какъ у волка, загораются, да усомъ чернымъ поводитъ. Панъ даже осердился.

— Вотъ же вражій сынъ какъ здорово горѣлку хлещетъ, а самъ и не моргнетъ глазомъ! Другой бы ужь давно заплакалъ, а онъ, глядите, добрые люди, еще усмѣхается...

Зналъ же вражій панъ хорошо, что если ужь человѣкъ отъ горѣлки заплакалъ, то скоро и совсѣмъ чурину на столъ свѣситъ. Да на тотъ разъ не на такого напалъ.

— А съ чего-жь мнѣ,—Романъ ему отвѣчаетъ,—плакать? Даже, пожалуй, это нехорошо бы было. Приѣхалъ ко мнѣ милостивый панъ поздравлять, а я бы-таки и началъ ревѣть, какъ баба. Слава Богу, не отъ чего мнѣ еще плакать, пускай лучше мои вѣроги плачутъ...

— Значить,—спрашиваетъ панъ,—ты доволенъ?

— Эге! А чѣмъ мнѣ быть недовольнымъ?

— А помнишь, какъ мы тебя каньчукáми сватали?

— Какъ-таки не помнить! Ото-жь и говорю, что не умный человѣкъ былъ, не зналъ, что горько, что сладко. Каньчукъ горекъ, а я его лучше бабы любилъ. Вотъ спасибо вамъ, милостивый пане, что научили меня, дурня, медъ ѣсть.

— Ладно, ладно, — панъ ему говоритъ.—За то и ты мнѣ послужи: вотъ пойдешь съ доѣзжачими на болото, настрѣлай побольше птицъ, да непременно глухого тетерева достань.

— А когда-жь это панъ насъ на болото посылаетъ?—спрашиваетъ Романъ.

— Да вотъ выпьемъ еще, Опанасъ намъ цѣсно сподетъ, да и съ Богомъ.

Посмотрѣлъ Романъ на небо и говорить пану:

— Вотъ ужъ это и трудно: пора не ранняя, до болота далеко, а еще, вдобавокъ, и вѣтеръ по лѣсу шумитъ, къ ночи будетъ буря. Какъ же теперь такую сторожкую птицу убить?

А ужъ панъ захмѣлѣлъ, да во хмѣлю былъ крѣпко сердитый. Услышалъ, какъ дворня промежь себя шептаться стала, говорятъ, что, молъ, „Романова правда, загудѣтъ скоро буря“,—и осердился. Стукнулъ чаркой, повелъ глазами,—всѣ и стихли.

Одинъ Опанасъ не испугался; вышелъ онъ, по панскому слову, съ бандурой пѣсни пѣть, сталъ бандуру настраивать, самъ посмотрѣлъ сбоку на пана и говорить ему:

— Опомнись, милостивый пане! Гдѣ-жъ это видано, чтобы къ ночи, да еще въ бурю, людей по темному лѣсу за птицей гонять?

Вотъ онъ какой былъ смѣлый! Другіе, извѣстное дѣло, панскіе „крѣпаки“, боятся, а онъ—вольный человекъ, козацкаго роду. Привелъ его, небольшимъ хлопцемъ, старый козакъ-бандуристъ съ Украйны. Тамъ, хлопче, люди что-то нашумѣли въ городѣ Умани. Вотъ старому козаку выкололи очи, обрѣзали уши и пустили его такого по свѣту. Ходилъ онъ, ходилъ послѣ того по городамъ и селамъ и забрелъ въ нашу сторону съ поводыремъ, хлопчикомъ Опанасомъ. Старый панъ взялъ его къ себѣ, потому что любилъ хорошія пѣсни. Вотъ старикъ умеръ,—Опанасъ при дворѣ и выросъ. Любилъ

его новый панъ тоже и терпѣлъ отъ него порой такое слово, за которое другому спустили бы три шкуры.

Такъ и теперь: осердился было сначала, думали, что онъ козака ударить, а послѣ говорить Опанасу:

— Ой, Опанасъ, Опанасъ! Умный ты хлопецъ, а того, видно, не знаешь, что межъ дверей не надо своего носа совать, чтобы какъ-нибудь не захлопнули...

Вотъ онъ какую загадать козаку загадку! А козакъ-таки сразу и понялъ. И отвѣтилъ козакъ пану пѣсней. Ой, кабы и панъ понялъ козацкую пѣсню, то, можетъ бы, его пани надъ нимъ не разливалась слезами.

— Спасибо, пане, за науку,—сказалъ Опанасъ,—вотъ же я тебѣ за то спою, а ты слушай.

И ударилъ по струнамъ бандуры.

Потомъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на небо, какъ въ небѣ орелъ ширяетъ, какъ вѣтеръ темныя тучи гоняетъ. Наставилъ ухо, послушалъ, какъ высокія сосны шумятъ...

И опять ударилъ по струнамъ бандуры.

Эй, хлопче, не довелось тебѣ слышать, какъ игралъ Опанасъ Швидкій, а теперь ужъ и не услышишь! Вотъ же и не хитрая штука бандура, а какъ она у знающаго человѣка хорошо говоритъ. Бывало, пробѣжить по ней рукою, она ему все и скажетъ: какъ темный боръ въ непогоду шумить, и какъ вѣтеръ звенить въ пустой степи по бурьяну, и какъ сухая травинка шепчетъ на высокой козацкой могилѣ.

Нѣтъ, хлопче, не услыхать уже вамъ настоящую игру! Ыздать теперь сюда всякіе люди, такіе, что не въ од-

номъ Полѣсьи бывали, но и въ другихъ мѣстахъ, и по всей Украйнѣ: и въ Чигиринѣ, и въ Полтавѣ, и въ Кіевѣ, и въ Черкасахъ. Говорятъ, вывелись ужъ бандуристы, не слышно ихъ уже на ярмаркахъ и на базарахъ. У меня еще на стѣнѣ въ хатѣ старая бандура виситъ. Выучилъ меня играть на ней Опанасъ, а у меня никто игры не перенялъ. Когда я умру,—а ужъ это скоро,—такъ, пожалуй, и нигдѣ уже на широкомъ свѣтѣ не слышно будетъ звона бандуры. Вотъ оно что!

И запѣлъ Опанасъ тихимъ голосомъ пѣсню. Голосъ былъ у Опанаса не громкій, да „сумный“ *),—такъ, бывало, въ сердце и льется. А пѣсню, хлопче, козакъ, видно, самъ для пана придумалъ. Не слыхалъ я ее никогда больше, и когда послѣ, бывало, къ Опанасу пристану, чтобы спѣлъ, онъ все не соглашался.

— Для кого,—говорить,—та пѣсня пѣлась, того уже нѣту на свѣтѣ.

Въ той пѣснѣ козакъ пану всю правду сказалъ, что съ паномъ будетъ, и панъ плачетъ, даже слезы у пана текутъ по усамъ, а все же ни слова, видно, изъ пѣсни не понялъ.

Охъ, не помню я эту пѣсню, помню только немного. Пѣлъ козакъ про пана про Ивана:

Ой пане, ой Иване!...

Умный панъ, много знаетъ...

Знаетъ, что ястребъ въ небѣ летаетъ, воронъ побиваетъ...

*) Малороссійское слово *сумный* совмѣщаетъ въ себѣ понятія, передаваемые по-русски словами: грустный и задумчивый.

Ой пане, ой Иване!...

А того-жь панъ не знаетъ,

Какъ на свѣтѣ бываетъ,—

Что у гнѣзда и ворона ястреба побиваетъ...

Вотъ же, хлопче, будто и теперь я эту пѣсню слышу и тѣхъ людей вижу: стоитъ козакъ съ бандурой, панъ сидитъ на коврѣ, голову свѣсилъ и плачетъ; дворня кругомъ столпилась, поталкиваютъ одинъ другого локтями; старый Богданъ головой качаетъ... А лѣсъ, какъ теперь, шумитъ, и тихо да сумно звенить бандура, а козакъ поетъ, какъ пани плачетъ надъ паномъ надъ Иваномъ:

Плачетъ пани, плачетъ,

А надъ паномъ надъ Иваномъ черный воронъ кричетъ.

Охъ, не понялъ панъ пѣсни, вытеръ слезы и говоритъ:

— Ну, собирайся, Романъ! Хлопцы, садитесь на коней! И ты, Опанасъ, поѣзжай съ ними,—будетъ уже мнѣ твоихъ пѣсенъ слушать!... Хорошая пѣсня, да только никогда того, что въ ней поется, на свѣтѣ не бываетъ.

А у козака отъ пѣсни размякло сердце, затуманились очи.

— Охъ, пане, пане,—говоритъ Опанасъ,—у насъ говорятъ старые люди: въ сказкѣ правда и въ пѣснѣ правда. Только въ сказкѣ правда—какъ желѣзо: долго по свѣту изъ рукъ въ руки ходило, заржавѣло... А въ пѣснѣ правда—какъ золото, что никогда его ржа не ѣстъ... Вотъ какъ говорятъ старые люди!

Махнулъ панъ рукой.

— Ну, можетъ, такъ въ вашей сторонѣ, а у насъ не такъ... Ступай, ступай, Опанасъ,—надоѣло мнѣ тебя слушать.

Постоялъ козакъ съ минутой, а потомъ вдругъ упалъ передъ паномъ на землю:

— Послушай меня, пане! Садись на коня, поѣзжай къ своей пани,—у меня сердце недоброе чуетъ.

Вотъ ужъ тутъ панъ осердился, толкнулъ козака, какъ собаку, ногой.

— Иди ты отъ меня прочь! Ты, видно, не козакъ, а баба! Иди ты отъ меня, а то какъ бы съ тобой не было худо... А вы что стали, хамово племя? Или я не панъ вамъ больше? Вотъ я вамъ такое покажу, чего и ваши батъки отъ моихъ батъковъ не видали!...

Всталъ Опанасъ на ноги, какъ темная туча, съ Романомъ переглянулся. А Романъ въ сторонѣ стоитъ, на рушницу облокотился, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Ударилъ козакъ бандурой объ дерево, — бандура въ дребезги разлетѣлась, только стонъ пошелъ отъ бандуры по лѣсу.

— А пускай же, — говоритъ, — черти на томъ свѣтѣ учать такого человѣка, который разумную раду не слушаетъ... Тебѣ, пане, видно, вѣрнаго слуги не надо.

Не успѣлъ панъ отвѣтить, вскочилъ Опанасъ въ сѣдло и поѣхалъ. Доѣзжачіе тоже на коней сѣли. Романъ скинулъ рушницу на плечи и пошелъ себѣ, только, проходя мимо сторожки, крикнулъ Оксанѣ:

— Уложи хлопчика, Оксана! Пора ему спать. Да и пану сготовь постелю.

Вотъ скоро и ушли всѣ въ лѣсъ вонъ по той дорогѣ; и панъ въ хату ушелъ, только панскій конь стоитъ себѣ, подъ деревомъ привязанъ. А ужъ и темнѣть начало, по лѣсу шумъ идетъ и дождикъ накрапываетъ, вотъ-таки совсѣмъ какъ теперь... Уложила меня Оксана на сѣновалѣ, перекрестила на ночь... Слышу я, моя Оксана плачетъ.

Охъ, ничего-то я тогда, малый хлопчикъ, не понималъ, что кругомъ меня творится! Свернулъ себѣ на сѣнѣ, послушалъ, какъ буря въ лѣсу пѣсню заводитъ, и сталъ засыпать.

Эге! Вдругъ слышу, кто-то около сторожки ходитъ... подошелъ къ дереву, панскóго коня отвязалъ. Захрапѣлъ конь, ударилъ копытомъ; какъ пустится въ лѣсъ, скоро и топотъ затихъ... Потомъ, слышу, опять кто-то по дорогѣ скачетъ, уже къ сторожкѣ. Подскакалъ вплоть, соскочилъ съ сѣдла на землю и прямо къ окну:

— Пανε, пανε!—кричитъ голосомъ стараго Богдана.— Ой, пανε, отвори скорѣй! Вражій козакъ лихо задумалъ, видно,—твоего коня въ лѣсъ отпустилъ.

Не успѣлъ старикъ договорить, кто-то его сзади схватилъ. Испугался я, слышу—что-то упало...

Отворилъ панъ двери, съ рушницей выскочилъ, а ужъ въ сѣняхъ Романъ его захватилъ, да прямо за чубъ, да объ землю ..

Вотъ видитъ панъ, что ему лихо, и говоритъ:

— Ой, отпусти, Ромасю! Такъ-то ты мое добро помнишь?

А Романъ ему отвѣчаетъ:

— Помню я, вражій пане, твое добро и до меня, и до моей жинки. Вотъ же я тебѣ теперь за добро заплачу...

А панъ говоритъ опять:

— Заступись, Опанасъ, мой вѣрный слуга! Я-жь тебя любилъ какъ родного сына.

А Опанасъ ему отвѣчаетъ:

— Ты своего вѣрнаго слугу прогналъ, какъ собаку. Любилъ меня такъ, какъ палка любить спину, а теперь такъ любишь, какъ спина палку... Я-жь тебя просилъ и молилъ,—ты не послушался...

Вотъ сталъ панъ тутъ и Оксану просить:

— Заступись ты, Оксана, у тебя сердце доброе.

Выбѣжала Оксана, всплеснула руками:

— Я же тебя, пане, просила, въ ногахъ валялась: пожалѣй мою дѣвичью красу, не позорь меня, мужнюю жену. Ты же не пожалѣлъ, а теперь самъ просишь... Охъ, лишенько мнѣ, что же я сдѣлаю?

— Пустите,—кричитъ опять панъ,—за меня вы всѣ погинете въ Сибири...

— Не печалься за насъ, пане,—говоритъ Опанасъ:—Романъ будетъ на болотѣ раньше твоихъ доѣзжачихъ, а я, по твоей милости, одинъ на свѣтѣ, мнѣ о своей головѣ думать не долго. Вскину рушницу за плечи и пойду себѣ въ лѣсъ... Наберу проворныхъ хлопцевъ и будемъ гулять... Изъ лѣсу станемъ выходить ночью на дорогу, а когда въ село забредемъ, то прямо въ панскія хоромы. Эй, подымай, Ромасю, пана, вынесемъ его милость на дождикъ.

Забился тутъ панъ, закричалъ, а Романъ только вор-

чить про себя, а козакъ насмѣхается. Вотъ и вышли.

А я испугался, кинулся въ хату и прямо къ Оксанѣ. Сидитъ моя Оксана на лавкѣ—бѣлая, какъ стѣна...

А по лѣсу уже загудѣла настоящая буря: кричитъ боръ разными голосами, да вѣтеръ воетъ, а когда и громъ полыхнѣтъ. Сидимъ мы съ Оксаной на лежанкѣ, и вдругъ, слышу я, кто-то въ лѣсу застоналъ. Охъ, да такъ жалобно, что я до сихъ поръ, какъ вспомню, то на сердцѣ тяжело станетъ, а вѣдь уже тому много лѣтъ...

— Оксано,—говорю,—голубонько, а кто-жъ это тамъ въ лѣсу стонетъ?

А она схватила меня на руки и качаетъ:

— Спи, — говоритъ, — хлопчику, ничего! Это такъ... лѣсъ шумитъ...

А лѣсъ и вправду шумѣлъ,—охъ, и шумѣлъ же!

Просидѣли мы еще сколько-то времени, слышу я: ударило по лѣсу будто изъ рушницы.

— Оксано,—говорю,—голубонько, а кто-жъ это изъ рушницы стрѣляетъ?

А она, небóга, все меня качаетъ и все говоритъ:

— Молчи, молчи, хлопчику, то громъ Божій ударилъ въ лѣсу.

А сама все плачетъ и меня крѣпко къ груди прижимаетъ, баюкаетъ: „Лѣсъ шумитъ, лѣсъ шумитъ, хлопчику, лѣсъ шумитъ...“

Вотъ я лежалъ у нея на рукахъ и заснулъ...

А на утро, хлопче, прокинулся, гляжу: солнце свѣ-

титъ, Оксана одна въ хатѣ одѣтая спитъ. Вспомнилъ я вчерашнее и думаю: это мнѣ такое приснилось.

А оно не приснилось,—ой, не приснилось,—а было на-
правду. Выбѣжалъ я изъ хаты, побѣжалъ въ лѣсъ, а въ
лѣсу пташки щебечуть и роса на листьяхъ блеститъ.
Вотъ добѣжалъ до кустовъ, а тамъ и панъ, и доѣзжа-
чій лежатъ себѣ рядомъ. Панъ спокойный и блѣдный, а
доѣзжачій сѣдой, какъ голубь, и строгій, какъ разъ
будто живой. А на груди и у пана, и у доѣзжачаго
кровь.

.

— Ну, а что же случилось съ другими?—спросилъ я,
видя, что дѣдъ опустилъ голову и замолкъ.

— Эге! Вотъ же все такъ и сдѣлалось, какъ сказалъ
козакъ Опанасъ. И самъ онъ долго въ лѣсу жилъ, хо-
дилъ съ хлопцами по большимъ дорогамъ, да по пан-
скимъ усадьбамъ. Такая козаку судьба на роду была
написана: отцы гайдамачили, и ему то же на долю вы-
пало. Не разъ онъ, хлопче, приходилъ къ намъ, въ эту
самую хату, а чаще всего, когда Романа не бывало до-
ма. Придетъ, бывало, посидитъ и пѣсню споетъ, и на
бандурѣ сыграетъ. А когда и съ другими товарищами
заходилъ,—всегда его Оксана и Романъ принимали. Эхъ,
правду тебѣ, хлопче, сказать, таки и не безъ грѣха тутъ
было дѣло. Вотъ придутъ скоро изъ лѣсу Максимъ и
Захаръ,—посмотри ты на нихъ обоихъ: я ничего имъ не
говорю, а только кто знаетъ Романа и Опанаса, тому
сразу видно, который на котораго похожъ, хотя они

уже тѣмъ людямъ не сыны, а внуки... Вотъ же какія дѣла, хлопче, бывали на моей памяти въ этомъ лѣсу...

А шумить же лѣсъ крѣпко,—будетъ буря!...

III.

Послѣднія слова разсказа старикъ говорилъ какъ-то устало. Очевидно, его возбужденіе прошло и теперь сказывалось утомленіемъ: языкъ его заплетался, голова тряслась, глаза слезились.

Вечеръ спустился уже на землю, въ лѣсу потемнѣло, боръ волновался вокругъ сторожки, какъ расходившееся море; темныя вершины колыхались, какъ гребни волнъ въ грозную непогоду.

Веселый лай собаки возвѣстилъ приходъ хозяевъ. Оба лѣсника торопливо подошли къ избушкѣ, а вслѣдъ за ними запыхавшаяся Мотря пригнала затерявшуюся было корову. Наше общество было въ сборѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы сидѣли въ хатѣ; въ печи весело трещалъ огонь; Мотря собирала „вечерять“.

Хотя я не разъ видѣлъ прежде Захара и Максима, но теперь я взглянулъ на нихъ съ особеннымъ интересомъ. Лицо Захара было темно, брови срослись подъ крутымъ низкимъ лбомъ, глаза глядѣли угрюмо, хотя въ лицѣ можно было различить природное добродушіе, присущее силѣ. Максимъ глядѣлъ открыто, какъ будто ласкающими сѣрыми глазами; по временамъ онъ встряхи-

валъ своими курчавыми волосами и его смѣхъ звучалъ какъ-то особенно заразительно.

— А чи не рассказывалъ вамъ старикъ, — спросилъ Максимъ, — старую бывальщину про нашего дѣда?

— Да, рассказывалъ, — отвѣчалъ я.

— Ну, онъ всегда вотъ такъ! Лѣсъ зашумить покрѣпче, ему старое и вспоминается. Теперь всю ночь никакъ не заснетъ.

— Совсѣмъ малà дитына, — добавила Мотря, наливая старику щей.

Старикъ какъ будто не понималъ, что рѣчь идетъ именно о немъ. Онъ совсѣмъ опустился, по временамъ безсмысленно улыбался, кивая головой; только когда снаружи налеталъ на избушку порывъ бушевавшего по лѣсу вѣтра, онъ начиналъ тревожиться и наставлялъ ухо, прислушиваясь къ чему-то съ испуганнымъ видомъ.

Вскорѣ въ лѣсной избушкѣ все смолкло. Тускло свѣтилъ угасающій *каганецъ* *), да сверчокъ звонилъ свою однообразно-крикливую пѣсню... А въ лѣсу, казалось, шелъ говоръ тысячи могучихъ, хотя и глухихъ голосовъ, о чемъ-то грозно перекликавшихся во мракѣ. Казалось, какая-то грозная сила ведетъ тамъ, въ темнотѣ, шумное совѣщаніе, собираясь со всѣхъ сторонъ ударить на жалкую, затерянную въ лѣсу хибарку. По временамъ смутный рокотъ усиливался, росъ, приливалъ, и тогда дверь

*) *Каганецъ* — черепокъ, въ который наливаютъ сало и кладутъ свѣтильню.

вздрагивала, точно кто-то, сердито шипя, напираетъ на нее снаружи, а въ трубѣ ночная выюга съ жалобною угрозой выводила за сердце хватающую ноту. Потомъ на время порывы бури смолкали, роковая тишина томила робѣющее сердце, пока опять подымался гулъ, какъ будто старыя сосны сговаривались сняться вдругъ съ своихъ мѣстъ и улетѣть въ невѣдомое пространство вмѣстѣ съ размахами ночного урагана.

Я забылся на нѣсколько минутъ смутною дремотой, но, кажется, не надолго. Буря была въ лѣсу на разные голоса и тоны. Каганецъ вспыхивалъ по временамъ, освѣщая избушку. Старикъ сидѣлъ на своей лавкѣ и шарилъ вокругъ себя рукой, какъ будто надѣясь найти кого-то по близости. Выраженіе испуга и почти дѣтской беспомощности виднѣлось на лицѣ бѣднаго дѣда.

— Оксано, голубовько,—разслышалъ я его жалобный ропотъ,—а кто-жь это тамъ въ лѣсу стонетъ?

Онъ тревожно пошарилъ рукой и прислушался.

— Эге!—заговорилъ онъ опять,—никто не стонетъ. То буря въ лѣсу шумитъ... Больше ничего, лѣсъ шумитъ, шумитъ...

Прошло еще нѣсколько минутъ. Въ маленькія окна то и дѣло заглядывали синеватые огни молніи, высокія деревья вспыхивали за окномъ призрачными очертаніями и опять исчезали во тьмѣ среди сердитаго ворчанія бури. Но вотъ рѣзкій свѣтъ на мгновеніе затмилъ блѣдныя вспышки каганца и по лѣсу раскатился отрывистый, недалекій ударъ.

Старикъ опять тревожно заметался на лавкѣ.

— Оксано, голубонько, а кто-жь это въ лѣсу стрѣляетъ?

— Спи, старикъ, спи,—послышался съ печки спокойный голосъ Мотри.—Вотъ всегда такъ: въ бурю по ночамъ все Оксану зоветъ. И забылъ, что Оксана ужь давно на томъ свѣтѣ. Охъ-хо!

Мотря зѣвнула, прошептала молитву, и вскорѣ опять въ избушкѣ настала тишина, прерываемая лишь шумомъ лѣса, да тревожнымъ бормотаніемъ дѣда:

— Лѣсъ шумить, лѣсъ шумить... Оксано, голубонько...

Вскорѣ ударилъ тяжелый ливень, покрывая шумомъ дождевыхъ потоковъ и порыванія вѣтра, и стоны сосноваго бора...

1885 г.

ВЪ НОЧЬ ПОДЪ СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

(РАЗСКАЗЪ).

ВЪ НОЧЬ ПОДЪ СВѢТЛЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

(Разсказъ).

Страстная суббота 187* года.

Сумрачный вечеръ давно уже спустился на примолкшую землю. Разогрѣтая за день и теперь слегка обвѣянная бодрымъ дыханіемъ весенняго ночного мороза, земля, казалось, тихо вздыхала полною грудью; отъ этого дыханія, играя въ лучахъ величаво горѣвшаго звѣздного неба, вставали бѣлесоватые туманы, точно клубы кадильнаго дыма, подымавшіеся на-встрѣчу идущему празднику.

Было тихо. Небольшой губернскій городъ N., весь обвѣянный сумрачною прохладой, замолкъ, въ ожиданіи минуты, когда съ высоты соборной колокольни прозвѣнитъ первый ударъ. Но городъ не спалъ. Подъ покровомъ влажнаго сумрака, въ тѣни молчаливыхъ безлюдныхъ улицъ, слышалось сдержанное ожиданіе. Лишь изрѣдка пробѣжитъ запоздалый труженикъ, котораго праздникъ чуть не засталъ за тяжелою, непокорною работою, прогремѣтъ извозничья пролетка — и опять без-

молвная тишь... Жизнь схлынула съ улицъ въ дома, въ богатя хоромы и скромныя лачуги, свѣтившія окнами на улицу, и тамъ притаилась. Надъ городомъ, надъ полями, надъ всею землею слышалось незримое вѣяніе наступающаго праздника воскресенія и обновленія...

Луна не поднималась и городъ лежалъ въ широкой тѣни возвышенности, на которой виднѣлось большое, угрюмое зданіе. Странныя, прямыя и строгія линіи этого зданія мрачно рисовались на звѣздной лазури; темныя ворота чуть-чуть выдѣлялись, зіяя во мракѣ затѣненной стѣны, и четыре башни по угламъ вырѣзались на небѣ острыми вершинами.

Но вотъ съ высоты соборной колокольни сорвался и пронесся въ чуткомъ воздухѣ задумчивой ночи первый звенящій ударъ... другой, третій... Черезъ минуту въ разныхъ мѣстахъ, разными тонами, звенѣли, заливались и пѣли колокола, и звуки, сплетаясь въ могучую, своеобразную гармонію, тихо колыхались и будто кружились въ эфирѣ... Изъ темнаго зданія, затѣнявшаго городъ, слышалось тоже чахлое, надтреснутое дребезжанье, какъ будто трепетавшее въ воздухѣ въ жалкомъ безсиліи подняться въ эфирную высь за могучимъ аккордомъ.

Звонъ смолкъ... Звуки растаяли въ воздухѣ, но безмолвіе ночи лишь постепенно вступало въ свои права: долго еще въ сумракѣ чудился смутный, замирающій отголосокъ, точно дрожаніе невидимой, натянутой въ воздухѣ струны... Въ домахъ огни погасли; окна церквей сіяли. Земля въ 187* еще разъ готовилась провозгласить старый лозунгъ побѣды мира, любви и братства...

Въ темныхъ воротахъ угрюмага зданія лязгнули запоры. Полувзводъ солдатъ, бряцая въ темнотѣ оружіемъ, вышелъ смѣнять ночные караулы. Они подходили къ угламъ, на время останавливались у постовъ; изъ темной кучки людей выходила размѣреннымъ шагомъ одна фигура, а прежній часовой какъ будто тонулъ въ этой неопредѣленно-чернѣвшей кучкѣ... Затѣмъ полувзводъ двигался дальше, обходя вокругъ высокой тюремной стѣны.

На западной сторонѣ на смѣну стоявшаго здѣсь часового вышелъ молодой новобранецъ; въ его движеніяхъ не исчезла еще деревенская угловатость; молодое лицо хранило выраженіе напряженнаго вниманія новичка, впервые занимающаго отвѣтственный постъ. Онъ сталъ лицомъ къ стѣнѣ, брякнулъ ружьемъ, ступилъ два шага и, сдѣлавъ полуоборотъ, сталъ плечомъ къ плечу прежняго часового. Тотъ, слегка повернувъ къ нему голову, прочиталъ заученнымъ тономъ обычныя наставленія:

— Отъ угла до угла... смотрѣть... не спать, не дремать!—быстро говорилъ солдатъ, а рекрутъ слушалъ все такъ же напряженно, и въ его сѣрыхъ глазахъ сквозило какое-то особенное выраженіе тоски.

— Понялъ?—спросилъ ефрейторъ.

— Такъ точно!

— Ну, смотри!—сказалъ тотъ строго и затѣмъ, измѣнивъ тонъ, заговорилъ болѣе добродушно:

— Да ничего, Оадѣевъ, не бойся! Чай, ты не баба... Лѣшаго, что ли, тебѣ бояться-то?

— Зачѣмъ лѣшаго?—наивно отвѣтилъ Оадѣевъ и потомъ задумчиво прибавилъ:—Такъ штой-то на сердцѣ... будто какъ чижало, братцы...

При этомъ простодушномъ, почти по-дѣтски звучащемъ признаніи въ кучкѣ солдатъ слышался смѣхъ.

— Вотъ она, деревня-то матушка!—съ пренебрежительнымъ сожалѣніемъ промолвилъ ефрейторъ и рѣзко скомандовалъ:

— Ружья воль-но!... Шагомъ маршъ!

Карауль, мѣрно постукивая на ходу, скрылся за угломъ, и скоро шаги его стихли. Часовой вскинулъ ружье и тихо пошелъ вдоль стѣны...

Внутри тюрьмы, съ послѣднимъ ударомъ колокола, началось движеніе. Мрачная и скорбная тюремная ночь давно уже не видѣла подобнаго оживленія. Какъ будто дѣйствительно благовѣсть донесся сюда вѣстью свободы: черныя двери камеръ одна за другой отворялись. Люди въ сѣрыхъ халатахъ, съ роковыми цвѣтными лоскутьями на спинахъ, длинными вереницами, попарно, проходили по корридорамъ, входя въ тюремную церковь, блиставшую огнями. Они шли справа и слѣва, поднимались по лѣстницѣ снизу, опускались сверху; среди гулкого топота слышался по временамъ лязгъ ружья и переливчатое бряцаніе ножныхъ кандаловъ. Входя въ обширную церковь, сѣрая толпа вливалась въ отгороженные рѣшоткой мѣста и тамъ затихала. Въ церковныхъ окнахъ также виднѣлись крѣпкія желѣзныя рѣшотки...

Тюрьма опустѣла. Только въ четырехъ угловыхъ баш-

няхъ, въ небольшихъ круглыхъ камерахъ, наглухо запертыхъ, четыре одиночныхъ арестанта угрюмо метались по своимъ кельямъ, по временамъ припадая ухомъ къ дверямъ и жадно ловя отрывки долетавшаго изъ церкви пѣнія...

Да еще въ одной изъ общихъ камеръ, на нарахъ, лежалъ больной. Смотритель, которому доложили о внезапно заболѣвшемъ, подошелъ къ нему, когда арестантовъ уводили въ церковь, и, наклонясь, заглянулъ въ его глаза, горѣвшіе страннымъ блескомъ и тупо устремленные въ пространство.

— Ивановъ!... Слушай, Ивановъ! — окликнулъ смотритель больного.

Арестантъ не повернулъ головы; онъ бормоталъ что-то невнятное; голосъ былъ хриплый; воспаленныя губы шевелились съ усиленіемъ.

— Завтра въ больницу! — распорядился смотритель и вышелъ, оставивъ у дверей камеры одного изъ корридорныхъ. Тотъ внимательно посмотрѣлъ на лежавшаго въ горячкѣ и покачалъ головой.

— Эхъ, бродяга, бродяга! Видно, братецъ, отбѣгалъ свое! — и, рѣшивъ, что тутъ ему дѣлать нечего, надзиратель прошелъ по корридору къ церкви, остановился у запертой двери и сталъ слушать службу, то и дѣло припадая къ землѣ для поклоновъ.

Пустая камера оглашалась по временамъ невнятнымъ говоромъ больного. Это былъ не старый еще человѣкъ, сильный и крѣпкій. Онъ бредилъ, переживая недавнее прошлое, и лицо его искажалось выраженіемъ мѣки.

Судьба сшутила надъ бродягой скверную шутку. Онъ прошелъ тысячу верстъ, пробираясь тайгой и дикими хребтами, вынесъ тысячи опасностей и лишеній, гонимый жгучею тоской по родинѣ, руководимый одною надеждой: „повидать бы... на мѣсяць... на недѣлю... пожить у своихъ... а тамъ—хоть опять та же дорожка!“ За сотню верстъ отъ родимой деревни онъ попалъ въ эту тюрьму...

Но вотъ невнятный говоръ притихъ. Глаза бродяги расширились, грудь дышетъ ровнѣе... Надъ горящею головой повѣяло болѣе отрадными мечтами...

...Шумить тайга... Ему знакомъ этотъ шумъ—ровный, пѣвучій, свободный... Онъ научился различать голоса лѣса, говоръ каждаго дерева. Величавыя сосны звенятъ высоко, высоко, густою, темною зеленью... Ели шепчутъ протяжно и гулко; веселая, яркая лиственъ машетъ гибкою вѣткой; осина дрожитъ и трепещетъ чуткимъ, боязливымъ листомъ... Свищетъ свободная птица, ручей говорливо и буйно летитъ по каменистымъ оврагамъ, и таежныя сыщицы — стая болтливыхъ сорокъ — носятся въ воздухѣ надъ тѣми мѣстами, гдѣ, невидимый въ чащѣ, проходитъ тайгою бродяга *).

Точно струя свободного таежнаго вѣтра опахнула больного. Онъ поднялся, глубоко вздохнулъ; глаза съ выра-

*) Сибирскіе бродяги рассказываютъ, что въ глухой тайгѣ сороки стаями провожаютъ пробирающагося въ чащѣ человѣка. Въ тѣ времена, когда охота на „горбачей“ разрѣшалась закономъ, буряты охотники выслѣживали бродягъ по громкимъ крикамъ сорочьей стаи.

Примѣч. авт.

женіемъ вниманія глядятъ впередъ, но вдругъ въ нихъ блеснуло что-то вродѣ сознанія... Бродяга, привычный бѣглець, увидалъ передъ собою необычайное явленіе: открытую дверь...

Могучій инстинктъ встряхнулъ весь организмъ, потрясенный болѣзью. Признаки бреда быстро исчезали или группировались около одного представленія, яркимъ лучомъ прорѣзавшагося въ этомъ хаосѣ: одинъ!... дверь открыта!...

Черезъ минуту онъ стоялъ на полу. Казалось, весь жаръ воспаленнаго мозга хлынулъ къ глазамъ: они глядѣли какъ-то ровно, упорно и страшно.

Кто-то, выходя изъ церкви, отворилъ на мгновеніе дверь... Волны стройнаго, смягченнаго разстояніемъ, пѣнія коснулись уха бродяги и опять глухо смолкли. На блѣдномъ лицѣ скользнуло умиленіе, глаза затуманились и въ умѣ пронеслась давно лелѣянная мечтою картина: тихая ночь, шепотъ сосенъ, склонившихся темными вѣтвями надъ старою церковью родимой деревни... толпа земляковъ, огни надъ рѣкой и это самое пѣніе... онъ торопился въ пути, чтобъ услышать все это тамъ, у своихъ...

Между тѣмъ въ корридорѣ, у церковныхъ дверей, припадая къ землѣ, надзиратель усердно молился...

Молодой рекрутъ ходитъ съ ружьемъ вдоль стѣны. Передъ часовымъ разстилается ровное, недавно обнажившееся изъ-подъ снѣга, далеко уходящее поле. Легкій

вѣтеръ бѣжить по немъ, шелестя засохшимъ бурьяномъ, звенить въ прошлогодней травѣ и вѣять въ душу солдата спокойною, грустною думой.

Молодой часовой остановился у стѣны, поставилъ ружье на землю и, положивъ руки на дуло, а голову на руки, глубоко задумался. Онъ не могъ еще ясно представить себѣ, зачѣмъ онъ здѣсь, въ эту торжественную ночь передъ праздникомъ, съ ружьемъ у стѣны, въ виду пустыннаго поля. Вообще, онъ былъ еще настоящій мужикъ, не понималъ еще многого, что такъ понятно солдату, и его чедаромъ дразнили „деревней“. Онъ такъ недавно еще былъ свободенъ, былъ хозяинъ, владѣлецъ своего поля, своей работы..., а теперь страхъ, безотчетный, необъяснимый, неопредѣленный, преслѣдовавшій каждый шагъ, каждое движеніе, вгонялъ молодую и угловатую деревенскую натуру въ колею строгой службы.

Но въ эту минуту онъ былъ одинъ... Пустынный видъ, разстилавшійся передъ глазами, и свистъ вѣтра въ бурьянѣ навѣвали на него какую-то дрему, и передъ глазами молодого солдата несутся родныя картины. Онъ тоже видитъ деревню, и тотъ же бѣжить надъ нею вѣтеръ, и церковь горитъ огнями, и темныя сосны качаются надъ церковью зелеными вершинами.

По временамъ онъ какъ будто очнется, и тогда въ его сѣрыхъ глазахъ отражается недоумѣніе: что это?— поле, ружье и стѣна... Онъ на минуту вспоминаетъ дѣйствительность, но скоро опять смутный звонъ ночного вѣтра навѣваетъ родныя картины, и солдатъ опять дремлетъ, опершись на ружье...

Невдалекѣ отъ мѣста, гдѣ стоитъ часовая, на гребнѣ стѣны появляется темный предметъ: это голова человека... Бродяга глядитъ въ дальнее поле, къ чуть видной чертѣ далекаго лѣса... Его грудь расширяется, жадно ловя свѣжее, свободное дуновеніе матери-ночи. Онъ спускается на рукахъ и тихо скользитъ внизъ вдоль стѣны...

Радостный гулъ колоколовъ будитъ ночную тишь. Дверь тюремной церкви раскрылась, во дворѣ крестный ходъ; стройное пѣніе хлынуло волной изъ церкви. Солдатъ вздрогнулъ, выпрямился, снялъ шапку, чтобы перекреститься, и... замеръ съ поднятою для молитвы рукой... Бродяга, достигнувъ земли, быстро пустился къ бурьяну.

— Стой, стой!... Голубчикъ, родимый!...— вскрикиваетъ часовая, въ ужасѣ подымая ружье. Все, чего онъ боялся, передъ чѣмъ трепеталъ, надвигается на него, безформенное, страшное—въ виду этой бѣгущей сѣрой фигуры. „Служба, отвѣтъ!“—мелькаетъ въ умѣ солдата, и онъ, вскинувъ ружье, прицѣлился въ бѣгущаго человека. Передъ тѣмъ, какъ спустить курокъ, онъ съ жалкимъ видомъ зажмурилъ глаза...

А надъ городомъ вновь парить и кружится въ эфирѣ гармоническій, пѣвучій, переливчатый звонъ и... опять надтреснутый колоколъ тюрьмы трепещетъ и бьется, точно стонъ подстрѣленной птицы. Изъ-за стѣны стройно несутся далеко въ поле первые звуки торжествующей цѣсни: „Христосъ воскрес!“

И вдругъ за стѣной, покрывая все остальное, грянулъ выстрѣлъ... Слабый, безпомощный стонъ пронесся за нимъ безпредметною жалобой, и затѣмъ на мгновеніе все стихло...

Только дальнее эхо пустыннаго поля, съ печальнымъ ропотомъ, повторяло послѣдніе раскаты ружейнаго выстрѣла.

1885 г.

ВЪ ПОДСЛѢДСТВЕННОМЪ ОТДѢЛЕНИИ.

В. П. КОСЦЕВЦЕВЪ

ВЪ ПОДСЛѢДСТВЕННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ.

Жестокіе, сударь, нравы!
Островскій.

...Насъ ввели въ корридоръ одной изъ сибирскихъ тюремъ, длинный, узкій и мрачный. Одна стѣна его почти сплошь была занята высокими окнами, выходившими на небольшой квадратный дворикъ, гдѣ обыкновенно гуляли арестанты. Теперь, по случаю нашего прибытія, арестантовъ „загнали“ въ камеры. Вдоль другой стѣны виднѣлись, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, двери „одинокъ“. Двери были черны отъ времени и частыхъ прикосновеній и рѣзко выдѣлялись темными четырехугольниками на сѣрой, грязной стѣнѣ. Надъ дверями висѣли дощечки съ надписями: „За кражу“, „За убійство“, „За грабежъ“, „За бродяжничество“, а въ серединѣ каждой двери виднѣлось квадратное отверстіе со стеклышкомъ, закрываемое снаружи деревянною заслонкой. Всѣ заслонки были отодвинуты, и изъ-за стеколъ на насъ смотрѣли любопытные, внимательные глаза заключенныхъ.

Мы повернули разъ и другой. Надъ первую дверью третьяго корридора я прочелъ надпись: „Умалишенный“, надъ слѣдующею—то же. Надъ третьей надписи не было, а надъ четвертой я разобралъ тѣ же слова. Впрочемъ не надо было и надписи, чтобъ угадать, кто обитатель этой каморки,—изъ-за ея двери неслись какіе-то дикіе, тоскующіе, за сердце хватающіе звуки. Человѣкъ ходилъ, повидимому, взадъ и впередъ за своею дверью, выкрикивая что-то похожее то на еврейскую молитву, то на горькій плачъ съ причитаніями, то на дикую плясовую пѣсню. Когда онъ смолкалъ и въ корридорѣ наступала тишина, тогда можно было различить монотонное чтеніе какой-то молитвы, произносимой въ первой камерѣ однозвучнымъ голосомъ. Дальше видны были еще такія же двери и изъ-за нихъ слышалось мѣрное звяканье цѣпи. Надпись гласила: „За убійство“.

Это былъ „корридоръ подслѣдственнаго отдѣленія“, куда насъ помѣстили за отсутствіемъ помѣщенія для пересыльныхъ. По той же причинѣ, т.-е. за отсутствіемъ особаго помѣщенія, въ этомъ корридорѣ содержались трое умалишенныхъ. Наша камера, безъ надписи, находилась между камерами двухъ умалишенныхъ, только справа отъ одной изъ нихъ отдѣлялась лѣстницей, надъ которой висѣла доска: „Входъ на малый верхъ“.

Пока надзиратели подбирали ключи, чтобъ открыть нашу камеру, сосѣдъ нашъ по правую сторону—третій умалишенный—не подавалъ никакихъ признаковъ своего существованія. Сколько можно было видѣть въ дверное оконце, въ его камерѣ было темно, какъ въ могилѣ.

— Яшка-то молчить понѣ, — тихо сказалъ „старшій надзиратель“ младшему.

— Не видитъ... Ну его! — отвѣтилъ тотъ такъ же тихо.

Вдругъ изъ-за стеклышка сверкнула пара глазъ, мелькнулъ конецъ носа, большіе усы, часть бороды. Вслѣдъ затѣмъ дверь застонала и заколебалась. Яшка стучалъ ногою въ нижнюю часть двери такъ сильно, что желѣзные болты гнулись и визжали. Каждый ударъ гулко отдавался подъ высокимъ потолкомъ и повторялся эхо въ другихъ корридорахъ. Надзиратели вздрогнули. „Старшій“ — сѣдой, низенькій старичокъ изъ евреевъ, съ наружностью старой тюремной крысы, съ маленькими, злыми, точно колющими глазками, сверкавшими изъ-подъ нависшихъ бровей — весь съежился, попятился къ стѣнкѣ и бросилъ въ сторону стучавшаго взглядъ полный глубокой ненависти и злобы.

— Полно, Яшка, что задурилъ-то? — отозвался корридорный надзиратель, серьезный старикъ съ длинными, опущенными внизъ усами, въ большой папахѣ. — Чего не видалъ? Видишь, арестантовъ привели!

Тотъ, кого называли Яшкой, окинулъ насъ внимательнымъ взглядомъ. И, какъ бы убѣдившись, несмотря на наши „вольные“ костюмы, что дѣйствительно мы арестанты, прекратилъ стукъ и что-то заворчалъ за своею дверью. Словъ мы не могли слышать, — „одиночка“ уже приняла насъ въ свои холодныя, сырыя объятія. Запоры щелкнули за нами, шаги надзирателя стихли въ другомъ концѣ корридора, и жизнь „подслѣдственнаго отдѣленія“ вошла опять въ свою обычную колею.

Пять шаговъ въ длину, три съ половиной въ ширину— вотъ размѣры новаго нашего жилища. Стекла въ небольшомъ, въ квадратный аршинъ, окнѣ разбиты и въ него видна, на разстояніи двухъ сажень, сѣрая тюремная стѣна. Углы камеры тонули въ какомъ-то неопредѣленномъ полумракѣ. Карнизы отѣнены траурною каймой многолѣтней пыли, стѣны сѣры и, при внимательномъ взглядѣ, видны на нихъ особыя пятна — слѣды борьбы какого-нибудь страдальца съ клопами и тараканами,— борьбы, быть-можетъ, многолѣтней, упорной. Я не могъ освободиться отъ ощущенія особаго рода непріятнаго запаха, который, какъ мнѣ казалось, несся отъ этихъ стѣнъ. Внизу, у самого пола, въ кирпичъ было вдѣлано толстое желѣзное кольцо, назначеніе котораго для насъ было ясно: къ нему была нѣкогда придѣлана короткая цѣпь.. Двѣ кровати, стулъ и маленькій столикъ составляли роскошь „одиночки“, которую ей, быть-можетъ, привелось видѣть впервые. Въ остальныхъ камерахъ, такихъ же, какъ наша, не было ничего, кромѣ тюфяка, брошеннаго на полъ, и живого существа, которое на немъ валялось...

За стѣной слышалось дребезжаніе телѣги. Мимо окна проѣхалъ четырехугольный ящикъ, который везла плохая, заморенная клячонка. Два арестанта вяло плелись сзади, шлепая „кеньгами“ по грязи. Они остановились невдалекѣ, открыли люкъ и такъ же вяло принялись за работу... Отвратительною вонью пахнуло въ наши разбитыя окна и она стала наполнять камеру...

Мой товарищъ, улегшійся было на своей постели, всталъ на ноги и тоскливо оглядѣлъ комнату.

— Од-на-ко!—сказалъ онъ протяжно.

— Д-да!—подтвердилъ я.

Больше говорить не хотѣлось, да и не было надобности,—мы понимали другъ друга. На насъ глядѣли и говорили за насъ темныя стѣны, углы, затканные паутиной, крѣпко запертая дверь... Въ окно врывались волны мѣзмовъ, и не куда было скрыться. Сколько-то намъ придется прожить здѣсь: недѣлю, двѣ?... Нехорошо, скверно! А вѣдь вотъ тутъ, рядомъ, наши сосѣди живутъ не одну недѣлю и не двѣ. Да и въ этой камерѣ послѣ насъ опять водворится жилецъ на долгіе мѣсяцы, а можетъ и годы...

А арестантики продолжали свою работу,—это была ихъ ежедневная обязанность. Ежедневно прѣзжали они сюда съ своимъ неблаговоннымъ ящикомъ и вяло черпали часть, другой, уѣзжая и прѣзжая, — все мимо цѣлаго ряда плохо прилаженныхъ или разбитыхъ оконъ.

Мы заткнули разбитое окно казенною подушкой. Запахъ нѣсколько уменьшился или мы притерпѣлись, но только тоскливое чувство, внушенное нашею безпомощностью, тишиной, бездѣятельностью одиночки, изъ острого стало переходить въ тупое, хроническое... Мы стали прислушиваться къ тихому жужжанію внѣшней жизни, прорывавшемуся сквозь крѣпкія двери.

Внѣшняя жизнь для насъ была жизнь двора и коридора тюрьмы. Въ дверное оконце, когда его забывали закрыть наружною заслонкой, виднѣлись гуляющіе аре-

станты. Они „толкались“ по квадратному дворику парами, тихо и безъ шума. Казалось, сѣрые халаты налагали какое-то обязательство тихой солидности.

Въ извѣстные часы по двору проносилась команда: „Пошелъ за кипяткомъ!“ „Пошелъ за хлѣбомъ!“ „Обѣдать пошелъ!“ „Пошо-оль, расходись по камерамъ!“ Выпускали на время подслѣдственныхъ изъ строгаго одиночнаго заключенія или каторжниковъ въ цѣпяхъ. Последніе еще солиднѣе прохаживались по корридору: цѣпи уже несомнѣнно налагали это обязательство. Подъ вечеръ, гдѣ-то на третьемъ дворѣ, раздавался звонокъ: приближалась „повѣрка“. Ежедневно въ 7 часовъ смотритель или его помощникъ обходили съ караульнымъ офицеромъ и конвоемъ солдатъ всѣ камеры, считая заключенныхъ.

Такъ проходилъ день въ „подслѣдственномъ отдѣленіи“.

... Разъ, два, три, четыре!.. гулко раздавались по временамъ сильные удары. Это Яшка нарушалъ тишину корридора. Среди этой сонной тишины, на фонѣ безшумной, подавленной жизни его удары, рѣзкіе, бѣшепо-отчетливые, непокорные, составляли какой-то странный, рѣжущій, непріятный контрастъ. Я вспомнилъ, какъ маленькій „старшій“ съежился, заслышавъ эти удары. Нарушеніе обычной тишины этой скорбной обители, казавшееся даже мнѣ, постороннему, диссонансомъ, должно было особенно рѣзать ухо „начальства“.

Не знаю, зачѣмъ собственно понадобилось мнѣ считать эти удары. Разъ, два, три... около шести стукъ уси-

ливался; семь, восемь, девять... стоялъ сплошной гулъ; затѣмъ на одиннадцати, рѣдко двѣнадцати, стукъ рѣзко обрывался. Въ это мгновеніе у меня являлось въ правой ногѣ мимолетное ощущеніе ноющей боли. Мнѣ казалось, что Яшка прекращалъ свой стукъ именно отъ такой боли въ ногѣ. Черезъ нѣсколько секундъ раздавалось еще пять-шесть ударовъ и затѣмъ въ корридорѣ наступала напряженная тишь, или же угрюмое ворчаніе Якова смѣшивалось со скорбными выкрикиваніями еврея.

Чаще другихъ приходилось дежурить въ нашемъ корридорѣ старику-надзирателю, давно, повидимому, свыкшемуся съ тюрьмой и ея обитателями. Казалось, старикъ обрѣлъ на этомъ мѣстѣ то особаго рода дѣшевное равновѣсіе, которое такъ облегчаетъ жизнь и сношенія съ людьми во всякой профессіи. Онъ имѣлъ видъ человѣка, обладающаго обстоятельнымъ міросозерцаніемъ, былъ философски спокоенъ и неизмѣнно равнодушенъ, никогда не возвышалъ голоса, не бранилъ арестантовъ, не стѣснялъ ихъ безъ нужды. Онъ былъ надзиратель,—это было его общественное положеніе, налагавшее на него извѣстныя обязанности. Другіе были арестанты, — это опять ихъ общественное положеніе, также сопряженное съ обязанностями. Каждый долженъ исполнять свои обязанности, что значитъ: „веди себя съ толкомъ, поступай благородно, т.-е. не попадай на замѣчаніе начальства“. Таковы были основы его философіи, и онъ съумѣлъ провести ихъ въ жизнь подвѣдомаго ему „отдѣленія“; главное нравственное правило: „не попадай на замѣча-

ніе“—проникало во всѣ детали этой жизни. Самъ старикъ Михѣичъ двигался и дѣйствовалъ не торопясь, какъ хорошо рассчитанная машина. Я никогда не видалъ, чтобъ онъ препирался съ арестантомъ изъ одиночки, когда тотъ просился „до вѣтру“, какъ это дѣлали другіе. Онъ просто шелъ на стукъ и отпиралъ двери. За то если Михѣичъ отказывалъ въ какомъ-нибудь облегченіи, значить у него была резонная причина, имѣющая отношеніе къ близости начальственнаго ока, и отказъ былъ всегда рѣшительный, безапелляціонный. Когда, бывало, старый Михѣичъ сидѣлъ на окнѣ корридора и дремалъ, причемъ изъ-подъ его папахы, вѣчно нахлобученной на самыя брови, виднѣлись концы длинныхъ усовъ и ястребинаго носа, тихо и благосклонно „клевавшего“ въ спокойной дремотѣ, въ корридорѣ подслѣдственныхъ воцарялась непринужденность и даже нѣкоторая развязность, конечно, въ возможныхъ для этого мѣста предѣлахъ. Арестанты франтовито ходили съ папиросками въ зубахъ мимо философа „начальника“ съ очевиднымъ сознаніемъ невозможности явиться „въ эдакомъ видѣ“ въ другіе часы дня, чтò дѣлало особенно драгоценной эту возможность въ данное время. Они ужь сами смотрѣли въ-оба, чтобы не попасться „въ эдакомъ видѣ“ кому-нибудь изъ высшаго тюремнаго начальства и не подвести стараго Михѣича, такъ какъ хорошо понимали, что въ подобномъ ротозѣйствѣ не заключается ни „толку“, ни „благородства“. Даже умалишенные чувствовали импонирующее вліяніе Михѣичевой философіи. Когда музыкальныя рулады сумасшедшаго еврея достигали чрез-

мѣрной напряженности и экспрессіи, когда, казалось, его глотка скоро откажется производить какіе бы то ни было звуки, а уши слушателей рисковали потерять всякую способность воспринимать ихъ, Михѣичъ спокойно слѣзалъ съ окна, подходилъ къ двери еврея и, стукнувъ связкой ключей, произносилъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Эй, ты, свиное ухо! По какой причинѣ раскричался?

Вопросъ звучалъ дѣловито, какъ будто вопрошавшій допускалъ возможность существованія какой-либо „причины“, и даже названіе „свиное ухо“ казалось просто необходимымъ собственнымъ именемъ. Еврей смягчалъ экспрессію, понижалъ тонъ и издавалъ рулады, выражавшія очевидную готовность къ компромиссу.

— Нарукавники желаешь? — спрашивалъ Михѣичъ такъ же спокойно, и опять въ вопросѣ слышалась возможность со стороны еврея такого неестественнаго желанія.

— Покричи еще, что-жь, я и принесу нарукавники тебѣ, — соглашался Михѣичъ удовлетворить предполагаемое желаніе, и рулады еврея спускались до обычнаго діапазона.

— Стекло-то опять зачѣмъ сожралъ, а? Развѣ полагается тебѣ казенныя стекла жрать? Видишь вотъ, вчера вставили, а ты опять слопалъ, свиное ухо! — говорилъ Михѣичъ, выковыривая остатки дверного стекла, которое еврей, дѣйствительно, имѣлъ обыкновеніе разбивать и грызть зубами.

Урезонивъ еврея, Михѣичъ снова направлялся къ из-

любленному мѣсту на окнѣ, гдѣ спина его скоро прилипала къ натертому жириному пятну косяка, а носъ и усы принимали обычное положеніе. Еврей, одержимый какою-то музыкальною маніей, возвращался къ нотамъ болѣе свойственнымъ человѣческому голосу, или начиналъ что-то таинственно выстукивать въ стѣну, какъ бы сообщая кому-то смыслъ сейчасъ слышанныхъ словъ.

Другой умалишенный, остякъ Тимошка, помѣщавшійся въ первой камерѣ у входа въ корридоръ подслѣдственныхъ, пользовался нѣкоторымъ благорасположеніемъ Михѣича. Однажды, когда я проходилъ по корридору, Михѣичъ съ видимымъ удовольствіемъ указалъ на камеру Тимошки.

— Тимошка тутъ, Тимошей остякъ. Набожный!... Всякую молитву знаетъ. Поди, и теперь молится...

Я заглянулъ въ оконце. Длинная, узкая камера была еще мрачнѣе нашей, такъ какъ угловая стѣна примыкавшаго зданія закрывала въ нее доступъ свѣту. Вначалѣ я не могъ никого разглядѣть среди этихъ темныхъ стѣнъ, но вскорѣ увидѣлъ въ углу, подъ самымъ окномъ, какую-то колѣнопреклоненную фигуру. Тимошка мѣрно покачивался, стоя на колѣняхъ передъ какими-то болванчиками, неопредѣленно чернѣвшими въ углу. На окнѣ лежало что-то вродѣ шапки. Мебели, какъ и въ другихъ одиночкахъ, не было, только рядомъ съ болванчиками стояла „парашка“. Остякъ молился ровнымъ, своеобразно-дикимъ голосомъ, тономъ опытнаго чтеца. По временамъ онъ произносилъ цѣлыя длинныя фразы на какомъ-то непонятномъ, вѣроятно остяцкомъ, языкѣ, а

иногда, нисколько не измѣняя молитвенной интонаціи произносилъ скверныя ругательства, какъ будто и они составляли часть его культа.

— Трехъ человекъ задушилъ руками, — отрекомендовалъ мнѣ его Михѣичъ. — Большая въ ѣмъ сила!...

— А что это въ углу у него разставлено? — спросилъ я.

— Идолы это. Ка-акже! Самъ дѣлаетъ. Ужь у него сколько разъ отымали, сейчасъ опять смастерить.

— Чѣмъ же?

— На выдумки ловокъ, бѣда! Ножъ изъ жести оконной у него, обѣ камень выточенъ. А шапку видѣли... па окнѣ у него лежить? Тоже самъ сшилъ. Окно-то у него разбито, чортъ ему кошку шальную и занеси. Онъ ее сцапалъ, содралъ шкуру зубами, — вотъ и шапка! Иголка тоже у него имѣется, нитки изъ тюфяка дергаетъ... Ну, за то набоженъ: молитвы лучше иного попа знаетъ. И послушенъ тоже... Тимошка, спой пѣсенку!

Тимошка прервалъ молитву, взялъ въ руки палку и повернулся къ Михѣичу.

— Съ барабаномъ? — спросилъ онъ.

Въ его дикомъ голосѣ зазвучала какая-то юмористическая нотка. Переходъ отъ молитвы къ скоморошеству былъ для него, повидимому, нетруденъ.

— Неужь безъ барабана, чудакъ! — отвѣтилъ Михѣичъ.

Тимошка запѣлъ безконечную пѣсню, постукивая въ тактъ палкой. Въ этой пѣснѣ, съ довольно быстрымъ темпомъ, слышалось что-то своеобразное, заунывно-ди-

кое. Мы старались потомъ съ товарищемъ воспроизвести этотъ нехитрый мотивъ, но онъ не давался нашей памяти.

— Безъ конца у него пѣсня эта,—замѣтилъ Михѣичъ.—Теперь все будетъ пѣть, пока не скажу: довольно! Разъ эдакъ я забылъ остановить его,—онъ и поетъ себѣ. Повѣрка пришла, смотритель и спрашиваетъ: ты что дѣлаешь?—„Пѣсню, говоритъ, Михѣичъ приказалъ пѣть“. Право, послушный онъ!... Тре-ѣхъ человѣкъ задалъ руками. Ноги ему въ сумасшедшемъ домѣ отшибли,—ходить не можетъ. Зачинаетъ мало-мало подыматься, да плохо. Видно, отстукали ловко!

— Неужто въ больницѣ у васъ ноги отшибаютъ? Вѣдь это...

— Да ужъ это не такъ, чтобы превосходно, что и говорить. Опять же и зря: послушный онъ, остякъ-то. Ему толкомъ скажи,—онъ слушаетъ. Только тамъ это у нихъ живо, въ сумасшедшемъ-то домѣ: чуть что, пожалуй, недолго имъ, и совсѣмъ устукаютъ. Этому стукальщику скоро вотъ то же будетъ,—какъ-то недружелюбно мотнулъ Михѣичъ головой въ сторону Яшкиной двери.

Въ его голосѣ исчезли мягкія, благосклонныя ноты, съ какими онъ обращался къ послушному Тимошкѣ, давившему людей руками и сдиравшему шкуры съ живыхъ кошекъ. Очевидно, въ глазахъ Михѣича Яшка былъ хуже остяка.

Вообще этотъ странный субъектъ находился на какомъ-то особомъ, исключительномъ положеніи, и онъ интере-

совалъ меня все болѣе и болѣе. Въ его стукѣ я, наконецъ, началъ различать нѣкоторую систему. Такъ, однажды, когда онъ вдругъ загремѣлъ очень сильно, я увидѣлъ, что Михѣичъ сталъ безпокойно озираться, какъ будто ожидая чьего-нибудь появленія. Потомъ старикъ дѣловито обратился къ Якову:

— Что ты? Зачѣмъ? Никого вѣдь нѣту.

Яшка тотчасъ же смолкъ. Очевидно, онъ не просто стучалъ въ пространство, а адресовалъ эти гремящіе звуки чьему-нибудь слуху. Вскорѣ я убѣдился, что стукомъ этимъ онъ салютовалъ всякому начальству, начиная со „старшаго надзирателя“. Чѣмъ выше было начальство, тѣмъ, вообще говоря, громче были салюты. Ночью они раздавались значительно тише, точно Яшка стучалъ съ просонокъ. Проснется онъ, — такъ думалось мнѣ, — стукнетъ раза три-четыре и опять, исполнивъ эту обязанность, уляжется спать. Однажды только среди ночной тишины удары Яшки раздались точно громъ канонады: на слѣдующее утро оказалось, что ночью „на маломъ верху кержаки произвели не малую драку“, — стало быть, являлось высшее тюремное начальство.

Удары эти доставались Яшкѣ не дешево. „Ноги вовсе у него попухли, — говорилъ мнѣ Михѣичъ, — а все вѣдь неймется“.

На третій день нашего заключенія мы потребовали у начальства, чтобы насъ отпускали гулять, и насъ приказано было отпускать „послѣ повѣрки“, когда остальные заключенные запираются въ камеры на ночь. Это-то

время я рѣшился употребить для пріобрѣтенія ближайшаго знакомства съ Яшкой.

Звонокъ. „Становись на повѣрку!“

Въ подслѣдственномъ отдѣленіи все стихло. Гдѣ-то далеко, въ третьемъ или четвертомъ корридорѣ, лязгнула дверь, слышались раскаты, точно рокотъ далекаго наводненія. „Повѣрка“ толпой ввалилась въ наше отдѣленіе. Яшка принялся за свое дѣло.

Когда „повѣрка“ обошла наши камеры и поднялась на „малый верхъ“, Михѣичъ отворилъ нашу дверь. Корридорный арестантъ подслѣдственнаго отдѣленія, Меркурій, исполняющій обязанности „парашечника“, убирающій камеры и бѣгающій на посылкахъ у „привилегированныхъ“ арестантовъ, явился въ нашу камеру съ самоваромъ. Пока „повѣрка“ не ушла совсѣмъ, Михѣичъ просилъ насъ для „порядку“ не выходить въ корридоръ.

Вотъ „повѣрка“ сходитъ по лѣстницѣ. Наша дверь не заперта, и намъ ясно слышны не только удары Яшки, но и его возгласы:

— Беззаконники!—кричалъ Яшка, когда „повѣрка“ проходила мимо его дгери.—Пошто держите, пошто морите меня? Сказывайте, слуги антихристовы!

Я вспомнилъ надпись надъ Яшкиной дверью. Неужто,—мелькнуло у меня въ умѣ,—это недоразумѣніе? Неужто этотъ человѣкъ, запертый, наглухо заколоченный въ эту ужасную дыру, въ этотъ гробъ, вовсе не умалишенный и способенъ сознавать весь ужасъ своего положенія?...

— За что это Яшку держать въ одиночкѣ, да еще такъ строго?—спросилъ я Меркурій.

— Человѣка убилъ, каторжникъ бѣглый,—вмѣшался Михѣичъ тономъ убѣжденнаго человѣка.

— Нѣ-ѣтъ,—протянулъ Меркурій,—что ты, Михѣичъ! Что попустому говорить! Неизвѣстно это,—обратился онъ ко мнѣ.—Званія своего, фамиліи, напримѣръ, онъ не открываетъ. Сказываютъ такъ, что за непризнаніе властей былъ сосланъ. Убѣгъ ли, што ли, этого доподлинно не могу знать...

— Надъ его дверью написано, что онъ сумасшедшій?

— Приставляется, — сказалъ Михѣичъ, по-своему, кратко и утвердительно.

— Нѣ-ѣтъ... опять же и это... кто знаетъ! Можетъ, и не сумасшедшій,—сказалъ опять Меркурій какъ-то уклончиво.—Собственно держать его въ одиночкѣ за непризнаніе властей, за грубость... Полицместеръ ли, кто ли придетъ,—хоть тутъ самъ губернаторъ приходи,—онъ и ему грубость окажетъ. Все свое: „беззаконники, да слуги антихристовы!“ Вотъ черезъ это самое... А то раньше свободно онъ ходилъ по всей даже тюрьмѣ безъ препятствій...

— А зачѣмъ онъ стучить?

— И опять же какъ сказать... Собственно для обвиненія!...

Меркурій вышелъ. Мы заварили чай и вышли „на прогулку“ въ корридоръ. Вдали, гдѣ-то въ третьемъ корридорѣ, слышались еще шаги удалявшейся „повѣрки“. У

Яшкина оконца виднѣлись усы, часть бороды, конецъ носа. Яшка стоялъ неподвижно и будто чего-то ждалъ.

Вдругъ дверь заколебалась отъ сильныхъ ударовъ.

— Зачѣмъ ты это, Яковъ, стучишь? Кто тебя слышитъ? Вѣдь никого нѣтъ! — сказалъ я.

— Эвона! — отвѣтилъ Яшка серьезно, мотнувъ головой по направленію къ окну корридора, черезъ которое виднѣлся противоположный фасадъ расположеннаго четырехъ угольникомъ зданія и въ немъ сквозной просвѣтъ высокой двери, ведущей на другой дворъ.

Въ этомъ просвѣтѣ маячила въ сумеркахъ фигура послѣдняго солдата „повѣрки“. Фигура вскорѣ исчезла, и Яшка счелъ возможнымъ прекратить стукъ и обратился ко мнѣ.

Онъ нагнулся, чтобъ окинуть меня внимательнымъ взглядомъ изъ-за своего оконца. Мнѣ все не удавалось увидѣть его лицо въ цѣломъ. Теперь на меня глядѣли сѣрые, выразительные глаза, слегка лишь подернутые какою-то мутью, какъ у сильно истомленнаго человѣка. Лобъ былъ высокій и по временамъ собирался въ рѣзкія — не то гнѣвныя, не то скорбныя — складки. Повидимому, Яшка былъ высокъ ростомъ и очень крѣпко сложенъ. Лѣтъ, вѣроятно, было ему около пятидесяти.

— Што будешь за человѣкъ? — спросилъ онъ. — Куда тебя гонять?

Я назвалъ себя и сообщилъ, куда меня гонять.

— А тебя какъ зовутъ? — спросилъ я.

— Былъ Яковъ... Яковомъ звали.

— А величаютъ какъ? Родомъ откуда?

Яковъ взглянулъ на меня съ какимъ-то подозрительнымъ вниманіемъ и, помолчавъ, отвѣтилъ коротко:

— Забылъ *).

Понемногу мы разговорились.

Какъ арестантъ, содержимый на особыхъ правахъ, въ „вольной одеждѣ“ и т. п., я представлялъ для Яшки нѣкоторый интересъ.

Передо мною же былъ обыкновенный человѣкъ, говорившій сдержанно, ровно, вообще въ будничномъ настроеніи.

— Безпокойно тебѣ,—стучу я этто. Ничего, привыкнешь,—говорилъ онъ, усмѣхаясь,—ночью тише же стучу я, негромко. На росписку сюда слуга-то антихристовъ является, ему я это постукиваю.

— Скажи мнѣ, зачѣмъ ты стучишь?—спросилъ я.

Яковъ вскинулъ на меня своими большими глазами и въ голосъ его, когда онъ отвѣчалъ, слышалась какая-то „обрядная“ важность:

— Стою за Бога, за великаго Государя, за Христовъ законъ, за святое крещеніе, за все отечество и за всѣхъ людей.

Я нѣсколько удивился, что, повидимому, не ускользнуло отъ вниманія Якова.

— Обличаю начальниковъ,—пояснилъ онъ,—начальниковъ неправедныхъ обличаю. Стучу.

— Какая же отъ этого польза тебѣ?

— Польза? Есть польза...

— Да какая же? Въ чемъ?

*) Послѣ я узналъ, что родомъ онъ изъ Пермской губерніи.

— Есть польза,—повторилъ онъ упрямо.—Ты слушай ухомъ: стою за Бога, за великаго Государя...—и онъ цѣликомъ повторилъ свою тираду.

Я понялъ теперь, что Яковъ не искалъ реальныхъ, осязательныхъ послѣдствій отъ своего стучанія для того дѣла, за которое онъ „стоялъ“ столь неуклонно среди глухихъ стѣнъ и не менѣе глухихъ къ его обличеніямъ людей; онъ видѣлъ „пользу“ уже въ самомъ фактѣ „стоянія“ за Бога и за великаго Государя,—стало-быть, поступалъ такъ... „для души“.

— А за что тебя держатъ?—спросилъ я далѣе.

— За что?... Без-законники!—заговорилъ Яшка и возбуждено завозился за своею дверью.—За что держатъ? Скажи вотъ: безо всякаго преступленія... Нѣтъ моего преступленія ни въ чемъ. А и было бы преступленіе, такъ развѣ имъ судить?... Богъ суди!

— Человѣка ты убилъ,—сказалъ Михѣичъ, внимательно слушавшій нашъ разговоръ.—Пошто приставаешься?

— Неправда, неправда!—заговорилъ Яшка какимъ-то страдающе-возбужденнымъ голосомъ.—Ишь чего выдумали, беззаконники! Неправда, не вѣрь имъ, Володимеръ, не вѣрь слугамъ антихристовымъ! Нѣтъ моего никакого преступленія. Отрекись, вишь, отъ Бога, отъ великаго Государя, тогда отпустимъ. Гдѣ же отречься?... Невозможно мнѣ. Самъ знаешь: кто отъ Бога, отъ истиннаго правъ-закону отступитъ—мертвъ есть. Плоть-то онъ живетъ, а души въ немъ живой нѣту!...

Въ это время изъ темнаго корридора, подъ прямымъ

угломъ примыкавшаго къ нашему, показалась маленькая фигурка въ сѣромъ пальто съ мѣдными пуговицами. Я узналъ „старшаго“. Сѣдая тюремная крыса точно выползала изъ норы за добычей. Старикъ крался, прижимаясь вдоль стѣны, чтобы Яшка не могъ его увидѣть изъ своей конурки. Въ рукахъ у него была тетрадь и карандашъ. Каждый вечеръ онъ клалъ эту тетрадь на окно корридора и ночью обязанъ былъ нѣсколько разъ написать въ ней: „былъ въ такомъ-то часу“. Въ эти-то часы и раздавалось тихое постукиваніе Яшки.

— Отопри „малый верхъ“, — шепнулъ Михѣичу „старшій“, быстро шмыгнувъ мимо Яшкиной двери.

Михѣичъ сталъ тихо снимать засовъ съ дверей, которыя вели на лѣстницу съ надписью: „Входъ на малый верхъ“. На этомъ „верху“ находилась особая воровская колонія. О ней такъ и говорили: „Ноньче въ воровской драка приключилась“. — „Воры-то ночью за картами развозились“. Этотъ „верхъ“ не даромъ носилъ названіе „малаго“. Дѣло въ томъ, что тюрьма была рассчитана на число жителей чуть не на половину менѣе того, какое въ ней находилось въ дѣйствительности. Пришлось поэтому пуститься на хитрости, и вотъ губернская архитектура кое-какъ приляпала къ высокимъ камерамъ новые потолки, значительно ихъ понизившіе и послужившіе поломъ для „малаго верха“. Часть высокихъ оконъ, охваченная этими антресолями, пришлась, такимъ образомъ, въ „маломъ верху“ и получила назначеніе снабжать его свѣтомъ. Нечего говорить, что назначеніе это исполнялось далеко не удовлетворительно, и воровской

„малый верхъ“ представлялъ помѣщеніе, ярко демонстрировавшее самое печальное отсутствіе гигиены.

— Тутъ у насъ ничего еще, — говорилъ мнѣ нашъ Меркурій о нашихъ помѣщеніяхъ. — Тутъ и хорошему, образованному человѣку прожить мало-мало можно... А вотъ въ воровской — не приведи Господи! Вонько, темно, сырости тоже довольно. Чистая смерть!...

Чтобы нѣсколько вознаградить за отсутствіе воздуха и свѣта, начальство тюрьмы дало ворами нѣкоторыя льготы. Они, на примѣръ, не запирались по камерамъ и ночью, такъ какъ даже при сибирскихъ взглядахъ на правила гигиены оказалось невозможнымъ ставить у воровъ на ночь зловонныя „парашки“. Такимъ образомъ, начавъ задыхаться въ одной камерѣ, жилецъ воровского „малаго верха“ могъ, для разнообразія, отправиться задыхаться въ другую. Какъ бы то ни было, „малый верхъ“ вознаграждалъ за нѣкоторыя неудобства жилища широкимъ развитіемъ общественности. По ночамъ оттуда слышались возгласы, шумный говоръ, по временамъ достигавшій размѣровъ яростнаго вопля. Тогда призывалось начальство, иногда даже военный конвой, и расшумѣвшіеся „воры“ накрывались за картежомъ или пьянствомъ, подобно разодравшимся воробьямъ, которыхъ берутъ руками мальчишки.

Итакъ, Михѣичъ сталъ тихо снимать засовъ, и „старшій“, расписавшись въ тетради, опять было прошмыгнулъ мимо Яшкиной двери, направляясь на лѣстницу. „За картами... — шепнулъ мнѣ Михеичъ; — воры въ карты дуются... накроетъ“.

Но въ этотъ критическій моментъ, когда старый тюремный хищникъ сталъ подыматься на лѣстницу, Яшка, какимъ-то чутьемъ угадавшій присутствіе одного изъ „беззаконниковъ“, внезапно загремѣлъ своею дверью. Старикъ вздрогнулъ, точно ошпаренный. Я ясно представилъ себѣ, какъ болѣзненно задѣло его напряженные нервы это неожиданное и столь громовое вмѣшательство. Онъ подпрыгнулъ на мѣстѣ, точно его захлопнуло западней, заёрзалъ, попытался было броситься на верхъ, но, сообразивъ, что дѣло потеряно и воры успѣли спрятать карты, возвратился назадъ.

— Запри!—изнеможенно обратился онъ къ Михѣичу.—О, Яшка, Яшка! — прошипѣлъ онъ, обращаясь къ дверямъ,—кажется, ежели могъ бы, вотъ какъ бы тебя растеръ, проклятаго, вотъ какъ!...

Онъ сжалъ свои кулачонки и сталъ ихъ тереть другъ о друга, какъ бы воображая, что Яшка находится между ними и испытываетъ уже процессъ растиранія.

Яшка появился у своей двери, очевидно, довольный, что ударъ, направленный во имя Господне чисто на-удачу, попалъ въ цѣль такъ мѣтко.

— Не любо тебѣ, беззаконникъ?—гремѣлъ онъ въ догонку.—Долго ли держать меня будете, слуги антихристовы?...

— Пос-с-стой, пог-год-ди!—шипѣлъ „беззаконникъ“, пораженный въ наболѣвшее мѣсто, и бросилъ при этомъ на насъ косвенные взгляды, какъ будто между нашимъ присутствіемъ и необходимостью для Яшки „погодить“ была нѣкоторая необъяснимая связь.

Смысль этого „погоди“ былъ совершенно ясенъ: Яшка былъ во власти этой старой тюремной крысы, одинъ, безъ союзниковъ, и, тѣмъ не менѣе, онъ осмѣливался такъ жестоко мучить того, отъ кого самъ вполне зависѣлъ. А онъ именно его измучилъ. Для меня стала очевидною та странная связь, которая установилась между Яшкой, запертымъ въ одиночкѣ, и державшими его „беззаконниками“. Казалось бы, заперли Яшку—и дѣлу конецъ. Къ нему можно бы относиться совершенно безстрастно, его можно бы игнорировать. Но онъ успѣлъ своимъ неукротимымъ стукомъ раздражить имъ нервы, натянуть ихъ до болѣзненной воспримчивости къ этому стуку, и торжествовалъ,—торжествовалъ сознательно надъ связавшими его по рукамъ и по ногамъ врагами. Побѣжденный физически, онъ считалъ себя не сдавшимся побѣдителемъ, пока еще „Господь поддерживаетъ его“ въ единственно возможной формѣ борьбы: „Стучу вотъ“. Въ этомъ онъ привыкъ уже видѣть свою миссію, свое торжество.

— И всегда такъ-то: стучить безъ толку... Ужъ именно что безъ пользы, одинъ вредъ себѣ получаетъ...—говорилъ Михѣичъ, запирая ходъ на лѣстницу.—Что толку въ стукѣ? Ну, вотъ, заперли его, въ карцерѣ сколь перебивалъ, нарукавники надѣвали,—все нейметса. Погоди,—обратился Михѣичъ къ Яшкѣ,—въ сумасшедшій домъ свезутъ, тамъ не долго настучишь! Тамъ тебя устукаютъ лучше Тимошки!

— Хоть куда отдавай, все едино! Меня не испугаешь,—отвѣчалъ Яшка,—Я за Бога, за великаго Госу-

даря стою,—за Бога, слуги антихристовы, стою! Слышишь? Думаете: заперли, такъ ужъ я вамъ подверженъ?—Нѣ-ѣтъ! Стучу, вотъ, слава-те, Господи, Царица Небесная... поддерживаешь меня Богъ-отъ!

— Нарукавники тебѣ, связать тебя, стукальщика!...

— Вяжи, слуга антихристовъ!... Пошто душу христіанскую губите, ироды?... Я вамъ не обязался, беззаконники!

Осеннія сумерки, выползая изъ угловъ старой тюрьмы, все болѣе и болѣе сгущались въ корридорахъ.

— На молитву пора, — сказалъ мнѣ Яковъ, — прощай!

Онъ отошелъ отъ двери, и когда я, спустя нѣкоторое время, взглянулъ въ его оконце, онъ уже „стоялъ на молитвѣ“. Его окно было завѣшано какими-то тряпками, сквозь которыя скудно прорывался полусвѣтъ наступающаго вечера. Фигура Яшки рисовалась на этомъ просвѣтѣ чернымъ пятномъ. Онъ творилъ крестныя знаменія, причемъ какъ-то судорожно, рѣзко подавался туловищемъ впередъ и затѣмъ подымался нѣсколько тише. Его точно „дергало“.

Мы съ товарищемъ прохаживались по темнѣющимъ корридорамъ. Подходя къ Тимошкиной двери, мы слышали мѣрное, точно заупокойное чтеніе. Изъ двери еврея вмѣстѣ съ дикими, стонущими звуками неслись убійственныя міазмы. Въ сосѣдней съ нимъ камерѣ каторжникъ, помѣщенный сюда, опять-таки за недостаткомъ мѣста, совершалъ свою обычную прогулку, гремя цѣпами, а на верху гоготали и шумно возились воры. Ос-

тальныя камеры хранили безмолвіе наступающаго сна. Двое бродягъ, сидѣвшихъ вмѣстѣ, варили что-то въ печуркѣ. Это, очевидно, были любители „очага“. Весь день употребляли они на розыски щепокъ и всякой дряни, которую подбирали на тюремныхъ дворахъ, на послѣднія деньжонки покупали „крупокъ“ и вечеромъ, когда всѣхъ запирали, они разводили въ своей печкѣ огонь. Въ эти минуты я иногда подходилъ къ ихъ двери и тихонько заглядывалъ въ нее, такъ, чтобы не нарушать ихъ мирнаго наслажденія. Одинъ, суровый бродяга, лѣтъ за сорокъ, сидѣлъ прямо противъ печки, обхвативъ колѣни руками, внимательно слѣдя за огнемъ и за маленькимъ горшечкомъ, въ которомъ варилась кружка. Другой при-волакивалъ къ печкѣ свой тюфякъ и ложился на него лицомъ къ огню, положивъ подбородокъ на руки. Это былъ почти еще мальчикъ, съ блѣднымъ, тюремнаго цвѣта лицомъ и большими выразительными глазами. Онъ, очевидно, мечталъ. Огонекъ потрескивалъ, вода въ горшечкѣ шипѣла и бурлила, и, если исключить эти звуки, въ камерѣ царило глубокое молчаніе. Бродяги точно боялись нарушить музыку импровизированнаго очага тюремной каморки... Затѣмъ, когда огонекъ поту-халъ и кружка была готова, они вынимали горшокъ и братски дѣлили микроскопическое количество каши, которая, казалось, имѣла для нихъ скорѣе нѣкоторое символическое, такъ сказать—сакраментальное значеніе, чѣмъ значеніе питательнаго матеріала.

Въ самой крайней камерѣ, служившей какъ бы про-долженіемъ корридора, жильцы безпрестанно смѣнялись.

Эта камера не отличалась отъ другихъ ничѣмъ, кромѣ своего назначенія, да еще развѣ тѣмъ, что въ ея дверяхъ не было окна, которое, впрочемъ, удовлетворительно замѣнялось широкими щелями. Заглянувъ въ одну изъ этихъ щелей, я увидѣлъ двухъ человѣкъ, лежавшихъ въ двухъ концахъ камеры, безъ тюфяковъ, прямо на полу. Одинъ былъ завернутъ въ халатъ съ головою и, казалось, спалъ. Другой, заложивъ руки за голову, мрачно смотрѣлъ въ пространство. Рядомъ стояла нагорѣвшая сальная свѣчка.

— Антипка!—заговорилъ вдругъ послѣдній и, вздрогнувъ, точно отъ прорвавшейся тяжелой, мучительной мысли, присѣлъ на полу.

Другой не шевелился.

— Антипка, иродъ!... Отдай, слышь... Думаешь, вправду у меня пятьдесятъ рублей?... Лопни глаза, послѣдніе были...

Антипка притворился спящимъ.

— У-у, подлая душа!—произноситъ арестантъ и изнеможенно бросается на свое жесткое ложе; но вдругъ онъ опять подымается съ злобнымъ выраженіемъ.

— Слышь, Антипка, не шути, подлецъ! Убью!...

Антипка всхрапываетъ сладко, протяжно, точно онъ поκειται на мягкихъ пуховикахъ, а не въ карцерѣ, рядомъ со злобнымъ сосѣдомъ; но мнѣ почему-то кажется, что онъ дѣлаетъ подъ своимъ халатомъ нѣкоторыя необходимыя приготовленія.

— Кержаки это... разодрались ночесъ на маломъ верху,—поясняетъ мнѣ Михѣичъ,—вотъ смотритель въ

карцеръ обоихъ и отправилъ. Антипъ этотъ деньги, што ли, у Федора укралъ. Два рубля денегъ, сказываютъ, стянулъ.

— Какъ же это ихъ вмѣстѣ заперли? Вѣдь они опять раздерутся?

— Не раздерутся,—отвѣчалъ Михѣичъ, усмѣхнувшись какъ-то многозначительно.—Помнятъ!... Нашъ на это—бѣда, нетерпѣливъ! „Посадить ихъ, говоритъ, вмѣстѣ, а подеретесь тамъ, курицыны дѣти, ужъ я вамъ тогда кузькину мать покажу. Сами знаете...“ Знаютъ... Прямо сказать: со свѣту сживетъ. Въ та-акое мѣсто упрячетъ... Это что?—только слава одна, что карцеромъ называется. Вонъ зимой карцеръ былъ, то ужъ можно сказать... Двои сутки если въ немъ который просидитъ, бывало, такъ ужъ прямо въ больницу волокутъ. День поскрипитъ, другой, а тамъ и кончается.

Мнѣ привелось увидѣть этотъ карцеръ, или, вѣрнѣе, не увидѣть, а почувствовать, ощутить его... Мнѣ будетъ очень трудно описать то, что я увидѣлъ, и я попрошу только повѣрить, что я, во всякомъ случаѣ, не преувеличиваю.

На квадратномъ дворикѣ по угламъ стоятъ четыре каменные башенки, старыя, покрытыя мохомъ, какія-то сырыя, склизкія, точно оплеванныя. Онѣ примыкаютъ вплотъ ко внутреннимъ угламъ четырехугольнаго зданія и ходъ въ нихъ—съ корридоровъ. Проходя по нашему корридору, я увидѣлъ дверь, ведущую, очевидно, въ одну изъ башенокъ, и нашъ Меркурій сказалъ мнѣ, что это ходъ въ бывшій карцеръ. Дверь была не заперта, и мы вошли.

За нами въ корридорѣ было темно, въ этомъ помѣщеніи—еще темнѣе. Откуда-то сверху сквозилъ слабый лучъ, расплывавшійся въ холодной сырости карцера. Сдѣлавъ два шага, я наткнулся на какія-то обломки. „Кубъ здѣсь былъ раньше,—пояснилъ мнѣ Меркурій,—кипятокъ готовился, сырость отъ него осталась,—бѣда! Тѣмъ болѣе, печки теперь не имѣется...“ Что-то холодное, проникающее насквозь, затхлое, склизкое и гадкое составляло атмосферу этой могилы... Зимой она, очевидно, промерзала насквозь... Вотъ она—„кузькина-то мать!“—подумалъ я.

Когда я, отуманенный, вышелъ изъ карцера, тюремная крыса, исполнявшая должность „старшаго“, опять крадучись ползла по корридорамъ отбирать отъ надзирателей на ночь ключи въ контору, и опять Яшка безстрашно заявлялъ ей, что онъ все еще продолжаетъ стоять за Бога и за великаго Государя...

„О, Яшка, — думалъ я, удаляясь на ночь въ свою камеру,—во-истину безстрашенъ ты человѣкъ, если видалъ уже „кузькину мать“ и не убоился!...“

Однако карцеръ былъ не единственною формою, въ какой могла быть явлена Яшкѣ „кузькина мать“.

— Отчего у Яшки въ камерѣ такъ темно и холодно? — спросилъ я, замѣтивъ, что въ его камерѣ темно, какъ въ могилѣ, и изъ его двери дуетъ, точно со двора.

— Рамы, пакостникъ, вышибаетъ, безпокойный онъ!... А темно потому, что снаружи окно у него тряпками

завѣшано, — отъ холоду, значить... Все теплѣе будто! — пояснилъ мнѣ Михѣичъ.

Съ тѣмъ же вопросомъ я обратился къ Яшкѣ.

— Видишь ты, — серьезно отвѣчалъ онъ, — беззаконники хладомъ заморить хотятъ, раму не вставляютъ.

— А зачѣмъ же ты ее вышибъ?

— Не вышибъ я, нѣтъ!... Зачѣмъ вышибать?... Это вижу: идутъ ко мнѣ слуги антихристовы людно. Не съ добромъ, вижу, идутъ — съ нарукавниками... Самъ знаешь: живъ человѣкъ смерти боится. Я на окно-то отъ нихъ... за раму-то, знаешь, и прихватился. Стали они тащить, рама и упали.. Вотъ!...

Чтобъ иллюстрировать вполнѣ условія Яшкина „страстотерпства“, я долженъ сказать нѣсколько словъ о нарукавникахъ.

Идея нарукавниковъ — идея цѣлесообразная и, если хотите, даже гуманная. Чтобы буйный или бѣшеный субъектъ не могъ нанести своими руками вредъ себѣ или другимъ, руки эти должны быть лишены свободы дѣйствій съ возможнымъ, притомъ, избѣжаніемъ членовредительства. Для этой цѣли надѣваются крѣпкіе кожаные рукава, коими руки притягиваются къ туловищу. Чтобъ удержать ихъ въ этомъ положеніи, рукава стягиваются двумя крѣпкими ремнями, которые двумя кольцами охватываютъ спину и грудь. Въ чистомъ видѣ идея нарукавниковъ имѣетъ только предупредительный характеръ, и если Михѣичъ грозитъ ими какъ чѣмъ-то наказующимъ и мстящимъ, то это доказываетъ только, во-первыхъ, неспособность Михѣича понимать чистую

идею и, во-вторыхъ, свидѣтельствуесть еще разъ печальную истину, что грубая дѣйствительность искажаетъ всякіе идеалы на свой собственный ладъ. Надо, впрочемъ, сознаться, что этому искаженію въ весьма значительной мѣрѣ способствуетъ самое устройство нарукавниковъ, легко допускающее возможность многихъ преувеличеній. Взять хоть то, что пряжки, стягивающія ремни, могутъ быть затянуты въ мѣру, не болѣе того, сколько требуется самою идеей притяженія рукъ къ бедрамъ, но онѣ также могутъ быть затянуты и съ преувеличеніемъ, причемъ страдаютъ и ребра *). Если принять въ соображеніе, что рѣдко — вѣрнѣе никогда — субъектъ не обнаруживаетъ стремленія надѣть ихъ добровольно и что, стало-быть, ихъ надѣваютъ силой, то станетъ понятно, почему Яшка приравнивалъ процессъ надѣванія нарукавниковъ къ смерти...

Среда арестантовъ, въ которой находился Яшка, относилась къ нему вполне равнодушно, а порой такъ и съ варварскимъ безсердечіемъ. Былъ даже одинъ остроумецъ, приходившій чуть не ежедневно изощрять на заключенномъ въ „темницѣ“ (на этотъ разъ употребляю

*) Я не говорю уже о завѣдомыхъ посягательствахъ на самое устройство нарукавниковъ. Бываютъ и такія. Такъ, на примѣръ, иногда къ нимъ прибавляютъ еще ремень, притягивающій шею книзу. Это ничѣмъ не оправдываемое прибавленіе даетъ въ результатъ уже несомнѣнное членовредительство. Я зналъ здороваго парня, у котораго послѣ пятичасового пребыванія въ нарукавникахъ съ этимъ добавленіемъ кровь бросилась горломъ, и грудь оказалась радикально испорченною.

это выраженіе въ буквальномъ значеніи) свое тяжелое скоморошество.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ остроумцевъ, какихъ много и не въ острогѣ. Субъектъ этотъ наложилъ, повидимому, на себя тяжелый искусъ развлекать публику балагурствомъ, въ которомъ было очень мало юмора, еще меньше веселья и ужъ вовсе не было смысла. Это было просто какое-то напряженное словоизверженіе, поддерживаемое съ усиленіемъ достойнымъ болѣе веселаго дѣла, по временамъ оскудѣвавшее и вновь напрягаемое, пока, наконецъ, самъ остроумецъ не впадалъ отъ этихъ усилій въ нѣкоторое яростное изступленіе. Впрочемъ,— добрая душа у русскаго человѣка!—слушатели находили возможнымъ награждать безкорыстное „стараніе“ вялымъ смѣхомъ.

Яшка почему-то считалъ нужнымъ дѣлать этому скомороху принципиальныя возраженія, громилъ слугъ антихриста, ссылаясь на авторитетъ „енераль-губернатора“ (который, по его убѣжденію, стоялъ за него, только почему-то стоялъ, все-таки, безуспѣшно), вообще металъ свой (какой ни есть) бисеръ, попиравшійся самымъ безтолковымъ образомъ.

— Енераль-губернаторъ!—грохоталъ остроумецъ сильнымъ голосомъ настоящаго пропойцы,—вишь, чѣмъ удивить вздумалъ!... Мы и сами въ настранницкихъ племянникахъ состоимъ... Хо-хо-хо! Не слыхивалъ еще, дакъ слушай, развѣсь уши-то пошире. А то съ енераль-губернаторомъ выѣхалъ. Ха-ха-ха!...

Когда Яковъ замѣчалъ, что возраженія „настранницкаго племянника“ не относятся къ существу дѣла, а явля-

ются однимъ сквернословіемъ, то онъ плевалъ и уходилъ отъ грѣха. А „настранницкій племянникъ“, успѣвшій достаточно распалиться на огнѣ собственнаго остроумія, начиналъ уже самъ бить ногою въ Яшкину дверь, какъ бы въ нѣкоторомъ изступленіи, мѣшая Яшкѣ „стоять на молитвѣ“. Такъ какъ къ этому присоединялся еще обыкновенно пронзительный голосъ музыкальнаго еврея, сочувственно откликавшагося на всякіе сильные звуки, то въ результатѣ выходилъ концертъ столь неистовый, что Михѣичъ, до того мирно клевавшій носомъ у своего косяка, просыпался и укрощалъ разбушевавшагося не въ мѣру „настранницкаго племянника“, который и удалялся весьма довольный собою. Зрители тоже расходились, зѣвая и вяло поощряя остроумца: „Молодецъ, Соколовъ! За словомъ въ карманъ не полѣзетъ!...“

Были, впрочемъ, нѣкоторые признаки, указывающіе, что гдѣ-то въ острогѣ, среди этихъ однообразныхъ сѣрыхъ халатовъ, въ грязныхъ камерахъ, у Яшки есть если не союзники, то люди понимающіе его подвигъ неуклоннаго стучанія, сочувствующіе его „обличеніямъ“. Такъ, однажды, проходя по корридору, я увидѣлъ у Яшкиной двери высокаго старика въ арестантскомъ сѣромъ халатѣ, съ сѣдыми волосами и серьезнымъ лицомъ, суровость котораго нѣсколько смягчалась какимъ-то „болѣзненнымъ“ выраженіемъ, смѣшаннымъ съ уваженіемъ, какое онъ обнаруживалъ въ отношеніи къ Якову. Они о чемъ-то разговаривали у окна.

— Вѣрно тебѣ сказываю,—внушалъ Якову этотъ старикъ,—Ефремъ рѣшенъ и Сидоръ тоже рѣшенъ. Сказы-

вають, въ свою губернію по этапу отправлять будутъ...
А твое, вишь, дѣло...

Конца фразы я не слышалъ. Когда я проходилъ обратно, Яковъ, съ которымъ я уже былъ знакомъ довольно близко, указалъ на меня, и старикъ поклонился, но затѣмъ опять припалъ къ окошечку. Послѣ мнѣ не удалось болѣе увидѣть этого арестанта. Очевидно, онъ заходилъ сюда изъ какого-нибудь другого отдѣленія.

Однажды я далъ корридорному денегъ, прося купить Якову что ему нужно. Тотъ не понялъ и передалъ деньги непосредственно. Послѣ этого Яковъ остановилъ меня, когда я проходилъ по корридору:

— Слышь, Володимеръ,—сказалъ онъ.—Спасибо тебѣ, милостинку ты Христову сотворилъ: далъ корридорному для меня... Да видишь, вотъ, не беру я ихъ. Прежде, на міру, грѣшилъ, бралъ въ руки, а теперь не беру! Вотъ онѣ тутъ на полу и валяются. А ты хлѣбную милостинку сотвори! Изъ теплыхъ рукъ хлѣбная милостинка благопріятнѣе. Ироды-то меня на полуторной порціи держатъ. Самъ знаешь, что въ ей, въ полуторной-то порціи... Просто сказать, что голодомъ изводятъ. Ну, да не вове еще Богъ отъ меня отступился,—добрые люди поддерживаютъ: спускаютъ мнѣ на веревочкѣ ярушнички сверху-то. Спасибо, не оставляютъ православные хрістіане.

Какъ бы то ни было, хотя эти факты указываютъ, что не для всѣхъ Яшка былъ человѣкомъ, въ коемъ не оказывалось толку, тѣмъ не менѣе, въ самыя страшныя минуты, когда живая Яшкина душа содрогалась отъ ды-

ханія близкой смерти и заставляла его судорожно хвататься за рамы и за холодныя рѣшотки тюремнаго окна,—въ эти минуты душу эту несомнѣнно должно было подавлять сознаніе страшнаго, ужасающаго одиночества...

Былъ ли Яшка сумасшедшій?—Конечно, нѣтъ. Правда, сибирская психіатрія рѣшила этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, и Яшкѣ предстояло вскорѣ испытать ея упрощенныя приемы лѣченія на манеръ тѣхъ, какіе испыталъ уже на себѣ остякъ Тимошка. Тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь утверждать, что Яшка былъ вовсе не сумасшедшій, а подвижникъ.

Да, если въ нашъ вѣкъ есть еще подвижники строго-последовательные, всѣмъ существомъ своимъ отдавшіеся идеѣ (какова бы она ни была), неумолимые къ себѣ, „не вкушающіе идоложертвеннаго мяса“ и отвергшіеся всецѣло отъ грѣховнаго міра, то—рекомендую вамъ—такой именно подвижникъ находился за крѣпкою дверью одной изъ одиночекъ подслѣдственнаго отдѣленія. Яшка изъ Пермской губерніи, стукальщикъ, преслѣдуемый остроуміемъ „настранницкаго племянника“, являлъ въ себѣ весьма опредѣленныя черты этого типа.

— Есть семья у тебя?—спросилъ я однажды Якова.

— Была..—отвѣтилъ онъ сурово.—Была семья у меня, было хозяйство, все было...

— А теперь живы ли дѣти твои?

— Богъ знаетъ... Какъ Богъ хранитъ... Не знаю...

— Тоселиво ли, Яковъ, за своими тебѣ, за домашними?

— Нѣтъ, не тоскливо,—мотнулъ онъ головой, какъ бы отбиваясь отъ докучныхъ, тягостныхъ мыслей. — Одно вотъ: какъ бы имъ устоять, отъ правъ-закону не отступить,—объ этомъ крушусь наипаче...

Нѣсколько времени онъ сурово молчалъ за своею дверью.

— На міру душу спасти,—проговорилъ онъ задумчиво,—и нѣтъ того лучше... Да трудно. Осилить, осилить міръ-отъ тебя. Не тѣ времена нонѣ... Нонѣ вмѣстѣ ежели жить, такъ отецъ съ сыномъ, обнявши, погибнете и мать съ дочерью... и душу не соблюсти. И тутъ тоже трудно, и одному... ахъ, не легко! Лукавый путаетъ, подбиваетъ... ироды смущаютъ. Хладомъ, гладомъ морятъ. „Отрекись отъ Бога, отъ великаго Государя“... Скорбитъ душа-те,—охъ, скорбитъ тяжко!...

Тѣмъ не менѣе, легче, я думаю, было бы даже Михѣича совратить съ пути, на которомъ онъ обрѣталъ свое благополучіе, чѣмъ заставить Яшку свернуть съ тернистой тропинки, гдѣ онъ встрѣчалъ самыя горестныя приключенія, и заставить его отречься отъ того, что онъ выражалъ своею формулой: „за Бога и за великаго Государя“... Онъ не былъ доступенъ ни страху, ни лести, ни угрозѣ, ни ласкѣ.

Какъ-то однажды, въ прекрасный, но довольно холодный день поздней уже сибирской осени, Яшка къ обычнымъ своимъ обличеніямъ во время повѣрки прибавилъ новое:

— Пошто меня хладомъ изводите, пошто раму мнѣ, слуги антихриста, не вставляете?

На слѣдующій день была вставлена рама. Теплѣе и свѣтлѣе стало въ комнатѣ Яшки, но вечеромъ онъ стучалъ столь же неуклонно. Эта черная неблагодарность поразила „его благородіе“ до глубины возмущенной души.

— Подлецъ ты, Яшка, истинно подлецъ!—произнесъ смотритель укоризненно, остановившись противъ Яшкиной двери.—Я тебѣ раму вставилъ, а ты опять за прежнее принимаешься.

— Беззаконникъ ты!—загремѣлъ Яшка въ отвѣтъ.—Что ты меня рамой обвязать, что ли, хочешь?... Душу рамой купить?... Нѣтъ, врешь, не обвязалъ ты меня рамой своей, еще я тебѣ не подверженъ. Для себя раму ты вставилъ, не для меня. Я и безъ рамы за Бога-то еще постою.

— Слыхалъ!—говорилъ мнѣ послѣ этого Яшка съ глубокимъ презрѣніемъ,—беззаконникъ-то на какую хитрость поднялся? Раму, говоритъ, вставилъ,—за раму отступись отъ Бога, отъ великаго Государя!... Этакъ вотъ другой иродъ изъ начальниковъ тоже меня сомущалъ!... Однова привели меня съ партіей въ Тюмень. Вотъ, смотритель купилъ мнѣ два калача, подаетъ милостинку, да и сказываетъ мнѣ: „вотъ, баесть, тебѣ Христова милостинка, два калача,—только ужъ ты меня слушайся. У меня чтобъ въ смиреніи...“ Слыхалъ? Милостинку,—я ему отвѣчаю,—милостинку, молъ, возьму. Она Христовымъ именемъ принимается... Хоть самъ сатана принеси, и отъ того возьму... А тебѣ, беззаконнику, я не подверженъ. Нѣ-ѣтъ! Меня лестью не купишь. Слава

тебѣ, Господи, поддерживаетъ меня Царица Небесная. Стучу вотъ!...

Что же это за „правъ-закопъ“, каковы основы того міросозерцапія, за которыя Яшка принималъ страсто-терпство? Я постараюсь изложить ихъ, насколько успѣлъ уяснить себѣ изъ безсвязныхъ собесѣдованій съ Яковомъ. Но прежде я желаю рассказать небольшой эпизодъ, котораго былъ свидѣтелемъ въ той же скорбной обители.

Привелось мнѣ какъ-то писать оффиціальное заявленіе, для чего я и былъ вызванъ въ тюремную контору. Меня посадили за столъ, дали бумагу, перо и предоставили „сочинять“, не прерывая конторскихъ занятій. Въ это время „принимали новую партію“. Письмоводитель выкликалъ по списку арестантовъ и опрашивалъ ихъ званіе, лѣта, судимость и т. д. „Его благородіе“ сидѣлъ тутъ же, такъ сказать, для порядку и разсѣяннo по-сматривалъ на принимаемыхъ. Во всемъ этомъ было мало интереснаго для его благородія; для меня — тѣмъ болѣе, поэтому я „сочинялъ“, не обращая вниманія на происходившее.

Но вотъ монотонный разговоръ сталъ оживленнѣе. Я поднималъ глаза и увидѣлъ слѣдующую картину.

Передъ столомъ стоялъ человекъ небольшого роста, въ сѣромъ арестантскомъ халатѣ. Наружность его не отличалась ничѣмъ особеннымъ. Казалось, онъ принадлежалъ къ мелкому мѣщанству, къ тому его слою, который сливается въ маленькихъ городахъ и пригородахъ съ сѣрымъ крестьянскимъ людомъ. Видъ онъ имѣлъ

равнодушный, пожалуй, можно бы сказать— апатичный, еслибы, порой, по лицу его не пробѣгала чуть замѣтная саркастическая улыбка, а въ глазахъ не вспыхивалъ огонекъ какого-то сознательнаго превосходства или торжества. Но эти проблески были едва уловимы; они пробѣгали, на мгновенье оживляя неподвижныя черты, на которыхъ тотчасъ опять водворялось выраженіе апатіи и вялости. Въ передней толпились арестанты. Видимо заинтересованные ходомъ опроса, они тянулись другъ изъ-за друга, вытягивая шеи и слѣдя за своимъ сотоварищемъ и за начальствомъ.

— Ты что-жь не говоришь?— кипятился письмоводитель.— Что молчишь? Ты вѣдь мѣщанинъ изъ Камышина? Вѣдь тутъ, въ твоёмъ статейномъ списокѣ, написано ясно. Вотъ!

Письмоводитель ткнулъ пальцемъ въ лежавшую передъ нимъ бумагу и поднесъ ее къ носу арестанта. Тотъ презрительно отвернулся, и огонекъ въ его глазахъ вспыхнулъ сильнѣе.

— И ладно, коли написано,— произнесъ онъ спокойно.

— Да ты долженъ отвѣчать. Вѣры какой?

— Никакой.

Смотритель быстро повернулся къ говорившему и посмотрѣлъ на него выразительнымъ, долгимъ взглядомъ. Арестантъ выдержалъ этотъ взглядъ съ тѣмъ же видомъ вялаго равнодушія.

— Какъ никакой?! Въ Бога вѣруешь?

— Гдѣ онъ, какой Богъ?... Ты, что ли, Его видѣлъ?

— Какъ ты смѣешь такъ отвѣчать?—набросился смотритель.—Я тебя, сукина сына, сгною!... Мерзавецъ ты этакой!

Мѣщанинъ изъ Камышина слегка пожалъ плечами.

— Что-жь?—сказалъ онъ.—Было бы за что гноить-то. Я прямо говорю... За то и сужденъ.

— Врешь, мерзавецъ, навѣрное за убійство сужденъ Хороша, небось, птица!

Мѣщанинъ изъ Камышина сдѣлалъ было движеніе, какъ будто хотѣлъ возражать, но черезъ мгновеніе опять повелъ плечами.

— Тамъ судите за что знаете.

— Какой родной языкъ?—продолжаетъ писмоводитель опросъ по рубрикамъ.

— Что еще?—спрашиваетъ опять мѣщанинъ съ пренебреженіемъ.—Какой еще родной?... Не знаю я...

— Ахъ, ты, подлецъ! Вѣдь не по-нѣмецки же ты говоришь. По-русски, чай?

— Слышите сами, по-каковски я говорю.

— Слышимъ-то мы слышимъ, да мало этого. Пойми ты, анаѣма! Надо знать, русскій ты или чувашъ, мордва какая-нибудь. Понялъ?

— Чего понимать?... Не знаю,—рѣшительно отрѣзалъ мѣщанинъ изъ Камышина.

Писмоводитель убѣдился, что тутъ ничего не подѣлаешь. „Опять, видно, придется справки наводить. Лишняя работа!“ Та же мысль занимала, очевидно, и смотрителя. Камышинскій мѣщанинъ былъ отпущенъ, при-

чемъ его благородіе сдѣлалъ нѣсколько многозначительныхъ обѣщаній.

Когда я вышелъ изъ конторы, опросъ еще не былъ оконченъ, и въ передней толпились еще арестанты. Они кучкой обступили камышинскаго мѣщанина, который стоялъ среди нихъ съ тѣмъ же видомъ вялаго равнодушія, хотя, очевидно, находился въ положеніи героя минуты.

— Какже, чудакъ! — говорилъ какой-то рыжеватый философъ, съ тузомъ на спинѣ, — пра-а, чудакъ! Вѣдь ежели сказываешь, къ примѣру: „нѣтъ“, такъ что же есть?

— Ничего! — отрѣзалъ камышинскій мѣщанинъ коротко и ясно.

„Ничего!“ Выходить, что камышинскій мѣщанинъ сужденъ, осужденъ, закованъ, сосланъ, наконецъ, готовится воспріять осуществленіе смотрительскихъ обѣщаній, которыя порой бываютъ хуже всякаго приговора, вообще страждетъ — изъ-за... ничего! Казалось бы, къ тому, что характеризуется этимъ словомъ „ничего“, можно относиться лишь безразлично. Между тѣмъ камышинскій мѣщанинъ относится къ нему страстно, онъ является какъ бы адептомъ, подвижникомъ чистаго отрицанія. Онъ безстрашно исповѣдуетъ свое „ничего“ передъ врагами этого оригинальнаго ученія.

Яшка начерталъ на своемъ знамени другую формулу: „за Бога, за великаго Государя!...“ Онъ былъ сектантъ, приверженецъ „старого правъ-закону“, но мнѣ кажется, что между нимъ и камышинскимъ мѣщаниномъ много

общаго. Яшка порвалъ свои связи съ родиной, съ семьей, съ родною деревней. Камышинскій мѣщанинъ сдѣлалъ то же и даже словомъ не хочетъ признать эту связь, когда она ясно установлена на бумагѣ. „Я вамъ не подверженъ“, говоритъ Яшка. Камышинскій мѣщанинъ тоже, очевидно, не признаетъ въ лицѣ его благородія власти, которой онъ обязанъ повиновеніемъ. „Нѣтъ моего преступленія ни въ чемъ,—говоритъ Яшка,—а и было бы преступленіе, такъ не вамъ судить,—Богу!“ „Судите за что знаете“, — говоритъ камышинскій мѣщанинъ, какъ бы не желая даже соотвѣтствующими разъясненіями принять участіе въ процессѣ этого сужденія. Но въ то время, какъ камышинскій мѣщанинъ скептически вопрошаетъ: „какой Богъ и кто Его видѣлъ?“—Яшка производитъ неуклонное стучаніе во имя Господне.

Что̀ это: непримиримые враги, или союзники? Однородныя ли это явленія, или явленія разныхъ порядковъ? Что̀ тутъ существеннѣе: пункты сходства, или пункты разногласія,—общее у обоихъ отрицаніе существующихъ условій, или религіозно-сектантскіе взгляды, которые есть у Якова и которые изгналъ изъ своего обихода камышинскій мѣщанинъ?

То, что̀ я привелъ выше и что̀ приведу ниже, указываетъ отчасти, что сектантскіе взгляды Яшки играли подчиненную роль. Они опредѣлялись его отношеніями къ практической жизни, истекали изъ основъ его практическаго міросозерцанія.

И что̀ это было за міросозерцаніе!

Какая-то странная смѣсь мнѳологіи и реализма! Несуществующіе безбожники, заправляемые несуществующими министрами Финляндцевыми (министръ финансовъ), заполняютъ міръ, ловятъ души, требуютъ отреченія „отъ Бога, отъ великаго Государя“. И рядомъ — несомнѣнно существующее, самое реальное страданіе, несомнѣнное гоненіе за дѣло, которое Яшка считаетъ правымъ, сознательная готовность погибнуть и — страшно подумать — несомнѣнная возможность такого исхода, что Яшка предсказываетъ на основаніи своей фантастической теоріи и что Михѣичъ подтверждаетъ, какъ несомнѣнную „позитивную“ истину. „Этому вотъ то же будетъ, что и Тимошкѣ, а то похуже... У нихъ вѣдь живо!“

Ужасно мрачная мнѳологія! Все въ мірѣ клонится къ худшему. Было уже три „смѣненія“... Какія? — Яшка самъ имѣетъ объ этомъ лишь смутныя понятія.

— Видишь вотъ, — отвѣтилъ онъ на мой вопросъ объ этихъ смѣненіяхъ. — Читалъ я въ „Сборникѣ“, да видю по запомывалъ. Первое — Римъ отпалъ. Разъ... Второе — Византія будто... Два. Ну, третье — московское. Но нѣ идетъ четвертое — горше первыхъ. Съ 61-го году началось.

— Какое же?

— Какое? Ты теперича какъ пишешься? — неожиданно спросилъ у меня Яковъ.

Я не зналъ, какъ я пишу, но Яковъ отвѣтилъ за меня самъ:

— Ты теперь пишешься: бывшій государственный

крестьянинъ. Ты понимай: бывшій! Значить, былъ— да нѣту. Вотъ какое смѣненіе!... Земское смѣненіе пошло, гражданскія власти пошли. Государственныхъ отмѣнили.

Съ 61 года міръ рѣзко раскололся на два начала: одно—государственное, другое—гражданское, земское. Первое Яшка признавалъ, второе отрицалъ всецѣло, безъ всякихъ уступокъ. Надъ первымъ онъ водрузилъ осьмиконечный крестъ и приурочилъ его къ истинному правъ-закону. Второе назвалъ царствомъ грядущаго антихриста.

— Подъ гражданскими-то властями тяжело, что ли?

— Какъ не тяжело! Ты то возьми: жить стало не можно. Ранѣе государевы подати платили, а нонѣ гражданскія власти земскія подати окромя накладываютъ. Это на тѣхъ, кто имъ, значить, подверженъ.

— Ты подати не платишь? — спросилъ я, начиная догадываться о ближайшихъ причинахъ Яшкина заключенія.

— Государственные платимъ. Сполна великому Государю вносимъ. А на земскія мы не обязались. Вотъ беззаконники и морятъ, подъ себя приневоливаютъ. Кресты съ церковей посняли.

— Ну, кресты-то на церквахъ есть.

— Не настоящіе... и крещенье не настоящее—щепотью... Все ихъ дѣло, ихъ и знаменіе.

— Постой, Яковъ! Какъ это ты разсудишь: вѣдь и великій Государь въ тѣ же церкви ходитъ?

— Великій Государь,—отвѣчалъ Яшка тономъ, не до-

пускающимъ сомнѣній,—въ старомъ правѣ-законѣ пребываетъ... Ну, а царь Польской, князь Финляндской... тотъ, значить, въ новомъ...

Оказывалось, что будущее принадлежитъ новымъ началамъ. Уступая давленію этихъ началъ, великій Государь издалъ циркуляръ, въ которомъ написано: „Быть по тому и быть по сему“, что значитъ: кого успѣютъ слуги антихриста заманить,—заманивай. Надъ тѣми онъ властенъ, на тѣхъ подати налагай и душами владѣй. А кто не обязался, кто въ истинномъ правѣ-законѣ стоитъ крѣпко, того никто не смѣетъ приневолить.

Новыя начала берутъ силу все болѣе и болѣе. „Беззаконники“ пошли противъ циркуляра, стали подъ свою руку приневоливать насильно (потому и беззаконники). Трудно стало. Пущены въ ходъ всякія средства.

— На тридцать на шесть губерней пущено тридцать шесть лисицъ. Честью да лестью все пожгутъ и сколь народу погубятъ—страсть!...

Нигдѣ нѣтъ защиты. Государственное начало съ осьмиконечнымъ крестомъ меркнетъ. Государственные власти „стоятъ плохо“. Народъ подается, не видя опоры. „Пишутся, правда, циркуляры-те, да что ужъ...“ Суды пошли гражданскіе, тихіе...

Тихіе суды съ 61 года, т.-е. именно съ тѣхъ поръ, какъ въ жизнь стала вторгаться гласность!

Я не утерпѣлъ и попытался разрушить Яшкину фантазмагорію, для чего сталъ излагать основанія новаго гласнаго судопроизводства. Яковъ слушалъ довольно внимательно.

— Посто́й, — перебилъ онъ меня, наконецъ. — Думаешь, я не сужденъ? Сужденъ, какъ же. Безо всякаго преступленія судебною палатой сужденъ. Не признаю я суда ихняго... Ну, все же — судили. Вотъ наибольшій-то судья и говоритъ мнѣ: „Не найдено твоей вины ни въ чемъ. Разступитесь, стража!... Отъ суда-слѣдствія оправленъ“. Ну, думаю, вотъ меня на волю выпихнуть, вотъ выпихнуть... А они тихимъ-то судомъ эвона выпихнули куда!

Очевидно, Яшка не отдѣлялъ разныхъ функцій власти. Судъ гласно оправдываетъ, администрація высылаетъ... Яшка полагаетъ, что гласный приговоръ — хитрость антихриста, что, кромѣ этого приговора, былъ еще другой, тихій. „Видишь вотъ, на каки хитрости идетъ“. И все это, конечно, имѣетъ опредѣленную цѣль — поглотить Яшкину душу.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе всего этого, на міру „жить стало не можно“. „Вмѣстѣ отецъ съ сыномъ, обнявши, погибнете“. Общественныя связи нарушены. Приходится душу блюсти въ-одиночку, въ-разбродъ. Побѣда „слугамъ антихриста“ почти обезпечена. Бросилъ Яшка семью, бросилъ хозяйство, бросилъ все, чѣмъ наполнялась его труженическая земледѣльческая жизнь, и теперь онъ одинъ, во власти „беззаконниковъ“. „И пошто только мучаютъ? — удивляется Яшка. — Невозможно мнѣ отъ истиннаго правъ-закону отступить. Не будетъ этого, нѣтъ! Наплюю я имъ подъ рыло. Вотъ взялъ — приколотъ, только и есть. А то... морятъ попусту!“ Онъ былъ вполне увѣренъ, что люди, державшіе его здѣсь, со-

знательно стремились погубить его душу, и если до сихъ поръ его еще „не прикололи“, то лишь потому, что живая Яшкина душа доставитъ антихристу большее удовольствіе.

Но даже и это положеніе оказалось Яшкѣ лучше того, которое ожидаетъ „на міру“ всѣхъ, принявшихъ печать антихриста. Новые порядки грозятъ всеобщею неминуемою бѣдой.

— Что дальше, то и хуже будетъ. Худа ждать надо, добра не видать,—въ „Сборникѣ“ писано... Земля на выкупъ пойдетъ.

— Да вѣдь и теперь земля идетъ на выкупъ,—замѣтилъ я.

— То-то, и теперь идетъ,—отвѣчалъ Яшка невозмутимо.—А тамъ и еще хуже будетъ. У кого 12 тыщей будетъ, тотъ и землей владѣть станетъ. А и кто тыщудругую имѣете, и тѣ безъ земли погинете. Вѣрно я тебѣ говорю. Молодъ ты еще, поживешь—вспомнишь.

— Какъ же, Яковъ, неужто можно думать, что антихристъ сильнѣе Бога? Неужто все хуже, да хуже будетъ и правда не сладитъ съ кривдой?

Яковъ подумалъ. Я замѣтилъ на его лицѣ слѣды усиленной умственной работы. Онъ почерпнулъ откуда-то опредѣленный отвѣтъ:

— Ну,—сказалъ онъ,—не бывать тому. Поработаютъ, да и погибнутъ... Вѣрно!...—повторилъ онъ черезъ минуту.—Поработаютъ, да и погибнутъ. А только долго ждать. Не увидать намъ съ тобой правды...

— Ты, Яковъ, не признаешь гражданскаго суда. А государственный признаешь?—допытывалъ я въ другой разъ.

— Признаю государственный.

— Какія же, по-твоему, государственныйя власти? Напримѣръ, генераль-губернаторъ?

— Енераль-губернаторъ—государственный... Отъ великаго Государя. Правильный.

— Значить, его рѣшеніе правильное...

— Давно велѣлъ отпустить меня. Да вотъ, видишь ты...

— Постой. Ну, положимъ, твое дѣло сталъ бы судить генераль-губернаторъ.

— За что меня судить? Не за что.

— погоди! Ты, вотъ, говоришь: не за что, а гражданскія власти говорятъ: есть за что. Надо вѣдь кому-нибудь разсудить. Государственныйя власти ты признаешь, онѣ и судятъ и рѣшаютъ твое дѣло противъ тебя.

— Не могутъ онѣ... Онѣ должны правильно...

— Да ты обдумай хорошенько. Говорятъ тебѣ гражданскія власти: пусть, молъ, разсудить генераль-губернаторъ твое дѣло. Вѣдь онъ имѣетъ право рѣшать дѣла, такъ ли?

— Ну?—сказалъ Яковъ, видимо ожидая, что изъ этого выйдетъ.

— Ты ему долженъ подчиниться, какъ правильной государственной власти...

— Ну-у?—протянулъ Яковъ, осторожно избѣгая отвѣта и, очевидно, заинтересованный возможностью нѣкоторой новой комбинаціи.

— Ну, вотъ, и выходитъ отъ него рѣшеніе: подчиняйся новымъ порядкамъ, неси земскія повинности...

Яшка смутился.

— Эвона! Видишь ты... Вотъ... — подыскивалъ онъ отвѣтъ.

— Теперь отвѣчай мнѣ: покоришься ты или нѣтъ?

— Тò-оно*)... Видишь ты... Гдѣ ужь, поди... Нѣтъ! — отрѣзалъ онъ, наконецъ. — Гдѣ, поди, покориться. Какò коренье... Невозможно мнѣ...

Очевидно, что непреложнаго авторитета для Яшки не существовало. Онъ прикидывалъ все къ нѣкоторымъ, незыблемымъ въ его представленіи, правамъ личности и браковалъ все, чтò не подходило подъ эту мѣрку.

— Слушай, чтò я тебя спрошу, Володимеръ, — сказалъ онъ мнѣ однажды. — Ты какого правъ-закону будешь? Нашего же, видно?

Чтобъ испытать Яшкину терпимость, я рѣзко отвергъ свою солидарность съ Яшкинымъ правъ-закономъ и поставилъ передъ этимъ сектантомъ, фанатикомъ обрядности, основанія совершенно несроднаго ему ученія. Въ выраженіяхъ, понятныхъ для Якова, я развилъ извѣстный кодексъ практической нравственности съ основами братства и равенства. Злоупотребляя нѣсколько его невѣжествомъ въ догматикѣ и св. писаніи, я опирался на

*) Тò-оно... въ этомъ словѣ сказывается уроженецъ Пермской или Вятской губерній. Оно употребляется въ тѣхъ мѣстахъ каждый разъ, когда говорящій испытываетъ затрудненіе и не находитъ подходящаго выраженія.

изреченіи: „по дѣламъ ихъ познаете ихъ“ и на подходящихъ текстахъ изъ Іоанна, совершенно отвергая обрядность и ставя на ея мѣсто „дѣла“, т.-е. практическое стремленіе къ осуществленію формулы любви. Все это я выдавалъ за свою религію.

Яшка слушалъ внимательно, но, къ моему удивленію, вовсе не замѣтилъ самаго существеннаго въ моемъ исповѣданіи.

— Что жь?—удивилъ онъ меня.—Это и по-нашему такъ: всѣ отъ Адама.

Я поставилъ вопросъ яснѣе и обрушился съ своею критикой на двуперстное знаменіе.

— Читалъ ты въ писаніи: „Поклонитесь въ духъ и истинѣ?...“ А что такое персты: духъ или плоть?

Тутъ Яшка понялъ.

— Сказано тоже...—медленно заговорилъ онъ,—поклонитесь душою и тѣломъ.

Говорилъ онъ какъ будто что-то вспоминая, но, очевидно, не былъ вполнѣ увѣренъ, дѣйствительно ли это сказано, или не сказано вовсе..

— А гдѣ это сказано?—спросилъ я.

Яковъ задумался и не отвѣтилъ.

— Что-жь? Это тоже хорошо...—сказалъ онъ въ раздумьи,—конечно, всякъ по своему разумѣнію.

Спустя недѣли двѣ послѣ нашего прибытія въ острогъ, передъ вечеромъ,—но еще задолго до повѣрки,—арестантовъ стали загонять въ камеры. Корридоры опустѣли

и въ подслѣдственномъ отдѣленіи воцарилась тяжелая, будто выжидающая тишина, по которой мы привыкли уже угадывать приближеніе высшаго тюремнаго начальства. Вскорѣ громыхнула дверь дальняго корридора, послышалось звяканье оружія, шаги многочисленной, по-видимому, толпы.

Ближе и ближе. Толпа ввалила въ нашъ корридоръ. Шаги отдавались отчетливо и смолкли у Яшкиной двери.

Лязгнули запоры, дверь отворилась. На нѣсколько секундъ воцарилось гробовое молчаніе, затѣмъ раздался голосъ старика—„помощника“:

— Выходи, Яковъ, на волю...

— Врешь!—послышался въ отвѣтъ суровый голосъ Якова.—Врешь, обманывашь, беззаконникъ! Не тѣ времена, чтобы на волю меня...

Конвойные бросились въ камеру; послышался шумъ борьбы, что-то грузно повалилось на полъ.

— По душу!—вскрикнулъ Яковъ подавленнымъ, какъ будто задыхающимся, голосомъ.—По душу пришли, Господи!... Смерть, смерть моя!—кричалъ онъ все громче и громче. Въ этомъ воплѣ слышалась дѣйствительная тоска страшнаго сознанія.

Сердце у меня сильно билось, мною начинала овладѣвать Яшкина фантасмагорія, въ связи съ комментаріями реалиста Михѣича: „У нихъ это живо!“ Яшку вязали, чтобы представить въ домъ сумасшедшихъ, гдѣ царили извѣстные упрощенные приемы лѣченія. Яковъ отбивался въ послѣдней степени отчаянія.

— Володимеръ, Володимеръ!—вскрикнулъ онъ вдругъ, вспомнивъ, что рядомъ, хотя за такою же дверью, есть человѣкъ быть-можетъ способный понять его положеніе.

— Володимеръ, Володимеръ, Володимеръ!...

Фантасмагорія овладѣла мною всецѣло. Черезъ минуту я громко стучалъ въ свою дверь.

— Чтò такое еще?—послышался голосъ помощника смотрителя.—Кто это стучить?

— Политическіе стучать, ваше благородіе,—сказалъ сторожъ.

— Спроси, чтò надо?... Постой, я самъ спрошу!

Сѣдой старичокъ подошелъ къ нашей двери и уставился въ меня своими старчески-безстрастными, подслѣповатыми глазами.

— Вамъ чтò угодно?

Вопросъ меня озадачилъ. Чтò мнѣ было угодно? Реальная дѣйствительность глядѣла на меня въ лицѣ этого старика, и я не зналъ, чтò сказать реальной дѣйствительности. Я самъ былъ запертъ въ одиночкѣ, за крѣпкою дверью, и мнѣ ли было вступаться за Яшку? На какомъ основаніи?

— Чтò тутъ творится?—спросилъ я.—Чтò вы дѣлаете съ Яковымъ?

— Это... позвольте... не ваше дѣло-съ!... Да, не ваше... Получено предписаніе: отправить № 5 въ домъ сумасшедшихъ,—ну, и отправляемъ... Можетъ ли все это до васъ касаться?

Въ отдѣленіи подслѣдственныхъ водворилась тишина. Яшку связаннаго пронесли по корридорамъ, уложили въ телѣгу и увезли вонъ изъ тюрьмы.

Отступить ли Яковъ „отъ Бога, отъ великаго Государя“? Отступить ли сибирская психіатрія отъ упрощенныхъ приемовъ лѣченія? Отвѣтъ былъ ясенъ... Тяжелыя мысли тѣснились въ мозгу; меня подавляла мертвая тишь одиночки и корридоровъ.

Старикъ Михѣичъ тихо заперъ дверь Яшкиной камеры, постоялъ передъ нею, задумчиво покачалъ головой и затѣмъ усѣлся на своемъ излюбленномъ мѣстѣ. Старая тюремная крыса бодро прошла по корридору, бросая довольные взгляды на опустѣвшую каморку, изъ которой не слышалось болѣе громоваго Яшкина стука. Старикъ бормоталъ что-то и скверно улыбался.

Вечеромъ „повѣрка“ обходила камеры обычнымъ порядкомъ. Все было тихо.

— Нѣтъ уже стукальщика,—сказалъ его благородіе, обращаясь къ конвойному офицеру. — Свезли нынче въ домъ сумасшедшихъ.

Вдругъ опять пронеслись по корридору гулкіе удары... Его благородіе вздрогнулъ, тюремная крыса уронила карандашъ и тетрадку, офицеръ какъ-то нервно обернулся въ ту сторону. Вся „повѣрка“ точно застыла.

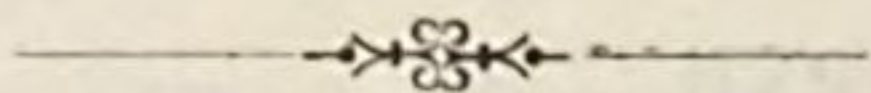
— Пошто держите меня, пошто моритѣ, беззаконники?!—раздался вдругъ козлиный голосъ Тимошки остяка, и общее напряженіе разразилось смѣхомъ.

Эта выходка была совершенно неожиданна. Козлиный голосокъ остяка такъ смѣшно подражалъ могучимъ окри-

камъ Якова, все это въ общемъ представляло столь жалкую и смѣшную пародію, что его благородіе расхохотался. За его благородіемъ захохотала вся „повѣрка“. Смѣялся старичокъ-помощникъ, моргая подслѣповатыми глазками, грохоталъ толстякъ офицеръ, сотрясаясь тучными тѣлесаами, хихикала тюремная крыса, улыбка шевелила длинные усы Михѣича, смѣялись въ бороду солдаты, вытянувшись въ струнку и держа ружья къ ногѣ...

На слѣдующій день и мы тронулись въ путь.

1880 г.

СТАРЫЙ ЗВОНАРЬ.

(Весенняя идиллія).

СТАВЫНЪ ЗВОНАРЪ

(ПОСМЕРТНОЕ ПИСЬМО)

СТАРЫЙ ЗВОНАРЬ.

(Весенняя идиллія).

Стемнѣло.

Небольшое селеніе, пріютившееся надъ дальнею рѣчкой, въ бору, тонуло въ томъ особенномъ сумракѣ, которымъ полны весеннія звѣздныя ночи, когда тонкій туманъ, подымаясь съ земли, сгущаетъ тѣни лѣсовъ и застилаетъ открытыя пространства серебристо-лазурною дымкой... Все тихо, задумчиво, грустно.

Село тихо дремлетъ.

Убогія хаты чуть выдѣляются темными очертаніями; кое-гдѣ мерцаютъ огни; изрѣдка скрипнутъ ворота, залаетъ чуткая собака и смолкнетъ; порой изъ темной массы тихо шумящаго лѣса выдѣляются фигуры пѣшеходовъ, проѣдетъ всадникъ, проскрипитъ телѣга. То жители одинокихъ лѣсныхъ поселковъ собираются въ свою церковь встрѣчать весенній праздникъ.

Церковь стоитъ на холмикѣ, въ самой серединѣ поселка. Окна ея свѣтятъ огнями. Колокольня — старая высокая, темная — тонетъ вершиной въ лазури.

Скрипятъ ступени лѣстницы... Старый звонарь Михѣичъ подымается на колокольню, и скоро его фонарикъ, точно взлетѣвшая въ воздухъ звѣзда, виснетъ въ пространствѣ.

Тяжело старику взбираться по крутой лѣстницѣ. Не служатъ уже старыя ноги, поизносился онъ самъ, плохо видятъ глаза... Пора ужъ, пора старику на покой, да Богъ не шлетъ смерти. Хоронилъ сыновей, хоронилъ внуковъ, провожалъ въ домовину старыхъ, провожалъ молодыхъ, а самъ все еще живъ. Тяжело!... Много ужъ разъ встрѣчалъ онъ весенній праздникъ, потерялъ счетъ и тому, сколько разъ ждалъ урочнаго часа на этой самой колокольнѣ. И вотъ привелъ Богъ опять...

Старикъ подошелъ къ пролету колокольни и облокотился на перила. Внизу, вокругъ церкви, маячили въ темнотѣ могилы сельскаго кладбища; старые кресты какъ будто охраняли ихъ распростертыми руками. Кое-гдѣ склонялись надъ ними березы, еще не покрытыя листьями... Оттуда, снизу, неся къ Михѣичу ароматный запахъ молодыхъ почекъ и вѣяло грустнымъ спокойствіемъ вѣчнаго сна...

Что-то будетъ съ нимъ черезъ годъ? Взберется ли онъ опять сюда, на вышку, подъ мѣдный колоколъ, чтобы гулкимъ ударомъ разбудить чутко-дремлющую ночь, или будетъ лежать... вонъ тамъ, въ темномъ уголкѣ кладбища, подъ крестомъ? Богъ знаетъ... Онъ готовъ; а пока привелъ Богъ еще разъ встрѣтить праздникъ. „Слава-те

Господи!“ — шепчуть старческія уста привычную формулу, и Михѣичъ смотритъ вверхъ, на горящее милліонами огней звѣздное небо, и крестится...

— Михѣичъ, а Михѣичъ! — зоветъ его снизу дребезжащій, тоже старческій, голосъ. Древній годами дьячокъ смотритъ вверхъ на колокольню, даже приставляетъ ладонь къ моргающимъ и слезящимся глазамъ, но все же не видитъ Михѣича.

— Что тебѣ? Здѣся я! — отвѣчаетъ звонарь, склоняясь съ своей колокольни. — Аль не видишь?

— Не вижу... А не пора ли и вдарить? По-твоему какъ?

Оба смотрятъ на звѣзды. Тысячи Божьихъ огней мигаютъ на нихъ съ высоты. Пламенный „Возъ“ поднялся уже высоко... Михѣичъ соображаетъ.

— Нѣтъ еще, погоди мало... Знаю вѣдь...

Онъ знаетъ. Ему не нужно часовъ: Божьи звѣзды скажутъ ему, когда придетъ время... Земля и небо, и бѣлое облако, тихо плывущее въ лазури, и темный боръ, невнятно шепчущій внизу, и плескъ невидной во мракѣ рѣчки — все это ему знакомо, все это ему родное... Не даромъ здѣсь прожита цѣлая жизнь...

Передъ нимъ оживаетъ далекое прошлое... Онъ вспоминаетъ, какъ въ первый разъ съ тяткой взобрался на эту колокольню... Господи Боже, какъ это давно и...

какъ недавно!... Онъ видитъ себя бѣлокуримъ мальчонкой; глаза его разгорѣлись; вѣтеръ, — но не тотъ, что подымаетъ уличную пыль, а какой-то особенный, высоко надъ землею машущій своими безшумными крыльями, — развѣваетъ его волосенки.. Внизу, далеко-далеко, ходятъ какіе-то маленькіе люди, и домишки деревни тоже маленькіе, и лѣсъ отодвинулся вдаль, и круглая поляна, на которой стоитъ поселокъ, кажется такою громадною, почти безграничною.

— Анъ вотъ она, вся тутъ!—улыбнулся сѣдой старикъ, взглянувъ на небольшую полянку.

Такъ вотъ — и жизнь... Смолоду конца ей не видишь и краю... Анъ вотъ она вся, какъ на ладони, съ начала и до самой вонъ той могилки, что облюбовалъ онъ себѣ въ углу кладбища... И что-жь, — слава-те Господи! — пора на покой. Тяжелая дорога пройдена честно, а сырая земля — ему мать... Скоро, ужъ скоро!...

Однако, пора. Взглянувъ еще разъ на звѣзды, Михѣичъ поднялся, снялъ шапку, перекрестился и сталъ подбирать веревки отъ колоколовъ... Черезъ минуту ночной воздухъ дрогнулъ отъ гулкаго удара... Другой, третій, четвертый... одинъ за другимъ, наполняя чутко дремавшую предпраздничную ночь, полились властные, тягучіе, звенящіе и поющіе тоны...

Звонъ смолкъ. Въ церкви началась служба. Въ прежніе годы Михѣичъ всегда спускался по лѣстницѣ внизъ и становился въ углу, у дверей, чтобы молиться и слушать

пѣніе. Но теперь онъ остался на своей вышкѣ. Трудно ему; притомъ же онъ чувствовалъ какую-то истому. Онъ присѣлъ на скамейку и, слушая стихающій гулъ расколыхавшейся мѣди, глубоко задумался. О чемъ?—онъ самъ едва ли могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ... Колокольная вышка слабо освѣщалась его фонаремъ. Глухо гудящіе колокола тонули во мракѣ; снизу, изъ церкви, по временамъ слабымъ рокотомъ доносилось пѣніе, и ночной вѣтеръ шевелилъ веревки, привязанныя къ желѣзнымъ колокольнымъ сердцамъ...

Старикъ опустилъ на грудь свою сѣдую голову, въ которой роились безсвязныя представленія. „Тропарь поютъ!“—думаетъ онъ и видитъ себя тоже въ церкви. На клиросѣ заливаются десятки дѣтскихъ голосовъ; старенькій священникъ, покойникъ отецъ Наумъ, „возглашаетъ“ дрожащимъ голосомъ возгласы; сотни мужичьихъ головъ, какъ спѣлые колосья отъ вѣтру, нагибаются и вновь подымаются... Мужики крестятся... Все знакомыя лица и все-то покойники... Вотъ строгій обликъ отца; вотъ старшій братъ истово крестится и вздыхаетъ, стоя рядомъ съ отцомъ. Вотъ и онъ самъ, цвѣтуцій здоровьемъ и силой, полный безсознательной надежды на счастье, на радости жизни... Гдѣ оно, это счастье?... Старческая мысль вспыхиваетъ, какъ угасающее пламя, скользя яркимъ, быстрымъ лучомъ, освѣщающимъ всѣ закоулки прожитой жизни... Непосильный трудъ, горе, забота... Гдѣ оно, это счастье? Тяжелая доля проведетъ морщины по молодому лицу, согнетъ могучую спину, научить вздыхать, какъ и старшаго брата...

Но вотъ, налѣво, среди деревенскихъ бабъ, смиренно склонивъ голову, стоитъ его „молodiца“. Добрая была баба, царствіе небесное! И много же приняла муки, сердешная... Нужда да работа, да неисходное бабье горе иссушаютъ красивую бабу; потускнѣютъ глаза и выраженіе вѣчнаго тупого испуга передъ неожиданными ударами жизни замѣнитъ величавую красоту молодицы... Да, гдѣ ея счастье?... Одинъ остался у нихъ сынъ, надежда и радость, и того осилила людская неправда...

А вотъ и онъ, богатый вѣрогъ, бьетъ земные поклоны, замаливая кровавыя сиротскія слезы; торопливо взмахиваетъ онъ на себя крестное знаменіе и падаетъ на колѣни, и стучаетъ лбомъ... И кипитъ-разгорается у Михѣича сердце, а темныя лики иконъ сурово глядятъ со стѣны на людское горе и на людскую неправду...

Все это прошло, все это тамъ, назади... А теперь весь міръ для него — эта темная вышка, гдѣ вѣтеръ гудитъ въ темнотѣ, шевеля колокольными веревками... „Богъ васъ суди, Богъ суди!“ — шепчетъ старикъ и поникаетъ сѣдою головой, и слезы тихо льются по старымъ щекамъ звонаря...

— Михѣичъ, а Михѣичъ!... Что-жъ ты, али заснулъ? — кричатъ ему снизу.

— Ась? — откликнулся старикъ и быстро вскочилъ на ноги. — Господи! Неужто и вправду заснулъ? Не было еще экаго сраму!...

И Михѣичъ быстро, привычною рукой, хватается веревки. Внизу, точно муравейникъ, движется мужичья

толпа; хоругви бьются въ воздухѣ, поблескивая золотистою парчой... Вотъ обошли крестнымъ ходомъ вокругъ церкви и до Михѣича доносится радостный кличъ: „Христось воскресе изъ мертвыхъ!“

И отдается этотъ кличъ волною въ старческомъ сердцѣ... И кажется Михѣичу, что ярче вспыхнули въ темнотѣ огни восковыхъ свѣчей, и сильнѣй заволновалась толпа, и забились хоругви, и проснувшійся вѣтеръ подхватилъ волны звуковъ и широкими взмахами понесъ ихъ въ высь, сливая съ громкимъ, торжественнымъ звономъ...

Никогда еще такъ не звонилъ старый Михѣичъ.

Казалось, его переполненное старческое сердце перешло въ мертвую мѣдь, и звуки точно пѣли и трепетали, смѣялись и плакали и, сплетаясь чудною вереницей, неслись вверхъ, къ самому звѣздному небу. И звѣзды вспыхивали ярче, разгорались, а звуки дрожали и лились, и вновь припадали къ землѣ съ любовною лаской...

Большой басъ громко вскрикивалъ и кидалъ властные, могучіе тоны, оглашавшіе небо и землю: „Христось воскресе!“

И два тенора, вздрагивая отъ поочередныхъ ударовъ желѣзныхъ сердецъ, подпѣвали ему радостно и звонко: „Христось воскресе!“

А два самые маленькіе дисканта, точно торопясь, чтобы не отстать, вплетались между большихъ и радостно, точно малые ребята, пѣли вперегонку: „Христось воскресе!“

И казалось, старая колокольня дрожить и колеблется, и вѣтеръ, обвѣвающій лицо звонаря, трепещетъ могучими крыльями и вторитъ: „Христось воскресе!“

И старое сердце забыло про жизнь полную заботъ и обиды... Забылъ старый звонарь, что жизнь для него сомкнулась въ угрюмую и тѣсную вышку, что онъ въ мірѣ одинъ, какъ старый пенъ, разбитый злою непогодой... Онъ слушаетъ эти звуки, поющіе и плачущіе, летящіе къ горнему небу и припадающіе къ блѣдной землѣ, и кажется ему, что онъ окруженъ сыновьями и внуками, что это ихъ радостные голоса, голоса большихъ и малыхъ, сливаются въ одинъ хоръ и поютъ ему про счастье и радость, которыхъ онъ не видалъ въ своей жизни... И дергаетъ веревки старый звонарь, и слезы бѣгутъ по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзіей счастья...

А внизу люди слушали и говорили другъ другу, что никогда еще не звонилъ такъ чудно старый Михѣичъ..

Но вдругъ большой колоколъ неуверенно дрогнулъ и смолкъ... Смущенные подголоски прозвенѣли не оконченною трелью и тоже оборвали ее, какъ будто вслушиваясь въ печально-гудящую долгую ноту, которая дрожить и льется, и плачетъ, постепенно стихая въ воздухѣ...

Старый звонарь изнеможенно опустился на скамейку, и двѣ послѣднихъ слезы тихо катятся по блѣднымъ щекамъ...

Эй, посылайте на смѣну! Старый звонарь отзвонилъ...

1885 г.

ОЧЕРКИ СИБИРСКОГО ТУРИСТА.

ОПЕКИ СУПРУГОВЪ ЛЮДИ

ОЧЕРКИ СИБИРСКАГО ТУРИСТА.

I.

Б а к л а н ы.

Когда я на почтовой тройкѣ подъѣхалъ къ перевозу, уже вечерѣло. Свѣжій, рѣзкій вѣтеръ рябилъ поверхность широкой рѣки и плескалъ въ обрывистый берегъ крутымъ прибоемъ. Заслышавъ еще издали почтовый колокольчикъ, перевозчики остановили „плашкоть“ и дождались насъ. Затормазили колеса, спустили телѣгу, отвязали „чалки“. Волны ударили въ досчатые бока плашкота, рулевой круто повернулъ колесо, и берегъ сталъ тихо удаляться отъ насъ, точно уносимый ударявшею въ него зыбью.

Кромѣ нашей, на плашкотѣ находились еще двѣ телѣги. На одной я разглядѣлъ немолодого, солиднаго мужчину, повидимому, купеческаго званія; на другой—трехъ молодцовъ, какъ будто изъ мѣщанъ. Купецъ неподвижно сидѣлъ въ повозкѣ, закрываясь воротникомъ отъ осенняго свѣжаго вѣтра и не обращая ни малѣйшаго вниманія на случайныхъ спутниковъ. Мѣщане, на-

оборотъ, были веселы и общительны. Одинъ изъ нихъ, косоглазый и съ рваною ноздрей, то и дѣло начиналъ наигрывать на гармоніи и напѣвать дикимъ голосомъ какія-то дикія пѣсни; но вѣтеръ скоро обрывалъ эти рѣзкіе звуки, разнося и швыряя ихъ по широкой и мутной рѣкѣ. Другой, державшій въ рукѣ полуштофъ и стаканчикъ, подчивалъ водкой моего ямщика. Только третій, мужчина лѣтъ тридцати, здоровый, красивый и сильный, лежалъ на телѣгѣ врастяжку, заложивъ руки подъ голову, и задумчиво слѣдилъ за бѣжавшими по небу сѣрыми тучами.

Вотъ уже второй день, въ моемъ пути отъ губернскаго города N., то и дѣло встрѣчаются мнѣ эти примелькавшіяся фигуры. Я ѣду по спѣшному дѣлу, погоняя, что называется, и въ хвостъ и въ гриву, но ни купецъ на своей кругленькой кобылкѣ, запряженной въ двухколесную кибитку, ни мѣщане на своихъ поджарыхъ клячахъ не отстаютъ отъ меня, и послѣ cadaго моего роздыха я настигаю ихъ гдѣ-нибудь въ пути или на перевозѣ.

— Что это за люди?—спросилъ я у моего ямщика, когда тотъ подошелъ къ телѣгѣ.

— Костюшка съ товарищами,—отвѣтилъ онъ сдержанно.

— Кто такіе?—переспросилъ я, такъ какъ имя было мнѣ незнакомо.

Ямщикъ какъ будто стѣснялся сообщать мнѣ дальнѣйшія свѣдѣнія, въ виду того, что разговоръ нашъ могъ быть услышанъ мѣщанами. Онъ оглянулся на нихъ и

потомъ торопливо ткнулъ кнутомъ въ направленіи къ рѣкѣ.

Я посмотрѣлъ въ томъ же направленіи. По широкой водной поверхности расходилась темными полосами частая зыбь. Волны были темны и мутны, и надъ ними носились, описывая безпокойные круги, большія бѣлыя птицы, вродѣ чаекъ, то и дѣло падавшія на рѣку и подымавшіяся вновь съ жалобно-хищнымъ крикомъ.

— Бакланы! — пояснилъ ямщикъ, когда плашкотъ подѣхалъ къ берегу и наша тройка выхватила насъ на дорогу. — Вотъ и мѣщанишки эти, — продолжалъ онъ, — тѣ же бакланы. Ни у нихъ хозяйства, ни у нихъ заведеніевъ. Землишку, слышь, какая была, и ту лѣтось продали. Теперь вотъ рыщутъ по дорогамъ, что тебѣ волки. Житья отъ нихъ не стало.

— Грабятъ, что ли?

— Пакостятъ. Чемоданъ у проѣзжающаго срѣзать, чаю мѣсто-другое съ обоза стянуть — ихнее дѣло... Плохо придется, такъ и у нашего брата, у ямщика обратнаго, лошадь то и гляди уведутъ. Извѣстно, зазѣваешься, заснешь, — грѣшное дѣло, — а онъ ужъ и тутъ. Этому вотъ Костюшкѣ ямщикъ кнутомъ ноздрю-то вырвалъ... Вѣрно!... Помни: Коська этотъ — первѣющій варваръ... Товарища вотъ ему настоящаго теперь нѣту... И былъ товарищъ, да обозчики убили...

— Попался?

— Попался въ дѣлѣ. Не пофáртило. Натѣшились надъ нимъ ребята, обозчики то-есть.

Разскащикъ засмѣялся въ бороду.

— Первое дѣло—пальцы рубили. Опосля огнемъ жгли, а наконецъ того палку сунули, выпустили кишки, да и бросили... Померъ, собака!...

— Да ты-то съ ними знакомый, что ли? Съ чего они тебя водкой-то подчивали?

— Будешь знакомъ,—сказалъ ямщикъ угрюмо.—Самъ тоже винища имъ выпоилъ не мало, потому—опасаюсь во всякое время... Помни: Костюшка не даромъ и нонче-то выѣхалъ... Эстолько мѣста даромъ коней гонять не станетъ... Фартъ чуешь, дьяволъ, это ужъ вѣрно!... Купецъ вотъ тоже какой-то...—задумчиво добавилъ ямщикъ послѣ нѣкотораго молчанія,—не его ли охаживаютъ теперича?... Только наврядъ, непохоже будто... И еще съ нимъ новый какой-то. Не видывали мы его раньше.

— Это который въ телѣгѣ лежалъ?

— Ну, ну... Жиганъ, полагать надо... Здоровенный дьяволъ!...—Ты вотъ что, господинъ!...—заговорилъ онъ вдругъ, поворачиваясь ко мнѣ.—Ты ужь мотри поберегайся... ночью не ѣзди. Не за тобой ли, грѣхомъ, варвары-то увязались...

— А ты меня знаешь?—спросилъ я.

Ямщикъ отвернулся и задергалъ вожжами.

— Намъ неизвѣстно,—отвѣчалъ онъ уклончиво.—Сказывали—кудиновскій прикащикъ изъ губерніи проѣдетъ... Дѣло не наше...

Очевидно, меня здѣсь знали. Я велъ процессъ купцовъ Кудиновыхъ съ казною и на-дняхъ его выигралъ. Мои патроны были очень популярны въ той мѣстности,

да и во всей Западной Сибири, а процессъ производилъ сенсацию. Теперь, получивъ изъ губернскаго казначейства очень крупную сумму, я торопился въ гор. NN., гдѣ предстояли срочные платежи. Времени было немного, почта въ NN. ходила рѣдко, и потому деньги я везъ съ собой. Ёхать приходилось днемъ и ночью, кое-гдѣ для скорости сворачивая съ большой дороги на прямые проселки. Въ виду этого, предшествовавшая мнѣ молва, способная поднять цѣлыя стаи хищныхъ „баклановъ“, не представляла ничего утѣшительнаго.

Я оглянулся назадъ. Несмотря на наступавшій сумракъ, по дорогѣ виднѣлась быстро скакавшая тройка, а за нею на нѣкоторомъ разстояніи катилась купеческая таратайка.

II.

Логъ подъ „Чортовымъ-пальцемъ“.

На **ской почтовой станціи, куда я прибылъ вечеромъ, лошадей не оказалось.

— Эхъ, батюшка, Иванъ Семенычъ! — уговаривалъ меня почтовый смотритель, толстый добрякъ, съ которымъ во время частыхъ переѣздовъ я успѣлъ завязать пріятельскія отношенія. — Ей-Богу, мой вамъ совѣтъ: плюньте, не ѣздите къ ночи. Ну ихъ и съ дѣлами! Своя-то жизнь дороже чужихъ денегъ. Вѣдь тутъ теперь на сто верстъ кругомъ только и толковъ, что о вашемъ

процессъ, да объ этихъ деньжищахъ. Бакланишки, поди, уже заметались... Ночуйте!...

Я, конечно, сознавалъ всю разумность этихъ совѣтовъ, но послѣдовать имъ не могъ.

— Надо ѣхать... Пошлите, пожалуйста, за „вольными“...

— Эхъ вы, упрямецъ! Ну, да тутъ-то я вамъ дамъ „дружка“ *) надежнаго. Онъ васъ доставитъ въ Б. къ молокану. А ужъ тамъ непременно ночуйте. Вѣдь ѣхать-то мимо Чортова лога придется, мѣсто глухое, народецъ аховый... Хоть свѣту дождитесь.

Черезъ полчаса я сидѣлъ уже въ телѣгѣ, напутствуемый совѣтами пріятеля. Добрыя лошади тронулись сразу, а ямщикъ, подбодренный обѣщаніемъ на водку, гналъ ихъ всю дорогу, какъ говорится, въ три кнута; до Б. мы доѣхали живо.

— Куда теперь меня доставишь? — спросилъ я у ямщика.

— Къ „дружку“ къ молокану. Мужикъ хорошій.

Проѣхавъ мимо нѣсколькихъ раскиданныхъ по лѣсу избенокъ, мы остановились у воротъ хорошаго, очевидно зажиточнаго, дома. Насъ встрѣтилъ, съ фонаремъ въ рукѣ, старикъ съ длиною сѣдою бородой, очень почтеннаго вида. Онъ поднялъ свой фонарь надъ головой и, оглядѣвъ мою фигуру своими подслѣповатыми глазами, сказалъ спокойнымъ старческимъ голосомъ:

*) Дружками называютъ въ Сибири ямщиковъ, „гоняющихъ“ по вольному найму.

— А, Иванъ Семенычъ!... То-то сказывали тутъ ребята проѣзжіе: поѣдетъ кудиновскій прикащикъ изъ городу... Коней, молъ, старикъ, готовь... А вамъ, я говорю, какая забота?... Они, можетъ, ночевать удумаютъ... Дѣло ночное.

— А какіе ребята-то?—перебилъ мой ямщикъ.

— А шутъ ихъ знаетъ. Бакланишки, надо быть! На жигановъ тоже смахиваютъ по виду-то... Думаю такъ, что изъ городу, а кто именно—сказать не могу... Гдѣ ихъ всѣхъ-то узнаешь... А ты, господинъ, ночуешь, что ли?

— Нѣтъ. Лошадей мнѣ, пожалуйста, поскорѣй! — сказалъ я, не слишкомъ-то довольный предшествовавшей мнѣ молвой.

Старикъ немного подумалъ.

— Заходи въ избу, чего здѣсь-то стоять... Вишь горе-то: лошадей у меня нѣту... Третьего-днись въ городъ съ кладью парнишку услалъ. Какъ теперь будешь?... Ночуй.

Эта новая неудача сильно меня обезкуражила. Ночь, между тѣмъ, сгустилась въ такую безпросвѣтную тьму, какая возможна только въ сибирскую ненастную осень. Небо сплошь было покрыто тяжелыми тучами. Взглянувъ вверхъ, можно было съ трудомъ различать, какъ неслись во мракѣ тяжелыя, безобразныя громады; но внизу царствовала полная темнота. На два шага не видно было человѣка. Моросилъ дождикъ, слегка шумя по деревьямъ. Въ густой тайгѣ шелъ точно шорохъ и таинственный шепотъ.

И все-таки ѣхать было необходимо. Войдя въ избу, я попросилъ хозяина тотчасъ же послать за лошадьми къ кому-нибудь изъ сосѣдей.

— Охъ, господинъ,—закачалъ старикъ своею сѣдою головой,—на грѣхъ ты торопишься, право... Да и ночька же выдалась! Египетская тьма, прости Господи!

Въ комнату вошелъ мой ямщикъ, и у него съ хозяиномъ пошли переговоры и совѣты. Оба еще разъ обратились ко мнѣ, прося остаться. Но я настаивалъ. Мужики о чемъ-то шептались, перебирали разные имена, возражали другъ другу, спорили.

— Ладно,—сказалъ ямщикъ, какъ будто неохотно согласившись съ хозяиномъ.—Будутъ тебѣ лошади. Съѣзжу сейчасъ недалече тутъ, на заимку.

— Нельзя ли поближе найти?... Пожалуй долго будетъ...

— Не долго!—рѣшилъ ямщикъ, а хозяинъ добавилъ сурово:

— Куда торопиться-то? Знаешь, пословица говорится: „скоро, да не споро“... Успѣешь...

Ямщикъ сталъ одѣваться за перегородкой. Хозяинъ продолжалъ что-то внушать ему своимъ дребезжавшимъ старческимъ голосомъ. Я началъ дремать у печки.

— Ну, парень,—услышалъ я голосъ хозяина уже за дверью,—скажи „убивцу“-то, пуцай поторапливается... Вишь, ему не терпится...

Почти тотчасъ же со двора слышался топотъ скачущей лошади.

Послѣдняя фраза старика разсѣяла мою дремоту. Я

сѣлъ противъ огня и задумался. Темная ночь, незнакомое мѣсто, незнакомые люди, не совсѣмъ понятныя рѣчи и, наконецъ, это странное, зловѣщее слово... Мои нервы были разстроены.

Черезъ часъ подъ окнами слышался торопливый звонъ колокольчика. Тройка остановилась у подъѣзда. Я собрался и вышелъ.

Небо чуть-чуть прояснилось. Тучи бѣжали быстро, точно торопились куда-то убратъся во-время. Дождь пересталъ, только временами налетали откуда-то сбоку, изъ мрака, крупныя капли, какъ будто второпяхъ роняемыя быстро бѣжавшими облаками. Тайга шумѣла. Подымался къ разсвѣту вѣтеръ.

Хозяинъ вышелъ провожать меня съ фонаремъ, и, благодаря этому обстоятельству, я могъ разсмотрѣть моего ямщика. Это былъ мужикъ громаднаго роста, крѣпкій, широкоплечій, настоящій гигантъ. Лицо его было какъ-то спокойно-угрюмо, съ тѣмъ особеннымъ отпечаткомъ, какой кладетъ обыкновенно застарѣлое сильное чувство или давно засѣвшая, нелегкая дума. Глаза глядѣли ровно, упорно и мрачно.

Правду сказать, у меня мелькнуло-таки желаніе отпустить во-свояси этого дюжаго возницу и остаться на ночь въ свѣтлой и теплой горницѣ молокана, но это было только мгновеніе. Я ощущалъ револьверъ и сѣлъ въ повозку. Ямщикъ закрылъ пологъ и неторопливо полѣзъ на козлы.

— Ну, слышь, „убивецъ“, — напутствовалъ насъ старикъ, — мотри, парень, въ оба. Самъ знаешь...

— Знаю,—отвѣтилъ ямщикъ, и мы нырнули въ тьму ненастной ночи.

Мелькнуло еще два-три огонька разрозненныхъ избе-нокъ. Кое-гдѣ на фонѣ чернаго лѣса клубился въ сы-ромъ воздухѣ дымокъ, и искры вылетали и гасли, точно таяли во мракѣ. Наконецъ, послѣднее жилье осталось сзади. Вокругъ была лишь черная тайга, да темная ночь.

Лошади бѣжали ровно и быстро мчали меня къ ро-ковому „логу“; однако до лога оставалось еще верстъ пять, и я могъ на свободѣ обдумать свое положеніе. Какъ это случается иногда въ минуту возбужденія, оно представилось мнѣ вдругъ съ поразительною ясностью. Вспомнивъ хищническія фигуры „баклановъ“, таинствен-ность сопровождавшаго ихъ купца, затѣмъ странную неотвязчивость, съ какою всѣ они слѣдовали за мною,— я пришелъ къ заключенію, что въ логу меня непременно ожидаетъ какое-нибудь приключеніе. Роль, какую приметъ при этомъ мой мрачный возница, оставалась для меня загадкой Эдипа.

Загадка эта скоро, однако, должна была разрѣшиться. На освѣтлѣвшемъ нѣсколько, но все еще довольно тем-номъ небѣ выдѣлялся уже хребетъ. На немъ, вверху, шумѣлъ лѣсъ, внизу, въ темнотѣ, плескалась рѣчка. Въ одномъ мѣстѣ большая черная скала торчала кверху. Это и былъ „Чортовъ-палецъ“.

Дорога жалась надъ рѣчкой, къ горамъ. У „Чортова-пальца“ она отбѣгала подальше отъ хребта и на нее выходилъ изъ ложбины проселокъ. Это было самое опас-ное мѣсто, прославленное многочисленными подвигами

рыцарей сибирской ночи. Узкая, каменистая дорога не допускала быстрой ѣзды, а кусты скрывали до времени нападеніе. Мы подъѣзжали къ ложбинѣ. „Чортовъ-палець“ надвигался на насъ, все выростая вверху, во мракѣ. Тучи пробѣгали надъ нимъ и, казалось, задѣвали за его вершину.

Лошади пошли тихо. Коренная осторожно постукивала копытами, внимательно вглядываясь въ дорогу. Пристяжки жались къ оглоблямъ и пугливо храпѣли. Колокольчикъ вздрагивалъ какъ-то неровно и его тихое потренькиваніе, отдаваясь надъ рѣкой, расплывалось и печально тонуло въ чуткомъ воздухѣ...

Вдругъ лошади остановились. Колокольчикъ порывисто дрогнулъ и замеръ. Я привсталъ. По дорогѣ, межъ темныхъ кустовъ, что-то чернѣло и двигалось. Кусты шевелились.

Ямщикъ остановилъ лошадей какъ разъ во-время: мы избѣгли нападенія сбоку; но и теперь положеніе было критическое. Вернуться назадъ, свернуть въ сторону—было невозможно. Я хотѣлъ уже выстрѣлить на-удачу, но вдругъ остановился.

Громадная фигура ямщика, ставшаго на козлахъ, закрыла кусты и дорогу. „Убивецъ“ поднялся, неторопливо передалъ мнѣ вожжи и сошелъ на землю.

— Держи ужд. Не пали!...

Онъ говорилъ спокойно, но въ высшей степени внушительно. Мнѣ не пришло въ голову ослушаться; моихъ подозрѣній какъ не бывало; я взялъ вожжи, а угрюмый великанъ двинулся впередъ по направленію къ кустамъ.

Лошади тихо и какъ-то разумно двинулись за хозяиномъ сами.

Шумъ колесъ по каменистой дорогѣ мѣшалъ мнѣ слушать, что происходило въ кустахъ. Когда мы поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ раньше замѣтно было движеніе, „убивецъ“ остановился.

Все было тихо, только вдали отъ дороги, по направленію къ хребту, шумѣли листья и слышался трескъ сучьевъ. Очевидно, тамъ пробирались люди. Передній видимо торопился.

— Костюшка это подлецъ впереди всѣхъ бѣжитъ,— сказалъ „убивецъ“, прислушиваясь къ шуму.—Э, да одинъ, гляди-ко, остался!

Въ это время изъ-за куста, очень близко отъ насъ, выдѣлилась высокая фигура и какъ-то стыдливо нырнула въ тайгу вслѣдъ за другими. Теперь явственно слышался въ четырехъ мѣстахъ шумъ удалявшихся отъ дороги людей.

„Убивецъ“ все такъ же спокойно подошелъ къ своимъ конямъ, поправилъ упряжку, звякнулъ дугой съ колокольчикомъ и пошелъ къ облучку.

Вдругъ на утесѣ, подъ „Пальцемъ“, сверкнулъ огонекъ. Грянулъ ружейный выстрѣлъ, наполнивъ пустоту и молчаніе ночи. Что-то шлепнулось въ переплетъ кошовки и шарахнулось затѣмъ по кустамъ.

„Убивецъ“ кинулся было къ утесу, какъ разъяренный, взбѣсившійся звѣрь, но тотчасъ же остановился.

— Слышь, Коська,—сказалъ онъ громко, глубоко взволнованнымъ голосомъ,—не дури, я-те говорю. Ежели ты

мнѣ теперича невинную животину испортилъ,—уходи за сто верстѣ, я те достану!...—Не пали, господинъ!—добавилъ онъ сурово, обращаясь ко мнѣ.

— Мотри и ты, „убивецъ“,—послышался отъ утеса чей-то сдержанный, какъ будто не Костюшкинъ голосъ.— Не въ свое дѣло пошто суешься?

Говорившій какъ будто боялся быть услышаннымъ тѣмъ, къ кому обращался.

— Не грози, ваше степенство,—съ презрѣніемъ отвѣтилъ ямщикъ.— Не страшенъ небось, даромъ-что съ бакланами связался!

Черезъ нѣсколько минутъ логъ подъ „Чертовымъ-пальцемъ“ остался у насъ назади. Мы выѣхали на широкую дорогу.

III.

„У б и в е ц ѣ“.

Мы проѣхали версты четыре въ глубокомъ молчаніи. Я обдумывалъ все случившееся; ямщикъ только перебиралъ вожжи, спокойно повукая или сдерживая своихъ коней. Наконецъ, я заговорилъ первый:

— Ну, спасибо, пріятель! Безъ тебя мнѣ, пожалуй, пришлось бы плохо.

— Не на чемъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, какъ не на чемъ? Эти молодцы, видно, народъ отчаянный...

— Отчаянный, это вѣрно!

— А ты ихъ знаешь?

— Костюшку знаю... Да его, варвара, почитай всякая собака знает... Купца тоже ранѣе примѣчалъ... А вотъ того, который остался, не видалъ будто... Вишь ты, понадѣялся на Костюшку, остался. Да нѣтъ, Костюшка, братъ, не того десятка... Завсегда убѣгѣтъ въ первую голову... А этотъ смѣлый...

Онъ помолчалъ.

— Не бывало этого ранѣе, никогда не бывало, — заговорилъ онъ опять тихо, покачивая головой. — Костюшка его откуда ни то раздобылъ... Скликаеть воронья на мою голову, проклятый...

— А почему они тебя такъ боятся?

Ямщикъ ухмыльнулся.

— Боятся, вѣрно это!... Уложилъ я у нихъ тутъ одного...

Онъ остановилъ лошадей и повернулся на козлахъ.

— Погляди, — сказалъ онъ, — вотъ онъ, логъ-то, виднѣется, — погляди, погляди!... Тутъ вотъ, въ этомъ самомъ логу, я одного человѣка убилъ...

Мнѣ показалось, что, когда онъ высказывалъ это признаніе, голосъ его дрожалъ; мнѣ показалось также, что я вижу въ его глазахъ, слабо освѣщенныхъ мерцаніемъ востока, выраженіе глубокой тоски.

Повозка стояла на гребнѣ холма. Дорога шла на западъ. Сзади за нами, на свѣтлѣющемъ фонѣ востока, вырисовывалась скалистая масса, покрытая лѣсомъ; громадный камень, точно поднятый палецъ, торчалъ кверху. Чортовъ логъ казался близехонько.

На вершинѣ холма насъ обдавало предъутреннимъ вѣт-

ромъ. Озябшія лошади били копытами и фыркали. Коренная рванула впередъ, но ямщикъ мгновенно осадилъ всю тройку; самъ онъ, перегнувшись съ облучка, все смотрѣлъ по направленію къ догу.

Потомъ онъ вдругъ повернулся, собралъ вожжи, приподнялся на козлахъ и крикнулъ... Лошади сразу подобрались, подхватили съ мѣста, и мы помчались съ вершины холма подъ гору.

Это была бѣшеная скачка. Лошади прижали уши и неслись, точно въ смертельномъ страхѣ, а ямщикъ то и дѣло приподнимался и безъ слова помахивалъ правою рукой. Тройка какъ будто чуяла, хотя и не могла видѣть этихъ движеній... Земля убѣгала изъ-подъ колесъ, деревья, кусты бѣжали на-встрѣчу и будто падали за нами назадъ, скошенные бѣшенымъ вихремъ...

На ровномъ мѣстѣ мы опять поѣхали тише. Отъ лошадей валилъ паръ. Коренная тяжело дышала, а пристяжки вздрагивали, храпѣли и водили ушами. Поменьку онѣ, однако, становились спокойнѣе. Ямщикъ отпустилъ вожжи и ласково ободрялъ коней..

— Тише, милая, тише!... Не бойся.... Вотъ вѣдь лошадь,—повернулся онъ ко мнѣ,—безсловесная тварь, а тоже вѣдь понимаетъ... Какъ на *угорѣ* этотъ выѣхали, да оглянулись,—не удержишь... Грѣхъ чуютъ...

— Не знаю, — сказалъ я, — можетъ оно и такъ; да только на этотъ разъ ты вѣдь самъ ихъ погналъ.

— Погналъ нешто? Ну, можетъ, и впрямь погналъ. Эхъ, баринъ! Кабы зналъ ты, что у меня на́ сердцѣ-то...

— Что-жь? Ты расскажи, такъ узнаю...

„Убивецъ“ потупился.

— Ладно, — сказалъ онъ, помолчавъ, — расскажу тебѣ...
Эхъ, милая! ступай, ступай, не бойся...

Лошади застучали по мягкой дорогѣ ровною, частою рысцой.

... Видишь ты... Было это давно... Оно хоть и не очень давно, — ну, да воды-то утекло много. Жизнь моя совсѣмъ по-иному пошла, такъ вотъ поэтому и кажется все, что давно это было. Крѣпко меня люди обидѣли, — начальники. А тутъ и Богъ, вдобавокъ, убилъ: жена молодая да сынишко въ одинъ день померли. Родителей не было, — остался одинъ-одинѣшенекъ на свѣтѣ: ни у меня родныхъ, ни у меня друга. Попъ — и тотъ послѣднее имѣніе за похороны прибралъ. И сталъ я тогда задумываться. Думалъ, думалъ и, наконецъ того, пошѣтился въ вѣрѣ. Въ старой-то пошѣтился, а новой еще не обрѣлъ. Конечно, дѣло мое темное. Грамотѣ обученъ плохо; разуму своему тоже не вовсе довѣряю... И взяла меня отъ этихъ мыслей тоска, то-есть такая тоска страшная, что, кажется, радъ бы на бѣломъ свѣтѣ не жить... Бросилъ я избу свою, какое было еще хозяйствишко — все кинулъ... Взялъ про запасъ полушубокъ, да порты, да сапоги-пару, вырѣзалъ въ тайгѣ посошокъ и пошелъ...

— Куда?

— Да такъ, никуда. Въ одномъ мѣстѣ поживу, за хлѣбъ поработаю — поле вспашу хозяину, а въ другое — къ жатвѣ поспѣваю. Гдѣ день проживу, гдѣ недѣлю, а

гдѣ и мѣсяцъ; и все смотрю, какъ люди живутъ, какъ Богу молятся, какъ вѣруютъ... Праведныхъ людей искалъ.

— Что же, нашелъ?

— Какъ сказать тебѣ?... Конечно, всякіе тоже люди есть, и у всякаго, братецъ, свое горе. Это вѣрно. Ну, только все же плохо, братецъ, въ нашей сторонѣ люди Бога-то помнятъ. Самъ тоже понимаешь: такъ ли бы жить-то надо, если по Божьему закону?... Всякъ о себѣ думаетъ, была бы мамона сыта. Ну, что еще: который грабитель въ кандалахъ закованъ идетъ, и тотъ не настоящій грабитель... Правду ли я говорю?

— Пожалуй... Ну, и что же?

— Ну, еще пуще сталъ на міру тосковать... Вижу, что толку нѣту,—мечусь, все равно какъ въ лѣсу... Теперь, конечно, маленько понятіе имѣю, да и то... Ну, а тогда вовсе сталъ безъ ума. Надумалъ, напимѣрь, въ арестанты поступить...

— Это какъ же?

— А такъ, очень просто: назвался бродягой,—и посадили. Вродѣ крестъ на себя наложилъ...

— Что-жь, легче ли стало отъ этого?

— Какой-те легче! Конечно, глупость одна. Ты вотъ, можетъ, въ тюрьмѣ не бывалъ, такъ не знаешь, а я довольно узналъ, каковъ это есть монастырь. Главное дѣло—безъ пользы всякой живутъ люди, безъ работы. Суется это онъ изъ угла въ уголь, да пакость какую ни есть и надумаетъ. На скверное слово, на отчаянность—самый скорый народъ, а чтобъ о душѣ поду-

мать, о Богѣ тамъ,—это за большую рѣдкость, и даже еще смѣются... Вижу я, что, по глупости своей, не въ надлежащее мѣсто попалъ, и объявилъ свое имя, сталъ изъ тюрьмы проситься. Не пускаютъ. Справки пошли, то, другое... Да еще говорятъ: какъ смѣлъ на себя самовольно такое званіе принять?... Истомили въ конецъ. Не знаю ужъ, чтò-бъ и было со мной, да вышелъ тутъ случай... И плохо мнѣ отъ этого самаго случая пришлось... ну, а безъ него-то, пожалуй, было бы еще хуже...

Прошелъ какъ-то по тюрьмѣ говоръ: Безрукаго, молъ, покаянника опять въ острогъ приведутъ. Слышу я разговоры эти: кто говоритъ „правда“, другіе спорятся, а мнѣ, признаться, въ ту пору и не къ чему было: ведутъ, такъ ведутъ. Мало ли каждый день приводятъ? Пришли это изъ городу арестантики, говорятъ: „Вѣрно. Подъ строгимъ конвоемъ Безрукаго водятъ. Къ вечеру безпремѣнно въ острогъ“. „Шпанка“ *) на дворъ повалила,—любопытно. Вышелъ и я погулять тоже: не то чтобы любопытно было, а такъ, больше съ тоски все, бывало, по двору суешься. Только я сталъ ходить, да и задумался было опять, и о Безрукомъ забылъ совсѣмъ. Вдругъ отворяютъ ворота, смотрю — ведутъ старика. Старишонка-то маленькій, худенькій, борода сѣдая болтается, длинная; идетъ, самъ пошатывается,—ноги не держать. Да и рука одна безъ дѣйствія виситъ. А, между прочимъ, пятеро конвою съ нимъ и еще штыки къ нему приставили. Какъ увидѣлъ я это, такъ меня да-

*) Шпанкой на арестантскомъ жаргонѣ зовутъ сѣрую арестантскую массу.

же шáтнуло. „Господи, думаю, чего только дѣлають! Неужли-жъ человѣка этакъ водить подобаетъ, будто тигру какую? И диви бы еще богатырь какой, а то вѣдь старичокъ ничтожный, недѣля до смерти ему!...“

Взяла меня страшная жалость. И что больше смотрю, то больше сердце у меня разгорается. Провели старика въ контору; кузнеца позвали—ковать въ ручныя и ножныя кандалы, накрѣпко. Взялъ старикъ желѣзы, покрестилъ старымъ крестомъ, самъ на ноги надѣлъ. „Дѣлай!“ — говоритъ кузнецу. Потомъ „наручни“ покрестилъ, самъ руки продѣлъ.— „Сподоби, говоритъ, Господи, покаянія ради!“

Ямщикъ замолчалъ и опустилъ голову, какъ будто переживая въ воспоминаніи рассказанную сцену. Потомъ, потряхнувъ головой, заговорилъ опять:

— Прельстилъ онъ меня тогда, истинно тебѣ говорю: за сердце взялъ. Удивительное дѣло! Послѣ-то я его хорошо узналъ: чистый дьяволъ, прости Господи, сомуститель и врагъ. А какъ могъ изъ себя святого представить! Вѣдь и теперь, какъ вспомню его молитву, все не вѣрится: другой человѣкъ тогда былъ, да и только.

Да вѣдь и не я одинъ. Повѣришь ли, „шпанка“ тюремная—и та притихла. Смотрятъ всѣ, молчатъ. Которые раньше насмѣхались, и тѣ примолкли, а другой даже и крестное знаменіе творить. Вотъ, братъ, какое дѣло!

Ну, а ужъ меня онъ прямо руками взялъ. Потому какъ былъ я въ то время въ задумчивости, вродѣ

оглашеннаго, и взошло мнѣ въ голову, что есть этотъ старикъ истинный праведникъ, какіе встарину бывали. Ни съ кѣмъ я въ ту пору не то что дружбу водить, а даже не разговаривалъ. Я ни къ кому и ко мнѣ никто. Иной разъ и слышу тамъ разговоры ихніе, да все мимо ушей, точно вотъ мухи жужжать... Что ни надумаю,—все про себя; худо ли, хорошо ли,—ни у кого не спрашивалъ. Вотъ и задумалъ я къ старику къ этому въ „секретную“ пробраться; подошелъ случай, сунулъ часовымъ по пятаку, они и пропустили, а потомъ и такъ стали пускать, даромъ. Глянулъ я къ нему въ оконце, вижу: ходитъ старикъ по камерѣ, желѣзы за нимъ волочатся, да все что-то самъ себѣ говоритъ. Какъ увидѣлъ меня, повернулся и подходитъ къ дверямъ. „Что надо?“—Ничего, говорю, не надо, а такъ... навѣстить пришелъ. Чай одному-то скучно.—„Не одинъ я здѣсь, отвѣчаетъ, а съ Богомъ, съ Богомъ-то не скучно, а все же доброму человѣку радъ“. А я стою передъ нимъ дуракъ-дуракомъ, онъ даже удивляется; посмотритъ на меня и покачаетъ головой. А разъ какъ-то и говоритъ: „Отойди-ка, парень, отъ оконца-то, хочу тебя всего видѣть“. Отошелъ я маленько, онъ глазъ-то къ дырѣ приставилъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ и говоритъ: „Что ты за человѣкъ за такой, сказывайся“.—Чего сказываться-то,—отвѣчаю ему,—самый потерянный человѣкъ, больше ничего—„А можно ли, говоритъ, на тебя положиться? Не обманешь?...“—Никого, молъ, еще не обманывалъ, а тебя и подавно. Что прикажешь, все сдѣлаю вѣрно.—Подумалъ онъ немножко, а потомъ опять гово-

рить: „Нужно мнѣ человѣка на волю спосылать нынче ночью. Не сходишь ли?—Какъ же мнѣ, говорю, отсюда выйти?—„Я тебя научу“, говоритъ. И точно, такъ научилъ, что вышелъ я ночью изъ тюрьмы, все равно, какъ изъ избы своей. Нашелъ человѣка, котораго мнѣ онъ указалъ, сказалъ ему „слово“. Къ утру назадъ. Признаться, какъ сталъ подходить къ острогу, на самой зорькѣ, стало у меня сердце загораться. „Что, думаю, мнѣ за неволя въ петлю лѣзти? Взять да уйти!...“ А острогъ-то, знаешь, за городомъ стоитъ. Дорога тутъ пролегла широкая. У дороги на травушкѣ роса блеститъ, хлѣбъа стоятъ-наливаются, за рѣчкой лѣсокъ шумитъ маленечко... Приволье!... А назадъ оглянешься: острогъ стоитъ, точно сычъ, насупившись... Да еще ночью-то, дѣло, конечно, сонное... А вспомнишь, какъ тутъ съ зарей день колесомъ завертится,—просто бѣда! Сердце не терпитъ, такъ вотъ и подмываетъ уйти по дорогѣ на просторъ, да на волюшку...

Однако вспомнилъ про старика своего... „Неужто, думаю, я его обману?“ Легъ на траву, въ землю уткнулся, полежалъ маленечко, потомъ всталъ, да и повернулся къ острогу. Назадъ не гляжу... Подошелъ поближе, поднялъ глаза, а въ башенкѣ, гдѣ у насъ были секретныя камеры, на окошкѣ мой старикъ сидитъ, да на меня изъ-за рѣшотки смотреть.

Пробрался я днемъ-то въ его камеру, обсказываю все, какъ, значить, его приказаніе исполнилъ. Повеселѣлъ онъ. „Ну, говоритъ, спасибо тебѣ, дитятко. Сослужилъ ты мнѣ службу, вѣкъ не забуду. А что, парень,—

спрашиваетъ послѣ,—на волю-то небось крѣпко хочется?“
А самъ смѣется.—Такъ, говорю, хочется, смерть!—
„То-то, говоритъ. А за что ты сюда-то попалъ, за какое
качество?—Никакого, говорю, качества не было. Такъ,
глупость моя, больше ничего.—Покачалъ онъ тутъ го-
ловой.—„Эхъ, говоритъ, посмотрѣть на тебя, парень, и
то обидно. Эдакую тебѣ Богъ далъ силу и года твои,
можно сказать, ужъ не маленькіе, а ты, кромѣ глупостей
этихъ, ничего не знаешь на свѣтѣ. Вотъ сидишь теперь
тутъ... Что толку? На міру, братъ, грѣхъ, на міру и
спасенье“...—Грѣха, отвѣчаю, много.—„А здѣсь мало,
что ли? Да и грѣхи-то здѣсь все безтолковые. Мало ли
ты здѣсь нагрѣшилъ-то, а каешься ли?“—Горько мнѣ,
говорю.—„Горько! А о чемъ—и самъ не знаешь. Не есть
это покаяніе настоящее. Настоящее покаяніе сладко.
Слушай, что я тебѣ скажу, да помни: безъ грѣха одинъ
Богъ, а человѣкъ по естеству грѣшенъ и спасается
покаяніемъ. А покаяніе по грѣхѣ, а грѣхъ на міру.
Не согрѣшишь—и не покаешься, а не покаешься—не спа-
сешься. Понялъ ли?“ А я, признаться, въ ту пору не
совсѣмъ его слова понималъ, а только слышу, что слова
хорошія. Притомъ и самъ уже я ранѣе думалъ: какая
есть моя жизнь? Всѣ люди—какъ люди, а я точно и не
живу на свѣтѣ: все равно какъ трава въ полѣ или бы-
лѣсина таежная. Ни тебѣ, ни другимъ.—Это, говорю,
вѣрно. На міру хоть и не безъ грѣха жить, такъ по
крайности жить, чѣмъ этакъ-то маяться. А только какъ
мнѣ жить, не знаю. Да еще когда и изъ острога-то вы-
пустятъ.—„Ну,—говоритъ старикъ,—это ужъ мое дѣло.

Молился я о тебѣ: дано мнѣ извести изъ темницы душу твою... Обѣщаешь ли меня слушаться,—укажу тебѣ путь къ покаянію“.—Обѣщаюсь, говорю.—„И клянешься?“—И клянусь... Поклялся я клятвой, потому что въ ту пору совсѣмъ онъ завладѣлъ мною; въ огонь прикажи,—въ огонь пойду, а въ воду, такъ въ воду.

Вѣрилъ я этому человѣку. И сталъ было мнѣ одинъ арестантикъ говорить: „Ты, молъ, зачѣмъ это съ Безрукимъ связываешься? Не гляди, что онъ живой на небо пялится: руку-то ему баринъ на разбоѣ пулей прострѣлил!“... Да я слушать не сталъ, тѣмъ болѣе, что и говорилъ-то онъ во хмѣлю, а я пьяныхъ страсть не люблю. Отвернулся я отъ него, и онъ тоже осердился: „Пропадай, говоритъ, дурья голова!“ А надо сказать: справедливый былъ человѣкъ, хоть и пьяница.

Въ скорости Безрукому облегченіе вышло. Перевели его изъ секретной въ общую, съ другими прочими вмѣстѣ. Только и онъ, какъ я же, все больше одинъ. Бывало, начнутъ арестанты приставать, шутки шутить, онъ хоть бы те слово въ отвѣтъ. Поведетъ только глазами, такъ тутъ самый отчаянный опѣшитъ. Не хорошо смотрѣлъ онъ...

Ну, а еще черезъ малое время—и совсѣмъ освобо-дился. Гулялъ я разъ, лѣтнее дѣло, по двору; смотрю, засѣдатель въ контору прошелъ, потомъ провели къ нему Безрукаго. Не прошло полчася, выходитъ Безрукой съ засѣдателемъ на крыльцо, въ своей одеждѣ, какъ есть на волю выправился, веселый. И засѣдатель тоже смѣется. „Вотъ, вѣдь, думаю, привели человѣка съ какимъ

отягченіемъ, а, между прочимъ, вины за нимъ не имѣется“. Жалко мнѣ, признаться, стало,—тоска. Вотъ, молъ, опять одинъ останусь. Только оглядѣлся онъ по двору, увидѣлъ меня и манитъ къ себѣ пальцемъ. Подошелъ я, снялъ шапку, поклонился начальству, а Безрукой-то и говоритъ:

— Вотъ, ваше благородіе, нельзя ли этого парня обсудить поскорѣе? Вины за нимъ большой нѣту.

— А какъ тебя звать-то?—спрашиваетъ засѣдатель.

— Ѳедоромъ, молъ, зовутъ, Силинымъ.

— А, говоритъ, помню. Что-жъ, это можно. И судить его не надо, потому что за глупость не судятъ. Вывести за ворота, да дать по шеѣ разѣ, чтобъ напередки не въ свое мѣсто не совался, только и всего. А между прочимъ, справки-то, кажись, давно у меня получены. Черезъ недѣлю непременно отпущу его...

— Ну, вотъ, и отлично,—говоритъ Безрукой.—А ты, парень,—отозвалъ онъ меня къ сторонкѣ,—какъ ослобонишься, ступай на Кильдѣевскую заимку, спроси тамъ хозяина Ивана Захарова; я ему о тебѣ поговорю, дятко; да клятву-то помни.

И ушли они. А черезъ недѣлю, точно, и меня на волю отпустили. Вышелъ я изъ острога и тотчасъ отправился въ эти вотъ самыя мѣста. Разыскалъ Ивана Захарова. Такъ и такъ, говорю, меня Безрукой прислалъ.— „Знаю, говоритъ. Сказывалъ объ тебѣ старикъ. Что-жъ, становись пока въ работники ко мнѣ, тамъ увидимъ“.— А самъ-то, молъ, Безрукой гдѣ же находится?— „Въ от-

лучкѣ, говоритъ, — по дѣламъ онъ все ѣздитъ. Никакъ скоро будетъ.“

Вотъ и сталъ я жить на заимкѣ — работникомъ не работникомъ, — такъ живу, настоящаго дѣла не знаю. Семья у нихъ небольшая была. Самъ хозяинъ, да сынъ большой, да работникъ... Я четвертый. Ну, бабы еще, да Безрукой наѣзжалъ. Хозяева — люди строгіе, старовѣры, законъ соблюдаютъ; табаку, водки—ни-ни! А работникъ Кузьма—тотъ у нихъ полоумный какой-то былъ, лохматый да черный, какъ эііопъ. Чуть, бывало, колокольчикъ забрякаетъ, онъ сейчасъ въ кусты и захоронится. А Безрукаго-то пуще всѣхъ боялся. Издали, бывало, завидитъ, тотчасъ бѣгомъ въ тайгу, и все въ одно мѣсто прятался. Зовутъ хозяева, зовутъ,—не откликается. Пойдетъ къ нему самъ Безрукой, слово скажетъ, онъ и идетъ за нимъ, какъ овечка, и все опять справляетъ, какъ надо.

Наѣзжалъ Безрукой на заимку-то не часто и со мной почитай-что не разговаривалъ. Бесѣдуетъ, бывало, съ хозяиномъ, да на меня смотритъ, какъ я работаю; а подойдешь къ нему,— все некогда. „Погоди, говоритъ, дитятко, ужѣ на заимку перейду, тогда поговоримъ. Теперь недосугъ“. А мнѣ тоска. Хозяева, положимъ, работой не притѣсняли, пища хорошая, слова дурного не слыхивалъ. Съ проѣзжающими и то посылали рѣдко. Все больше либо самъ хозяинъ, либо сынъ съ работникомъ, особливо ночью. Ну, да мнѣ безъ работы-то еще того хуже. Пуще дума одолѣваетъ, мѣста себѣ не найду...

Прошло никакъ недѣль пять, какъ я изъ тюрмы

вышелъ. Приѣзжаю разъ вечеромъ съ мельницы; гляжу: народу у насъ въ избѣ много... Распрѣгъ коня; только хочу на крылецъ идти, — хозяинъ мнѣ на-встрѣчу. „Не ходи, говоритъ, погоди малость, самъ позову. Да слышь! — не ходи, я тебѣ говорю“. Что же, думаю себѣ, за оказія такая? Повернулся я, пошелъ къ сѣновалу. Легъ на сѣно, — не спится. Вспомнилъ, что топоръ у меня около ручья оставленъ. Сходить, думаю: станетъ народъ расходиться, какъ бы кто не унесъ. Пошелъ мимо оконъ, да какъ-то и глянулъ въ избу. Вижу: полна изба народу, за столомъ засѣдатель сидитъ; водка передъ нимъ, закуска, перо, бумага, — слѣдствіе, однимъ словомъ. А въ сторонѣ-то, на лавкѣ, Безрукой сидитъ. Ахъ ты Господи!... Точно меня обухомъ по головѣ шибануло!... Волосы у него на лобъ свѣсились, руки назадъ связаны, а глаза точно угли... И такой онъ мнѣ страшный тогда показался, сказать не могу...

Отшатнулся я отъ окна, отошелъ къ сторонкѣ... Осенью дѣло это было. Ночь стояла звѣздная, да темная. Никогда мнѣ, кажется, ночи этой не забыть будетъ. Рѣчка это плещется, тайга шумитъ, а самъ я точно во снѣ. Сѣлъ я на бережку, на травѣ, дрожу весь... Господи!...

Долго ли, коротко ли сидѣлъ, только слышу: кто-то идетъ изъ тайги тропочкой мимо, въ бѣломъ пинжакѣ, въ фуражкѣ, палочкой помахиваетъ. Писарь... верстахъ въ четырехъ жилъ. Прошелъ онъ по мостику и прямо въ избу. Потянуло тутъ и меня къ окну: что будетъ?

Писарь вошелъ въ двери, снялъ шапку, смотритъ

кругомъ. Самъ, видно, не зналъ, зачѣмъ позвали. Потомъ пошелъ къ столу мимо Безрукаго и говорить ему: „Здравствуй, Иванъ Алексѣевичъ!“ Безрукой его такъ и опалилъ глазами, а хозяинъ за рукавъ дернулъ, да шепнулъ что-то. Писарь, видно, удивляется. Подошелъ къ засѣдателю, а тотъ уже порядочно выпивши, смотритъ на него мутными глазами, точно съ просонья. Поздоровались. Засѣдатель и спрашиваетъ:

— Знаете вы этого человѣка? — самъ въ Безрукаго пальцемъ тычетъ.

Посмотрѣлъ писарь, съ хозяиномъ переглянулся.

— Нѣтъ, говорить, не видывалъ будто.

Что такое, думаю, за аказія? Вѣдь и засѣдатель-то его хорошо знаетъ.

Потомъ засѣдатель опять:

— Это не Иванъ Алексѣевъ, здѣшній житель, по прозванію Безрукой?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ писарь,—не онъ.

Взялъ засѣдатель перо, написалъ что то въ бумагѣ и сталъ вычитывать. Слушаю я за окномъ, дивлюсь только. По бумагѣ-то выходитъ, что самый этотъ старикъ Иванъ Алексѣевъ не есть Иванъ Алексѣевъ; что его сосѣди, а также и писарь не признаютъ за таковое лицо, а самъ онъ именуетъ себя Иваномъ Ивановымъ и пачпортъ кажетъ. Вотъ вѣдь удивительное дѣло! Сколько народу было, всѣ руки прикладывали, и ни одинъ его не призналъ. Правда, и народъ тоже подобрали на тотъ случай: всѣ эти понятые у Ивана Захарова чуть не кабальные, въ долгу.

Кончили это дѣло, понятыхъ отпустили... Безрукаго засѣдатель развязать велѣлъ еще раньше. Иванъ Захаровъ выносить деньги, даетъ засѣдателю; тотъ сосчиталъ, сунулъ въ карманъ. „Теперь, говоритъ, тебѣ, старикъ, безпремѣнно мѣсяца на три уѣхать надо. А не уѣдешь,—смотри — на меня не пеняй... Ну, лошадей мнѣ давай!...

Отошелъ я отъ окна, прошелъ на сѣноваль, думаю: сейчасъ кто-нибудь къ лошадямъ выйдетъ. Не хотѣлось мнѣ, чтобъ меня подъ окномъ-то увидали. Лежу на сѣнѣ, спать не сплю, а все будто сонъ вижу, съ мыслями не могу собраться... Слышу—проводили засѣдателя. Побрякалъ колокольцами, уѣхалъ... Въ домѣ всѣ улеглись, огни погасли. Сталъ было и я дремать, да вдругъ это слышу опять: динь, динь, динь! Колокольчикъ звенить. А ночь-то тихая-претихая, далеко слышно. И все это ближе, да ближе: изъ-за рѣки къ намъ будто ѣдутъ. Малое время спустя и въ избѣ колокольчикъ-то услышали, огонь вздули. Тройка на дворъ въѣхала. Знакомый ямщикъ проѣзжающихъ привезъ,—значить, по дружбѣ: мы къ нему возили, онъ къ намъ.

Ну, думаю себѣ, можетъ, почевать стануть. Да и то: ночью рѣдко меня посылали; больше самъ хозяинъ, либо сынъ да работникъ. Сталъ я опять дремать, да вдругъ слышу: Безрукой съ хозяиномъ тихонько подъ навѣсомъ разговариваютъ.

— Ну, какъ же быть?—старикъ-то говоритъ.—Да гдѣ же Кузьма?

— То-то вотъ,—хозяинъ отвѣчаетъ.—Иванъ съ засѣ-

дателемъ уѣхалъ, а Кузьма, какъ народъ увидалъ, такъ сейчасъ тѣку. И въ кустахъ его, слышь, нѣту. Дуракъ парень этотъ. Совсѣмъ, кажись, ума рѣшился.

— Ну, а Ѳедоръ?—старикъ опять спрашиваетъ; это ужъ про меня.

— Ѳедоръ, молъ, вечеръ съ мельницы пріѣхалъ, хотѣлъ въ избу идти, да я не пустилъ.

— Хорошо, говоритъ, надо быть спать завалился. Ничего не видалъ?

— Надо полагать — ничего. Прямо на сѣноваль ушелъ.

— Ну, ладно. Пустить его, видно, сегодня въ дѣло...

— Ладно ли будетъ?—говоритъ Захаровъ.

— Ничего, ладно. Парень этотъ простой, а сила въ немъ чудесная; и меня слушаетъ,—кругомъ пальца его оберну. И то сказать: я вѣдь въ самомъ дѣлѣ теперича на полгода ѣду, а парня этого надо къ дѣлу приспособить.

— Все же будто сумнительный человѣкъ, — говоритъ Захаровъ.—Не по уму онъ мнѣ что-то, даромъ что дурачкомъ глядитъ...

— Ну, ну,—старикъ отвѣчаетъ.—Знаю я его. Простой парень. Намъ этакихъ и надо. А ужъ Кузьму какъ-нибудь сбывать придется. Какъ бы чего не напрокудилъ.

Стали меня окликать: Ѳедоръ, а Ѳедоръ! А у меня духу нѣтъ отвѣтить. Молчу. Полѣзъ старикъ на сѣноваль, ощупалъ меня. „Вставай, Ѳедорешко!—говоритъ, да таково ласково. — Ты, спрашиваетъ, спалъ ли?“ —

Спалъ, говорю... „Ну, говоритъ, дитятко, вставай, запрягай коней; съ проѣзжающими поѣдешь. Помнишь ли, въ чемъ клялся?“—Помню, говорю. А у самого зубы-то щелкають, дрожь по тѣлу идетъ, холодъ. „Можетъ,—говоритъ старикъ,—подошло твое время. Слушайся, что я прикажу. А пока — запрягай-ка проворнѣй,—проѣзжающіе торопятся“...

Вытащилъ я изъ-подъ навѣса телѣгу, захомуталъ коренную, сталъ запрягать, а сердце такъ и стучить, такъ и колотится. И все думаю, не сонное ли, молъ, все это видѣніе?

Безрукой, гляжу, тоже коня сѣдлаетъ, а конекъ у него послушный былъ, какъ собачонка. Одною рукой онъ его сѣдлалъ. Сѣлъ потомъ на него, сказалъ ему слово тихонько, конь и пошелъ со двора. Запрѣгъ я коренную, вышелъ за ворота, гляжу: Безрукой рысцой уже въ тайгу въѣзжаетъ. Мѣсяцъ-то хоть не взошелъ еще, а все же видно маленько. Скрылся онъ въ тайгу и у меня на сердцѣ-то полегчало будто.

Подаль я лошадей. Въ избу меня проѣзжающіе позвали, барыня молодая, да трое ребятъ, малъ мала меньше. Старшему-то четыре годика, а младшей самой дѣвчкѣ года два, не болѣе. И куда только, думаю, тебѣ горемычной экое мѣсто ѣхать доводится, да еще одной, безъ мужа? Барыня-то тихая, привѣтная. Посадила меня за столъ, чаемъ напоила. Спрашиваетъ, какія мѣста, нѣтъ ли шалостей? — Не слыхивалъ, говорю, а самъ думаю: охъ, родная! боишься ты, видно. Да и какъ ей, бѣдной, не бояться: клади съ ней много, богато ѣдетъ, да еще

съ ребятами; материнское сердце—вѣщунъ. Тоже, видно, неволюшка гонить.

— Ну, сѣли они, поѣхали. До свѣту еще часа два оставалось. Выѣхали на дорогу, съ версту этакъ проѣхали; гляжу: пристяжка у меня шарахнулась. Что, думаю, такое тутъ? Остановилъ коней, оглядываюсь: Кузьма изъ кустовъ ползетъ на дорогу. Всталъ обокъ дороги, смотреть на меня, самъ лохмами своими трясетъ, смѣется про себя. Фу ты, окаянная сила! У меня и то кошки по сердцу скребнули, а барыня моя, гляжу, ни жива, ни мертва... Ребята спятъ, сама не спитъ, мается. На глазахъ слезы. Плачетъ... „Боюсь я, говорить, всѣхъ васъ боюсь...“ — Что ты, говорю, Христось съ тобой, милая. Или я душегубъ какой?... Да вы почто же ночевать-то не остались?... — „Тамъ-то, говорить, еще того хуже. Прежній ямщикъ сказалъ: къ ночи въ деревню прїѣдемъ, а самъ въ глухую тайгу завезъ на заимку. У старика-то,—говоритъ барыня, — пуще всѣхъ глаза нехорошіе...“ — Ахъ ты, Господи, думаю, что мнѣ теперича съ нею дѣлать? Убивается, бѣдная. — Что-жь, говорю, теперича, какъ будете: назадъ ли вернетесь, или дальше поѣдемъ? Хожу я кругъ ея,—не знаю какъ и утѣшить, потому жалко. А тутъ еще и логъ этотъ недалеко; съ проселку на него вѣзжать приходилось, мимо „Камня“. Вотъ видитъ она, что и самъ я съ нею опѣшилъ, и засмѣялась: „Ну, садись, говорить, поѣзжай. Не вернусь я назадъ: тамъ страшно... Съ тобой лучше поѣду, потому что лицо у тебя доброе“. Теперь это, братецъ, люди меня боятся, „убивцемъ“ зовутъ, а тогда

я все одно какъ младенецъ былъ, печати этой каино-вой на мнѣ еще не было.

Повеселѣлъ и я съ нею. Сѣлъ на козлы. „Давай,—говорить моя барыня,—станемъ разговаривать“. Спрашиваетъ про меня, и про себя сказываетъ, ѣдетъ къ мужу. Сосланный мужъ у нея, изъ богатыхъ. „А ты, говорить, у этихъ хозяевъ давно ли живешь: въ услуженіи ли, какъ ли?“—Въ услуженіи, говорю, недавно нанялся.—„Что, молъ, за люди?“—Люди, говорю, ничего... А впрочемъ, кто ихъ знаетъ. Строгіе... водки не пьютъ, табаку не курятъ. — „Это, говорить, пустяки одни, не въ этомъ дѣло“. — А какъ же, говорю, жить-то надо? Вижу я: она хоть баба, да съ толкомъ; не скажетъ ли мнѣ чего путнаго? „Ты, спрашиваетъ, грамотный ли?“—Маленечко, молъ, учился.—„Какая, говорить, бóльшая заповѣдь въ Евангеліи?“ — Большая, молъ, заповѣдь—любовь!—„Ну, вѣрно. А еще сказано: больше той любви не бываетъ, если кто душу готовъ отдать за други своя! Вотъ тутъ и весь законъ. Да еще умъ, говорить, нуженъ,—значить, разсудить: гдѣ польза, а гдѣ пользы нѣту. А персты эти, да табакъ тамъ—это одна наружность...“—Ну, правда твоя, отвѣчаю. А все же и строгости маленько не мѣшаетъ, чтобъ человѣкъ во всякое время помнилъ.

Ну, разговариваемъ этакъ, ѣдемъ себѣ не торопясь. Къ тайгѣ пріѣхали, къ рѣчушкѣ. Перевозъ тутъ. Рѣчка въ малую воду узенькая: паромъ толканешь, онъ ужъ и на другой сторонѣ. Перевозчиковъ и не надо. Ребятки проснулись, продрали глазенки-то, глядятъ: ночь-ночью.

Лѣсъ этто шумить, звѣзды на небѣ, луна только передъ свѣтомъ подымается... Ребятамъ-то и любо... Извѣстное дѣло—несмысли!

Ну, только, братецъ, въѣхали въ тайгу,—меня точно по сердцу-то холодомъ обмахнуло. Гляжу: впереди по тропочкѣ ровно бы кто на вершной бѣжить. Явственно-то не видно, а такъ кажется, будто сѣрый конекъ Безрукаго, и топотокъ слышно. Упало у меня сердце: что, молъ, это такое будетъ? Зачѣмъ старикъ сюда въѣхалъ? Да еще клятву мнѣ напомнилъ ранѣе... Не къ добру... Задумался я... Страхъ передъ старикомъ разбираетъ. Прежде любилъ я его, а съ этого вечера страсть бояться сталъ; какъ вспомню, какіе глаза у него были, такъ дрожь и пройдетъ, и пройдетъ по тѣлу.

Примолкъ я; думать ничего не думаю и не слышу ничего. Барыня моя слово-другое скажетъ,—я все молчу. Стихла и она, бѣдная... Сидить...

Мѣсто пошло узкое, темное мѣсто. Тайга самая злющая, чернь. А на душѣ у меня тоже черно, просто сказать—чернѣе ночи. Сижу самъ не свой. Кони дорожку знаютъ, бѣгутъ къ „Камню“ этому,—я и не правлю. Подъѣзжаемъ,—такъ и есть.... Стоить на дорогѣ сѣрый конекъ, старикъ на немъ сидитъ, глаза у него,—вѣришь ли Богу, — какъ угли... Я и вожжи-то выпустилъ изъ рукъ. Кони вплоть подѣхали къ сѣрому, стали сами собой. „Федоръ!—старикъ говоритъ,—сойди-ка на земь!“ Сошелъ я съ кóзелъ, послушался его; онъ тоже съ сѣдла слѣзаетъ. Конька-то своего сѣраго поперекъ дороги передъ тройкой поставилъ. Стоять мои кони, ни одинъ

не шелохнется. Я тоже стою, какъ околдованный. Подошелъ онъ ко мнѣ, говоритъ что-то, за руку взялъ, ведетъ къ кошовкѣ. Гляжу: въ рукѣ у меня топоръ!...

Иду за нимъ... и словъ у меня супротивъ его, душегуба, нѣту, и силъ моихъ нѣту противиться. „Согрѣши, говоритъ, а послѣ спокаешься...“ Больше не помню. Подошли мы вплоть къ кошовушкѣ... Онъ сталъ обокъ. „Начинай! — говоритъ. — Сначала бабу-то по лбу!“ Глянулъ я тутъ въ кошовку... Господи Боже! Барыня - то моя сидитъ, какъ голубка ушибленная, ребятокъ руками кроетъ, сама на меня большими глазами смотритъ. Сердце у меня повернулось... Ребятки тоже проснулись, глядятъ, точно пташки. Понимаютъ ли, нѣтъ ли...

И точно я съ этого взгляду отъ сна какого прокинулся. Отвелъ глаза, подымаю топоръ... А у самого сердце-то закипаетъ... Посмотрѣлъ на Безрукаго, дрогнулъ онъ... А у меня въ сердцѣ одна злоба. И знаю, что сейчасъ страшное дѣло сдѣлаю, а жалости нѣту нисколько. Посмотрѣлъ въ другой разъ на старика: глаза у него зеленые, такъ и забѣгали... Испужался, мечется передо мной, какъ змѣя. Поднялась у меня рука, размахнулся... состонать не успѣлъ старикъ, повалился мнѣ въ ноги, а я его, братацъ, мертваго... ногами... Самъ звѣремъ сталъ, прости меня, Господи Боже!...

Разскащикъ тяжело перевелъ духъ.

— Что же послѣ?—спросилъ я, видя, что онъ замолкъ и задумался.

— Ась?—откликнулся онъ.—Да, послѣ-то? Ну, топчу это его, измываюсь надъ мѣртвымъ, вдругъ смотрю: ска-

четъ къ намъ Иванъ Захаровъ на вершной, въ рукахъ ружье держитъ. Подскакалъ вплоть; я къ нему... Лежать бы и ему рядомъ съ Безрукимъ, ужъ это вѣрно, да, спасибо, самъ догадался. Какъ глянулъ на меня, — повернулъ коня, да давай его ружейнымъ прикладомъ по бокамъ нахлестывать. Тутъ у него меренокъ человѣческимъ голосомъ взвылъ, право, да какъ взовьется подъ нимъ, что твоя птица!

Опомнился я... Не гляжу на людей... Сѣлъ на козлы, коней хлеснулъ... ни съ мѣста... Глядь, а сѣрый конекъ все поперекъ дороги стоитъ. Я про него и забылъ. Вотъ вѣдь, дьяволъ, какъ былъ приученъ! Перекрестился я. Видно, думаю, и животину дьявольскую тутъ же уложить придется. Подошелъ къ коньку: стоитъ онъ, только ухми прыдетъ. Дернулъ я за поводъ, упирается. Ну, говорю, выходи, барыня, изъ кошовки, какъ бы не разнесли кони-то съ испугу, потому что онъ вплоть передъ ними стоитъ. Барыня, что твой ребенокъ послушный, выходить... Ребята повылѣзли, къ матери жмутся. Страшно и имъ, потому мѣсто глухое, темное, а тутъ еще я съ дьяволами съ этими возжаюсь.

Спятилъ я свою тройку, взялъ опять топоръ-то въ руки, подхожу къ сѣрому.—Иди, говорю, съ дороги,—убью! Повелъ онъ ухомъ однимъ. Не иду, молъ... Ахъ ты!... Потемнѣло у меня въ глазахъ, волосы подъ шапкой такъ и встаютъ... Размахнулся изо всей силы, брякъ его по лбу... Скричалъ онъ легонько, да и свалился, протянулъ ноги... Взялъ я его за ноги, сволокъ къ хозяину и положилъ рядомъ, обокъ дороги. Лежите!...

— Садитесь! — говорю барынь. Посадила она младших-то ребятъ, а старшенькаго не сдюжаетъ... — „Помоги!“ говоритъ. Подошелъ я; мальчонко-то руки ко мнѣ тянетъ. Только хотѣлъ я взять его, да вдругъ вспомнилъ... — Убери, говорю, младенца-то подальше. Весь я въ крови, не гоже ему касаться...

Кое-какъ усѣлись. Тронулъ я... Храпятъ мои кони, не идутъ... Что тутъ дѣлать?... Посади-ко, — говорю опять, — младенца на козлы. — Посадила она мальчонку, держитъ его руками. Хлеснулъ я вожжой, — пошли, такъ и несутся... Вотъ какъ теперь же, самъ ты видѣлъ. Отъ крови бѣгутъ...

На утро доставилъ я барыню въ управу, въ село. Самъ повинился. „Берите меня, я человѣка убилъ!“ Барыня рассказываетъ все какъ было. „Онъ меня спасъ“, говоритъ. Связали меня. Ужь плакала она, бѣдная. „За что же, говоритъ, вы его вяжете? Онъ доброе дѣло сдѣлалъ, моихъ ребятъ отъ злодѣевъ защитилъ“. Да и бѣдовая же! Видитъ, что никто на ея слова вниманія не беретъ, кинулась ко мнѣ, давай развязывать сама. Тутъ ужъ я ее остановилъ... — Брось, говорю, не твое дѣло. Теперь ужъ дѣло-то людское, да Божье. Виноватъ ли я, правъ ли, — разсудитъ Богъ, да добрые люди... — „Да какая же, говоритъ, можетъ быть вина твоя?“ — Гордость моя, отвѣчаю. Черезъ гордость я и къ злодѣямъ этимъ попалъ самовольно. Отъ міру отбился, людей не слушался, все своимъ совѣтомъ поступалъ. Анъ вотъ онъ, свой-то совѣтъ, и довелъ до душегубства...

Ну, отступилась, послушалась меня. Стала уѣзжать,

подошла ко мнѣ прощаться, обняла... „бѣдный ты!“... Ребятокъ обнимать заставляетъ. — Что ты? говорю. Не скверни младенцевъ. Душегубъ вѣдь я...—Опасался, признаться, что дѣтки и сами грѣха моего забоятся. Да пѣтъ, поднесла она маленькихъ, старшенькій самъ подошелъ. Какъ обвился мальчонко вокругъ шеи моей ручками, — не выдержалъ я, заревѣлъ. Слезы такъ и бѣгутъ. Ну, и добрая же душа у бабы этой!.. Можетъ, за ея добрую душу и съ меня Господь грѣха моего не взыщетъ...

— Если,—говорить она, — есть на свѣтѣ сколько-нибудь правды, мы ее для тебя добудемъ. Вѣкъ тебя не забуду! И точно, не забыла. Самъ знаешь суды-то наши... волокита одна! Держали бы меня въ острогѣ и о сю пору, да ужъ она съ мужемъ меня бумагами оттуда добыли.

— А все-таки продержали тебя въ острогѣ?

— Держали спервоначалу, и даже порядочное время. Главная причина — черезъ деньги. Послала мнѣ барыня денегъ полтысячи и письмо мнѣ съ мужемъ написали. Какъ пришли деньги эти, и сейчасъ мое дѣло зашевелилось. Приѣзжаетъ засѣдатель, вызвалъ меня въ контору. „Ну, говоритъ, дѣло твое у меня. Много ли дашь, я тебя вовсе оправлю?“

Ахъ ты, думаю, твое благородіе!... За что деньги просить! Суди ты меня строго-на-строго, да чтобъ я твой законъ видѣлъ,—я тебѣ въ ноги поклонюсь. А онъ на-ко! — за деньги..

— Ничего, говорю, не дамъ. По закону судите, чему я теперича подверженъ...

Смѣется: — Дуракъ ты, я вижу, говоритъ. По закону твое дѣло въ двухъ смыслахъ выходитъ. Законъ на полкѣ лежитъ, а я между прочимъ — власть. Куда захочу, туда тебя и суну.

— Это, молъ, какъ же такъ выйдетъ?

— А такъ, говоритъ. Глупъ ты! Послушай вотъ: ты въ этомъ разѣ барыню-то съ ребятами защитилъ?

— Ну, молъ, что дальше-то?

— Ну, защитилъ. Можно это къ добродѣтели твоей приписать? Вполнѣ, говоритъ, можно, потому что это доброе дѣло. Вотъ тебѣ одинъ смыслъ.

— А другой, молъ, какой будетъ?

— Другой-то? А вотъ какой: посмотри ты на себя, какой ты есть дѣтина. Вѣдь супротивъ тебя старикъ — все одно какъ ребенокъ. Онъ тебя сомущать, а ты бы ему благороднымъ манеромъ ручки-то назадъ, да къ начальству. А ты, не говоря худого слова, бацъ!... и свалилъ. Это надо приписать къ твоему самоуправству, потому что этакъ не полагается. Понялъ?

— Понялъ, говорю. Нѣтъ у васъ правды! Ничего тебѣ отъ меня не будетъ. Вишь судья какой нашелся! Разсудилъ!...

Осердился онъ.

— Хорошо же, молъ. Я тебя, голубчика, пока еще судъ да дѣло, въ острогѣ сгною.

— Ладно, говорю, не грози.

Вотъ и сталъ онъ меня гноить, да вишь ты, барыня-

то не отступилась, нашла ходы. Пришла откуда-то такая бумага, что засѣдатель мой ажъ завертѣлся. Призвалъ меня въ контору, кричалъ, кричалъ, а наконецъ того взялъ, да въ тотъ же день и отпустилъ. Вотъ и вышелъ я безъ суда... Самъ теперь не знаю... Сказываютъ люди, будутъ и у насъ суды правильные, вотъ я и жду: привелъ бы Богъ у присяжныхъ судей обсудиться, какъ они скажутъ.

— А что же Иванъ-то Захаровъ?

— А Иванъ Захаровъ безъ вѣсти пропалъ. У нихъ, слышь, съ Безрукимъ-то уговоръ былъ: ѣхать Захарову за мной не вдаль. Ежели, значить, я на душегубство согласія не дамъ, тутъ бы меня Захарову изъ ружья стрѣлять. Да, вишь, Богъ-то судилъ иначе... Прискакалъ къ намъ Захаровъ, а дѣло-то у меня ужъ кончено. Онъ и испужался. Сказывали люди опосля, что прибѣжалъ онъ тогда на заимку и сейчасъ сталъ изъ земли деньги свои копать. Выкопалъ, да какъ былъ, никому не сказавшись,—въ тайгу... А на зарѣ взяло заимку огнемъ, Самъ ли какъ-нибудь заронилъ, а то, сказываютъ, Кузьма пѣтуха пустилъ, неизвѣстно. Только какъ полыхнуло на зорькѣ, къ вечеру угольки одни остались. Пошло все гнѣздо варваровъ прахомъ. Бабы и сейчасъ по міру ходятъ, а сынъ—на каторгѣ. Откупиться-то стало ужъ печѣмъ.

— Тпру! милыя... Приѣхали, слышь, слава-те Господи!... Вишь ты, и солнышко Божье какъ разъ подымается...

IV.

Сибирскій волтеріанецъ.

Прошло около мѣсяца. Покончивъ съ дѣлами, я опять возвращался въ губернский городъ на почтовыхъ и около полудня пріѣхалъ на N-скую станцію.

Толстый смотритель стоялъ на крылечкѣ и дымилъ сигарой.

— Вамъ лошадей?—спросилъ онъ, не давъ мнѣ еще и поздороваться.

— Да, лошадей.

— Нѣтъ!

— Э, полноте, Василій Ивановичъ! Я вѣдь вижу...

Дѣйствительно, подъ навѣсомъ стояла тройка въ шлеяхъ и хомутахъ.

Василій Ивановичъ засмѣялся.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ затѣмъ серьезно. — Вамъ теперь, вѣроятно, не къ спѣху... Пожалуйста, я васъ прошу: погодите!

— Да зачѣмъ же? Ужъ не губернатора ли дожидаетесь?

— Губернатора!—засмѣялся Василій Ивановичъ. — Куда махнули! И всего-то надворнаго совѣтника, да ужъ очень хочется мнѣ этого парня уважить, право... Вы не обижайтесь, я и вамъ тоже всею душой. Но вѣдь я вижу: вамъ не къ спѣху, а тутъ, можно сказать, инте-

ресъ гуманности, правосудія и даже спасенія челоуѣчества.

— Да что у васъ съ правосудіемъ тутъ? Какія дѣла завязались?

— А вотъ погодите, расскажу. Да что же вы здѣсь стоите? Заходите-ка, заходите въ мою хибарку.

Я согласился и послѣдовалъ за Васильемъ Ивановичемъ въ его „хибарку“, гдѣ за чайнымъ столомъ насъ ждала уже его супруга, полная и чрезвычайно добродушная дама.

— Да, такъ вы насчетъ правосудія спрашивали?— заговорилъ опять Василій Ивановичъ.—Вы фамилію Проскурова слыхали?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Да и чего слыхать-то?—вмѣшалась Матрена Ивановна.—Такой же вотъ озорникъ, какъ и мой, и даже въ газетахъ строчить.

— Ну, ужъ это вы напрасно, вотъ ужъ напрасно!— горячо заговорилъ Василій Ивановичъ.—Проскуровъ, матушка моя, челоуѣкъ благонадежный, на виду у начальства. Ты еще угоднику моему свѣчку должна поставить за то, что мужъ твой съ такими лицами знакомство ведетъ. Ты что о Проскуровѣ-то думаешь? Какого-нибудь шалопая сдѣлають развѣ слѣдователемъ по особливо важнымъ дѣламъ?

— Что вы это мелете?—вступился я.—Какіе тутъ слѣдователи, да еще по особливо-важнымъ дѣламъ?

— То-то и я говорю,—ободрилась Матрена Ивановна,—врешь ты все, я вижу. Да что я-то, по-твоему, ду-

ра набитая, что ли? Неужто важные-то начальники такіе бываютъ?

— Вотъ вы у меня Матрену Ивановну и смутили, — укоризненно покачалъ головой смотритель. — А вѣдь, въ сущности, напрасно. Оно, конечно, по штату такой должности у насъ не полагается, но если человѣкъ, все-таки, ее исполняетъ по особому, такъ сказать, довѣрію, то вѣдь это еще лучше...

— Ничего я тутъ не понимаю, — сказалъ я.

— То-то вотъ. Сами не понимаете, а женщину неопытную смутили! Ну, а слышали вы, что у насъ есть тутъ компанія одна, вродѣ какъ бы на акціяхъ, которая ворочаетъ всѣми дѣлами большихъ дорогъ и темныхъ ночей?... Неужели и этого не слыхали?

— Да, слыхалъ, конечно.

— Ну, то-то. Компанія, такъ сказать, всесловная. Дѣло ведется на широкую ногу, подъ девизомъ: „рука руку моетъ“, и даже не чуждается нѣкоторой гласности: по крайней мѣрѣ, всѣ отлично знаютъ о существованіи сего товарищества и даже лицъ въ немъ участвующихъ, — всѣ, кромѣ, конечно, превосходительнаго... Но вотъ недавно какъ-то, послѣ одного блестящаго дѣла, „самого“ осѣнила внезапная мысль: надо, думаетъ, „искоренить“. Это, положимъ, бывало и прежде: искореняли сами себя члены компаніи и все обходилось благополучно. Но на этотъ разъ осѣненіе вышло какос-то удивительное. Очень ужъ изволили сердиться, да и назначили своего чиновника особыхъ порученій, Проскурова, слѣдователемъ, съ самыми широкими полно-

мочіями, по дѣламъ не только уже совершившимся, но и имѣющимъ впредь совершиться, если въ нихъ можно подозрѣвать связь съ прежними.

— Что же тутъ удивительнаго?

— Оно, конечно, Богъ умудряетъ и младенцы. Человѣкъ-то попался честный и энергичный, — вотъ что удивительно! Мѣсяца три ужъ искореняетъ: поднялъ такую возню, не дай Господи! Лошадей однихъ заѣздили около десятка.

— Что же тутъ хорошаго, особенно для васъ?

— Да вѣдь заѣздилъ-то не Проскуровъ... Этотъ ѣздитъ аккуратно. Земская полиція все за нимъ на обывательскихъ гоняется. Соревнованіе, знаете. Стараются попасть ранѣе на мѣсто преступленія... для пользы службы, конечно. Ну, да рѣдко имъ удается. Проскуровъ у насъ настоящій Лекокъ. Разъ, правда, успѣли одинъ кончикъ ловко у него изъ-подъ носу вытащить... Огорчили бѣднягу до такой степени, что онъ даже въ оффиціальномъ рапортѣ забылся: „стараніемъ, говоритъ, земскихъ властей приняты были всѣ мѣры къ успѣшному сокрытію слѣдовъ преступленія“. Ха-ха-ха!

— То-то вотъ, — сказала Матрена Ивановна, — я и говорю: озорникъ. Одного съ тобой поля ягода-то!...

— Ну, ужъ не озорникъ, — возразилъ Василій Ивановичъ. — Нѣ-ѣтъ! А что разъ промахнулся, такъ это и съ серьезнѣйшими людьми бываетъ. Самъ послѣ увидалъ, что далъ маху. Приступили къ нему; пришлось бѣднягѣ оправдываться опиской... „На предбудущее время, — говорятъ ему, — такихъ описокъ не допускать, подь опа-

сеніемъ отставки по разстроенному здоровью“. Чудакъ! Ха-ха-ха!

— Ну, а вы-то тутъ при чемъ?—спросилъ я.

Василій Ивановичъ принялъ комически-серьезный видъ.

— А я, видите ли, содѣйствую. У насъ тутъ,—спросите вотъ у Матрены Ивановны,—настоящій заговоръ, тайное сообщество. Онъ искореняетъ, а я ему, знаете ли, лошадокъ всегда наготовѣ держу. Взять хоть сегодня: тамъ, гдѣ-то по тракту убійство и его человѣчекъ къ нему съ извѣстіемъ поскакалъ. Ну, значитъ, и самъ искоренитель скоро явится; вотъ у меня лошади въ хомутахъ, да и на другихъ станкахъ просилъ пріятелей приготовить. Вотъ оно и выходитъ, что на скромномъ смотрительскомъ мѣстѣ тоже можно человѣчеству оказывать не маловажныя услуги, д-да-съ...

Подъ конецъ этой тирады веселый смотритель опять не выдержалъ серьезнаго тона и захохоталъ.

— Погодите,—сказалъ я ему.—Вы все смѣтаете. Скажите-ка мнѣ серьезно: сами-то вы вѣрите въ эту искоренительную миссію, или только наблюдаете?

Василій Ивановичъ крѣпко затянулся сигарой и замолчалъ.

— Представьте,—сказалъ онъ довольно серьезно,—вѣдь я еще и самъ не предлагалъ себѣ подобнаго вопроса. Погодите, дайте подумать... Да нѣтъ, какая къ чорту тутъ миссія! Загребить онъ скоро кверху тормашками, это вѣрно. А типъ, я вамъ скажу, интереснѣйшій! Да вотъ вамъ примѣръ: вѣдь оказывается, въ сущ-

пости, что я въ успѣхъ его дѣла не вѣрю; иногда смѣшонъ мнѣ этотъ искоренитель до послѣдней крайности, а содѣйствую и даже, если хотите, Матрена Ивановна права: возбуждаю противъ себя „настоящее“ начальство. Изъ-за чего же? Да и я ли одинъ? Вездѣ у него есть свои люди... „сочувствующіе“. Въ этомъ его сила, конечно. Только... странно, что, кажется, никто въ его успѣхъ не вѣритъ. Вотъ вы слышали: Матрена Ивановна говоритъ, что „настоящіе начальники не такіе бываютъ“. Это отголоски общественнаго мнѣнія. А между тѣмъ, пока этотъ младенецъ ломитъ впередъ, „высоко держа знамя“, какъ говорится въ газетахъ, всякій человѣкъ съ капелькой души, или просто лично не заинтересованный, старается мимоходомъ столкнуться съ его пути одинъ, другой камешекъ, чтобы младенецъ не ушибся. Ну, да это, конечно, не поможетъ.

— Но почему? При сочувствіи населенія, въ этомъ случаѣ даже прямо заинтересованнаго?

— То-то вотъ. Сочувствіе это какое-то не вполне доброкачественное. Сами вы увидите, можетъ-быть, какое это чадѡ. Претъ себѣ безъ всякой „политики“ и горюшка мало, что его бука съѣстъ. А сторонній человѣкъ смотритъ и головой качаетъ: „сѣдятъ, молъ, младенца ни за грошъ!“ Ну, и жалко. „Погоди-ка,—говоритъ сторонній человѣкъ,—я вотъ тутъ тебѣ дорожку прочищу, а ужъ дальше съѣстъ тебя бука, какъ пить дастъ“. А онъ идетъ, ничего! Поймите вы, что значитъ сочувствіе, если нѣтъ вѣры въ успѣхъ дѣла? Тутъ, молъ, надо начальника настоящаго, мудраго, яко

змій, чтобы, знаете, этими обходцами ползать умѣлъ, величіе бы являлъ, гдѣ надо, а гдѣ надо—и взяточкой бы не побрезгалъ,—безъ этого какой ужъ и начальникъ! Ну, тогда могла бы явиться и вѣра: „этотъ, молъ, скрутитъ!“ Только... чортъ возьми! тогда не было бы сочувствія, потому что все дѣло объяснялось бы столкновениемъ „начальственныхъ“ интересовъ... Вотъ тутъ и поди!... Э-эхъ, сторона наша, сторонushка!... Давайте-ка лучше чай пить!

Василій Ивановичъ круто оборвалъ и повернулся на стулѣ.

— Наливай, Матрѣнчикъ, чаю,—сказалъ онъ какъ-то мягко женѣ, слушавшей все время съ большимъ интересомъ рѣчи супруга.—А прежде,—обратился онъ ко мнѣ,—не дернуть ли намъ по первой?...

Василій Ивановичъ и самъ представлялъ тоже одинъ изъ интереснѣйшихъ типовъ, какіе, кажется, встрѣчаются только въ Сибири; по крайней мѣрѣ, въ одной Сибири вы найдете такого философа гдѣ-нибудь на почтовомъ станкѣ, въ должности смотрителя. Еще еслибы Василій Ивановичъ былъ „изъ сосланныхъ“, то это было бы не удивительно. Здѣсь не мало людей, которыхъ колесо фартуны, низвергши съ извѣстной высоты, зашвырнуло въ мѣста отдаленныя и которые здѣсь начинаютъ вновь карабкаться со ступеньки на ступеньку, внося въ эти „низменныя“ сферы не совсѣмъ обычные въ нихъ пріемы, образованіе и культуру. Но Василій Ивановичъ, наоборотъ, за свое вольнодумство спускался

медленно, но вѣрно, съ верхнихъ ступеней на нижнія. Онъ относился къ этому съ спокойствіемъ настоящаго философа. Получивъ подъ какими-то педагогическими вліяніями, тоже нерѣдкими въ этой „ссылной странѣ“, съ ранней юности, вкусы и склонности интеллигентнаго человѣка, онъ дорожилъ ими всю жизнь, пренебрегая внѣшними удобствами. Кромѣ того, въ немъ сидѣлъ художникъ. Когда Василій Ивановичъ бывалъ въ ударѣ, его можно было заслушаться до того, что вы забывали и дорогу, и спѣшное дѣло. Онъ сыпалъ анекдотами, рассказами, картинами; передъ вами проходила цѣлая панорама чисто-мѣстныхъ типовъ своеобразной и забытой реформой страны: всѣ эти засѣдатели, голодные, безнокійно-юркіе и алчные; исправники, отъѣвшіеся и начинающіе ощущать „удовольствіе существованія“; горные исправники, находящіеся на вершинахъ благополучія; совѣтники, старшіе совѣтники, чиновники „всякихъ“ порученій... И надъ всѣмъ этимъ міромъ, знакомымъ Василію Ивановичу до мельчайшихъ закоулковъ, царило благодущіе и величіе мѣстныхъ юпитеровъ, съ демонстративно-помпадурскою грозой и съ младенчески-напвнымъ невѣдѣніемъ страны, съ кругозоромъ петербургскихъ департаментскихъ канцелярій и властью могущественнѣйшихъ сатраповъ. И все это въ рассказахъ Василія Ивановича освѣщалось тѣмъ особеннымъ внутреннимъ чувствомъ, какое кладетъ истинный художникъ въ изображеніе интересующаго его предмета. А для Василія Ивановича его родина, которую онъ рисовалъ такими часто непривлекательными красками, составляла

предметъ глубоко интересный. Интеллигентный человѣкъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, онъ съ полнымъ правомъ могъ примѣнить къ себѣ стихъ поэта:

„Люблю я родину, но странною любовью!“

И онъ дѣйствительно любилъ ее, хоть эта плохо оцѣненная любовь и вела его къ постепенной, какъ онъ выражался, „деградаціи“. Когда, послѣ одного изъ крушеній, вызванныхъ его обличительнымъ зудомъ, ему предложили довольно порядочное мѣсто въ Россіи, онъ, немного подумавъ, отвѣтилъ предлагавшему:

— Нѣтъ, батюшка, спасибо вамъ, но я не могу... Не могу-съ!... Что мнѣ тамъ дѣлать? Все чужое. Помилуйте, да мнѣ и выругать-то тамъ будетъ некого.

Вообще, когда мнѣ приходится слышать или читать сравненіе Сибири съ дореформенною Россіей,—сравненіе, которое одно время было въ такомъ ходу,—мнѣ всегда приходитъ на умъ одно рѣзкое различіе. Различіе это воплощается въ видѣ толстой фигуры моего юмориста-пріятеля. Дѣло въ томъ, что у дореформенной Россіи не было сосѣдства Россіи же реформированной, а у Сибири есть это сосѣдство, и оно порождаетъ то ироническое отношеніе къ своей родной дѣйствительности, которое вы можете встрѣтить въ Сибири даже у людей не особенно интеллигентныхъ. Нашъ російскій Сквозникъ-Дмухановскій, въ простотѣ своей душевной непосредственности, полагалъ, что „такъ ужъ самимъ Богомъ установлено и волтеріанцы напрасно противъ этого вооружаются“. Сибирскій же Сквозникъ видѣлъ упраздненіе

своего російскаго прототипа, видѣлъ торжество волтеріанцевъ, и его непосредственность давно уже утрачена. Онъ рветъ и мечетъ, но въ свое провиденціальное назначеніе не вѣритъ. Пойдутъ одни „вѣянiя“,—онъ радуется; пойдутъ другія,—онъ впадаетъ въ уныніе и скрежещетъ. Правда, къ отчаянію всегда примѣшивается частица надежды: „авось и на этотъ разъ пронесетъ еще мимо“; за то и ко всякой надеждѣ примѣшивается горькое сомнѣніе: „надолго ли?“ Ибо „рубятъ лѣсъ за Ураломъ, а въ Сибирь летятъ щепки“. А тутъ еще въ сторонкѣ стоитъ свой родной „волтеріанецъ“ во фризовой шинели и улыбается: „что, молъ, батюшка, покуда еще Богъ грѣхамъ терпитъ, ась?“—да втихомолку строчить корреспонденціи въ російскія безцензурныя изданія.

— Кстати,—спросилъ у меня Василій Ивановичъ, когда послѣ чаю мы закурили сигары, продолжая свою бесѣду:—вы мнѣ вѣдь еще не рассказали, что такое случилось съ вами, тотъ разъ, въ логу?

Я рассказалъ все уже извѣстное читателю.

Василій Ивановичъ сидѣлъ задумчиво, рассматривая кончикъ нагорѣвшей сигары.

— Да,—сказалъ онъ,—страшные люди...

— Вы ихъ знали?

— Какъ вамъ сказать? Ну, встрѣчалъ, и бесѣдовалъ, и чай, вотъ какъ съ вами, пивалъ. А знать... ну, нѣтъ! Засѣдателей вотъ или исправниковъ, быть-можетъ по родственности духа, насквозь вижу, а этихъ понять не могу. Одно только знаю твердо: не сдобровать этому

Силину,—не теперь, такъ послѣ покончатъ съ нимъ непремѣнно.

— Почему вы думаете?

— Да какъ же иначе? Происшествіе съ вами уже не первое. Во всѣхъ подобныхъ опасныхъ случаяхъ, когда ни одинъ ящикъ не рѣшится везти, обращаются къ этому молодцу, и онъ никогда не откажется. И замѣтите: никогда онъ не беретъ съ собой никакого оружія. Правда, онъ всѣмъ импонируетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ уложилъ Безрукаго, его сопровождаетъ какое-то странное обаяніе, и онъ самъ, кажется, тоже ему поддается. Но вѣдь это иллюзія. Поговариваютъ ужъ тутъ разные ребята: „Убивца“, молъ, хоть заговоренною пулей, а все же взять можно...“ Кажется, упорство, съ какимъ этотъ Константинъ производитъ по немъ свои выстрѣлы, объясняется именно тѣмъ, что онъ запасся такими заговоренными пулями.

V.

„И с к о р е н и т е л ь“.

Василій Ивановичъ насторожилъ среди разговора свои привычныя уши.

— Погодите-ка,—сказалъ онъ,—кажется, колокольчикъ... Должно-быть Проскуровъ.

И при этомъ имени Василя Ивановича, очевидно, вновь обуяла его смѣшливая веселость. Онъ быстро подбѣжалъ къ окну.

— Ну, такъ и есть. Катить нашъ искоренитель. Посмотрите-ка, посмотрите: вѣдь это картина. Ха-ха-ха!... Вотъ всегда этакъ ѣздить. Аккуратнѣйшій мужчина!

Я подошелъ къ окну. Звонъ колокольчика быстро приближался, но сначала мнѣ видно было только облако пыли, выкатившееся какъ будто изъ лѣсу и бѣжавшее по дорогѣ къ станку. Но вотъ дорога, пролегавшая подъ горой, круто свернула къ станціи, и въ этомъ мѣстѣ мы могли видѣть ѣхавшихъ—прямо и очень близко подъ нами.

Почтовая тройка быстро мчала легонькую таратайку. Изъ-подъ копытъ разгорячившихся коней летѣлъ брызгами щебень и мелкая каменная пыль, но ямщикъ, наклонившись съ облучка, еще погонялъ и покрикивалъ. За ямщикомъ виднѣлась фигура въ форменной фуражкѣ съ кокардой и штатскомъ пальто. Хотя на ухабистой дорогѣ таратайку то и дѣло трясло и подкидывало самымъ жестокимъ образомъ, но господинъ съ кокардой не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Онъ тоже перегнулся, стоя, черезъ облучокъ и, повидимому, тщательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ каждой лошади, контролируя ихъ и слѣдя, чтобы ни одна не отставала. По временамъ онъ указывалъ ямщику, какую, по его мнѣнію, слѣдуетъ подхлестнуть, иногда даже бралъ у него кнутъ и старательно, хоть и неумѣло, подхлестывалъ самъ. Отъ этого занятія, поглощавшаго все его вниманіе, онъ изрѣдка только отрывался, чтобы взглянуть на часы.

Василій Ивановичъ, все время, пока тройка неслась

въ гору, хохоталъ какъ сумасшедшій; но когда колокольчикъ, забившись отчаянно передъ самымъ крыльцомъ, вдругъ смолкъ, смотритель сидѣлъ уже на кушеткѣ и, какъ ни въ чемъ ни бывало, курилъ свою сигару.

Нѣсколько секундъ со двора слышно было только, какъ дышутъ усталыя лошади. Но вдругъ наша дверь отворилась и въ комнату вбѣжалъ новопріѣзжій. Это былъ господинъ лѣтъ 35, небольшого роста, съ несообразно большою головою. Широкое лицо, съ выдававшимися нѣсколько скулами, прямыми бровями, слегка вздернутымъ носомъ и тонко очерченными губами, было почти прямоугольно и дышало своеобразною энергіей. Большіе сѣрые глаза смотрѣли въ упоръ. Вообще фізіономія Проскурова на первый взглядъ поражала серьезностью выраженія, но впечатлѣніе это, послѣ нѣсколькихъ мгновеній, какъ-то стиралось. Аккуратныя чиновничьи „котлетки“, обрамлявшія гладко выбритыя щеки, проборъ на подбородкѣ, какая-то странная торопливость движеній тотчасъ же примѣшивали къ первому впечатлѣнію комизмъ, который только усиливался отъ контрастовъ, совмѣщавшихся въ этой своеобразной фигурѣ.

Войдя въ комнату, Проскуровъ сначала на мгновение остановился, потомъ быстро окинулъ ее взглядомъ и, усмотрѣвъ Василя Ивановича, тотчасъ же устремился къ нему.

— Господинъ смотритель!... Василій Ивановичъ, голубчикъ... лошадей!... Лошадей мнѣ, милостивый государь, ради Бога, поскорѣе!

Василій Ивановичъ, развалясь на кушеткѣ, хранилъ холодно-дипломатическій видъ.

— Не могу-съ... Да вамъ, кажется, почтовыхъ и не полагается, а земскія нужны подъ засѣдателя, — онъ скоро будетъ.

Проскуровъ сначала горестно изумился, потомъ вдругъ вспыхнулъ.

— Что вы, что вы это? Вѣдь я прибылъ раньше! Нѣтъ, позвольте-съ... Во-первыхъ, ошибаетесь и насчетъ почтовыхъ: у меня на всякій случай подорожная... Но, кромѣ того, на законномъ основаніи...

Но Василій Ивановичъ уже смѣялся.

— А, чортъ возьми! Вѣчно вы съ вашими шутками, а мнѣ некогда! — досадливо сказалъ Проскуровъ, очевидно, не въ первый разъ попадавшій въ эту ловушку. — Скорѣе, Бога ради, у меня тутъ дѣло!

— Знаю, убійство...

— Да вы почему знаете? — встревожился Проскуровъ.

— Почему знаете! — передразнилъ смотритель. — Да вѣдь засѣдатель-то ужъ тамъ. Отъ него слышалъ.

— Э, врите вы опять, — просіялъ Проскуровъ. — Они-то еще и ухомъ не повели, а ужъ у моихъ, знаете ли, и виновный, то-есть собственно... правильнѣе сказать — подозрѣваемый, въ рукахъ. Это, батюшка, такое дѣльце выйдетъ... громчайшее!... Вотъ вы посмотрите, какъ я ихъ тутъ всѣхъ ковырну!

— Ну, ужъ вы-то ковырнете! Смотрите, не ковырнули бы васъ...

Проскуровъ вдругъ встрепенулся. Во дворѣ забрякали колокольцы.

— Василій Ивановичъ, — заговорилъ онъ вдругъ какимъ-то заискивающимъ тономъ, — тамъ, я слышу, запрягаютъ. Это мнѣ, что ли?

При этомъ онъ схватилъ смотрителя за руку и бросилъ тревожный взглядъ въ мою сторону.

— Ну, вамъ, вамъ... успокойтесь! Да что у васъ тамъ въ самомъ-то дѣлѣ?

— Убійство, батюшка! Опять убійство... Да еще какое! Съ явными признаками дѣятельности извѣстной вамъ шайки. У меня тутъ нити. Если не ошибаюсь, тутъ нѣсколько такихъ хвостиковъ прищепить можно... Ахъ, ради Бога, поскорѣе!...

— Сейчасъ. Да гдѣ же это случилось?

— Все въ этомъ же логу проклятомъ. Взорвать бы это мѣсто порохомъ, право! Ямщика убили...

— Что такое? Ужъ не ограбленіе ли почты?

— Э, нѣтъ, „вольнаго“.

— „Убивца“?—вскрикнулъ я, пораженный внезапною догадкой.

Проскуровъ обернулся ко мнѣ и впился въ мое лицо своими большими глазами.

— Д-дѣйствительно-съ... убитаго такъ звали. А позвольте спросить: почему это васъ такъ интересуетъ?

— Гм... — промычалъ Василій Ивановичъ, и въ глазахъ его забѣгали веселые огоньки.— Допросите-ка его, хорошеничко допросите!

— Я встрѣчался съ нимъ ранѣе.

— Та-акъ-съ... — протянулъ Василій Ивановичъ, — встрѣ-ча-лись... А не было ли у васъ вражды или соперничества, не ожидали ли по покойномъ наслѣдства?

— Да ну васъ, съ вашими шутками! Что за несносный человѣкъ! — досадливо отмахнулся опять Проскуровъ и обратился ко мнѣ:

— Извините, милостивый государь, собственно я во все не имѣлъ въ виду привлечь васъ къ дѣлу, но вы понимаете... интересы правосудія...

— Гуманности и спасенія человѣчества, — ввернулъ опять неисправимый смотритель.

— Однимъ словомъ, — продолжалъ Проскуровъ, бросивъ на Василья Ивановича подавляющій взглядъ, — я хотѣлъ сказать, что вниманіе къ интересамъ правосудія обязательно для всякаго, такъ сказать, гражданина. И если вы можете сообщить какія-либо свѣдѣнія, идущія къ дѣлу, то... вы понимаете... однимъ словомъ, обязаны это сдѣлать.

У меня мелькнуло вдругъ смутное соображеніе.

— Не знаю, — отвѣтилъ я, — насколько могутъ способствовать раскрытію дѣла тѣ свѣдѣнія, какія я могу доставить. Но я радъ бы былъ, еслибъ они оказались полезны.

— Превосходно! Подобная готовность дѣлаетъ вамъ честь, милостивый государь. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе?...

— Я назвался.

— Аѳанасій Ивановичъ Проскуровъ, — отрекомендо-

вался онъ въ свою очередь.—Вы вотъ изъявили сейчасъ готовность содѣйствовать правосудію. Такъ вотъ, видите ли, чтобъ ужъ не дѣлать дѣло въ половину, не согласитесь ли вы, милостивый государь... однимъ словомъ... ѣхать теперь же со мною?

Василій Ивановичъ захохоталъ.

— Н-ну, ужъ это... я вамъ скажу... Это чортъ знаетъ что такое! Да вы что, арестовать его, что ли, намѣрены?

Проскуровъ быстро и какъ будто сконфуженно схватилъ мою руку...

— Не думайте, пожалуйста,—заговорилъ онъ.—Помилуйте, какія же основанія...

Я поспѣшилъ его успокоить, что мнѣ вовсе не приходило въ голову ничего подобнаго.

— Да и Василій Ивановичъ, конечно, шутить, — добавилъ я.

— Я радъ, что вы меня понимаете. Мнѣ время дорого; тутъ всего, знаете ли, два перегона. Дорогой вы мнѣ сообщите, что вамъ извѣстно. Да, кстати же, я безъ письмоводителя...

Я не имѣлъ причины отказаться.

— Напротивъ,—сказалъ я Проскурову, — я самъ хотѣлъ просить васъ взять меня съ собою, такъ какъ меня лично крайне интересуешь это дѣло.

Передо мною, точно живой, всталъ образъ „убивца“, съ угрюмыми чертами, со страдальческою складкой между бровей, съ затаенною думой въ глазахъ. „Скликаешь воронья на мою головушку, проклятый!“ — вспомнилось

мнѣ его тоскливое предчувствіе. Сердце у меня сжалось. Теперь это воронье кружилось надъ его угасшими очами въ темномъ логоу, и прежде уже омрачившемъ его чистую жизнь своею зловѣщею тѣнью.

— Эге-ге! — закричалъ вдругъ Василій Ивановичъ, внимательно вглядываясь въ окно. — Аѳанасій Ивановичъ, не можете ли сказать, кто это ѣдетъ вонъ тамъ подь самымъ лѣсомъ?

Проскуровъ только взглянулъ въ окно и тотчасъ же устремился къ выходу.

— Поскорѣй, ради Бога, — кинулъ онъ мнѣ на ходу, хватая со стола свою фуражку.

Я тоже наскоро собрался и вышелъ. Въ ту же минуту къ ступенямъ крыльца подкатила ретивая тройка.

Взглянувъ въ сторону лѣса, я увидѣлъ вдали быстро приближавшуюся повозку. Сѣдокъ привставалъ иногда и что-то дѣлалъ надъ спиной ямщика; виднѣлись поднимаемые и опускаемые руки. Косвенные лучи вечерняго солнца переливались слабыми искорками въ пуговицахъ и погонахъ.

Проскуровъ расплачивался съ привезшимъ его ямщикомъ. Парень осклабился съ довольнымъ видомъ.

— Много довольны, ваше благородіе...

— Сказалъ товарищу, вотъ ему? — ткнулъ Проскуровъ въ новаго ямщика.

— Знаемъ, — отвѣтилъ тотъ.

— Ну, смотри, — сказалъ слѣдователь, усаживаясь въ повозку. — Приѣдешь въ полтора часа, — получишь рубль, а минутой — понимаешь? — одною только минутой позже...

Тутъ лошади подхватили съ мѣста и Проскуровъ перхнулся, не докончивъ начатой фразы.

VI.

Е в с ѣ и ч ѣ.

До Б. было верстъ двадцать. Проскуровъ сначала все посматривалъ на часы, сличая разстояніе, и по временамъ тревожно озирался назадъ. Убѣдившись, что тройка мчится лихо и погони сзади не видно, онъ обратился ко мнѣ:

— Ну-съ, милостивый государь, что же собственно вамъ извѣстно по этому дѣлу?

Я рассказалъ о своемъ приключеніи въ логу, о предчувствіи ямщика, объ угрозѣ, которую послалъ ему одинъ изъ грабителей, какъ мнѣ казалось, — купецъ. Проскуровъ не проронилъ ни одного слова.

— Д-да, — сказалъ онъ, когда я кончилъ. — Все это будетъ имѣть свое значеніе. Ну-ст, а помните ли вы лица этихъ людей?

— Да, за исключеніемъ развѣ купца.

Проскуровъ бросилъ на меня взглядъ, исполненный глубокой укоризны.

— Ахъ, Боже мой! — воскликнулъ онъ, и въ тонѣ его слышалась горечь разочарованія. — Гм... Конечно, вы не виноваты, но его-то именно вамъ слѣдовало замѣтить. Жаль, очень жаль... Ну, да все же онъ не избѣгнетъ правосудія.

Менѣе чѣмъ въ полтора часа мы были уже на станкѣ. Распорядившись, чтобы поскорѣй запрягали, Проскуровъ приказалъ позвать къ себѣ сотскаго.

Тотчасъ же явился мужичокъ небольшого роста, съ жидкою бородкой и плутоватыми глазами. Выраженіе лица представляло характерную смѣсь добродушія и лукавства, но въ общемъ впечатлѣніе отъ этой фигуры было пріятное и располагало въ пользу ея обладателя. Худой зипунишко и вообще рваная, убогая одежонка не обличали особеннаго достатка. Войдя въ избу, онъ поклонился, потомъ выглянулъ за дверь, какъ бы желая убѣдиться, что никто не подслушиваетъ, и затѣмъ подошелъ ближе. Казалось, въ сообществѣ съ Проскуровымъ онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко и даже какъ будто въ опасности.

— Здравствуй, здравствуй, Евсѣичъ!—сказалъ чиновникъ радушно.—Ну, что? Птица-то у насъ не улетѣла?

— Пошто улетитъ?—сказалъ Евсѣичъ, переминаясь.—Сторожимъ тоже.

— Пробовалъ ты съ нимъ заговаривать?... Что говорить?

— Пробовать-то пробова-лъ, да, вишь, онъ разговаривать-то не больно охочъ. Перво я къ нему было добромъ, а опосля, признаться, пострацалъ-таки маленько: „Что, молъ, такой-сякой, лежишь, ровно стату́й? Знаешь, молъ, кто я по здѣшнему мѣсту?“ — „А кто?“ — спрашиваетъ. — „Да начальство, молъ, вотъ кто... сотскій!“ — „Этакихъ, говоритъ, начальствовъ мы по мордѣ бивали“.

Что ты съ нимъ подѣлаешь? Отчаянный!... Известно, жиганъ!

— Ну, хорошо, хорошо!—перебилъ нетерпѣливо Проскуровъ. —Сторожите хорошенько. Я скоро вернусь.

— Не убѣгётъ. Да ёнъ, ваше благородіе,—надо правду говорить,—смирной... Кою-пору все только лежитъ, да въ потолокъ смотреть. Дрыхнетъ ли, такъ ли отлеживается,—шутъ его знаетъ... Разъ только и вставалъ-то: поѣсть бы, сказываетъ, охота. Покормилъ я его маленько, попросилъ онъ еще табачку на цыгарку, да опять и залёгъ.

— Ну, и отлично, братецъ. Я на тебя надѣюсь. Если пріѣдетъ фельдшеръ, посылай на мѣсто.

— Будьте благонадежны. А что я хотѣлъ спросить ваше благородіе?...

Евсѣичъ опять подошелъ къ двери и выглянулъ въ сѣни.

— Ну, что еще?—спросилъ Проскуровъ, направлявшійся было къ выходу.

— Да, значитъ, теперича такъ мы мекаемъ,—началъ Евсѣичъ, политично переминаясь и искоса посматривая на меня,—теперича ежели мужичкамъ на *нихъ* палегнуть, такъ въ самую бы пору... Міромъ, значитъ, или бы сказать: скопомъ...

— Ну? —сказалъ Проскуровъ и нагнулъ голову, чтобы лучше вслушаться въ безсвязное объясненіе мужика.

— Да какъ же, ваше благородіе, сами судите! Терпѣть не можно стало; вѣдь безпокойство! Какую теперича силу взяли, и все ни почемъ... Теперича хоть бы

самый этотъ жиганъ... Онъ что такое? Можно сказать—купленный человѣкъ; больше ничего, что за деньги... Не онъ, такъ другой...

— Справедливо, — поощрилъ Проскуровъ, очевидно, сильно заинтересованный. — Ну, продолжай, братецъ. Ты, я вижу, мужикъ съ головой. Что же дальше?

— Ну, больше ничего, что ежели теперича мужики видѣли бы себѣ подмогу... мы бы, можетъ, супротивъ *ихъ* осмѣлились... Мало ли теперича за ними качествъ?... Міръ—великое дѣло.

— Что-жь, помогите вы правосудію и правосудіе вамъ поможетъ, — сказалъ Проскуровъ не безъ важности.

— Извѣстно, — произнесъ Евсѣичъ задумчиво. — Ну только опять такъ мы, значить, промежду себя мекаемъ: ежели, молъ, теперича вамъ, ваше благородіе, супротивъ начальниковъ не выстоять будетъ, тутъ мы должны во-все пропасть и съ ребятами. Потому—ихняя сила...

Проскуровъ вздрогнулъ, точно по немъ пробѣжала электрическая искра, и, быстро схвативъ фуражку, выбѣжалъ вонъ. Я послѣдовалъ за нимъ, оставивъ Евсѣича въ той же недоумѣвающей позѣ. Онъ разводилъ руками и что-то бормоталъ про себя.

А Проскуровъ садился въ повозку въ полномъ негодованіи.

— Вотъ такъ всегда! — говорилъ онъ. — Все компромиссы, всюду компромиссы... Обезпечь имъ успѣхъ, тогда и они согласны оказать поддержку правосудію... Что вы на это скажете? Вѣдь это... это-съ—развратъ, наконецъ... Отсутствіе сознанія долга...

— Если ужъ вы обратились ко мнѣ съ этимъ вопросомъ,—сказалъ я,—то я позволю себѣ не согласиться съ вами. Мнѣ кажется, они вправѣ требовать отъ „власти“ гарантіи успѣха праваго дѣла на легальномъ пути. Иначе въ чемъ состоитъ самая идея власти?... Не думаете ли вы, что разъ міру воспрещенъ самосудъ, то тѣмъ самымъ взяты извѣстныя обстоятельства? И если они не исполняются, то...

Проскуровъ живо повернулся въ мою сторону и, по-видимому, хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ ничего и глубоко задумался.

Мы отѣхали версть шесть и до лога оставалось не болѣе трехъ, когда сзади послышался колокольчикъ.

— Ага!—сказалъ Проскуровъ,—ѣдетъ безъ перепряжки. Ну, да тѣмъ лучше: не успѣетъ повидаться съ арестованнымъ. Я такъ и думалъ.

VII.

Засѣдатель.

Солнце задѣло багрянымъ краемъ за черту горизонта, когда мы подѣхали къ логу. Свѣту было еще достаточно, хотя въ логу залегали уже густые вечерніе мѣроки. Было прохладно и тихо. „Камень“ молчаливо стоялъ надъ туманами и надъ нимъ подымался полный, хотя еще блѣдный, мѣсяцъ. Черная тайга, точно закаятая, дремала недвижимо, не шелохнувъ ни одною вѣткой. Тишина нарушалась только звономъ колокольчика,

который гулко носился въ воздухѣ, отдаваемый эхощелья. Сзади слышался такой же звонъ, только послабѣе.

У кустовъ курился дымокъ. Караульные крестьяне сидѣли вокругъ костра въ угрюмомъ молчаніи. Увидѣвъ насъ, они встали и сняли шапки. Въ сторонкѣ, подъ холщевымъ покрываломъ, лежало мертвое тѣло.

— Здравствуйте братцы!—сказалъ слѣдователь тихо.

— Здорово, ваше благородіе!—отвѣчали крестьяне.

— Ничего не трогали съ мѣста?

— Ничего, будто... *Его* маленечко обрядили: не хорошо, значить... Скотину не тронули.

— Какую скотину?

— Да вѣдь какъ же: Пѣгашку-то пристрѣлили же варвары... На вершней покойникъ-то возвращался.

Дѣйствительно, въ саженьяхъ тридцати, у дороги, виднѣлась убитая лошадь.

Проскуровъ занялся осмотромъ мѣстности, пригласивъ съ собой и караульныхъ. Я подошелъ къ покойнику и поднялъ пологъ съ лица.

Мертвенно-блѣдныя черты были спокойны. Потускнѣвшіе глаза смотрѣли вверхъ, на вечернее небо, и на лицѣ виднѣлось то особенное выраженіе недоумѣнія и какъ будто вопроса, которое смерть напечатлѣваетъ иногда, какъ послѣднее движеніе улетающей жизни... Лицо было чисто, не запятнано кровью.

Черезъ четверть часа Проскуровъ съ крестьянами прошелъ мимо меня, направляясь къ перекрестку. На встрѣчу имъ подѣзжала задняя повозка.

Изъ нея вышелъ немолодой мужчина въ полицейской формѣ и молодой штатскій господинъ, оказавшійся фельдшеромъ.

Засѣдатель, видимо, сильно усталъ. Его широкая грудь работала, какъ кузнечные мѣхы, и все тучное тѣло ходило ходуномъ подъ короткою форменною шинелью довольно изящнаго покроя. Щеки тоже вздувались и опадали, причемъ нафабранные большіе усы то подымались концами и становились перпендикулярно, то опять припадали къ ушамъ. Большіе, сѣроватые съ просѣдью и курчавые волосы были покрыты пылью.

— У-уфъ,—заговорилъ онъ, пыхтя и отдуваясь.—За вами, Аѳанасій Ивановичъ, не поспѣешь. Здравствуйте!

— Мое почтеніе,—отвѣтилъ Проскуровъ.—И напрасно изволите торопиться. Я могъ бы и обождать.

— Нѣтъ, зачѣмъ же-съ?... У-уфъ!... Служба прежде всего-съ... Не люблю, знаете ли, когда меня дожидаются. Не въ моихъ правилахъ-съ.

Засѣдатель говорилъ сиплымъ армейскимъ басомъ, при звукахъ котораго невольно вспоминается запахъ рому и жуковского табаку. Глаза его, маленькіе, полинявшіе, но все еще довольно живые и бойкіе, бѣгали, между тѣмъ, по сторонамъ, тревожно изслѣдуя обстановку. Они остановились на мнѣ.

— Это мой знакомый,—отрекомендовалъ меня Проскуровъ,—г. NN., временно исполняющій обязанности моего писмоводителя.

— Имѣлъ удовольствіе слышать-съ. Очень пріятно-съ. Отставной штабсъ-капитанъ Безрыловъ,

Безрыловъ поднесъ руку къ козырьку и молодцевато щелкнулъ шпорами.

— Отлично-съ. Теперь мы можемъ приступить къ изслѣдованію. Отдѣлаемъ по-военному, живо, пока еще засвѣтло. Эй, понятые, сюда!...

Караульные крестьяне приблизились къ начальству и всѣ вмѣстѣ двинулись къ мертвому тѣлу. Первымъ подошелъ очень развязно Безрыловъ и сразу отдернулъ весь пологъ.

Мы всѣ отшатнулись при видѣ открывшейся при этомъ картины. Вся грудь убитого представляла одну зіяющую рану, прорѣзанную и истыканную въ разныхъ направленіяхъ. Невольный ужасъ охватывалъ душу при видѣ этихъ слѣдовъ изступленнаго звѣрства. Каждая рана была бы смертельна, но было очевидно, что большинство изъ нихъ нанесены мертвому.

Даже господинъ Безрыловъ потерялъ всю свою развязность. Онъ стоялъ неподвижно, держа въ рукѣ конецъ полога. Его щеки побагровѣли, а концы усовъ угрожающе торчали, какъ два копья.

— Ррак-ка-лыи!—произнесъ онъ, наконецъ, и какъ-то глубоко вздохнулъ.

Быть-можетъ въ этомъ вздохѣ сказалось сожалѣніе о томъ, что для господина Безрылова нѣтъ уже возврата съ пути укрывательства и потачекъ.

Онъ тихо закрылъ пологъ и обратился къ Проскурову, который, между тѣмъ, уставился на него своими упорными глазами.

— Пожалуйста,—попросилъ засѣдатель, опуская гла-

за, — опишемъ при вскрытіи, завтра... Теперь изслѣдуемъ обстановку и перенесемъ тѣло въ Б.

— А тамъ произведемъ допросъ арестованному по этому дѣлу, — сказалъ Проскуровъ жестко.

Глаза Безрылова забѣгали, какъ два затравленные звѣрька.

— Арестованнаго? — переспросилъ онъ. — У васъ есть уже и арестованный?... Какъ же мнѣ... какъ же я ничего не зналъ объ этомъ?

Онъ былъ жалокъ, но тотчасъ же попытался оправиться. Кинувъ быстрый, враждебный взглядъ на крестьянъ и на своего ямщика, онъ обратился опять къ Проскурову.

— Вотъ и отлично-съ. У васъ дѣло кипить въ рукахъ... зам-мѣ-чательно!...

VIII.

„Иванъ тридцати восьми лѣтъ“.

Около полуночи, отдохнувъ нѣсколько и напившись чаю, чиновники приступили къ слѣдствію.

Въ довольно просторной комнатѣ, за столомъ, уставленнымъ письменными принадлежностями, помѣстился по срединѣ Проскуровъ. Его нѣсколько комичная подвижность исчезла; онъ сталъ серьезенъ и важенъ. Справа усѣлся Безрыловъ, успѣвшій совершенно оправиться и вновь пріобрѣвшій свою армейскую развязность. Во время короткаго роздыха онъ умылся, нафабрилъ усы

и взбилъ свои сѣдоватыя кудри. Вообще, Безрыловъ сталъ бодръ и великолѣпнѣе. Похлебывая густой чай изъ стоявшаго передъ нимъ стакана, онъ посматривалъ на слѣдователя съ снисходительною улыбкой. Я усѣлся на другомъ концѣ стола.

— Прикажите ввести арестованнаго, — сказалъ Проскуровъ, подымая глаза отъ листа бумаги, на которомъ онъ быстро писалъ форму допроса.

Безрыловъ кивнулъ только головой и Евсѣичъ бросился вонъ изъ избы.

Черезъ минуту входная дверь отворилась и въ ней рѣзко обрисовалась высокая фигура того самого мужчины, котораго я видѣлъ съ Костюшкой на перевозѣ, задумчиво слѣдящимъ за облаками.

Входя въ комнату, онъ слегка запнулся за порогъ, оглядѣлъ то мѣсто, за которое задѣлъ, потомъ вышелъ на середину и остановился. Его походка была ровна и спокойна. Широкое лицо, съ грубоватыми, но довольно правильными чертами, выражало полное равнодушіе. Голубые глаза были нѣсколько тусклы и неопредѣленно смотрѣли впередъ, какъ будто не видя ближайшихъ предметовъ. Волосы подстрижены въ скобку. На новой ситцевой рубахѣ виднѣлись слѣды крови.

Проскуровъ передалъ мнѣ „форму“ и, подвинувъ перо и чернильницу, приступилъ къ обычному опросу:

— Какъ зовутъ?

— „Иванъ тридцати восьми лѣтъ“.

— Гдѣ имѣете мѣсто жительства?

— Безъ пріюту... въ бродяжествѣ...

— Скажите, Иванъ тридцати восьми лѣтъ, вами ли совершено сего числа убійство ямщика Ѳедора Михайлова?

— Такъ точно, ваше благородіе, моя работа... Что ужъ, видимое дѣло...

— Молодецъ!—одобрилъ бродягу Безрыловъ.

— Что-жъ, ваше благородіе, зачѣмъ чинить напрасную проволочку?... Не отопрешься.

— А по чьему наученію или подговору? — продолжалъ слѣдователь, когда первые отвѣты были записаны.— И откуда у васъ тѣ пятьдесятъ рублей тридцать двѣ копейки, которые найдены при обыскѣ?

— Бродяга вскинулъ на него своими задумчивыми глазами.

— Ну, ужъ это,—отвѣтилъ онъ,—ты, ваше благородіе, лучше оставь! Ты свое дѣло знаешь,—ну, и я свое тоже знаю... Самъ по себѣ работалъ, больше ничего... Я, да темная ночка, да тайга-матушка—самъ-третей!...

Безрыловъ крякнулъ и съ наслажденіемъ отхлебнулъ сразу полстакана, кидая на Проскурова насмѣшливый взглядъ. Затѣмъ онъ опять устоялся на бродягу, видимо любуясь его образцовою тюремною выправкой, какъ любитъ служака-офицеръ на браваго солдата.

Проскуровъ оставался спокоенъ. Видно было, что онъ и не особенно рассчитывалъ на откровенность бродяги.

— Ну, а не желаете ли сказать, — продолжалъ онъ свой допросъ, — почему вы такъ звѣрски изрѣзали уби-таго вами Ѳедора Михайлова? Вы имѣли противъ покойнаго личную вражду или ненависть?

Допрашиваемый смотрѣлъ на слѣдователя съ недоумѣніемъ.

— Пырнулъ я его ножикомъ разъ и другой... Болѣе, кажись, не было... Свалился онъ...

— Десятникъ,—обратился Проскуровъ къ крестьянину,—возьмите свѣчу и посвѣтите арестанту. А вы взгляните въ ту комнату.

Бродяга все тою же ровною походкой подошелъ къ двери и остановился. Крестьянинъ, взявъ со стола одну свѣчу, вошелъ въ сосѣдную горницу.

Вдругъ жиганъ вздрогнулъ и отшатнулся. Потомъ, взглянувъ съ видимымъ усиліемъ еще разъ въ томъ же направленіи, онъ отошелъ къ противоположной стѣнѣ. Мы всѣ слѣдили за нимъ въ сильнѣйшемъ волненіи, которое какъ будто передавалось намъ отъ этой мощной, но теперь сломленной и подавленной фигуры.

Онъ былъ блѣденъ. Нѣкоторое время онъ стоялъ опустивъ голову и опершись плечомъ о стѣну. Потомъ онъ поднималъ голову и посматрѣлъ на насъ смутнымъ и недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Ваше благородіе... хрестьяне православные,—заговорилъ онъ умоляющимъ тономъ,—не дѣлалъ я этого... Вѣрьте совѣсти—не дѣлалъ!... Со страху нешто, не помню... Да нѣтъ, не можетъ этого быть...

Вдругъ онъ оживился. Глаза его въ первый разъ сверкнули.

— Ваше благородіе! — заговорилъ онъ рѣшительно, подходя къ столу,—пишите: Костюшка это сдѣлалъ,—Костинкинъ — рваная-ноздря!... Онъ, безпремѣнно онъ,

подлецъ!... Никто, какъ опъ, человѣка этакъ испакостилъ. Его дѣло... Все одно: товарищъ, не товарищъ — знать не хочу!... Пишите, ваше благородіе!...

При этой неожиданной вспышкѣ откровенности Проскуровъ быстро выхватилъ у меня перо и бумагу и приготовился записывать самъ. Бродяга тяжело и какъ будто съ усиліемъ сталъ развертывать передъ нами мрачную драму.

Онъ бѣжалъ изъ Н-скаго острога, гдѣ содержался за бродяжество, и нѣкоторое время слонялся „безъ дѣла“, пока судьба не столкнула его, въ одномъ „заведеніи“, съ Костюшкой и его товарищами. Тутъ въ первый разъ услышалъ онъ разговоръ про покойнаго Михалыча. „Убивецъ“, молъ, такой человѣкъ, его ничѣмъ не возьмешь: ни ножомъ, ни пулей, потому что заколдованъ“. — „Пустое дѣло, господа, — я говорю, — не можетъ этого быть. Всякаго человѣка желѣзомъ возьмешь“. — „А вы, спрашиваютъ, кто такіе будете, какого роду-племени?“ — „А это, говорю, дѣло мое. Острогъ — мнѣ батюшка, а тайга — моя матушка. Тутъ и родъ, тутъ и племя, а что не люблю слушать, когда, напримѣръ, пустяки этакіе говорятъ... вотъ что!“ Ну, слово за слово, разговорились, приняли они меня въ компанію свою, полштофъ поставили, потомъ Костинкинъ и говоритъ: „Ежели вы, говоритъ, человѣкъ благонадежный, то не желаете ли съ нами *на фартъ* *) идти?“ — „Пойду“, говорю. — „Ладно, молъ, намъ человѣкъ нуженъ. Днемъ ли, ночью

*) *Фартъ* по-сибирски — удача, дѣло, обѣщающее выгоду.

ли, а ужъ въ логу безпремѣнно дѣло сдѣлать надо, потому что капиталы повезетъ тутъ господинъ изъ городу большіе. Только смотри, говоритъ, не хвастаешь ли? Ежели съ другимъ ямщикомъ господинъ этотъ поѣдетъ, сдѣлаемъ дѣло, раздуваемъ честь честью... Ну, а ежели „убивецъ“ опять повезетъ,—мотри, убѣгѣшь“.—„Не будетъ этого, говорю, чтобъ я убѣгъ“.—„Ну, ладно, молъ; ежели имѣешь въ себѣ такой духъ, то будешь счастливый человѣкъ; за „убивца“ можешь себѣ награду получить большую...“

— Награду? — переспросилъ Проскуровъ. — Отъ кого же?

— Ты вотъ что, господинъ, — сказалъ бродяга, — ты слушай меня, пока я говорю, а спрашивать будешь послѣ... Ну, признаться сказать, на первый-то разъ убѣгъ я, испужался. Главная причина — товарищи выдали. Идетъ на насъ Михалычъ, стыдно сказать, съ кнутикомъ, а Костинкинъ съ ружьемъ въ первую голову убѣжалъ. Ну, подался и я, сробѣлъ... Да онъ же, подлецъ, потомъ первый на смѣхъ меня поднялъ. Извительный онъ, Костинкинъ то-есть. „Ладно, говорю, идемъ опять. Да смотри, Костюшка, убѣгѣшь ежели, — самъ живъ отъ меня не останешься!“ Три дня мы въ логу этомъ прожили, — все его дожидались. На третій день проѣхалъ онъ подъ вечеръ; значить, ночью ему назадъ ворочаться. Изготовились мы, слышимъ: ѣдетъ тихонько на вершной. Выпалилъ Костинкинъ изъ ружья, пѣгашку свалилъ. Михалычъ кинулся въ кусты, какъ разъ на меня... прямо... Стукнуло у меня сердце-то, признаться, да вижу — все одно,

моль: либо онъ, либо я!... Изловчился, хватъ его ножикомъ, да плохо. Схватилъ онъ меня за руку, ножъ вырвалъ, самого—объ земь. Силенъ былъ, покойникъ. Подмалъ, гляжу—поясъ снимаетъ, хочетъ вязать. А у меня за голенищемъ другой ножикъ въ запасѣ. Добылъ я его тихонько, повернулся, да опять его... подъ ребро... Состоналъ онъ, повернулъ меня лицомъ кверху, наклонился, посмотрѣлъ въ глаза... „А!—говорить, — чуюло мое сердце!... Ну, теперъ ступай себѣ съ Богомъ, не тирань. Убилъ ты меня до смерти...“ Всталъ я, гляжу: мается онъ... хотѣлъ было подняться,—не смогъ. „Прости меня“, говорю.—„Ступай, отвѣчаетъ, ступай себѣ... Богъ проститъ ли, а я прощаю“... Я и ушелъ, и не подходилъ болѣе, вѣрьте совѣсти... Костинкинъ это, видно, послѣ меня на него набросился...

Бродяга смолкъ и тяжело опустился на лавку. Прокуровъ быстро дописалъ. Было тихо.

— Теперъ,—заговорилъ опять слѣдователь,—докончите ваше чистосердечное признаніе. Какой купецъ былъ съ вами во время перваго нападенія и отъ чьего имени Костюшка обѣщалъ награду за убійство Федора Михайлова?

Безрыловъ разочарованно смотрѣлъ на ослабѣвшаго бродягу. Но тотъ вдругъ поднялся со скамьи и принялъ прежній равнодушно-разсѣянный видъ.

— Будетъ! — сказалъ онъ твердо.—Болѣ не стану... Довольно!... Про Костюшку-то все записали?... Ну, и ладно, впередъ не пакости онъ! Прикажите, ваше благородіе, увести меня, болѣе ничего не скажу.

— Послушайте, Иванъ тридцати восьми лѣтъ,—сказалъ слѣдователь,—считаю нужнымъ предупредить васъ, что чѣмъ полнѣе будетъ ваше сознаніе, тѣмъ мягче отнесется къ вамъ правосудіе. Сообщниковъ же вашихъ вы все равно не спасете.

Бродяга пожалъ плечами.

— Это дѣло не наше. Мнѣ все единственно.

Очевидно, не было надежды добиться отъ него чего-либо еще. Его вывели.

IX.

Х о д ъ.

Предстоялъ допросъ свидѣтелей.

Ждали священника, чтобы привести ихъ къ присягѣ, а пока они столпились кучкой у задней стѣны. Сѣрая толпа, съ угрюмыми лицами, стояла, переминаясь, въ тяжеломъ молчаніи. Впереди всѣхъ былъ Евсѣичъ. Лицо его было красно, губы сжаты, лобъ наморщенъ. Онъ кидалъ изъ подлобья довольно мрачные взгляды, останавливая ихъ то на Безрыловѣ, то на слѣдователѣ. По всему было видно, что въ этой толпѣ и въ Евсѣичѣ, ея представителѣ, созрѣло какое-то рѣшеніе.

Безрыловъ сидѣлъ на лавкѣ, разставивъ широко ноги и пощелкивая пальцемъ одной руки по другой. Пока крестьяне входили и занимали мѣста, онъ смотрѣлъ на

нихъ внимательно и вдумчиво. Потомъ, окинувъ всю толпу холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ, онъ слегка, почти незамѣтно, покачалъ головой и, усмѣхнувшись, обратился къ Проскурову.

— Кстати, Аѳанасій Ивановичъ, я вѣдь и забылъ поздравить васъ съ пріятною новостью... Ужь извините, — всѣ эти хлопоты... Просто изъ ума вонъ...

— Съ чѣмъ это? — спросилъ Проскуровъ, не отрываясь отъ чтенія протокола.

— Какъ? — просіялъ Безрыловъ. — Значить, вамъ ничего неизвѣстно и я, нѣкоторымъ образомъ, первый буду имѣть удовольствіе сообщить вамъ это пріятное извѣстіе?... Очень, оч-чень пріятно-съ...

Проскуровъ поднялъ глаза на засѣдателя, который, между тѣмъ, подходилъ къ нему, брякая шпорами и обворожительно улыбаясь.

— Вы получаете назначеніе исправляющимъ должность казначея въ Н-скъ... Ну, да это, конечно, одна форма; безъ сомнѣнія, вы будете утверждены окончательно. Поздравляю, голубчикъ, — продолжалъ Безрыловъ самымъ задушевнымъ и благожелательнымъ тономъ, завладѣвая рукой удивленнаго Проскурова, — поздравляю отъ всего сердца.

Но Проскуровъ плохо оцѣнилъ дружеское поздравленіе; онъ быстро отдернулъ свою руку и вскочилъ съ мѣста.

— По... позвольте-съ, милостивый государь, — заговорилъ онъ торопливо и даже заикаясь. — Здѣсь шутить не мѣсто. Н-не мѣсто-съ!... Думаете, я не понимаю вашей

тактики? Ошибаетесь, милостивый государь. Я не теленокъ... да-съ, милостивый государь, не теленокъ-съ!...

— Чтò вы, Богъ съ вами, Аѳанасій Ивановичъ!— изумился Безрыловъ и даже развелъ руками и оглянулся, какъ будто призывая всѣхъ присутствующихъ въ свидѣтели черной неблагодарности Проскурова. — Смѣю ли я шутить?... Оффиціальное назначеніе... самъ читалъ бумагу-съ... Увѣряю васъ... Ну, и мѣстечко, я вамъ скажу!—продолжалъ онъ, измѣнивъ тонъ и вновь впадая въ дружественную фамиллярность.—Теперь уже вамъ не придется возиться съ этими непріятными дѣлами. Даже и настоящее дѣло намъ, несчастнымъ, придется, вѣроятно, кончать безъ вашего незамѣнимаго содѣйствія... Жаль, конечно!... За то за васъ... пріятно-съ! Мѣсто тихое, спокойное... ха-ха-ха!... какъ разъ... ха-ха-ха!... по вашему нраву... И притомъ... отъ купечества... х-ха-ха-ха-ха!... благодарность...

Безрыловъ какъ будто пересталъ стѣсняться и его смѣхъ, отъ котораго сотрясалась вся его тучная фигура, становился даже неприличенъ. А Проскуровъ стоялъ передъ нимъ точно окаменѣлый, держась за столъ обѣими руками. Его лицо сразу какъ-то осунулось и пожелтѣло и на немъ застыло выраженіе горестнаго изумленія. Въ эту минуту—увы!—онъ, дѣйствительно, напоминалъ... теленка.

Я посмотрѣлъ на крестьянъ. Всѣ они какъ-то подались головами впередъ, только Евсѣичъ стоялъ низко нагнувъ голову, по своему обычаю, и слушалъ внимательно, не проронивъ ни одного слова.

Дальнѣйшій допросъ не представлялъ уже въ моихъ глазахъ ни малѣйшаго интереса. Я вышелъ въ переднюю...

Тамъ въ углу, на лавкѣ, сидѣлъ жиганъ. Нѣсколько крестьянъ-караульныхъ стояли въ сторонкѣ! Я подошелъ къ арестованному и сѣлъ рядомъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и подвинулся.

— Скажите мнѣ, — спросилъ я у него, — неужели у васъ, дѣйствительно, не было никакой вражды къ покойному Михайлову?

Бродяга вскинулъ на меня своими спокойными голубыми глазами.

— Чего? — переспросилъ онъ. — Какая можетъ быть вражда? Нѣтъ, не видывалъ я его ранѣе.

— Такъ изъ-за чего же вы его убили? Вѣдь ужъ навѣрное не изъ-за тѣхъ пятидесяти рублей, что при васъ найдены?

— Конечно, — произнесъ онъ задумчиво. — Намъ, при нашей жизни, вдесятеро столько — и то на недѣлю хватить, а такъ, что значить... можетъ ли быть, напримѣръ, эдакое дѣло, чтобы вдругъ человѣка желѣзомъ не взять...

— Неужто изъ любопытства стоило убивать другого, да и себѣ жизнь портить?

Бродяга посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то удивленіемъ.

— Жизнь, говоришь?... Себѣ, то-есть?... Какая можетъ быть моя жизнь? Вотъ нынче я Михалыча при-

кончилъ, а доведись иначе,—можетъ, онъ бы меня уложилъ...

— Ну, нѣтъ, онъ не убилъ бы.

— Твоя правда: могъ онъ убить меня, — самъ живъ бы остался.

— Тебѣ его жалко?

Бродяга посмотрѣлъ на меня и взглядъ его сверкнулъ враждой.

— Уйди ты! Что тебѣ надо?—сказалъ онъ и потомъ прибавилъ, понуривъ голову: — Такая ужъ моя линія!...

— Какая?

— А вотъ такая же... Потому, какъ мы съ измалѣтства на тюремномъ положеніи...

— А Бога ты не боишься?

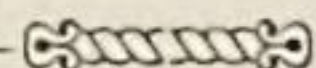
— Бога-то?—усмѣхнулся бродяга и тряхнулъ головой. — Давненько что-то я съ нимъ, съ Богомъ-то, не считался... А надо бы! Можетъ, еще за нимъ сколько-нибудь моего замоленого осталось... Вотъ что, господинъ, — сказалъ онъ, перемѣнивъ тонъ, — ничего этого намъ не требуется. Что ты присталъ? Говорю тебѣ: линія такая. Вотъ теперь я съ тобой бесѣдную, какъ слѣдуетъ быть, аккуратно, а доведись въ тайгѣ-матушкѣ или хоть тотъ разъ, въ логу,—тутъ опять разговоръ былъ бы иного роду... Потому—линія другая... Эхма!

Онъ опять встряхнулъ своими русыми волосами.

— Нѣтъ ли, господинъ, табачку покурить? Страсть курить охота! — заговорилъ онъ вдругъ какъ-то развязно; но мнѣ эта развязность показалась напускной, фальшивой.

Я далъ ему папироску и вышелъ на крыльцо. Изъ-за
лѣсу подымалось уже солнце. Съ „Камня“ падъ логомъ
снимались ночные туманы и плыли на западъ, задѣвая
за верхушки елей и кедровъ. На травѣ сверкала роса,
а въ ближайшее окно виднѣлись желтые огоньки воско-
выхъ свѣчей, поставленныхъ въ изголовьи мертваго
тѣла.

1882 г.

„СОКОЛИНЕЦЪ“.

(Изъ разсказовъ о бродягахъ).

JOHN J. COOK

(See inside cover)

„СОКОЛИНЕЦЪ“.

(Изъ разсказовъ о бродягахъ).

I.

... Мой сожитель уѣхалъ. Мнѣ приходилось ночевать одному въ нашей юртѣ.

Не работалось; я не зажигалъ огня и, полулежа на своей постели, незамѣтно отдавался тяжелымъ впечатлѣніямъ молчанія и мрака, пока короткій сѣверный день угасалъ среди холодного тумана. Послѣдніе слабые лучи понемногу уходили сквозь льдины оконъ изъ небольшой юрты; густая тьма выползала изъ угловъ, заволакивала наклонныя стѣны, которыя, казалось, все плотнѣе сдвигаются надъ головой. Нѣсколько времени маячили еще въ глазахъ очертанія стоявшаго въ серединѣ юрты громаднаго камелька. Казалось, неуклюжій пенать якутскаго жилья простираетъ на-встрѣчу тьмѣ широко раздвинутыя руки, точно въ молчаливой борьбѣ... Но вотъ и эти смутныя очертанія исчезли... Тьма!... Только въ трехъ мѣстахъ тихо мерцали расплывчатые фосфорическія пятна; это снаружи сквозь оконныя льдины

тускло заглядывалъ въ юрту мертвящій якутскій морозъ.

Минуты, часы безмолвною чередой пробѣгали надъ моею головой, и я не спохватился, какъ незамѣтно подкрался тотъ роковой часъ, когда тоска такъ властно овладѣваетъ сердцемъ, когда „чужая сторона“ враждебно вѣетъ на него всѣмъ своимъ мракомъ и холодомъ, когда передъ встревоженнымъ воображеніемъ грозно встаютъ неизмѣримою, неодолимою далью всѣ эти горы, лѣса, безконечныя степи, которыя залегли между тобой и всѣмъ дорогимъ, далекимъ, потеряннымъ, что такъ неотступно манитъ къ себѣ и что, въ этотъ часъ, какъ будто совсѣмъ исчезаетъ изъ виду, рѣя въ сумрачной дали слабымъ угасающимъ огонькомъ умирающей надежды... А подавленное, но все же неотвязное горе, спрятанное далеко, далеко въ глубинѣ сердца, смѣло подымаетъ теперь зловѣщую голову и среди мертваго затишья, во мракѣ, такъ явственно шепчетъ ужасныя роковыя слова: „навсегда... въ этомъ гробу, навсегда!...“

Легкій ласковый визгъ, донесшійся до меня съ плоской крыши сквозь трубу камелька, вывелъ меня изъ тяжелаго оцѣпенѣнія. Это умный другъ, вѣрный песъ Церберъ, продрогшій на своемъ сторожевомъ посту, спрашивалъ, что со мною и почему въ такой страшный морозъ я не зажигаю огня.

Я отряхнулся, почувствовалъ, что изнемогаю въ борьбѣ съ молчаніемъ и мракомъ, и рѣшился прибѣгнуть къ спасительному средству, которое было тутъ же подъ руками. Средство это—богъ юрты, могучій огонь.

У якутовъ по зимамъ никогда не прекращается топка, и потому у нихъ нѣтъ приспособленій для закрыванія трубы. Мы кое-какъ приладили эти приспособленія, наша труба закрывалась снаружи и каждый разъ для этого приходилось взбираться на плоскую крышу юрты.

Я взошелъ на нее по ступенькамъ, протоптаннымъ въ снѣгу, которымъ юрта была закидана до-верху. Наше жилище стояло на краю слободы, въ нѣкоторомъ отдаленіи. Обыкновенно съ нашей крыши можно было видѣть всю небольшую равнину и замыкавшія ее горы, и огни слободскихъ юртъ, въ которыхъ жили давно обьякутившіеся потомки русскихъ поселенцевъ и, частью, ссыльные татары. Но теперь все это потонуло въ сѣромъ, холодномъ, непроницаемомъ для глазъ туманѣ. Туманъ стоялъ неподвижно, выжатый изъ воздуха сорокаградуснымъ морозомъ, и все тяжелѣе налегалъ на примолкшую землю; всюду взглядъ упирался на безформенную, безжизненную сѣрую массу и только вверху, прямо падъ головой, гдѣ-то далеко, далеко висѣла одинокая звѣзда, пронизывавшая холодную пелену острымъ лучомъ.

А вокругъ все замерло. Горный берегъ рѣки, бѣдныя юрты селенія, небольшая церковь, снѣжная гладь луговъ, темная полоса тайги—все погрузилось въ безбрежное туманное море. Крыша юрты, съ ея грубо сложенной изъ глины трубой, на которой я стоялъ съ прижимавшеюся къ моимъ ногамъ собакой, казалась островомъ, закинутымъ среди безконечнаго, необозримого океана. Кругомъ—ни звука... Холодно и жутко...

Ночь притаилась, охваченная ужасомъ—чуткимъ и напряженнымъ.

Церберъ тихо и какъ-то жалобно взвизгивалъ. Бѣдному псу, повидимому, тоже становилось страшно, въ виду наступающаго царства мертвящаго мороза; онъ прижимался ко мнѣ и, задумчиво вытягивая острую морду, настораживая чуткія уши, внимательно вглядывался въ безпросвѣтно-сѣрую мглу.

Вдругъ онъ повелъ ушами и заворчалъ. Я прислушался. Сначала все было по-прежнему тихо. Потомъ въ этой напряженной тишинѣ выдѣлился звукъ, другой, третій... Въ морозномъ воздухѣ издали неся слабый топотъ далеко по лугамъ бѣгущей лошади.

Подумавъ объ одинокомъ всадникѣ, которому, судя по слабому топоту, предстояло проѣхать еще версты три до слободы, я быстро сбѣжалъ съ крыши по наклонной стѣнкѣ и кинулся въ юрту. Минута въ воздухѣ съ открытымъ лицомъ грозила отмороженнымъ носомъ или щекою. Церберъ, издавъ громкій, торопливый лай въ направленіи конскаго топота, послѣдовалъ за мною.

Вскорѣ въ камелькѣ, широко зіявшемъ открытою пастью въ серединѣ юрты, вспыхнулъ огонекъ зажженной мною лучины. Къ этому огоньку я приставилъ сухихъ полѣньевъ смолистой лиственницы, и въ нѣсколько мгновеній мое жильѣ измѣнилось до неузнаваемости. Молчаливая юрта наполнилась вдругъ говоромъ и трескомъ. Огонь сотней языковъ перебѣгалъ между полѣньями, охватывалъ ихъ, игралъ съ ними, прыгалъ, рокопталъ, шипѣлъ и трещалъ. Что-то яркое, живое, тороп-

ливое и неугомонно-болтливое ворвалось въ юрту, заглядывая во всѣ ея углы и закоулки. По временамъ трескучее, разыгравшееся пламя стихало. Тогда мнѣ было слышно, какъ, вылетая въ короткую прямую трубу камелька, шипѣли, трескались въ морозномъ воздухѣ горячія искры. Но черезъ минуту огонь принимался за свою игру съ новою силой, и въ юртѣ раздавались частые взрывы, точно пистолетные выстрѣлы.

Теперь я уже не чувствовалъ себя въ такой степени одинокимъ, какъ прежде. Все, казалось, вокругъ меня шевелится, говоритъ, суетится и пляшетъ. Оконныя льдины, въ которыя за минуту передъ тѣмъ глядѣла снаружи морозная ночь, теперь искрились и переливались отблескомъ пламени, точно самоцвѣтные камни. Я находилъ особаго рода отраду въ мысли, что, во мглѣ холодной ночи, моя одинокая юрта сверкаетъ свѣтлыми льдинами и сыплетъ, точно маленькій вулканъ, цѣлымъ снопомъ огненныхъ искръ, судорожно трепещущихъ въ воздухѣ, среди клубовъ бѣлаго дыма.

Церберъ усѣлся противъ камелька на заднія лапы, устроившись на огонь и сидитъ неподвижно, точно бѣлое изваяніе; по временамъ только онъ поворачиваетъ ко мнѣ голову, и въ умныхъ глазахъ собаки я читаю благодарность и ласку. Тяжелые шаги скрипятъ по двору у паружной стѣны, но Церберъ остается спокоенъ и только снисходительно взвизгиваетъ; онъ знаетъ, что это наши лошади, стоявшія до сихъ поръ гдѣ-нибудь подъ плетнемъ, прижавъ уши и пожимаясь отъ мороза, вышли на огонь, чтобы стать у стѣны и смотрѣть на ве-

село прыгающія искры, на широкую ленту теплаго бѣлаго дыма.

Но вотъ собака съ неудовольствіемъ отверпулась отъ огня и заворчала, черезъ минуту она бросилась къ двери. Я выпустилъ Цербера, и пока онъ неистовствовалъ и заливался на своемъ обычномъ сторожевомъ посту, на крышѣ, я выглянулъ изъ сѣней. Очевидно, одинокій путникъ, котораго приближеніе я слышалъ ранѣе среди чуткаго безмолвія морозной ночи, соблазнился моимъ веселымъ огнемъ. Онъ раздвигалъ теперь жерди моихъ воротъ, чтобы провести во дворъ осѣдланную и навьюченную лошадь.

Я не ждалъ никого изъ знакомыхъ. Якутъ едва ли пріѣхалъ бы въ слободу такъ поздно, а еслибъ и пріѣхалъ, то, безъ сомнѣнія, зналъ бы, гдѣ живутъ его „догоры“ *), а не повернулъ бы на первый огонь. Сталсбыть, разсуждалъ я, это можетъ быть только поселепецъ. Въ обыкновенное время мы не особенно радовались подобнымъ гостямъ, но теперь живой человѣкъ былъ очень кстати. Я зналъ, что скоро веселый огонь станетъ смолкать; пламя лѣниво и томно потянется по раскаленному дереву, потомъ останется только куча углей, и по нимъ, нашептывая что-то, побѣгутъ огненные змѣйки, все тише, все рѣже... Тогда въ юртѣ настанетъ опять безмолвіе мрака, а въ мое сердце опять вольтется тоска. Камелекъ глянетъ въ темнотѣ слабою искоркой изъ-подъ пепла, точно изъ полузакрытаго глаза,—глядеть

*) „Догоръ“—другъ, пріятель.

разъ и другой и... заснетъ. А я опять останусь одинъ... одинъ передъ долгою, тоскливою, безконечною ночью.

Мысль о томъ, что, быть-можетъ, мнѣ придется провести ночь съ человѣкомъ, прошлое котораго запятнано кровью, не приходила мнѣ въ голову. Сибирь пріучаетъ видѣть и въ убійцѣ человѣка, и хотя ближайшее знакомство не позволяетъ, конечно, особенно идеализировать „несчастненькаго“, взламывавшаго замки, воровавшаго лошадей или проламывавшаго темною ночью головы ближнихъ, но все же это знакомство позволяетъ трезво ориентироваться среди сложныхъ человѣческихъ побужденій. Вы узнаете, когда и чего можно ждать отъ человѣка. Убійца не все же только убиваетъ, онъ еще живетъ и чувствуетъ то же, что чувствуютъ всѣ остальные люди, въ томъ числѣ и благодарность къ тому, кто его пріютилъ въ морозъ и непогоду. Но когда мнѣ приходилось пріобрѣтать въ этой средѣ новое знакомство и если при этомъ у новаго знакомаго оказывалась осѣдланная лошадь, а въ сѣдлѣ болтались выученныя „сумы-перемѣты“, то вопросъ о принадлежности лошади внушалъ нѣкоторыя сомнѣнія, а содержимое „перемѣтовъ“ вызывало на размышленія о способѣ его пріобрѣтенія.

Тяжелая, обитая конскою шкурой, дверь юрты приподнялась въ наклонной стѣнѣ; со двора хлынула волна пара и къ камельку подошелъ незнакомый пришлецъ. Это былъ мужчина высокаго роста, широкоплечій и статный. Уже на первый взглядъ можно было отличить, что это не якутъ, хотя одѣтъ онъ былъ по-якутски. На ногахъ у него были надѣты „торбаса“ изъ бѣлой, какъ

снѣгъ, конской шкуры. Широчайшіе рукава якутской „соны“ *) подымались складками на плечахъ выше ушей. Голова и шея были закутаны большою шалью, концы которой завязаны вокругъ стана. Вся шаль, вмѣстѣ съ острою верхушкой торчавшей надъ нею якутской шапки („бергесъ“), была обильно усыпана хлопьями крѣпкаго, плотно смерзшагося инея.

Незнакомецъ приблизился къ камельку и неловко, полужастывшими руками сталъ развязывать шаль, потомъ ремешки шапки. Когда онъ откинулъ свой треухъ на плечи, я увидалъ молодое, раскраснѣвшееся отъ мороза лицо мужчины лѣтъ тридцати; крупныя и выразительныя черты его были отмѣчены тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, какое нерѣдко приходилось мнѣ замѣчать на лицахъ старость арестантскихъ артелей и вообще на лицахъ людей, привыкшихъ къ признанію и авторитету въ своей средѣ, но, въ то же время, вынужденныхъ постоянно держаться на-сторобѣ съ посторонними. Черные, выразительные глаза его кидали быстрые, короткіе взгляды. Нижняя часть лица нѣсколько выдавалась впередъ, обнаруживая пылкость страстной натуры, но бродяга (по нѣкоторымъ характернымъ, хотя трудно уловимымъ, признакамъ я сразу предположилъ въ моемъ гостѣ бродягу) давно уже привыкъ сдерживать эту пылкость. Только легкое подергиваніе нижней губы и нервная игра мускуловъ выдавали по временамъ безпокойную напряженность внутренней борьбы.

*) „Сона“—верхняя одежда, кафтанъ, шуба и т. д.

Усталость, морозная ночь, а быть - может и тоска, которую испытывалъ одинокій путникъ, пробиравшійся среди непроницаемаго тумана,—все это нѣсколько смягчило рѣзкія очертанія лица, залегло надъ бровями и въ черныхъ глазахъ выраженіемъ страданія, гармонировавшаго съ моимъ настроеніемъ въ этотъ вечеръ, и внушило мнѣ сразу невольную симпатію къ незнакомому гостю.

Не раздѣваясь дальше, онъ прислонился къ камельку и вынулъ изъ кармана трубку.

— Здравствуйте, господинъ, — сказалъ онъ, — вытряхивая трубку объ уголокъ и, въ то же время, искоса окидывая меня внимательнымъ взглядомъ.

— Здравствуйте, — отвѣтилъ я, продолжая въ свою очередь пытливо осматривать незнакомую фигуру.

— Вы ужь меня, господинъ, извините, что я такъ прямо къ вамъ вошелъ. Мнѣ вотъ только обогрѣться маленько да трубочку покурить, — я и уѣду, потому что у меня тутъ знакомые, которые меня во всякое время принимаютъ, въ двухъ верстахъ отсель, на заимкѣ.

Въ его голосѣ слышалась сдержанность человѣка, очевидно, не желавшаго показаться навязчивымъ. Говоря это, онъ кинулъ на меня нѣсколько короткихъ внимательныхъ взглядовъ, какъ будто выжидая, что я скажу, чтобы сообразно съ этимъ установить дальнѣйшія отношенія. „Какъ ты со мной, такъ и я съ тобой“, — казалось, выражали эти пристальные, холодные взгляды. Во всякомъ случаѣ, пріемы моего гостя составляли пріятный контрастъ съ обычною назойливостью якутскаго поселенца,

хотя для меня и было очевидно, что еслибъ онъ не считывалъ остаться у меня ночевать, то не сталъ бы вводить лошадь во дворъ, а привязалъ бы ее къ городьбѣ, снаружи.

— Кто вы такой,—спросилъ я,—какъ васъ зовутъ?

— Меня-то? Зовутъ меня *Багалай*, то-есть это, видите ли, по-здѣшнему, а настоящее-то, по-расейски—Василій... Можетъ, слыхали? Байагантайскаго улусу.

— Родомъ съ Урала, бродяга?...

На губахъ незнакомца чуть-чуть промелькнула улыбка удовольствія.

— Ну, вотъ, вотъ! Онъ самый. Вы, стало - быть, обо мнѣ маленько наслышаны?

— Да, слышалъ отъ NN. Вы вѣдь съ нимъ жили по сосѣдству.

— Вѣрно. Г. NN. меня довольно знаютъ.

— Ну, очень радъ, милости просимъ. Оставайтесь у меня ночевать, кстати же я одинъ. Сейчасъ самоваръ поставимъ.

Бродяга охотно принялъ приглашеніе.

— Спасибо, господинъ! Ежели ужъ вы приглашаете, то я останусь. Надо вотъ перемѣтныя сумы съ сѣдла снять, кое-что въ избу внести. Оно хоть, скажемъ, конь-то у меня во дворѣ привязавъ, а все же лучше: народъ-то у васъ въ слободѣ ловкій, особливо татары.

Онъ вышелъ и черезъ минуту внесъ въ юрту двѣ перемѣтныя сумы. Развязавъ ремни, онъ сталъ вынимать оттуда привезенные съ собою припасы: круги мерзлаго масла, мороженаго молока, нѣсколько десятковъ яицъ

и т. д. Кое-что изъ привезеннаго онъ разложилъ у меня на полкахъ, остальное вынесъ на морозъ, въ сѣни, чтобы не растаяло. Затѣмъ онъ снялъ шаль, шубу и кафтанъ и, оставшись въ красной кумачной рубахѣ и шароварахъ изъ „бильбирета“ (родъ плиса), усѣлся противъ огня на стулѣ.

— Вотъ, господинъ,—поднялъ онъ голову и усмѣхнулся,—стану вамъ правду говорить: ѣду этто къ вашимъ воротамъ, а самъ думаю: неужто не пустить меня ночевать? Потому что я довольно хорошо понимаю: есть изъ нашего брата тоже всякаго народа достаточно, котораго и пустить никакъ невозможно. Ну, я не изъ такихъ, по совѣсти говорю... Да вы, вотъ, сказываете, про меня слыхали.

— Дѣйствительно слышалъ.

— Ну, вотъ! Живу, могу сказать, не похваставшись, честно и благородно. Имѣю у себя корову, бычка по третьему году, лошадь... Землю пашу, огородъ.

Бродяга говорилъ все это страннымъ тономъ, какъ-то раздумчиво глядя въ одну точку, а при послѣднихъ словахъ даже развелъ руками, какъ будто удивляясь: „а что, вѣдь и вправду, все это такъ и есть въ дѣйствительности!“

— Да,—продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ,—работаю! То-есть вполне даже какъ слѣдуетъ, по Божьему приказанію. Что-жь, я такъ понимаю, что это гораздо лучше, нежели воровать или наипаче еще разбойничать. Вотъ скажемъ хоть къ этому примѣру: ѣду я ночью, увидѣлъ огонь и заѣзжаю къ вамъ... и сейчасъ вы мнѣ

уваженіе, самоварчикъ... Я это должѣнъ цѣнить. Такъ ли я говорю?

— Конечно,—подтвердилъ я, хотя, въ сущности, бродяга обращался больше къ себѣ самому, себя убѣждалъ въ преимуществахъ настоящей жизни.

Я дѣйствительно зналъ Василья по слухамъ отъ товарищей; это былъ бродяга-поселенецъ, уже два года жившій въ своемъ домикѣ, среди тайги, надъ озеромъ, въ одномъ изъ большихъ якутскихъ „наслеговъ“ *). Въ безшабашной и потерянной средѣ поселенцевъ, бѣдствовавшихъ, воровавшихъ и нерѣдко разбойничавшихъ по наслегамъ, онъ былъ однимъ изъ немногихъ, предпочитавшихъ трудовую жизнь, которая здѣсь давала легкую возможность подняться. Якуты, вообще говоря, народъ очень добродушный и во многихъ улусахъ принято, какъ обычай, оказывать новоприбывшимъ поселенцамъ довольно существенную помощь. Правда, что безъ этой помощи человѣку, закинутому въ суровыя условія незнакомой страны, пришлось бы или въ самомъ скоромъ времени умереть отъ голода и холода, или приняться за разбой; правда также, что всего охотнѣе эта помощь оказывается въ видѣ пособія „на дорогу“, посредствомъ котораго якутская община старается какъ можно скорѣе выпро-

*) Якутская область въ административномъ отношеніи раздѣляется на округа, соотвѣтствующіе нашимъ уѣздамъ. Округъ, въ свою очередь, раздѣляется на *улусы*, а улусы подраздѣляются на *наслег*. Если улусъ приравнять къ русской волости, то *наслегъ* будетъ соотвѣтствовать отдѣльному обществу въ средѣ волости. Дѣленіе это имѣетъ характеръ отчасти родовой, отчасти административный.

водить поселенца куда-нибудь на пріискъ, откуда уже большая часть этихъ неудобныхъ гражданъ не возвращается; тѣмъ не менѣе, человѣку, серьезно принимающемуся за работу, якуты по большей части также помогаютъ стать на ноги. Василій получилъ отъ наслѣга избу, быка и на первый годъ ему засѣяли обществомъ шесть пудовъ хлѣба. Урожай выдался хорошій; кромѣ того, онъ выгодно нанялся у якутовъ косить сѣно, сталъ слегка торговать табакомъ, и года въ два хозяйство его сложилось. Якуты относились къ нему съ почтеніемъ, поселенцы величали его въ глаза Василиемъ Ивановичемъ и только за глаза звали Васькой; попы, выѣзжая на потребу, охотно заѣзжали къ нему на перепутьи и сами сажали его за столъ, когда ему случалось пріѣзжать къ нимъ. Водилъ онъ также знакомство и съ нашею братіей, интеллигентными людьми, заброшенными судьбой въ эти далекія страны. Казалось бы, всѣмъ житъе бродягъ,—оставалось только жениться; тутъ, конечно, встрѣчалось маленькое затрудненіе, такъ какъ бродягъ обыкновенно не вѣнчаютъ; но въ той сторонѣ, за небольшія деньги, за телку или хорошаго жеребенка, можно было устроить и это.

И тѣмъ не менѣе, вглядываясь въ энергичное лицо молодого бродяги, я все яснѣе различалъ въ немъ какую-то странность. Теперь это лицо нравилось мнѣ уже нѣсколько менѣе, чѣмъ въ первую минуту, но все же оно было довольно пріятно. Темные глаза глядѣли по временамъ задумчиво и умно; всѣ черты выражали энергію; обращеніе его было свободно, въ тонѣ слышалось

удовлетворенное самолюбіе гордой натуры. Только по временамъ нижняя часть лица какъ-то нервно вздрагивала и блескъ глазъ потухалъ. Было видно, что Багалаю стоить нѣкотораго усилія держать этотъ ровный тонъ, сквозь который что-то какъ будто силилось пробиться наружу, что-то горькое, подавляемое только напряженіемъ воли...

Сначала я не могъ отдать себѣ отчета, что именно это было. Теперь я уже знаю: привычный бродяга обманывалъ себя, увѣряя, что онъ доволенъ своимъ спокойнымъ существованіемъ, своимъ домкомъ и коровкой, и бычкомъ по третьему году, и оказываемымъ ему уваженіемъ. Въ глубинѣ души онъ признавалъ, — хотя и подавлялъ пока это сознаніе, — что эта сѣрая жизнь, жизнь на чужбинѣ, постылой и непривѣтной, не про него. Изъ глубины души уже подымались въ немъ призывы тайги, его манила уже отъ сѣрыхъ будней безвѣстная, заманчивая и обманчивая даль. Такъ объяснялъ я себѣ эту черту впоследствии, но тогда я видѣлъ только, что бродягу, несмотря на кажущееся спокойствіе, что-то гложетъ внутри, что-то прорывается наружу...

Пока я хлопоталъ съ самоваромъ, Василій сидѣлъ противъ камелька, задумчиво глядя на огонь. Я окликнулъ его, когда все было готово.

— Спасибо, господинъ, — сказалъ онъ, подымаясь. — Много доволенъ и на ласковомъ словѣ. Ахъ, господинъ, господинъ! — обратился онъ вдругъ ко мнѣ какъ-то страстно, — повѣришь ты: какъ завидѣлъ я твой огонекъ, сердце во мнѣ выиграло, — право, не лгу! Потому что знаю:

у расейскаго чловѣка этотъ огонь горитъ... Ёхаль этто лугами... темень, морозъ... Юрта гдѣ задымится въ сторонкѣ,—конь мой такъ и воротить къ ней, такъ и воротить; извѣстно, скотина якутская. Ну, а у меня сердце туда не лежитъ. Что мнѣ въ ней, хоть бы и въ юртѣ? Конечно, согрѣюсь, можетъ, и водка пашлась бы. Да пѣтъ!... А твой огонь увидалъ,—вотъ, думаю, куда заѣзжать, если приметъ. Спасибо, что не прогналъ. Въ нашемъ наслегѣ, можетъ, когда быть доведется,—милости просимъ ко мнѣ. Найдемъ чѣмъ угостить, слава-те Господи! Примемъ какъ слѣдуетъ, честно!

II.

Напившись чаю, Василій опять усѣлся противъ огня. Ему нельзя было еще ложиться: приходилось выждать, пока остынетъ его лошадь, чтобы спустить ее къ сѣну. Якутская лошадь не особенно сильна, за то удивительно нетребовательна; якутъ доставляетъ на пей масло и другіе припасы на дальніе пріиска или въ тайгу къ тунгусамъ, на дальній Учуръ *), проходя сотни верстъ по мѣстамъ, гдѣ нечего и думать о запасахъ сѣна. Пріѣхавъ на почовку, въ дикой тайгѣ, онъ разгребаетъ снѣгъ, разводитъ костеръ, а стреноженныхъ лошадей пускаетъ въ тайгу; привычный конь добываетъ себѣ изъ-подъ снѣга высохшую прошлогоднюю траву и на утро опять готовъ для утомительнаго перехода. Но при этомъ у

*) Учуръ—рѣка, притокъ Алдана, впадающаго въ Лену.

якутской лошади есть одна особенность: ее нельзя кормить тотчасъ послѣ поѣздки, и передъ отправленіемъ въ путь сытую лошадь тоже выдерживаютъ безъ пищи иногда въ теченіе сутокъ и даже больше.

Василью нужно было выждать часа три. Я тоже не ложился, и мы сидѣли оба, изрѣдка перекидываясь словами. Василій, или какъ онъ уже привыкъ называть себя—Багылай, то и дѣло подкладывалъ въ огонь по одному полѣну. Это въ немъ сказывалась тоже мѣстная привычка, пріобрѣтенная въ теченіе длинныхъ вечеровъ якутской зимы.

— Далеко!—сказалъ онъ вдругъ послѣ долгаго молчанія, какъ будто отвѣчая собственной мысли.

— Что это?—спросилъ я.

— Наша-то сторона, Рассея... Здѣсь вотъ все не по-нашему, что ни возьми. Взять хоть скотину, лошадь, къ примѣру: у насъ лошади, ежели пріѣхалъ на ней, первымъ дѣломъ требуется пища, а эту вотъ накорми горячую—подохнетъ. Какъ тепло станетъ, сейчасъ у ней въ сердцѣ сдѣлается льдина, и кончено! Тоже и народъ взять: живутъ по лѣсу, конину жрутъ, сырое мясо ѣдятъ; падалъ, прости Господи, и ту трескаютъ... тѣфу! Стыда у здѣшняго народа нисколько нѣту: вынь въ юртѣ у нихъ кисеть съ табакомъ, и сейчасъ, сколько ни есть тутъ народу, всякій къ тебѣ руку тянетъ: давай!

— Что-жъ, это у нихъ обычай,—возразилъ я.—За то и сами они даютъ. Вѣдь вотъ помогли же вамъ завести хозяйство.

— Помогли, правда.

— Довольны вы своею жизнью? — спросилъ я, вглядываясь въ лицо бродяги.

Онъ какъ-то загадочно улыбнулся.

— Да, жизнь... — сказалъ онъ, помолчавъ и подбрасывая въ огонь новое полѣно.

Пламя освѣтило его лицо: глаза глядѣли тускло.

— Эхъ, господинъ, ежели рассказать вамъ!... Не видалъ я въ жизни своей хорошаго и теперь не вижу. Только и видѣлъ хорошаго до восемнадцати лѣтъ. Ладненько тогда жилъ, пока родителей слушалъ. Пересталъ слушаться — и жизнь моя кончилась. Съ самыхъ тѣхъ поръ я такъ считаю, что и на свѣтѣ не живу вовсе. Такъ... бьюсь только понапрасну.

И при этомъ по красному лицу бродяги пробѣгаютъ тѣни и нижняя губа нервно вздрагиваетъ, какъ у ребенка; точно онъ на это время опять возвратился къ тому возрасту, когда „слушался родителей“, точно вновь сталъ ребенкомъ, только этотъ ребенокъ готовъ теперь расплакаться надъ собственной разбитою жизнью.

Замѣтивъ, что я пытливо гляжу на него, бродяга спохватился и тряхнулъ головой.

— Ну, да что тутъ... Не хотите ли лучше послушать, какъ мы съ Соколиного острова бѣжали?

Я, конечно, согласился и всю ночь до разсвѣта прослушалъ рассказы бродяги.

III.

Въ лѣтнюю ночь 187* года пароходъ „Нижній Новгородъ“ плылъ по водамъ Японскаго моря, оставляя за собой въ сипемъ воздухѣ длинный хвостъ чернаго дыма. Горный берегъ Приморской области уже синѣлъ слѣва въ серебристо-сизомъ туманѣ; справа въ безконечную даль уходили волны Лаперузова пролива. Пароходъ держалъ курсъ на Сахалинъ, но скалистыхъ береговъ дикаго острова еще не было видно.

На пароходѣ все было спокойно и тихо. На рубкѣ виднѣлись освѣщенныя луной фигуры лодмановъ и дежурныхъ офицеровъ. Огни изъ люковъ трепетали, отражаясь на темной поверхности океана.

„Нижній-Новгородъ“ шелъ „съ грузомъ арестантовъ“, назпачепныхъ на Сахалинъ. Морскіе уставы вообще очень строги, а на кораблѣ съ подобнымъ грузомъ они еще строже. Днемъ арестанты посмѣнно гуляли по палубѣ, оцѣпленные крѣпкимъ карауломъ. Остальное время они проводили въ своихъ помѣщеніяхъ подъ палубой.

Обширная камера подъ низко нависшимъ потолкомъ... Свѣтъ проникаетъ днемъ сквозь небольшіе люки, которые выдѣляются на темномъ фонѣ, точно два ряда свѣтлыхъ пуговицъ, все меньше и меньше, теряясь на закругленныхъ бокахъ пароходнаго корпуса. Въ серединѣ трюма оставленъ проходъ вродѣ корридора; чугунные столбы и желѣзная рѣшетка отдѣляютъ этотъ кор-

ридоръ отъ помѣщенія съ нарами для арестантовъ. Въ проходѣ, опершись на ружья, стоятъ конвойные часовые. По вечерамъ тутъ же печально-вытянутою линіей тускло горятъ фонари.

Вся жизнь сѣрыхъ пассажировъ парохода проходитъ на виду, за этою рѣшоткой. Стоитъ ли надъ моремъ яркое тропическое солнце, свиститъ ли вѣтеръ, скрипятъ и гнутся снасти, ударить ли волной непогода, разыграется ли грозная буря и пароходъ весь застонетъ подъ ударами шторма,—здѣсь, все также взаперти, прислушиваются къ завыванію вѣтра сотни людей, которымъ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ тамъ, наверху, куда несется ихъ плавучая тюрьма.

Арестантовъ гораздо больше на пароходѣ, чѣмъ караульныхъ, но за то каждый шагъ, каждое движеніе сѣрой толпы введены твердою рукой въ заранѣе намѣченную желѣзную колею, и экипажъ обезпеченъ противъ всякой возможности бунта.

Впрочемъ здѣсь принято во вниманіе все, даже и невѣроятное: еслибы въ толпѣ прорвался ожесточенный, разъярившійся звѣрь и она въ отчаяніи стала бы кидаться на явную опасность, еслибы выстрѣлы сквозь рѣшотку не оказали дѣйствія и звѣрь грозилъ бы сломать свою желѣзную клѣтку, и тогда въ рукахъ командира оставалось еще одно могучее средство. Ему стоило только крикнуть въ машинное отдѣленіе нѣсколько словъ:

— Рычагъ такой-то... отдать!...

— Есть!—и вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ въ арестант-

ское помѣщеніе были бы пущены изъ машины струи горячаго пара, точно въ щель съ тараканами. Это своеобразное и могучее средство предотвращало всякую возможность общаго безчинства со стороны сѣраго населенія пароходнаго трюма.

Тѣмъ не менѣе, и подѣ давленіемъ строгаго режима, это сѣрое населеніе жило за желѣзными рѣшотками своею обычною жизнью. И въ ту самую ночь, когда пароходъ шлепалъ колесами по спокойному морю, дробясь въ мрачной зыбучей глубинѣ своими огнями, когда часовые, опершись на ружья, дремали въ проходахъ трюма и фонари, слегка вздрагивая отъ ударовъ никогда не засыпавшей машины, разливали свой тусклый, задумчивый свѣтъ въ желѣзномъ корридорѣ и за рѣшотками, гдѣ рядами лежали сѣрыя неподвижныя фигуры спавшихъ арестантовъ,—тамъ, за этими рѣшотками, совершалась безмолвная драма. Сѣрое кандалное общество казнило своихъ отступниковъ...

На слѣдующее утро, во время переклички, три арестанта не поднялись съ своихъ мѣстъ. Они остались лежать на нарахъ, несмотря на грозные оклики начальства. Когда вошли за рѣшотку и приподняли халаты, которыми они были прикрыты, то начальство убѣдилось, что эти трое никогда уже не поднимутся на перекличку.

Во всякой арестантской артели всѣ важнѣйшія дѣла вершатся болѣе вліятельнымъ и сплоченнымъ ядромъ. Для массы, по-арестантски „шпанки“, сѣрой безличной толпы, подобныя событія нерѣдко тоже бываютъ совер-

шенною неожиданностью. Пораженное мрачною ночью трагедіей, населеніе парходнаго трюма вначалѣ примолкло; подъ низкимъ потолкомъ стояла пугливая тишина. Только плескъ моря доносился снаружи, бѣжали съ рокотомъ вдоль ватерлиніи разбиваемыя грудью парохода волны, да тяжелое пыхтѣніе машины глухо отдавалось вмѣстѣ съ мрачными ударами поршней.

Но скоро начались среди арестантовъ разговоры и толки о послѣдствіяхъ „происшествія“. Начальство, очевидно, не намѣрено было замѣять непріятное дѣло, приписавъ смерть случайности или скоропостижнымъ болѣзнямъ. Признаки насилія были очевидны; пошли допросы. Арестанты отвѣчали единодушно; быть-можетъ, въ другое время, начальству и не трудно было бы найти нѣсколько человѣкъ, которыхъ страхомъ или обѣщаніемъ выгоды можно бы склонить къ доносу, но теперь, кромѣ чувства „товарищества“, языки были скованы ужасомъ. Какъ ни страшно начальство, какъ ни грозны его окрики,—„артель“ еще страшнѣе: въ эту ночь, тамъ, на нарахъ, на виду у часовыхъ, она показала свое ужасное могущество. Безъ сомнѣнія, многіе въ ту ночь не спали; не одно ухо чутко ловило заглушенные звуки борьбы „подъ крышкой“ *), хрипѣніе и вздохи, не совсѣмъ похожіе на вздохи спящихъ, но никто ни однимъ словомъ не выдалъ исполнителей страшнаго при-

*) „Сдѣлать крышку“ на арестантскомъ жаргонѣ значитъ убить кого-либо въ средѣ самой тюрьмы. При этомъ обыкновенно на голову жертвы накидывается халатъ, съ цѣлью заглушить ея крики. Это и есть крышка.

говора. Начальству не оставалось ничего болѣе, какъ приняться за офіціальныхъ отвѣтчиковъ: старосту и его помощника. Въ тотъ же день ихъ обоихъ заковали въ кандалы.

Помощникомъ былъ Василій, носившій тогда другое имя.

Прошло еще дня два, и дѣло было обсуждено арестантами съ полною обстоятельностью. На первый взглядъ казалось, что концы спрятаны, виновныхъ открыть невозможно и закованнымъ представителямъ артели грозила лишь легкая дисциплинарная отвѣтственность. На всѣ вопросы у нихъ былъ прямой и резонный отвѣтъ: „спали!“

Однако, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи, дѣло стало возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія. Сомнѣнія эти относились именно къ Василью. Правда, въ подобныхъ случаяхъ артель дѣйствуетъ всегда такимъ образомъ, чтобы неприкосновенность къ дѣлу первыхъ „отвѣтчиковъ“ кидалась по возможности въ глаза, и въ этомъ случаѣ Василій могъ легко доказать, что онъ не принималъ въ ночной трагедіи прямого участія. Тѣмъ не менѣе, обсуждая положеніе помощника старосты, опытные арестанты, прошедшіе и огонь, и мѣдныя трубы, покачали головами.

— Слышь, парень,— подошелъ разъ къ Василью старый, бывалый въ передѣлкахъ бродяга,— какъ пріѣдемъ на Соколиный островъ, запасай ноги. Дѣло, братецъ, твое непріятно. Совсѣмъ табакъ твое дѣло!

— А что?

— Да вотъ то же!... Ты въ первый разъ осужденъ или вторично?

— Вторично.

— То-то. А помнишь, покойный Ѳедька на кого доносилъ? Все на тебя же. Вѣдь изъ-за него ты ходилъ недѣлю въ наручникахъ, такъ ли?

— Было дѣло.

— Ну, а что ты ему тогда сказалъ? Солдаты-то вѣдь слышали! Ты какъ объ этомъ думаешь? Вѣдь это есть угроза!

Василій и другіе слушатели поняли, что тутъ было отъ чего почесаться.

— Ну, вотъ! Сообрази-ка ты все это, да и готовься къ разстрѣлу.

Въ партіи поднялся ропотъ.

— Не болтай, Буранъ,—заговорили арестанты съ неудовольствіемъ.

— Хлопаетъ старикъ зря.

— Отъ старости, видно, изъ ума выжилъ. Шутка ли, чего сказалъ: къ разстрѣлу!

— Не выжилъ я изъ ума, — сердито заговорилъ старикъ и плюнулъ съ досады. — Много вы, шпаньё *), понимаете! Вы судите по-рассейски, а я — по-здѣшнему. Я здѣшніе-то порядки знаю... Вѣрно тебѣ говорю, Василій: пошлютъ дѣло къ амурскому генералъ-губернатору, — готовься къ разстрѣлу. А ежели за великую милость на кобылу **) велятъ ложиться, такъ это еще хуже: съ ко-

*) Презрительная кличка отъ слова „шпанка“ (объясненіе выше).

**) „Кобылой“ называютъ скамью особаго вида, къ которой привязываютъ наказываемаго плетми.

былы-то ужь не встанешь. Потому что ты понимай: это, братецъ, корабль! На корабль законъ противъ сухопутья вдвое строже. Ну, а впрочемъ,—глухо добавилъ старикъ, запыхавшійся отъ этой длинной рѣчи,—мнѣ все одно, хоть пропадите вы всѣ про́падомъ...

Потухшіе глаза стараго, разбитаго незадачливою жизнью бродяги давно уже глядѣли на міръ тускло и съ угрюмымъ равнодушіемъ. Онъ махнулъ рукой и отошелъ къ сторонкѣ.

Среди арестантскихъ партій встрѣчается не мало юристовъ, и если такая партія, во всемъ составѣ, по тщательномъ обсужденіи даннаго дѣла, постановитъ свой предполагаемый приговоръ, то онъ почти всегда въ точности совпадаетъ съ дѣйствительнымъ. Въ данномъ случаѣ всѣ такіе юристы согласились съ мнѣніемъ Бурана, и съ этихъ поръ было рѣшено, что Василій долженъ бѣжать. Такъ какъ онъ могъ пострадать изъ-за „артельнаго дѣла“, то артель считала себя обязанной оказать ему помощь. Запасъ сухарей и галетъ, образовавшійся изъ „экономіи“, поступилъ въ его распоряженіе, и Василій сталъ „сбивать партію“ желающихъ участвовать въ побѣгѣ.

Старый Буранъ бѣгалъ уже съ Сахалина, и потому первый выборъ палъ на него. Старикъ долго не раздумывалъ.

— Мнѣ,—отвѣтилъ онъ,—на роду ужь написано въ тайгѣ помирать. Да оно, пожалуй, въ тайгѣ-то бродягѣ и лучше. Одно вотъ только: годы мои не тѣ, поизносился...

Старый бродяга заморгаль тусклыми глазами.

— Ну, инъ сбивай артель. Вдвоемъ, али втроемъ нечего и идти,—дорога трудная. Наберется человѣкъ десять—и ладно. А ужъ я пойду, поколѣ ноги-то носятъ. Хоть помереть бы мнѣ въ другомъ мѣстѣ, а не на этомъ острову.

Буранъ заморгаль еще сильнѣе и по сморщенному, обвѣтрѣлому лицу покатились старческія слезы.

„Ослабъ старый бродяга“, подумаль Василій и пошелъ „сбивать артель“, подыскивать другихъ товарищей.

IV.

Обогнувъ высокій мысъ, пароходъ вошелъ въ заливъ. Арестанты толпились у люковъ и съ тревожнымъ любопытствомъ смотрѣли на горные высокіе берега острова, все выросавшіе среди сумрака приближавшагося вечера.

Темною ночью подошелъ пароходъ къ порту. Очертанія берега надвинулись и встали черною громадой. Пароходъ остановился, команда выстроилась; стали выводить арестантовъ.

На берегу въ темнотѣ виднѣлись кое-гдѣ огни; море плескалось въ берегъ, на небѣ висѣли тучи, а на сердцѣ у всѣхъ такая же темная, такая же мрачная нависла тоска.

— Портъ это,—тихо говорилъ Буранъ,—*Дуя* *) на-

*) Портъ Дуэ, на западномъ берегу Сахалина.

зываемый. Тутъ на первое время въ казармахъ жить придется.

Послѣ провѣрки въ присутствіи мѣстнаго начальства вывели партію на берегъ. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ на морѣ, арестанты впервые чувствовали подъ ногами твердую почву. Пароходъ, на которомъ они прожили столько времени, покачивался въ темнотѣ и вздыхалъ среди ночи клубами бѣлаго пара.

Впереди задвигались огни. Послышались голоса:

— Партія, что ли?

— Партія.

— Ступай сюда, въ седьмую казарму!

Арестанты двинулись на огонь. Шли въ разбродъ, въ беспорядкѣ, и всѣхъ поражало то обстоятельство, что сбоку никто не толкаетъ ихъ прикладами.

— Братцы, — слышались удивленные голоса, — никакъ караулу-то съ нами нѣту?

— Молчи! — угрюмо проворчалъ въ отвѣтъ на это Буранъ. — Зачѣмъ тебѣ здѣсь караулъ? Небось, и безъ караулу не убѣжишь. Островъ этотъ большой, да дикой. Въ любомъ мѣстѣ съ голоду поколѣешь. А кругомъ острова море. Не слышишь, что ли?

Дѣйствительно, среди влажной ночи подымался вѣтеръ; огни фонарей неровно мерцали подъ его порывами и глухой гулъ моря доносился съ берега, точно ревъ просыпающагося звѣря.

— Слышь, какъ реветъ? — обратился Буранъ къ Василью. — Вотъ оно: кругомъ-то вода, посередкѣ бѣда... Безпремѣнно море переплывать надо, да еще до переправы

островомъ сколько идти придется... Гольцы, да тайга, да кордоны!... На сердцѣ у меня что-то плохо; нехорошо море-то говоритъ, неблагопріятно. Не избыть мнѣ, видно, Соколиного острова, не избыть будетъ,—старѣ! Два раза бѣгалъ; разъ въ Благовѣщенскѣ, другой-то разъ въ Рассеѣ поймали,—опять сюда... Видно, судьба мнѣ на острову помереть.

— Авось не помрешь!—ободрилъ старика Василій.

— Молодъ ты, а я ужъ износился. Эхъ, море-то, море-то какъ жалостно, да сердито разыграло!

Изъ казармы № 7 вывели всѣхъ жившихъ въ ней ка-торжныхъ и отвели ее новопривыкшимъ, приставивъ на первое время караулъ. Привыкши къ тюремной неволѣ и крѣпкимъ запорамъ, они непременно разбились бы по острову, какъ овцы, выпущенныя изъ овчарни. Другихъ, жившихъ здѣсь подольше, не запирали: пооглядѣвши и ознакомившись съ условіями, ссыльные убѣждаются, что побѣгъ на островъ—дѣло крайне рискованное, почти вѣрная смерть, и потому на это дѣло отваживаются только исключительныя натуры, да и то послѣ тщательныхъ сборовъ. А такихъ, все равно, запирай, не запирай,—убѣгутъ если не изъ тюрьмы, то съ работы.

— Ну, Буранъ, совѣтуй теперь,—приставалъ къ Бурану Василій, дня черезъ три по пріѣздѣ на островъ,—ты вѣдь у насъ старшій будешь, тебѣ впереди идти, тебѣ и порядки давать. Чай вѣдь запасъ нужно дѣлать.

— Чего совѣтовать-то,—отвѣтилъ старикъ вяло.—Трудно... годы мои не тѣ. Вотъ видишь ты: пройдетъ еще дня три, караулы снимутъ, станутъ партіями въ раз-

ныя мѣста на работы выводить, да и такъ изъ казармы выходить дозволяется. Ну, только съ мѣшкомъ изъ казармы не выпустятъ. Вотъ тутъ и думай.

— Ты придумай, Буранушка,—тебѣ лучше знать.

Но Буранъ ходилъ осунувшійся, угрюмый и опустившійся. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ и только что-то бормоталъ про себя. Съ каждымъ днемъ, казалось, старый бродяга, очутившійся въ третій разъ на старомъ мѣстѣ, „ослабѣвалъ“ все больше и больше. Между тѣмъ, Василій успѣлъ подобрать еще десять охотниковъ, молодецъ къ молодцу, и все приставалъ къ Бурану, стараясь расшевелить его и вызвать къ дѣятельности. Порой это удавалось, но даже и тогда старикъ всегда сводилъ рѣчь на трудность пути и дурныя предзнаменованія.

„Не избыть острова!“ Это была постоянная фраза, въ которой вылилась безнадежная увѣренность неудачника-бродяги. Тѣмъ не менѣе, въ свѣтлыя минуты онъ оживлялся воспоминаніями о прежнихъ попыткахъ и тогда, въ особенности по вечерамъ, лежа на нарахъ, рядомъ съ Васи́лемъ, оцъ рассказывалъ ему объ островѣ и о пути, по которому придется идти бѣглецамъ.

Портъ Дуэ расположенъ на западной сторонѣ острова, обращенной къ азіатскому берегу. Татарскій проливъ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около 300 верстъ въ ширину; переплыть его въ небольшой лодочкѣ, понятно, нечего и думать, и потому бѣглецы поневолѣ направляются въ ту или другую сторону по острову. Побѣгъ, собственно на островѣ, не труденъ. „Куда хошь ступай,—говорилъ Буранъ,—коли помирать хочется: островъ большой, весь

въ гольцахъ, да въ тайгѣ. Гилякъ инородецъ на что привычный человѣкъ, и тотъ не во всякомъ мѣстѣ держится. На востокъ ежели пойдешь,—заплутаешься въ камняхъ: либо пропадешь, расклюетъ тебя голодная птица, либо самъ къ зимѣ опять сюда явишься. На югъ пойдешь,—дойдешь до конца острова, а тамъ море-окиянъ: на кораблѣ развѣ переплыть. Одна намъ дорога—на сѣверъ, все берегомъ держаться. Море-то само дорогу укажетъ. Верстъ триста пройдемъ, будетъ проливъ, узкое мѣсто; тутъ намъ и переправу держать на амурскую сторону на лодкахъ“.

— Ну, только что скажу тебѣ, парень,—начиналъ Буранъ обычный унылый припѣвъ,—и тутъ трудно, потому что мимо кордоновъ идти придется, а въ кордонахъ солдаты. Первый кордонъ Варки называется, предпоследній Панги, послѣдній самый—Пѳгиба. А почему Пѳгиба?—больше всѣхъ тутъ нашему брату гибель. И хитро же у нихъ кордоны поставлены: гдѣ этакъ узгорочекъ круто заворачиваетъ, тутъ и кордонъ выстроенъ. Идешь, идешь, да прямо на кордонъ и наткнешься. Не дай Господи!

— Ну, да вѣдь ужъ ты два раза ходилъ, чай знаешь?

— Ходилъ, парень, ходилъ...—и потухшіе глаза старика опять вспыхнули.—Ну, слушай меня, да дѣлайте, какъ я велю. Станутъ скоро на мельницу на постройку людей выкликать, вы всѣ въ то число становитесь; станутъ туда провизію запасать, и вы свои сухари да галеты въ телѣгу складывайте. На мельницѣ-то Петруха сидитъ, изъ каторжныхъ. Отъ него вамъ и будетъ ходъ, съ мельницы то-есть. Три дня здѣсь васъ не спохватятся, такой

здѣсь порядокъ: три дня можно на перекличку не являться,—ничего. Докторъ отъ наказанія избавляетъ, потому что, говоритъ, больница плохая; иной это притомится на работѣ, занеможетъ: чѣмъ ему въ больницу идти, лучше онъ въ кусты уйдетъ, да тамъ какъ-нибудь, на воздухѣ-то, и отлежится. Ну, а ужь если на четвертый день не явился, то прямо считаютъ въ бѣгахъ. И самъ послѣ явишься, все равно: приходи да прямо на кобылу и ложись.

— Зачѣмъ на кобылу?—сказалъ Василій.—Дастъ Богъ уйдемъ, такъ ужь охотой не вернемся.

— А не вернешься,—глухо заворчалъ Буранъ и глаза его опять потухли,—не вернешься, такъ все равно воронье тебя расклюетъ въ пади гдѣ-нибудь, на кордонѣ. Кордону-то, небось, съ вашимъ братомъ возиться некогда; ему тебя не представлять обратно, за сотни-то верстъ. Гдѣ увидѣлъ, тутъ уложилъ съ ружья—и дѣлу конецъ.

— Не каркай, старая ворона!... Завтра, смотри, идемъ мы. Ты Боброву сказывай, чего надо,—артель отпустить.

Старикъ проворчалъ что-то въ отвѣтъ и отошелъ, понутивъ голову, а Василій пошелъ къ товарищамъ сказать, чтобы готовились. Отъ должности помощника старосты онъ отказался ранѣе, и на его мѣсто уже выбрали другого. Бѣглецы уложили котомочки, вымѣняли лучшую одежду и обувь и на слѣдующій день, когда, дѣйствительно, стали снаряжать рабочихъ на мельницу, они стали въ число выкликаемыхъ. Въ тотъ же день

съ постройки всѣ они ушли въ кусты. Не было только Бурана.

Отрядъ подобрался удачно. Съ Васильемъ пошелъ его пріятель, который „по бродяжеству“ носилъ кличку Володьки, Макаровъ, силачъ и хватъ, бѣгавшій два раза съ Кары, два черкеса, народъ рѣшительный и незамѣнимый въ отношеніи товарищеской вѣрности, одинъ татаринъ, плутъ и проныра, но за то изобрѣтательный и въ высшей степени ловкій. Остальные были тоже бродяги, искусившіеся въ путешествіяхъ по Сибири.

Артель просидѣла въ кустахъ уже день, переночевала, и другой день клонился къ вечеру, а Бурана все не было. Послали татарина въ казарму; пробравшись туда тихонько, онъ вызвалъ стараго арестанта Боброва, пріятеля Василья, имѣвшаго въ средѣ арестантовъ вѣсъ и вліяніе. На слѣдующее утро Бобровъ пришелъ въ кусты къ бѣглецамъ.

— Что, братцы, какъ бы мнѣ вамъ какую помощь сдѣлать?

— Посылай непременно Бурана. Безъ него намъ не ходъ. Да если чего просить станетъ изъ запасу,—дайте. За Бураномъ у насъ только и дѣло-то стало.

Вернулся Бобровъ въ казарму, а Буранъ и не думаетъ собираться. Суется по камерѣ, самъ съ собою разговариваетъ, да размахиваетъ руками.

— Ты что же это, Буранъ, думаешь?— окликнулъ его Бобровъ.

— А тебѣ что?

— Какъ что? Почему не собрался?

— Въ могилу мнѣ собираться, вотъ куда!

Бобровъ разсердился.

— Да ты что въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь ребята четвертые сутки въ кустахъ. Вѣдь имъ теперь на кобылу ложиться... А еще старый бродяга!

Заплакалъ отъ покоровъ старикъ.

— Отошло мое время... Не избыть мнѣ острова... Износился!...

— Износился ты, аль нѣтъ, это дѣло твое. Не дойдешь, помрешь въ дорогѣ, за это никто не завинить; а ежели ты подвелъ одиннадцать человѣкъ подъ плети, то обязанъ идти. Вѣдь мнѣ стоить артели сказать, что тогда надъ тобой сдѣлаютъ?

— Знаю, — сказалъ Буранъ сумрачно, — сдѣлаютъ „крышку“, потому что стою... Не честно старому бродягѣ помирать такою смертью. Ну, инѣ, видно идти мнѣ доводится. Только, вотъ, ничего-то у меня не припасено.

— Все живою рукой будетъ. Что надо?

— А вотъ что: первымъ дѣломъ неси мнѣ двѣнадцать хорошихъ халатовъ, новыхъ.

— Да вѣдь у ребятъ свои есть.

— Ты слушай меня, что я говорю, — заговорилъ Буранъ съ сердцемъ: — знаю, что есть у нихъ по халату, а надо по два. Гилякамъ за лодку съ человѣка по халату придется. Да еще надо мнѣ двѣнадцать ножей хорошихъ, по три четверти, да два топора, да три котла.

Бобровъ собралъ артель и объяснилъ, въ чемъ дѣло. У кого были лишніе халаты, всѣ поступились въ пользу

бѣглецовъ. У всякаго арестанта живуче какое-то инстинктивное сочувствіе смѣлой попыткѣ вырваться изъ глухихъ стѣнъ на вольную волю. Котлы и ножи нашлись частью даромъ, частью за деньги у старожиловъ-ссылныхъ. Все было готово дня въ два.

Со времени прибытія партіи на островъ прошло тринадцать дней.

На слѣдующее утро Бобровъ доставилъ Бурана въ кусты, вмѣстѣ съ запасомъ. Бѣглецы „стали на молитву“, отслужили нѣчто вродѣ молебна на этотъ случай, по особому арестантскому уставу, попрощались съ Бобровымъ и двинулись въ дорогу.

V.

— Что же, небось, весело было въ путь отправляться?—спросилъ я, вслушиваясь въ окрѣпшій голосъ рассказчика, вглядываясь въ его оживившіяся въ этомъ мѣстѣ черты.

— Да какъ же не весело! Какъ изошли изъ кустовъ, да тайга-матушка надъ нами зашумѣла,—вѣрите, точно на свѣтъ вновь народились. Таково всѣмъ радостно стало. Одинъ только Буранъ идетъ себѣ впереди, голову повѣсилъ, что-то про себя бормочетъ. Не весело вышелъ старикъ. Чувало, видно, Бураново сердце, что не далеко уйти ему.

Видимъ мы съ перваго разу, что командеръ у насъ не очень надежный. Онъ хоть бродяга опытный и даже съ Соколиного острова два раза бѣгалъ, да и дорогу,

видно, знаетъ: идетъ, знай, покачивается, по сторонамъ не глядитъ, ровно собака по слѣду,—ну, а все же насъ съ Володькой, съ пріятелемъ, сомнѣніе беретъ.

— Гляди-ко,—говоритъ мнѣ Володька,—съ Бураномъ какъ бы на бѣду не напороться. Видишь: онъ не въ себѣ что-то.

— А что?—говорю.

— А то, что старикъ какъ будто не въ полномъ разсудкѣ. Самъ съ собой разговариваетъ, голова у него мотается, да и распоряженіевъ отъ него никакихъ не видится. Намъ бы давно ужъ хоть маленькій привалъ сдѣлать, а онъ, видишь, претъ себѣ, да претъ. Не ладно, право!

— Вижу и я, что не ладно. Подошли мы къ Бурану, окликнули:

— Дядя, молъ, а дядя! Что больно разошелся? Не пора ли привалъ сдѣлать, прилечь, отдохнуть?

Повернулся онъ къ намъ, посмотрѣлъ, да опять впередъ пошелъ.

— Погодите,—говоритъ,—зачѣмъ торопитесь ложиться? Вонъ въ Варкахъ, либо въ Погибѣ уложатъ пулями,—належитесь еще.

Ахъ, чтобъ-те пусто было! Ну, все же мы спорить не стали, потому что онъ—старый бродяга. И, притомъ, сами видимъ, что не дѣло и мы затѣяли: въ первый-то день побольше уйти надо,—тутъ не до отдыха.

Прошли еще сколько-то, Володька опять меня толкаетъ:

— Слышь, Василій, дѣло-то все же не ладно!

— Чтò такое опять?

— До Варковъ-то, сказывали, двадцать верстъ; ну, ужь мы восемнадцать-то вѣрныхъ прошли. Какъ бы на кордонъ не напоротся.

— Буранъ, а Буранъ!... Дядя!—кричимъ опять.

— Чтò вамъ?

— Варки чай близко.

— Далеко еще,—отвѣчаетъ и опять пошелъ.

Была бы тутъ бѣда, да на счастіе увидѣли мы — на рѣчкѣ челнокъ зачаленъ стоитъ. Какъ увидѣли мы этотъ челнокъ, такъ всѣ и остановились. Бурана Макаровъ силой удержалъ. Ужь ежели, думаемъ себѣ, челнокъ стоитъ, значитъ и житель близко. Стой, ребята, въ кусты!

Вотъ вошли мы въ тайгу, а на ту пору шли мы падью по рѣчкѣ: по одну сторону горы и по другую тоже горы, лиственною поросли густо. Съ весны съ самой по Соколиному острову туманы теплые ходятъ, и въ тотъ день съ утра тоже туманъ былъ. А какъ взобрались мы на гору, да прошли малое мѣсто верхами,—дохнулъ изъ пади вѣтеръ, туманъ, какъ нарочно, въ море и угнало. Смотримъ мы: внизу за горкой кордонъ какъ на ладонкѣ, солдаты по двору ходятъ, собаки лежатъ, дремлютъ. Всѣ мы тутъ ахнули: вѣдь безъ малаго волку въ пасть своею охотой не полѣзли.

— Какъ же, говоримъ, дядя Буранъ? Вѣдь это кордонъ.

— Кордонъ,—отвѣчаетъ Буранъ.—Самые это Варки.

— Ну,—говоримъ мы ему, — ужь ты, дядя, не про-

гнѣвайся: хоть ты и старше насъ всѣхъ, однако, видно, намъ самимъ о себѣ промышлять надо. Съ тобой какъ разъ бѣды наживешь.

Заплакалъ старикъ.

— Братцы!—говорить,—старъ я, простите ради Христа. Сорокъ лѣтъ хожу, весь исходился, видно; память временами отшибать стало: кое помню, а кое вовсе забылъ. Не взыщите! Надо теперь поскорѣй уходить отсюда: не дай Богъ, за ягодой кто съ кордону пойдетъ или вѣтеръ бродяжымъ духомъ на собаку пахнѣтъ,—бѣда будетъ.

Пошли мы дальше. Дорогой поговорили межъ собой, и всѣ такъ порѣшили, чтобы за Бураномъ смотрѣть. Меня ребята выбрали вожатымъ; мнѣ, значить, привалами распоряжаться, порядки давать; ну, а Бурану все же впереди идти, потому что онъ съ дороги-то не сбивается. Ноги у бродяги привычныя: весь изомретъ, а ноги-то все живы,—идетъ себѣ, съ ноги на ногу переваливается. Такъ вѣдь до самой смерти все старикъ этотъ шелъ.

Шли мы больше горами; оно хоть труднѣе, да за то безопаснѣе: на горахъ-то только тайга шумить, да ручьи бѣгутъ, по камню играютъ. Житель, гилекъ, въ долинахъ живетъ, у рѣкъ, да у моря, потому что питается рыбой, которая рыба въ рѣки ихнія съ моря заходитъ, *кытá* называемая. И столь этой рыбы много, такъ это даже удивленію подобно. Кто не видалъ, повѣрить трудно: сами мы эту рыбу руками добывали.

Такъ все и идемъ, носъ-то по вѣтру держимъ. Гдѣ

этакъ безопаснѣе, къ морю, аль къ рѣчкѣ спустимся, а чуть малость сомнѣваться станемъ, сейчасъ опять на верхи. Кордоны-то обходимъ со всякою осторожностью, а кордоны-то стоятъ разнo: гдѣ двадцать верстъ разстояніе, а гдѣ и всѣ пятьдесятъ. Угадать никакъ невозможно. Ну, все же какъ-то насъ Богъ миловалъ, обходили всѣ кордоны благополучно, вплоть до послѣдняго...

VI.

Разскащикъ нахмурился и замолчалъ. Спустя нѣкоторое время онъ поднялся съ мѣста.

— Что же дальше?—спросилъ.

— Лошадь вотъ... Чай ужъ просохла. Пора, пожалуй, спустить съ привязи.

Мы оба вышли на дворъ. Морозъ сдавалъ, туманъ разсѣялся. Бродяга посмотрѣлъ на небо.

— Стожары-то высоко поднялись,—сказалъ.—Больше полуночи.

Теперь юрты сосѣдней слободы виднѣлись ясно, такъ какъ туманъ не мѣшалъ. Слобода спала. Бѣлыя полосы дыма тихо и сонно клубились въ воздухѣ, по временамъ только изъ какой-нибудь трубы вдругъ вырывались снопы искръ, неистово прыгая на морозѣ. Якуты топятъ всю ночь безъ перерыва, въ короткую не закрытую трубу тепло вытягиваетъ быстро, и потому первый, кто проснется отъ наступившаго въ юртѣ холода, подкладываетъ свѣжихъ полѣньевъ.

Бродяга постоялъ нѣкоторое время въ молчаніи, глядя на слободу. Затѣмъ онъ вздохнулъ.

— Вотъ и ровно бы село наше, право! Давно ужъ я села не видалъ. Якуты по наслегамъ живутъ, какъ звѣри въ лѣсу, всѣ въ-одиночку... Эхъ, хоть бы сюда мнѣ перебраться, что ли. Можетъ и выжилъ бы здѣсь.

— Ну, а въ наслегѣ развѣ не выживете? Вѣдь у васъ хозяйство. Вотъ вы говорили, что довольны своимъ положеніемъ.

Бродяга отвѣтилъ не сразу.

— Мочи моей нѣту, вотъ что! Не глядѣли бы глаза на здѣшнюю сторону.

Онъ подошелъ къ коню, пощупалъ у него подъ гривой, потрепалъ по шеѣ. Умный конекъ повернулъ къ нему голову и заржалъ.

— Ну, ладно, ладно! — сказалъ Василій ласково. — Спущу сейчасъ. Смотри, Сѣрко, завтра не выдай!... Въ бѣга его завтра пущу съ татарами. Конекъ хорошій; набѣгалъ я его, — теперь съ любымъ скакуномъ потягается. Вѣтеръ!

Онъ снялъ недоузокъ и конь веселою рысцой побѣжалъ къ сѣну. Мы вернулись въ избу.

Лицо Василья сохраняло пасмурное выраженіе. Онъ какъ будто забылъ или не хотѣлъ продолжать свой рассказъ. Я напомнилъ ему, что жду продолженія.

— Да что рассказывать-то, — сказалъ онъ угрюмо, — не знаю, право... Нехорошо у насъ вышло. Ну, да ужъ началъ, такъ надо кончать...

Шли мы уже двѣнадцать днѣй и все еще съ Соколи-

наго острова не вышли, а по-настоящему надо бы на восьмой день уже на амурскую сторону перебраться. И все потому, что опасаемся, на командера своего надежды не имѣемъ. Гдѣ бы ровнымъ мѣстомъ идти, берегомъ, а мы по верхамъ рыщемъ, по оврагамъ, по гольцамъ, да тайгой, да по бурелому... Много ли тутъ уйдешь? Вотъ и стала у насъ провизія кончаться, потому что всего на 12 дѣнь и запасали. Стали мы по-началу порціи уменьшать; сухарей понемногу отпускали, и промышляй всякъ для своей утробы какъ знаешь: ягоды-то по тайгѣ много. И пришли мы такимъ родомъ къ заливчику, лиманъ называемый. Вода въ томъ заливчикѣ соленая, а какъ припретъ ину пору съ Амуру, то и прѣсная бываетъ. Вотъ хорошо: надо въ этомъ мѣстѣ лодки добывать, на амурскую сторону переправу имѣть.

Стали мы тутъ думать-гадать: гдѣ намъ взять лодки? Приступили къ Бурану: совѣтуй! А Буранъ-старикъ притомился у насъ вовсе: глаза потускли, осунулся весь и никакого совѣту не знаетъ. „У гиляковъ, говоритъ, лодки добывать надо“, а гдѣ они, гиляки эти, и какимъ, на примѣръ, способомъ лодки у нихъ получить, этого не объясняетъ.

Вотъ и говоримъ мы съ Володькой ребятамъ: „Погодите-ка вы здѣсь, а ужъ мы по берегу пойдемъ, можетъ на гиляковъ наткнемся: какъ-нибудь лодку ли, двѣ ли промыслимъ. А вы тутъ, ребята, смотрите, ходите съ опаской, потому что кордонъ, надо быть, по близости находится“.

Остались ребята, а мы втроемъ пошли по берегу.

Шли-шли, вышли на утесикъ, глядимъ, а внизу, надъ рѣчкой, гилякъ стоитъ, снасть чинить. Богъ намъ его, Оркуна этого, послалъ.

— Это что же Оркунъ, имя, что ли?—спросилъ я разскащика.

— Кто его знаетъ? Можетъ и имя, а вѣрно же, что старосту это по-ихнему обозначаетъ. Намъ неизвѣстно, а только какъ подошли мы къ нему потихоньку (не сбѣжалъ бы, думаемъ), окружили его, онъ и сталъ тыкать себя пальцемъ въ грудь: Оркунъ, говоритъ, Оркунъ; а что такое Оркунъ, мы не понимаемъ. Однако стали съ нимъ разговаривать. Володька взялъ въ руки палочку и начертилъ на землѣ лодку; значить: вотъ намъ отъ тебя какой предметъ требуется! Гилякъ сообразилъ сразу, замоталъ головой и начинаетъ намъ пальцы казать: то два покажетъ, то пять, то всѣ десять. Не могли мы долго въ толкъ взять, что такое онъ показываетъ, а потомъ Макаровъ догадался:

— Братцы, говоритъ, да вѣдь это ему надо знать, сколько насъ, какую лодку готовить.

— Вѣрно!—говоримъ и показываемъ гиляку, что, молъ, двѣнадцать насъ всѣхъ человѣкъ. Замоталъ головой,—понялъ!

Потомъ велитъ себя къ остальнымъ товарищамъ вести. Взяло насъ тутъ маленько раздумье, да что станешь дѣлать? Пѣшкомъ по морю не пойдешь! Привели. Возроптали на насъ товарищи: „Это вы, молъ, зачѣмъ гиляка сюда-то притащили? Казать ему насъ, что ли?... Да что-жь тутъ подѣлаешь „Молчите, говоримъ, мы

съ нимъ дѣло дѣлаемъ“. А гилякъ ничего, ходитъ межъ насъ, ничего не опасается; знай себѣ халаты пощупываетъ.

Отдали мы ему запасные халаты, онъ ихъ ремнемъ перевязалъ, вскинулъ на плечи и пошелъ себѣ внизъ. Мы, конечно, за нимъ. А внизу-то, смотримъ, юртѣнки гиляцкія стоятъ, вродѣ какъ бы деревушка.

— Что-жъ теперь?—сумлѣваются ребята.—Вѣдь онъ въ деревню пошелъ, народъ сгонять станетъ!...

— Ну, такъ что-жъ,—говоримъ мы имъ.—Ихъ всего-то четыре юрты,—много ли тутъ народу наберется? А вѣдь насъ двѣнадцать человѣкъ, ножи у насъ по три четверти аршина, хорошіе... Да и гдѣ же гиляку съ русскимъ человѣкомъ силой равняться? Русскій человѣкъ—хлѣбной, а онъ рыбу одну жретъ. Съ рыбы-то много ли онъ силы наѣстъ? Куда имъ!

Ну, все-таки, надо правду говорить, маленько и у меня по сердцу скребнуло: не было бы какого худа. Вотъ, молъ, и край Соколиного острова стоимъ, а приведетъ ли Богъ на амурской-то сторонѣ побывать? А амурская-то сторона за проливомъ край неба горами синѣтъ. Такъ бы, кажись, птицей снялся да полетѣлъ. Да вишь: локоть и близокъ, а укусить—не укусишь!...

Вотъ хорошо. Подождали мы маленько, смотримъ: идутъ къ намъ гиляки гурьбой, Оркунъ впереди, и въ рукахъ у нихъ копья. „Вотъ видите,—ребята говорятъ,—гиляки биться идутъ!“—Ну, молъ, что будетъ... Готовъ, ребята, ножи! Смотрите: живьемъ никому не сдаваться и живого имъ въ руки никого не давать. Кого убьютъ,

дѣлать нечего,—значить, судьба! А въ комъ духъ остался, за того стоять. Либо всѣмъ уйти, либо всѣмъ живымъ не быть. Стой, говорю, ребята, крѣпче!“

Однако, на гиляковъ мы это подумали напрасно. Увидѣлъ Оркунъ, что мы сумлѣваемся, обобралъ у своихъ копья, одному на руки сдалъ, а съ остальными къ намъ идетъ безъ оружія. Тутъ ужъ и мы увидали, конечно, что у гиляковъ дѣло на чести, и пошли съ ними къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ лодки были спрятаны. Выволокли они намъ двѣ лодки: одна побольше, другая поменьше. Въ большую-то Оркунъ приказываетъ восьмерымъ садиться, въ маленькую—остальнымъ.

Вотъ мы, значитъ, и съ лодками стали, а только переправляться-то сразу нельзя. Повѣялъ съ амурской стороны вѣтеръ, волна съ проливу пошла крупная, прибой такъ въ берегъ и хлещетъ. Никакъ намъ въ этихъ лодочкахъ по этой погодѣ переѣхать невозможно.

И пришлось намъ изъ-за вѣтру прожить на берегу еще два дня. Припасы-то, между тѣмъ, всѣ прикончились, ягодой только брюхо набиваемъ, да еще Оркунъ, спасибо ему, четыре юколы далъ,—рыба у нихъ такая. Такъ вотъ юколой этой еще сколько-нибудь питались. Честныхъ правилъ, отличный гилякъ былъ, дай ему Господи! И по сю пору о немъ вспоминаю.

День прошелъ, все мы на берегу томимся. И до чего досадно было, такъ и сказать невозможно. Ночь перенчевали, на другой день — все вѣтеръ. Тоска донимаетъ, просто терпѣть нельзя. А амурская-то сторона изъ-подъ вѣтру-то еще явственнѣе выступаетъ, потому

что туманъ съ моря согнало. Буранъ нашъ какъ сѣлъ на утесикѣ, глазами на тотъ берегъ уставился, такъ и сидитъ. Не говоритъ ничего и ягодъ не собираетъ; сжа- лится кто надъ старикомъ, принесетъ ему ягоды въ шап- кѣ,—ну, онъ поѣстъ, а самъ ни съ мѣста. Загорѣлось у старика бродяжье сердце. А можетъ и то: смерть свою ждалъ... Бываетъ!...

Наконецъ, всѣмъ ужъ невтерпѣжь стало, и стали ре- бята говорить: ночью, какъ-никакъ, ѣдемъ! Днемъ не- возможно, потому что кордонные могутъ увидѣть,—ну, а ночью-то отъ людей безопасно, а Богъ авось помилуетъ, не потопитъ. А вѣтеръ-то все гудѣтъ по проливу, волна такъ и ходитъ: бѣлые зайцы по гребню играютъ, *ста- рички* (птица такая, вродѣ чайки) надъ моремъ летаютъ, крикомъ кричатъ, ровно черти. Каменный берегъ весь стономъ стонетъ, море на берегъ лѣзетъ!

— Давайте, говорю, ребята, спать ляжемъ. Луна съ полночи взойдетъ, тогда что Богъ дастъ, поплывемъ. Спать ужъ тогда немного придется, надо теперь силы наспать.

Послушались ребята, легли. Выбрали мы мѣсто на высококомъ берегу, близъ утесу. Снизу-то, отъ моря, насъ и не видно: деревья кроютъ. Одинъ Буранъ не ложится: все въ западную сторону глядитъ. Легли мы, солнце-то еще только-только склоняться стало, до ночи далеко. Перекрестился я, послушалъ, какъ земля стонетъ, какъ тайгу вѣтеръ качаетъ, да и заснулъ.

Спимъ себѣ, бѣды и не чаемъ.

Долго ли, коротко ли спали, только слышу я: Буранъ

меня окликаетъ. Проснулся отъ сна, гляжу: солнце-то садиться хочетъ, море утихло, мѣроки надъ берегомъ залегаютъ. Надо мною Буранъ стоитъ, глаза у него дикіе.

— Вставай, говоритъ, пришли ужь... по́ душу, говоритъ, пришли!...—рукой этакъ въ кусты показываетъ.

Вскочилъ я тутъ на ноги, гляжу: въ кустахъ солдаты...

Одинъ, поближе, изъ ружья цѣлится, другой, подальше, подбѣгаетъ, а съ горки этакъ еще трое спускаются, ружья поднимаютъ. Мигомъ сонъ съ меня соскочилъ; крикнулъ я тутъ громкимъ голосомъ, и поднялись ребята сразу, всѣ какъ одинъ. Только успѣлъ первый солдатъ выстрѣлить, мы ужь на нихъ набѣжали...

Глухое волненіе сдавило голосъ разскащика; онъ понурилъ голову. Въ юртѣ стояла полутьма, такъ какъ бродяга забылъ подкладывать полѣнья.

— Не надо бы разсказывать, — сказалъ онъ тономъ, въ которомъ слышалось что-то вродѣ просьбы.

— Нѣтъ ужь, все равно, кончайте! Что же дальше?

— А дальше... да что ужь тутъ... сами подумайте: вѣдь ихъ всего-то пять человѣкъ, а насъ двѣнадцать. Да еще думали они насъ сонныхъ накрыть, все равно какъ те-теревей, а вмѣсто того мы имъ и оглянуться-то, и собраться въ кучу не дали... Ножи у насъ длинные...

Выстрѣлили они по разу на-спѣхъ — промахнулись. Бѣгутъ съ горки и удержаться-то трудно. Сбѣжить внизъ, а тутъ внизу мы его и принимаемъ...

— Вѣрите вы?—какъ-то жалостливо проговорилъ раз-

скащикъ, поднимая на меня глаза съ выраженіемъ тоски,—и оборониться-то они нисколько не умѣли: со штыками этакъ какъ отъ собакъ отмахиваются, а мы на нихъ, мы на нихъ, какъ лютые волки!...

Пхнулъ одинъ солдатъ штыкомъ меня въ ногу, оцарапалъ только, да я спотѣнулся, упалъ... Онъ на меня. Сверху еще Макаровъ навалился. Слышу: бѣжить по мнѣ кровь... Мы-то съ Макаромъ встали, а солдатикъ остался...

Поднялся я на ноги, гляжу: послѣдніе двое на пригорокъ выбѣжали. Впереди-то Салтановъ, начальникъ кордона, лихой, далеко про него слышно было; гиляки—и тѣ его пуще шайтана боялись, а ужъ изъ нашего-то брата не одинъ отъ него смерть себѣ получилъ. Ну, на этотъ разъ не пришлось... Самъ себя потерялъ...

Было у насъ два черкеса, проворны какъ кошки и храбрость имѣли большую. Кинулся одинъ къ Салтанову на-встрѣчу, въ половинѣ пригорка сошлись. Салтановъ въ него изъ револьвера выпалилъ: черкесь нагнулся, оба упали. А другой-то черкесь подумалъ, что товарищъ у него убитъ. Какъ бросится туда же... Оглянуться мы не успѣли, онъ ужъ Салтанову голову напрочь ножомъ отмахнулъ...

Вскочилъ на ноги, зубы оскалилъ... въ рукахъ голову держать. Замерли мы всѣ тутъ, глядимъ... Скрикнулъ онъ что-то по-своему, звонко... Размахалъ голову, размахалъ и бросилъ...

Полетѣла голова поверхъ деревьевъ съ утесу... Тишина у насъ настала, стоимъ всѣ ни живы, ни мертвы

и слышимъ: внизу по морю плескъ раздался,—пала голова въ море.

И солдатикъ послѣдній на пригоркѣ стоитъ, остановился. Потомъ ружье бросилъ, закрылъ лицо руками и убѣжалъ. Мы и не гонимся: бѣги, Богъ съ тобой! Одинъ онъ, бѣдняга, на всемъ кордонѣ остался, потому что было двадцать человѣкъ. Тринадцать на амурскую сторону за провизіей поѣхали, да изъ-за вѣтру не успѣли еще вернуться, а шестерыхъ мы уложили.

Кончилось все, а мы испугались, никакъ сообразиться не можемъ, другъ на друга глядимъ: что же, молъ, это такое—во снѣ, али вправду? Только вдругъ слышимъ: сзади, на томъ мѣстѣ, гдѣ спали мы, подъ деревомъ, Буранъ у насъ стонетъ...

А Бурана нашего первый солдатъ изъ ружья убилъ. Не вовсе убилъ,—промаялся старикъ еще малое время, да не долго. Пока солнце за гору сѣло, изъ старика и духъ вонъ. Страсть было жалко!...

Подошли мы къ нему, видимъ: сидитъ старикъ подъ кедрой, рукой грудь зажимаетъ, на глазахъ слезы. Поманилъ меня къ себѣ. „Вели, говоритъ, ребятамъ могилу мнѣ вырыть. Все одно вамъ сейчасъ плыть нельзя, надо ночи дожждаться, а то какъ бы съ остальными солдатами въ проливѣ не встрѣтиться. Такъ ужъ похороните вы меня, ради Христа“.

— Что ты, что ты, дядя Буранъ!—говорю ему.—Нешто живому человѣку могилу роютъ? Мы тебя на амурскую сторону свеземъ, тамъ на рукахъ понесемъ... Богъ съ тобой.

— Нѣтъ ужь, братецъ,—отвѣчаетъ старикъ,—противъ своей судьбы не пойдешь, а ужь мнѣ судьба лежать на этомъ острову, видно. Такъ пусть ужь... чуяло сердце... Вотъ всю-то жизнь почитай все изъ Сибири въ Рассею рвался, а теперь хоть бы на сибирской землѣ помереть, а не на этомъ на острову проклятомъ...

Подивился я тутъ на Бурана,—совсѣмъ не тотъ старикъ сталъ: говоритъ какъ слѣдуетъ, въ полной памяти, глаза у него ясные, только голосъ слабый. Собралъ насъ всѣхъ вокругъ себя и сталъ наставлять.

— Слушайте, говоритъ, ребята, что я стану рассказывать, да запоминайте хорошенько. Придется теперь вамъ безъ меня по Сибири идти, а мнѣ здѣсь оставаться. Дѣло ваше теперь очень опасно,—пуще всего, что Салтанова убили. Слухъ теперь пройдетъ объ этомъ дѣлѣ далеко: не то что въ Иркутскѣ,—въ Рассеѣ объ этомъ дѣлѣ узнаютъ. Станутъ васъ въ Николаевскомъ сторожить. Смотри, ребята, идите опасно; голодъ, холодъ терпите, а ужь въ деревни-то заходите поменьше, города обходите подальше. Гиляка и голда не бойтесь,—эти васъ не тронутъ. Ну, теперь замѣчайте хорошенько, стану вамъ про дорогу по амурской сторонѣ рассказывать. Будетъ тутъ передъ Николаевскимъ городомъ заимка, въ той заимкѣ нашъ благодѣтель живетъ, прикащикъ купца Тарханова. Торговалъ онъ раньше на Соколиномъ острову съ гиляками, заѣхалъ съ товарами въ горы, да и сбился съ дороги, заблудился. А съ гиляками у него нелады были, ссора. Увидѣли они, что забрался онъ въ глухое мѣсто, и застукали его въ оврагѣ; совсѣмъ было убили,

да какъ разъ на ту пору шли мы самымъ тѣмъ оврагомъ, соколинскіе бродяжки... Въ первый разъ еще тогда я съ Соколина уходилъ. Вотъ слышали мы, что русской человѣкъ въ тайгѣ голосомъ голосить, кинулись въ оврагъ и прикащика отъ гиляковъ избавили; съ тѣхъ самыхъ поръ онъ нашу добродѣтель помнитъ. „Должѣнъ я, говоритъ, по гробъ моей жизни соколинскихъ ребятъ наблюдать“, и дѣйствительно, съ тѣхъ поръ нашимъ отъ него всякое довольствіе идетъ. Разыщите его,—счастливы будете и всякую помощь получите.

Вотъ разсказалъ намъ старикъ всѣ дороги, наставленіе далъ, а потомъ говоритъ:

— Теперь, говоритъ, ребята, вамъ времени-то терять незачѣмъ. Прикажи-ка, Василій, на этомъ мѣстѣ домини вырыть, потому что мѣсто хорошее. Пусть хоть вѣтеръ съ амурской стороны долетаетъ, да море оттуда плещетъ. Не мѣшчайте, полно, ребята! Принимайтесь за работу живѣе!

Послушались мы.

Тутъ старикъ подъ кедрой сидитъ, а тутъ мы ему могилу роемъ; вырыли могилу ножами, помолились Богу, старикъ ужъ у насъ молчитъ, только головой качаетъ, слезно плачетъ. Сѣло солнце, старикъ у насъ померъ. Стемнѣло, мы ужъ и яму сравняли.

Какъ выплыли мы на середину пролива, луна на небо взошла, посвѣтлѣло. Оглянулись всѣ, сняли шапки... За нами, сзади, Соколиный островъ горами высится, на утесѣ-то Буранова кедръ стоитъ...

VII.

Переѣхали мы на амурскую сторону, а ужъ тамъ гилляки говорятъ: „Салтанова голова... вода“. Бѣдѣвые эти инородцы, сороки имъ на хвостѣ вѣсти несутъ. Что ни случись, все въ ту же минуту узнаютъ. Повстрѣчали мы ихъ нѣсколько человѣкъ у моря, рыбу они ловили. Мотають головами, смѣются; видно, что рады сами. А мы думаемъ: хорошо, молъ, вамъ, чертямъ, смѣяться, а намъ-то каково! Изъ-за этой головы намъ, можетъ, всѣмъ теперь своихъ головъ не сносить. Ну, дали они намъ рыбы, спросили мы ихъ про всѣ дороги, какія тутъ были, и пошли себѣ по своей. Идемъ-то по землѣ словно по камню горячему, cadaго шороху пугаемся, каждую займку обходимъ, отъ русскаго человѣка тотчасъ въ тайгу хоронимся, слѣды заметаемъ. Страшно вѣдь...

Днемъ больше въ тайгѣ отдыхали, по ночамъ шли напролетъ. Къ Тархановой займкѣ подошли на разсвѣтѣ. Стоитъ въ лѣсу займка новая, кругомъ огорожена, ворота заперты на-крѣпко. По примѣтамъ выходитъ та самая, про какую Буранъ рассказывалъ. Вотъ подошли мы, вѣжливенько постучались, смотримъ: вздуваютъ въ займкѣ огонь. „Кто, молъ, тутъ, что за люди?“

— Бродяжки, говоримъ, отъ Бурана Стахѣю Митричу поклонъ принесли.

А на ту пору Стахѣй Митричъ, главный-то приказикъ тархановскій, въ отлучкѣ находился, а на займкѣ подручнаго оставилъ, и былъ отъ него подручному на-

казъ: въ случаѣ придутъ соколинскіе ребята, давать имъ по пяти рублей на брата, да сапоги, да полушубокъ, бѣлья и провизіи—сколько потребуется. „Сколько бы ихъ ни было, говоритъ, всѣхъ удовлетвори, собери работниковъ, да при нихъ выдачу и засвидѣтельствуй. Тутъ и отчетъ весь!“

А ужъ на заимкѣ тоже про Салтанова узнали. Прикащикъ-то увидѣлъ насъ и испужался.

— Ахъ, братцы, говоритъ, не вы ли же это Салтанова прикончили? Бѣда вѣдь!

— Ну, молъ, мы, аль не мы, объ этомъ разговаривать нечего. А не будетъ ли отъ вашей милости какой помощи? Отъ Бурана мы къ Стахѣю Митричу съ поклономъ.

— А самъ-то Буранъ что же? Аль опять на островъ попалъ?

— Попалъ, говоримъ, да приказалъ долго жить.

— Ну, царство ему небесное... Хорошій бродяга былъ, честныхъ правилъ, хотъ и незадачливый. Стахѣй Митричъ и по сю пору его вспоминаетъ. Теперь, чай, въ поминанъе запишетъ, только вотъ имя-то ему какъ? Не знаете ли, ребята?

— Не знаемъ мы. Буранъ да Буранъ, такъ и звали. Чай покойникъ и самъ-отъ свое имя забылъ, потому что бродягѣ не къ чему.

— То-то вотъ. Эхъ, братцы, жизнь-то, жизнь ваша!... Захочетъ попъ объ васъ Богу сказать, и то не знаетъ, какъ назвать... Тоже чай у старика въ своей сторонѣ родня была: братья, сестры, а можетъ и родныя дѣтки.

— Какъ чай не быть. Бродяга-то хоть имя свое крещеное бросилъ, а тоже вѣдь и его баба родила, какъ и людей...

— Горькая ваша жизнь,—охъ, горькая!

— Чего горше: ѣдимъ прошеное, носимъ брошеное, помремъ—и то въ землю не пойдёмъ. Вѣрно! Не всякому вѣдь бродягѣ и могила-то достанется. Помрешь въ пустынь, — звѣрь сожретъ, птица расклюетъ... Кости—и тѣ сѣрые волки врозь растащутъ. Какъ же не горькая жизнь?

Пригорюнились мы... Хоть жалостныя-то слова мы для прикащика говоримъ,—потому сибиряку чѣмъ жалостиѣ скажешь, то онъ больше тебя наградить,—ну, а все же видимъ и сами, что правда, такъ оно и по-настоящему точка въ точку выходитъ. Вотъ, думаемъ, онъ сейчасъ зѣвнетъ, да перекрестится, да и завалится спать... въ теплѣ, да въ сытости, и никого-то онъ не боится, а мы пойдёмъ по дикой тайгѣ путаться глухою ночью, да точно нечисть болотная съ пѣтухами отъ крещеныхъ людей хорониться.

— Ну, однако, ребята,—говоритъ прикащикъ,—пора мнѣ и на-боковую. Жертвую вамъ отъ себя по двугривенному на брата, да по положенію, что слѣдуетъ, получите и ступайте себѣ съ Богомъ. Рабочихъ всѣхъ будить не стану,—трое есть у меня понадежнѣе, такъ они и засвидѣтельствуютъ для отчета. А то какъ бы съ вами бѣды не нажить... Смотрите, въ Николаевской городъ лучше не заглядывайте. Намедни я оттуда пріѣхалъ: исправникъ нонѣ живетъ бойкой; приказалъ всѣхъ про-

хожихъ имать, гдѣ какой ни объявится. „Сорокѣ, говорить, пролетѣть не дамъ, заяцъ мимо не проскачетъ, звѣрь не прорыщетъ, а ужь этихъ я молодцовъ-соколинецъ изымаю“. Счастливы будете, ежели удастся вамъ мимо пройти, а ужь въ городъ-то ни за коимъ дѣломъ не заходите.

Выдалъ онъ намъ по положенію, рыбы еще далъ нѣсколько, да отъ себя по двугривенному накиннулъ. Потомъ перекрестился на небо, ушелъ къ себѣ на заимку и дверь заперъ. Погасили сибиряки огни, легли спать,— до свѣту-то еще не близко. А мы пошли себѣ своею дорогой и очень намъ всѣмъ въ ту ночь тоскливо было.

Охъ, и люта же тоска на бродягу живетъ! Ночка-то темная, тайга-то глухая... дождемъ тебя моетъ, вѣтромъ тебя сушитъ и на всемъ-то, на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ тебѣ родного угла, ни пріюту... Все вотъ на родину тянешься, а приди на родину, тамъ тебя всякая собака за бродягу знаетъ. А начальства-то много, да начальство-то строго... Долго ли на родинѣ погуляешь,—опять тюрьма!

Да еще и тюрьма-то иной разъ раемъ вспоминается, право... Вотъ и въ ту ночь, идемъ - идемъ, вдругъ Володька и говоритъ:

— А что, братцы, что-то теперь наши подѣлываютъ?

— Это ты про кого, молъ?

— Да наши, на Соколиномъ острову, въ седьмой казармѣ. Чай спать себѣ теперь и горюшка мало!... А мы вотъ тутъ... Эхъ, не надо бы и ходить-то...

Прикрикнулъ я на него. „Полно, молъ, тебѣ бабиться! И не ходилъ бы, коли духъ въ тебѣ короткій,—на другихъ тоску нытьемъ нагоняешь“.

А самъ, признаться, тоже задумался. Притомились мы, идемъ—дремлемъ; бродягѣ это въ привычку на ходу спать. И чуть маленько забудусь, сейчасъ казарма и приснится. Мѣсяцъ будто свѣтитъ и стѣнка на свѣту поблескиваетъ, а за рѣшотчатыми окнами—нары, а на нарахъ арестантики спятъ рядами. А потомъ приснится, и самъ будто лежу, потягиваюсь... Потянусь—и сна не бывало...

Ну, вѣтъ того сна лютѣе, какъ отецъ съ матерью приснятся. Ничего будто со мной не бывало—ни тюрьмы, ни Соколиного острова, ни этого кордону. Лежу будто въ горенкѣ родительской, и мать мнѣ волосы чешетъ и гладитъ. А на столѣ свѣчка стоитъ и за столомъ сидитъ отецъ, очки у него надѣты и старинную книгу читаетъ. Начотчикъ былъ. А мать будто пѣсню поетъ.

Проснулся я отъ этого сна,—кажись, ножъ бы въ сердце, такъ въ ту же пору. Въмѣсто горенки родительской — глухая тропка таѣжная. Впереди-то Макаровъ идетъ, а мы за нимъ гусемъ. Вѣтеръ подыметъ, пошелеститъ вѣтвями и стихнетъ. А вдали, сквозь дерѣвъ, море виднѣется, и надъ моремъ край неба просвѣчиваетъ,—значить, скоро заря и намъ куда-нибудь въ оврагъ хорониться. И никогда-то,—можетъ и сами слышали,—никогда оно не молчитъ, море-то. Все будто говорить что-то, пѣсню поетъ, али такъ бормочетъ... Оттого мнѣ

во снѣ все пѣсня и снилась. Пуще всего нашему брату отъ моря тоска, потому что мы къ нему не привычны.

Стали ближе къ Николаевску подаваться, заимки пошли чаще и намъ еще опаснѣе. Какъ-никакъ, подвигаемся помаленьку впередъ, да тихо: ночью идемъ, а съ утра забиваемся въ глушь, гдѣ ужъ не то что человѣкъ,—звѣрь не прорыщетъ, птица не пролетитъ.

Николаевскъ городъ надо бы подальше обойти, да ужъ мы притомились по пустымъ мѣстамъ, да и припасы кончились. Вотъ подходимъ къ рѣкѣ подъ вечеръ, видимъ: на берегу люди какіе-то. Приглядѣлись, анъ это „вольная команда“ *) съ сѣтями рыбу ловить. Ну, и мы безъ страху подходимъ:

— Здорово, молъ, господа, вольная команда!

— Здравствуйте,—отвѣчаютъ.—Издальца ли Богъ несетъ?

Слово за слово, разговорились. Потомъ староста ихній посмотрѣлъ на насъ пристально, отозвалъ меня къ сторонкѣ и спрашиваетъ:

— Вы, господа проходящіе, не съ Соколиного ли острову? Не вы ли это Салтанова „накрыли“?

Постѣснялся я, признаться, сказать ему откровенно всю правду. Онъ хошь и свой братъ, да въ этакоемъ дѣлѣ и своему-то не сразу довѣришься. Да и то сказать: вольная команда все же не то, что арестантская

*) *Вольную команду* составляютъ каторжники, отбывшіе положенный срокъ испытанія. Они живутъ не въ тюрьмѣ, а на вольныхъ квартирахъ, хотя все же и они лично, и ихъ трудъ подвергаются извѣстному контролю и обусловлены извѣстными правилами.

артель: захочетъ онъ, напимѣрь, передъ начальствомъ выслужиться, придетъ и доложитъ тайкомъ,—онъ вѣдь „вольный“. Въ тюрьмахъ у насъ всѣ фискалы на-перечетъ,—чуть что, сейчасъ ужъ знаемъ на кого думать. А на волѣ-то какъ узнаешь?

Вотъ видитъ онъ, что я позамялся, и говоритъ опять: — Вы меня не опасайтесь: я своего брата выдавать никогда не согласенъ, да и дѣла мнѣ нѣтъ. Не вы, такъ и не вы! А только, какъ было слышно въ городѣ, что на Соколинѣ сдѣлано качество, и вижу я теперь, что васъ одиннадцать человѣкъ, то я и догадался. Охъ, ребята, бѣда вѣдь это,—право, бѣда! Главное дѣло: качество-то большое, да и исправникъ у насъ нонѣ дошлый. Ну, это дѣло ваше... Пройдете мимо,—счастливы будете, а пока-мѣстъ вотъ осталось у насъ артельного припасу достаточно, и какъ нонче намъ домой возвращаться, то получите себѣ нашъ хлѣбъ, да еще рыбы вамъ отпустимъ. Не нужно ли котла?

— Пожалуй, говорю, лишній не помѣшаетъ.

— Берите артельный... Да еще изъ городу ночью я вамъ кое-чего привезу. Надо вѣдь своему брату помощь дѣлать.

Легче тутъ намъ стало. Снялъ я шапку, поклонился доброму человѣку; товарищи тоже ему кланяются... И то дорого, что припасами надѣлили, а еще пуще того дорого, что доброе слово услышали. До сихъ поръ шли, отъ людей прятались, потому знаемъ: смерть намъ отъ людей предстоитъ, больше ничего. А тутъ пожалѣли насъ.

Ну, на радостяхъ-то чуть было бѣды себѣ не надѣлали.

Какъ отъѣхала вольная команда, ребята наши повеселѣли, Володька даже въ плясъ пустился, и сейчасъ мы весь свой страхъ забыли. Ушли мы въ падь, называемая та падь Дикманская, потому что нѣмецъ-пароходчикъ Дикманъ въ ней свои пароходы строилъ... надъ рѣкой... Развели огонь, подвѣсили два котла, въ одномъ чай заварили, въ другомъ уху готовимъ. А дѣло-то ужъ и къ вечеру подошло, глядишь и совсѣмъ стемнѣло, и дождикъ пошелъ. Да намъ въ то время дождикъ, у огня-то да за чаемъ, нипочемъ показался.

Сидимъ себѣ, бесѣдуемъ, какъ у Христа за пазухой, а о томъ и не думаемъ, что отъ насъ на той сторонѣ городскіе огни виднѣются, стало-быть и нашъ огонь изъ городу тоже видать. Вотъ вѣдь до чего нашъ братъ порой безпеченъ бываетъ: по горамъ шли, тайгой, такъ и то всякаго шороху пугались, а тутъ противъ самаго города огонь развели и бесѣдуемъ себѣ, будто такъ оно и слѣдуетъ.

На счастье наше, жилъ въ то время въ городу старичокъ-чиновникъ. Былъ онъ въ прежнее время въ Н. тюремнымъ смотрителемъ. А въ Н. тюрьма большая, народу въ ней перебивало страсть, и всѣ того старика поминали добромъ. Вся Сибирь Самарова знала, и какъ сказали мнѣ недавно ребята, что померъ онъ въ третьемъ годѣ, то я нарочно къ попу ѣздилъ, полтину за поминъ души ему отдалъ, право! Добрѣйшей души старичокъ былъ, царствіе ему небесное, только ругаться любилъ... Такой былъ ругатель, просто бѣда. Кричитъ, кричитъ, и ногами топаешь, и кулаки сжимаетъ, а никакого страху отъ него

не было. Уважали ему, конечно, во всякое время, потому что былъ старикъ справедливый. Никогда отъ него арестанту обиды не было, никогда ничѣмъ не притѣснялъ, копѣйкой артельной не прибытчился, кромѣ того, что добровольно артель за его добродѣтель награждала. Не забывали, надо правду говорить, и его арестанты, потому что семья у него была не малая... Имѣлъ доходъ порядочный...

Въ то время старичокъ этотъ былъ ужъ въ отставкѣ и жилъ себѣ въ Николаевскѣ на спокоѣ, въ собственномъ домишкѣ. И по старой памяти все онъ съ нашими ребятами изъ вольной команды дружбу водилъ. Вотъ сидѣлъ онъ тѣмъ временемъ у себя на крылечкѣ и трубку покуривалъ. Курить трубку и видить: въ Дикманской пади огонекъ горить. „Кому же бы это, думаетъ, тотъ огонекъ развести?“

Проходили тутъ двое изъ вольной команды, подозвалъ онъ ихъ и спрашиваетъ:

— Гдѣ нонѣ ваша команда рыбу ловить? Неужто въ Дикманской пади?

— Нѣтъ,—говорятъ тѣ,—не въ Дикманской пади. Нонѣ имъ повыше надо быть. Да и то, никакъ, вольной командѣ нынче въ городъ возвращаться.

— То-то вотъ и я думаю... А видите вонъ огонекъ за рѣкой горить?

— Видимъ.

— Кому же у того огня быть? Какъ по-вашему?

— Не можемъ знать, Степанъ Савельичъ. Какіе-нибудь проходящіе.

— То-то, проходящіе... Нѣтъ у васъ, подлецовъ, догадки о своемъ братѣ подумать, все я объ васъ обо всѣхъ думаю... А слышали, что исправникъ третьяго дня про соколинцевъ-то сказывалъ? Видали, молъ, ихъ недалече... Не они ли это, дурачки, огонь развели?

— Можетъ статья, Степанъ Савельичъ. Не диво, что и они развели.

— Ну, плохо-жъ ихъ дѣло! Вотъ вѣдь, подлецы, чего дѣлаютъ!... Не знаю, исправникъ-то въ городѣ ли? Коли не вернулся еще, такъ скоро вернется; увидить этотъ огонь, сейчасъ команду нарядить. Какъ быть? Жаль вѣдь мерзавцевъ-то: за Салтанова имъ всѣмъ своихъ головъ не снести! Снаряжай-ка, ребята, лодку...

Вотъ, сидимъ мы у огня, уши дожидаемся,—давно горячаго не видали. А ночь темная, съ окіяну тучи надвинулись, дождикъ моросить, по тайгѣ въ оврагѣ шумъ идетъ, а намъ и любо... Нашему-то брату, бродяжкѣ, темная ночь—родная матушка; на небѣ темнѣе—на сердцѣ веселѣе.

Только вдругъ татаринъ у насъ уши насторожилъ. Чутки они, татары-то, какъ кошки. Прислушался и я, слышу: будто кто тихонько по рѣкѣ весломъ плещетъ. Подошелъ ближе къ берегу, такъ и есть: крадется подъ кручей лодочка, гребцы на веслахъ сидятъ, а у рулевого на лбу кокарда поблескиваетъ.

— Ну, говорю, ребята, пропали наши головы... Исправникъ!

Вскочили всѣ, котлы опрокинули, — въ тайгу!... Не приказалъ я ребятамъ врозь разбѣгаться. Посмотримъ,

молъ, что еще будетъ: можетъ гурьбой-то лучше спасемся, если ихъ мало. Притаились за деревьями, ждемъ.

Пристаетъ лодка къ берегу, выходятъ на берегъ пятеро. Одинъ засмѣялся и говоритъ:

— Что, дурачки, разбѣжались? Небось, выйдете всѣ,— я на васъ такое слово знаю. Вишь, удалые ребята, а бѣгаютъ какъ зайцы!

Сидѣлъ рядомъ со мной Дарьинъ за кедрой.

— Слышь, говоритъ, Василій? Чудное дѣло: голосъ у исправника будто знакомый.

— Молчи, говорю, что еще будетъ. Немного ихъ.

Вышелъ тутъ одинъ гребецъ впередъ и спрашиваетъ:

— Эй, вы, не бойтесь!... Кого вы въ здѣшнемъ острогѣ знаете?

— Притаили мы духъ, не откликаемся.

— Да что вы это, лѣшіе!— окликаетъ тотъ опять.— Сказывайте, кого вы въ здѣшнемъ острогѣ знаете, можетъ и насъ узнаете тоже.

Отозвался я.

— Да ужъ знаемъ ли, нѣтъ ли, а только еслибъ вѣкъ васъ не видать, можетъ и намъ, и вамъ лучше бы было. Живьемъ не дадимся.

Это я товарищамъ признакъ подалъ, чтобы готовились. Ихъ всего пятеро, сила-то наша. Бѣда только, думаю, какъ начать изъ револьверовъ палить,—въ городѣ-то услышать. Ну, да ужъ за одно пропадать! Безъ бою, все-таки, не дадимся.

Тутъ старикъ опять самъ заговорилъ:

— Ребята, говоритъ, неужто никто изъ васъ Самарова не знаетъ?

Дарьинъ опять меня толкнулъ:

— Вѣрно! Кажись, это Н-ской смотритель... А что, — спрашиваетъ громко, — вы, ваше благородіе, Дарьина знавали ли когда?

— Какъ, молъ, не знать, — старостой у меня въ Н. находился, Оедотомъ, кажись, звали.

— Я самый, ваше благородіе. Выходи ребята! Это отецъ нашъ.

Тутъ всѣ мы вышли.

— Что же молъ, ваше благородіе, неужто вы насъ ловить выѣхали? Такъ мы на это никакъ не надѣемся.

— Дураки вы! Пожалѣлъ я васъ, олуховъ. Вы это что же съ великаго-то ума надумали, прямо противъ города огонь развели?

— Обмокли, говоримъ, ваше благородіе. Дождикъ.

— Дожди-икъ? А еще называетесь бродяги! Чай не размокнете. Счастливъ вашъ Богъ, что я раньше исправника вышелъ на крылечко, трубочку-то покурить. Увидѣлъ бы вашъ огонь исправникъ, онъ бы вамъ нашелъ мѣсто, гдѣ обсушиться-то... Ахъ, ребята, ребята! Не очень вы, я вижу, остры, даромъ что Салтанова поддѣли, кан-налыи этакіе! Гаси живѣе огонь, да убирайтесь съ берега туда вонъ, подальше, въ падь. Тамъ хоть десять костровъ разводи, подлецы!

Ругается старикъ, а мы стоимъ вокругъ, слушаемъ да посмѣиваемся. Потомъ пересталъ кричать и говоритъ:

— Ну, вотъ что, привезъ я вамъ въ лодкѣ хлѣба пе-

ченаго, да чаю кирпича три. Не поминайте старика Самарова лихомъ. Да если дастъ Богъ счастливо отсюда выбратся, можетъ доведется кому въ Тобольскѣ побывать,—поставьте тамъ въ соборѣ моему угоднику свѣчку. Мнѣ, старику, видно ужъ въ здѣшней сторонѣ помирать, потому что за женой домъ у меня взять... Ну, и старъ ужъ... А тоже иногда про свою сторону вспоминаю. Ну, а теперь прощайте. Да еще совѣтъ мой вамъ: разбейтесь врозь. Васъ теперь сколько?

— Одиннадцать, говоримъ.

— Ну, и какъ же вы не дураки? Вѣдь про васъ теперь чай въ Иркутскѣ знаютъ, а вы все такъ всею партией и прете.

Сѣлъ старикъ въ лодку, уѣхалъ, а мы ушли подальше въ падь, чай вскипятили, сварили уху, раздували припасы и распрощались,—старика-то послушались.

Мы съ Дарьинымъ въ парѣ пошли. Макаровъ пошелъ съ черкесами. Татаринъ къ двумъ бродягамъ присоединился; остальные трое тоже кучкой пошли. Такъ больше мы и не видались. Не знаю, всѣ ли товарищи живы, или померъ кто. Про татарина слыхалъ, будто тоже сюда присланъ, а вѣрно ли—не знаю.

Въ ту же ночь, еще на небѣ не зарилося, мы съ Дарьинымъ мимо Николаевска тихонько шмыгнули. Одна только собака на ближней заимкѣ взлаяла.

А какъ стало солнце всходить, мы ужъ верстъ десятокъ тайгой отмахали и стали опять къ дорогѣ держать. Только вдругъ слышимъ—колокольчикъ позваниваетъ. Прилегли мы тутъ за кусточкомъ, смотримъ: бѣжитъ

почтовая тройка и въ телѣгѣ исправникъ, закрывшись шинелью, дремлетъ.

Перекрестились мы тутъ съ Дарьинымъ: слава-те Господи, что вечеръ его въ городѣ не было. Чай насъ же ловить выѣзжалъ.

VIII.

Огонь въ камелькѣ погасъ! Въ юртѣ стало тепло, какъ въ нагрѣтой печи. Льдины на окнахъ начали таять, и изъ этого можно было заключить, что на дворѣ морозъ сталъ меньше, такъ какъ въ сильные морозы льдина не таетъ и съ внутренней стороны, какъ бы ни было тепло въ юртѣ. Въ виду этого, мы перестали подбавлять въ камелекъ дрова и я вышелъ наружу, чтобы закрыть трубу.

Дѣйствительно, туманъ совершенно разсѣялся, воздухъ сталъ прозрачнѣе и нѣсколько мягче. На сѣверѣ изъ-за гребня холмовъ, покрытыхъ черною массой лѣсовъ, слабо мерцая, подымались какія-то бѣлесоватыя облака, быстро пробѣгавшія по небу. Казалось, кто-то тихо вздыхалъ среди глубокой холодной ночи, и клубы пары, вылетавшіе изъ гигантской груди, безшумно проносились по небу отъ края и до края и затѣмъ тихо угасали въ глубокой синевѣ. Это играло слабое сѣверное сіяніе.

Поддавшись какому-то грустному обаянію, я стоялъ на крышѣ, задумчиво слѣдя за слабыми переливами спóлоха. Ночь развернулась во всей своей холодной и унылой красѣ. На небѣ мигали звѣзды, внизу снѣга уходили

вдаль ровною пеленой, чернѣла гребнемъ тайга, синѣли дальнія горы. И ото всей этой молчаливой, объятаго холодомъ картины вѣяло въ душу снисходительною грустью, — казалось, какая-то печальная нота трепещетъ въ воздухѣ: „далеко, далеко!“

Когда я вернулся въ избу, бродяга уже спалъ и въ юртѣ слышалось его ровное дыханіе.

Я тоже легъ, но долго еще не могъ заснуть подъ впечатлѣніемъ только-что выслушанныхъ разсказовъ. Нѣсколько разъ сонъ, казалось, опускался уже на мою разгоряченную голову, но въ эти минуты, какъ будто нарочно, бродяга начиналъ ворочаться на лавкѣ и тихо бредилъ. Его грудной голосъ, звучавшій какимъ-то безотчетно-смутнымъ ропотомъ, разгонялъ мою дрему и въ воображеніи одна за другой вставали картины его одиссеи. По временамъ, когда я начиналъ забываться, мнѣ казалось, что надо мной шумятъ лиственницы и кедры, что я гляжу внизъ съ высокаго утеса и вижу бѣлые домики кордоновъ въ оврагѣ, а между моимъ глазомъ и бѣлою стѣной рѣшетъ горный орелъ, тихо взмахивая свободнымъ крыломъ. И мечта уносила меня все дальше и дальше отъ безнадежнаго мрака тѣсной юрты. Казалось, меня обдавалъ свободный вѣтеръ, въ ушахъ гудѣлъ рокотъ океана, садилось солнце, залегали синіе мѣроки и моя лодка тихо качалась на волнахъ пролива.

Всю кровь взбудоражилъ во мнѣ своими разсказами молодой бродяга. Я думалъ о томъ, какое впечатлѣніе должна производить эта бродяжья эпопея, разсказанная въ душной каторжной казармѣ, въ четырехъ стѣ-

нахъ крѣпко запертой тюрмы. И почему, спрашивалъ я себя, этотъ разсказъ запечатлѣвается даже въ моемъ умѣ—не трудностью пути, не страданіями, даже не „лютою бродяжьей тоской“, а всею поэзіей вольной волюшки? Почему на меня пахнуло отъ него только призывомъ раздолья и простора, моря, тайги и степи?... И если меня такъ зоветъ она, такъ манитъ къ себѣ эта безвѣстная даль, то какъ неодолимо должна она призывать къ себѣ бродягу, уже испившаго изъ этой отравленной неуголимымъ желаніемъ чаши?

Бродяга спалъ, а мои мысли не давали мнѣ покоя. Я забылъ о томъ, что привело его въ тюрьму и ссылку, что пережилъ онъ, что сдѣлалъ въ то время, когда „пересталъ слушаться родителей“. Я видѣлъ въ немъ только молодую жизнь, полную энергіи и силы, страстно рвущуюся на волю... Куда?

Да, куда?...

Въ смутномъ бормотаніи бродяги мнѣ слышались неопредѣленные вздохи о чемъ-то. Я забылся подъ давленіемъ неразрѣшимаго вопроса и надъ моимъ изголовьемъ витали сумрачныя грёзы... Сѣло вечернее солнце. Земля лежитъ громадная, необъятная, грустная, вся погруженная въ тяжелую думу. Нависла молчаливая, тяжелая туча... Только край неба отсвѣчиваетъ еще потухающими лучами зари, да гдѣ-то далеко, подъ задумчиво синѣющими горами, стоитъ огонекъ...

Что это: родное пламя давно оставленнаго очага, или блудящій огонь надъ ожидающею во мракѣ могилой?...

Заснулъ я очень поздно.

IX.

Когда я проснулся, было уже, вѣроятно, часовъ 11. На полу юрты, прорѣзавшись сквозь льдины, играли косые лучи солнца. Бродяги въ юртѣ не было.

Мнѣ нужно было съѣздить по дѣламъ въ слободу, поэтому я запрегъ коня въ маленькія саночки и выѣхалъ изъ своихъ воротъ, направляясь вдоль улицы селенія. День былъ яркій и сравнительно теплый. Морозъ стоялъ градусовъ около двадцати, но... все въ мірѣ относительно, и то самое, что въ другихъ мѣстахъ бываетъ въ развалъ зимы, мы здѣсь воспринимали какъ первое дыханіе наступившей весны. Клубы дыма, дружно поднимаясь изо всѣхъ слободскихъ юртъ, не стояли прямыми неподвижными столбами, какъ бываетъ обыкновенно въ большіе морозы,—ихъ гнуло къ западу, вѣялъ восточный вѣтеръ, несущій тепло съ Великаго океана.

Слобода почти на половину населена ссыльными татарами, и такъ какъ въ тотъ день у татаръ былъ праздникъ, то улица имѣла довольно оживленный видъ. То и дѣло гдѣ-нибудь скрипѣли ворота и со двора выѣзжали дровни или выбѣгали рысдой верховыя лошади, на которыхъ, раскачиваясь въ стороны, сидѣли хмѣльные всадники. Эти поклонники Магомета не особенно строго блюдутъ запрещенія Корана, и потому какъ верховые, такъ и пешеходы выписывали вдоль и поперекъ улицы самыя причудливыя зигзаги. Порой какой-нибудь пугливый конекъ кидался въ сторону слишкомъ круто, дровни опрокидывались, лошадь мчалась вдоль улицы, а хозяинъ

подымалъ цѣлую тучу снѣговой пыли собственною фигурой, волочась на вожжахъ. Не сдержать коня и вывалиться изъ дровней—это во хмѣлю можетъ случиться со всякимъ; но для „хорошаго татарина“ позорно выпустить изъ рукъ вожжи, хотя бы при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Но вотъ прямая, какъ стрѣла, улица приходитъ въ какое-то особенное, суетливое оживленіе. Ыздоки приворачиваются къ заборамъ, пѣшіе сторонятся, татарки въ красныхъ чадрахъ, нарядныя и пестрыя, сгоняютъ ребятъ по дворамъ. Изъ юртъ выбѣгаютъ любопытныя и всѣ лица поворачиваются въ одну сторону.

На другомъ концѣ длинной улицы появилась кучка всадниковъ и я узналъ *бѣгъ*, до которыхъ и якуты, и татары большіе охотники. Всадниковъ было человѣкъ пять, они мчались какъ вѣтеръ, и когда кавалькада приблизилась, то впереди я различилъ сѣраго конька, на которомъ вчера пріѣхалъ Багылай. Съ каждымъ ударомъ копытъ пространство, отдѣлявшее его отъ скакавшихъ сзади, увеличивалось. Черезъ минуту всѣ они промчались мимо меня, какъ вихрь.

Глаза татаръ сверкали возбужденіемъ, почти злобой. Всѣ они на-скоку размахивали руками и ногами и истово кричали, отдавшись всѣмъ корпусомъ назадъ, почти на спины лошадямъ. Одинъ Василій скакалъ „порассейски“, пригнувшись къ лошадиной шеѣ, и изрѣдка издавалъ короткіе свистки, звучащіе рѣзко, какъ удары хлыста. Сѣрый конекъ почти ложился на землю, распластываясь въ воздухъ, точно летящая птица.

Сочувствіе улицы, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, склонилось на сторону побѣдителя.

— Эхъ, удалой молодца! — вскрикивали въ восторгѣ зрители, а старые конокрады, страстные любители дикаго спорта, присѣдали и хлопали себя по колѣнямъ въ тактъ ударамъ лошадиныхъ копытъ.

Въ половинѣ улицы Василій догналъ меня, возвращаясь на взмыленномъ конѣ обратно. Посрамленные соперники плелись далеко сзади.

Лицо бродяги было блѣдно, глаза горѣли отъ возбужденія. Я замѣтилъ, что онъ уже „выпивши“.

— Закутилъ! — крикнулъ онъ мнѣ, наклоняясь съ коня, и взмахнулъ шапкой.

— Дѣло ваше... — отвѣтилъ я.

— Ничего, не сердись!... Кутить могу, а умъ не пропью никогда. Между прочимъ, перемѣты мои ни подъ какимъ видомъ никому не отдавай! И самъ просить стану, — не давай! Слышишь?

— Слышу, — отвѣтилъ я холодно. — Только ужъ вы, пожалуйста, пьянымъ ко мнѣ не приходите.

— Не придемъ, — отвѣтилъ бродяга и хлеснулъ коня концомъ повода. Конекъ захрапѣлъ, взвился, но, отскакавъ сажени три, Василій круто остановилъ его и опять нагнулся ко мнѣ.

— Конекъ-то золото! Объ закладъ бился. Видѣли вы, какъ скачетъ? Теперича я съ татаръ что захочу, то за него и возьму. Вѣрно тебѣ говорю, потому татаринъ хорошаго коня обожаетъ до страсти!

— Зачѣмъ же вы его продаете? На чемъ будете работать?

— Продаю,—подошла линия!

Онъ опять хлеснулъ коня и опять удержалъ его.

— Собственно потому, какъ встрѣтилъ я здѣсь товарища. Все брошу. Эхъ мил-лай! Посмотри вонъ, татаринъ ѣдетъ, вонъ на чаломъ жеребчикѣ... Эй ты,—крикнулъ онъ ѣхавшему сзади татарину, — Ахметка! Подъѣзжай-ка сюда.

Чалый жеребчикъ, играя головой и круто забирая ногами, подбѣжалъ къ моимъ саночкамъ. Сидѣвшій на немъ татаринъ снялъ шапку и поклонился, весело ухмыляясь. Я съ любопытствомъ взглянулъ на него.

Плутоватая рожа Ахметки вся разцвѣтала широкою улыбкой. Маленькіе глазки весело сверкали, глядя на собесѣдника съ плутовскою фамиллярностью. „Мы, братъ, съ тобой понимаемъ другъ друга,—какъ будто говорилъ каждому этотъ взглядъ.—Конечно, я плутъ, но вѣдь въ томъ-то и дѣло, не правда ли, чтобы быть плутомъ ловкимъ?“ И собесѣдникъ, глядя на это скуластое лицо, на веселыя морщинки около глазъ, на оттопыренные тонкія и большія уши, какъ-то особенно и потѣшно торчавшія врозь, невольно усмѣхался тоже. Тогда Ахметка убѣждался, что его поняли, удовлетворялся и снисходительно кивалъ головой въ знакъ солидарности во взглядахъ.

— Товарища!—кивнулъ онъ головой на Василья, — вмѣстѣ бродяга ходилъ.

— А теперь-то ты гдѣ же проживаешь?... Я что-то раньше въ слободѣ тебя не видалъ.

— За бумагамъ пришелъ. Пріискамъ ходимъ, спирту таскаемъ *).

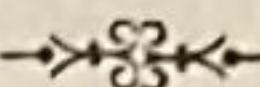
Я взглянулъ на Василья. Онъ потупился подъ моимъ взглядомъ и подобралъ поводья лошади, но потомъ поднялъ опять голову и вызывающе посмотрѣлъ на меня горящими глазами. Губы его были крѣпко сжаты, но нижняя губа замѣтно вздрагивала.

— Уйду съ нимъ въ тайгу... Что на меня такъ смотришь? Бродяга я, бродяга!...

Послѣднія слова онъ произнесъ уже на скаку. Черезъ минуту только туча морозной пыли удалялась по улицѣ, вмѣстѣ съ частымъ топотомъ лошадиныхъ копытъ.

Черезъ годъ Ахметка опять приходилъ въ слободу „за бумагамъ“, но Василій больше не возвращался.

1885 г.

*) Торговля водкой на пріискахъ и вблизи пріисковъ строго воспрещена, и потому въ таёжныхъ пріискахъ Ленской системы развитъ особый промыселъ—спиртоносовъ, доставляющихъ на пріиски спиртъ въ обмѣнъ на золото. Промыселъ чрезвычайно опасный, такъ какъ въ наказаніе за это полагаются каторжныя работы, и, кромѣ того, дикая природа сама по себѣ представляетъ много трудностей. Множество спиртоносовъ гибнетъ въ тайгѣ отъ лишеній и отъ казачьихъ пуль, а нерѣдко и подъ ножами своей же братіи изъ другихъ партій. За то промыселъ этотъ выгоднѣе пріисковой работы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Въ дурномъ обществѣ (Изъ дѣтскихъ воспоминаній моего пріятеля).	3
Сонъ Макара (Святочный рассказъ).	97
Лѣсъ шумитъ (Полѣсская легенда).	141
Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ (Рассказъ).	177
Въ подслѣдственномъ отдѣленіи	189
Старый звонарь (Весенняя идиллія).	243
Очерки сибирскаго туриста.	253
Соколинецъ (Изъ рассказовъ о бродягахъ).	333

Korolenko, Vladimir Galaktionovič

Očerki i razskazy

Bd.: 1

1893

P.o.rel. 3181 i-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11679068-4